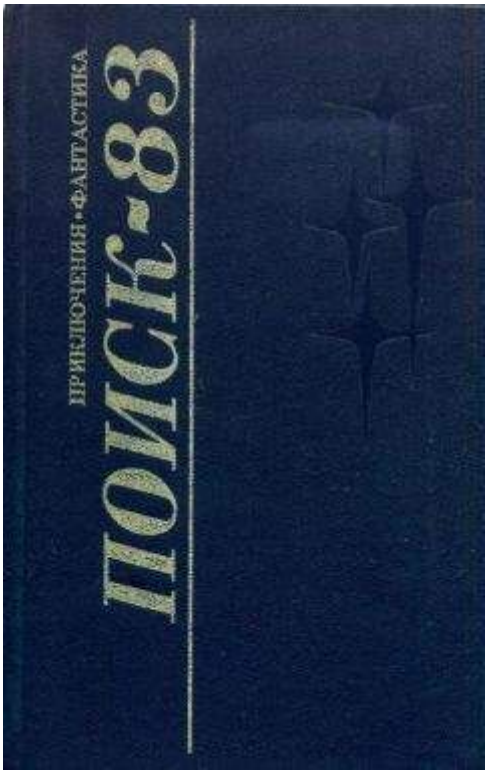

"Леонид Юзефович - Поиск-83: Приключения. Фантастика"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Поиск-83: Приключения. Фантастика

«Поиск» — сборник приключений и фантастики, выпускаемый поочередно тремя уральскими издательствами, — начинает новый «круг». Напомним: «Поиск-80», первенец серии, вышел в Свердловске, за ним последовал пермский «Поиск-81», затем — челябинский «Поиск-82». И вот эстафета снова у свердловчан.

Впрочем, в «команде» авторов «Поиска-83» есть и гость — писатель из Перми Леонид Юзефович, его остросюжетной повестью «Клуб «Эсперо» открывается сборник. Действие ее развертывается в двух пластах времени — летом 1920 года и в наши дни. Вспоминая события, связанные с расследованием загадочного убийства в клубе эсперантистов уральского города, герои мысленно переносятся в свою юность, когда они дышали грозовым воздухом революции…

В разделе фантастики центральное место занимает повесть Семена Слепынина «Мальчик из саванны». Перешагнув через бездны времени, встречаются здесь звездопроходец далекого грядущего и мальчишка из каменного века, спасенный от неминуемой гибели. Гуманистический пафос повести — в утверждении огромных возможностей человеческой личности, даже если она формировалась на заре времен и многим казалась «необратимо недоразвитой».

Приятно отметить, что половина участников сборника — дебютанты, чьи имена мы впервые встречаем на книжных страницах. Это автор фантастической повести «Племя Мудрого Ро» электромонтажник Евгений Наумов, окончивший несколько лет назад Литинститут; работник свердловского Дворца молодежи Виктор Катаев (рассказ «Захотеть...»); водитель грузовика и молодой поэт Александр Чуманов из Арамили. Если персонажи фантастических миниатюр Чуманова «Горыня» и «Коленчатый вал» живут на Земле, то «Астра» — рассказ самой молодой участницы сборника, выпускницы филфака Уральского университета 23-летней Ирины Кобловой — переносит нас в дебри далекой планеты, где героя на каждом шагу подстерегает опасность.

Впервые печатается в «Поиске» и свердловский геолог, книголюб Игорь Халымбаджа, совместно с Виталием Бугровым составивший биобиблиографию старой русской фантастики — ею завершается сборник.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ

Клуб «Эсперо»

Повесть

Памяти моего деда

Владимира Георгиевича ШЕНШЕВА

1

Во сне был девятнадцатый год, лето. Мимо кинематографа «Лоранж» шла к вокзалу пехота, и, обгоняя колонну, прижимая ее к заборам, проезжал в автомобиле генерал Укко-Уговец с плоским и невозмутимым лицом лапландского охотника.

Сон был мгновенный, предутренний. Вадим Аркадьевич открыл глаза и потянулся к тумбочке за часами. Двадцать минут шестого. Он всегда просыпался в это время, когда из парка рядом с домом выходили на маршрут первые трамваи. Хотя рамы были плотно закрыты, стекла все равно начинали дребезжать, высоким зудящим звоном откликаясь на грохот колес. Потом этот звук сливался с другими звуками просыпающейся улицы, переставал быть таким одиноко мучительным, но едва Вадим Аркадьевич вновь погружался в зыбкую утреннюю дремоту, как вставал сын. Он вставал рано, за полтора часа до того срока, когда ему нужно было выходить из дому, собирался обстоятельно и неторопливо, словно не на завод, а в долгую командировку, где нужно быть готовым к любой неожиданности. Это Вадима Аркадьевича раздражало.

Он лежал на старом продавленном диване, который невестка давно порывалась выбросить под тем предлогом, будто в нем водятся клопы, и слушал утренние звуки дома. Брякалась на стол крышка чайника, сын открывал кран на полную струю, но не сразу подставлял под нее чайник, пропускал застоявшуюся в трубах воду. С полминуты она хлестала в раковину. Такую воду невестка считала вредной для здоровья. Наверное, она была права, но Вадим Аркадьевич уже не мог избыть раздражения против домашних, против их пустячных забот, привычек, так и не ставших его привычками. Припоминались всякие обидные мелочи, и каждый новый звук — звяканье посуды в кухне, хрип динамика, гудение электробритвы — все воспринималось обостренно, словно единственным назначением этих звуков было не дать ему уснуть. Он понимал, что так нельзя, что это несправедливо, недостойно, наконец, семидесяти с лишним лет его жизни, но ничего не мог с собой поделать, лежал в своей комнате и злился.

Он их всех любил — и сына, и внука Петьку, и даже невестку. И они его любили. Но это нескончаемое раздражение, эти цепляющие одна другую обиды, тщательно скрываемые от знакомых, тянулись вот уже второй год, с тех пор как у Вадима Аркадьевича умерла жена и они с сыном съехались в трехкомнатной квартире.

Чтобы отвлечься, Вадим Аркадьевич стал думать о лете, о том, как поедет на дачу, будет возиться в огороде и рыбачить в Ойве со своей надувной лодки, склеенной из автомобильных камер.

Он лежал на спине, свесив голову с подушки, хотя при его больном сердце полагалось спать как можно выше. В мыслях о рыбалке было такое, что позволяло ненадолго пренебречь этими предосторожностями. И от самого факта пренебрежения ими пришло вдруг ощущение здоровья, уверенности в своих силах. Он вспомнил, что давно хотел зайти в школу посмотреть Петькины оценки, и решил не откладывать — середина мая, экзамены на носу.

Петькина школа, экспериментальная, базовая и еще какая-то, помещалась в старом здании Стефановского училища, в центре города. Вадим Аркадьевич миновал вестибюль, поднялся на второй этаж.

Майя Антоновна, Петькина классная руководительница, сидела в учительской с каким-то стариком. Старик был в расстегнутом плаще из мягкой серой ткани, в белом офицерском кашне. Держался он величаво, сцепив руки на поставленной между колен палке, — большеносый, совершенно лысый, с бескровными тонкими губами, придававшими его лицу выражение высокомерной брезгливости. Вадим Аркадьевич хорошо знал это выражение, одно время у него самого появилось было такое. Оно возникало у стариков с плохо подогнанными челюстными протезами, но постепенно прирастало к лицу, становилось вечной, хотя и

нечаянной гримасой, обманчивой и потому вдвойне неприятной.

Вадим Аркадьевич издали поздоровался с Майей Антоновной, всем своим видом показывая, что не собирается ей надоедать.

— Я только Петины оценки посмотрю…

Он взял журнал, нашел в столбике фамилий свою — Кабаков, повел от нее пальцем вправо, замедляя движение перед каждой оценкой.

В учительской было шумно, непрерывно трещал телефон. Учителя входили, выходили, коридорный гул мгновенно всплескивал и вновь затухал, когда закрывались двери. Теперь говорила Майя Антоновна, а старик слушал, со старомодной вежливостью склонив голову. Может быть, он был глуховат, но Вадим Аркадьевич заподозрил другое. Он и сам старался быть старомодным, вернее, это нечаянно получалось. Так же склонял голову при разговоре, употреблял выражения вроде «будьте любезны», мог даже поклониться или пропустить кого-нибудь в дверях вперед себя не просто, а с неким величавым простиранием руки, как будто всю жизнь так поступал и донес эти привычки до нынешнего времени сквозь те времена, когда подобные жесты отнюдь не были в чести. Но эти привычки появились только в последние годы вместе с чувством, что у каждого есть свое время и нужно его держаться, если хочешь вызывать уважение.

Зазвенел звонок, старик повернул голову, и Вадим Аркадьевич увидел его левое ухо — странно прижатое к виску, искореженное, маленькое. Сразу черты его лица словно заволокло туманом, сквозь них проступили другие, прежние, тут же услужливо подсказанные памятью. «Точно, он, Семченко», — подумал Вадим Аркадьевич, но подумал как-то легко, без волнения, хотя последний раз видел этого человека пятьдесят с лишним лет назад. За то время, что прошло со смерти Нади, юность вдруг приблизилась, вспоминалась теперь зримо и просто, как вчерашний день, и эта встреча в первый момент тоже показалась обычной.

Он хотел встать, подойти, уже захлопнул журнал, приготовил какие-то ничего не значащие, заурядные слова, какими обменивался с соседями по лестничной клетке, но внезапно с ужасом ощутил всю бездну прожитой ими раздельно жизни, невозможность так, с налету, перешагнуть через нее. Он сунул журнал в шкаф и, не прощаясь, вышел из учительской. На улице было тепло, солнечно, тополя стояли в зеленой дымке. Возле школьного крыльца в ряд тянулись скамейки. Он сел на самую дальнюю, устроившись так, чтобы видеть крыльцо, снял берет, пригладил зачесанные назад редкие седые волосы и стал ждать, когда выйдет Семченко.

Летом 1920 года Николай Семенович Семченко, корреспондент губернской газеты, при которой Вадим Кабаков состоял курьером, нашел где-то старую бричку и договорился с начальником гарнизона о передаче в распоряжение редакции бракованной лошади из дорожно-мостовой роты. Это был рыжий мерин по кличке Глобус. Морду его пересекали грязно-белые полоски, имевшие отдаленное сходство с параллелями и меридианами. Полоски эти вполне могли сойти и за решетку, и за что угодно другое, но человек, выбиравший некогда кличку рыжему жеребенку, увидел в них сетку координат земного шара и тем самым невольно выбрал для него не только имя, но и будущее. Имя всякого живого существа — уже часть судьбы.

В два часа дня тридцатого июня Вадим привязал Глобуса к перилам крыльца. Нагнулся, пощупал на его больной ноге соколок, ответственную конскую жилу, о существовании которой

узнал час назад, и побежал в редакцию.

Семченко, терзая пальцами свой раздвоенный, как рукоять турецкого ятагана, подбородок, читал вчерашний выпуск газеты. Перед ним лежал на столе двуцветный сине-красный карандаш. Голова у Семченко тоже была двуцветная — выбритая до синевы, с россыпью красноватых шрамиков над изуродованным левым ухом. Голову ему посекло каменной крошкой от ударившего в скалу снаряда. Вадим всегда удивлялся, почему он при этом упорно продолжает бриться наголо.

— А, Кабаков! — Семченко черкнул на газете синий крест. — Вот не было меня вчера, и они таки тиснули эту гадость!

Вадим взял газету. Крестом обозначена была заметка под названием «Дудки-с!».

«В Сергиенскую волость явился из города тов. Беклемышев для постановки кузницы. Узнал про то бывший торговец Жупин и принес ему 30 тыс. рублей деньгами и 10 фунтов топленого масла. Просит он тов. Беклемышева устроить его сына в кузницу. Тов. Беклемышев взял деньги и масло. Только деньги передал в отдел соцобеспечения, а масло отдал в фонд помощи Западному фронту. Не удалась кулаку его уловка!»

— Меня там не было! — пожалел Семченко. — Да я бы этому Жупину в рожу его маслом. Умойся, сволочь! Не нужно Красной Армии такое масло, за которое обманом плочено! — Он встал, подошел к окну и долго смотрел на мерина, комкая в углу рта потухшую папиросу. Потом выплюнул папиросу во двор и произнес:

— Да-а… Буцефал!

— А вы что думали, призового рысака дадут?

— Ладно. — Семченко круто развернулся на каблуках. — Программу праздника отпечатали?

Первого июля отмечалась годовщина освобождения города от Колчака.

— Еще позавчера, — небрежно сказал Вадим.

Он сам переписывал текст программы и весь распорядок мероприятий знал наизусть. Днем парад войск гарнизона на Сенной площади и митинг. В семь часов митинг перед зданием гортеатра. Затем концерт в самом театре с участием артистов приезжей петроградской труппы, на который Вадим намеревался пригласить редакционную машинистку Наденьку. В это же время в гарнизонном клубе, давали спектакль «Две правды», в мусульманском — концерт и отрывки из пьесы «Без тафты». Еще намечались концерты в Доме трудолюбия на Заимке и в клубе латышских стрелков «Циня».

— Покажи, — потребовал Семченко. Взял программу и начал ходить с ней от стены к стене. — А где клуб «Эсперо»?

— Нигде, — сказал Вадим.

— Причина?

— У вас свои интересы, узкие. Членов мало… Кто к вам пойдет?

— Это у нас узкие интересы? — поразился Семченко. — А пятьдесят восемь членов, по-твоему,

мало? Да сочувствующие!

Все в редакции знали, что бывший командир роты Николай Семченко изучает международный язык эсперанто. И подробности знали. В боях под Глазовом он был ранен, долго валялся в госпитале, и там его приохотил к этому занятию доктор Сикорский, снабдив соответствующей литературой: самоучителем Девятнина, стихами эсперантистского поэта Печенега-Гайдовского и собственным рукописным переводом на эсперанто поэмы «Руслан и Людмила». С этим запасом и вступил Семченко на тернистую стезю эсперантизма.

Сам Сикорский, будучи пацифистом, считал эсперанто залогом всеобщего мира, а Семченко, напротив, твердо верил в грядущие потрясения, при которых международный язык послужит общепролетарскому делу. Он неоднократно предлагал учредить в губернской газете «Уголок эсперантиста», в чем, однако, не был поддержан членами редколлегии, а на его столе аккуратно подобранной стопой лежали все тот же самоучитель Девятнина, перешедший в его вечное пользование, и «Фундаменто де эсперанто» Людвига Заменгофа. Он соблазнял ими каждого второго посетителя редакции, как правило, безуспешно. Вадима тоже пытался обратить в свою веру. Чуть не силой всучил ему книжечку «500 фраз на эсперанто», выпущенную в прошлом году в Казани.

Фразы были такие:

«Весною снег и лед тают.

Меньшевик есть человек, недостойный веры.

Жену инженера мы можем назвать инженерша.

Моя сестра так чистоплотна, что даже одной пылинки нельзя найти на ее платье.

Мир хижинам, война дворцам!

Чистые белые манжеты и воротничок — хорошее украшение для мужчин, не правда ли?»

И прочее в этом роде — перевод давался тут же.

Вадим книжечку взял, подержал у себя для виду дня три, а после вернул Семченко, сказав, что у него к иностранным языкам вообще способностей нет. Дома он занимался французским, хотел в университет поступить на исторический факультет, но в изучении эсперанто никакого проку для себя не видел — все равно ничего путного на нем не написано.

— А что там будет, в вашем «Эсперо»? — поинтересовался Вадим. — Концерт, что ли?

— Приходи, увидишь. Завтра после митинга жду тебя у Стефановского училища. Понял? — В голосе Семченко ясно прозвенели приказные нотки, и у Вадима не хватило духа отказаться. Впрочем, тут имелись свои нюансы. Если бы не Семченко, почему-то ему симпатизировавший, Вадима давно выгнали бы из редакции за нерасторопность и забывчивость — качества для курьера непростительные.

Весной он ходил в университет на лекцию московского пананархиста Гордина, который изобрел международный язык «АО». В этом языке было всего одиннадцать звуков, пять гласных и шесть согласных. На письме они обозначались цифрами, чтобы никому не обидно было — ни русским, ни тем, кто латинским алфавитом пользуется или еще каким. В университетском клубе, где шла лекция, дым стоял коромыслом, в углу кто-то тренькал на

Topreading.ru

гитаре, а Гордин, патлатый, толстый, в пиджаке фиолетового бархата с обтрепавшейся золотой бахромой, словно сшитом из театрального занавеса, писал мелом на доске слова своего языка, объяснял грамматику. Вадим тогда отметил на папиросной коробке спряжение глагола «делать». У него до сих пор эта коробка дома валялась: «аа» — делать, «биааб» — я делаю, «цеааб» — ты делаешь, «циауб» — ты будешь делать. Потом Гордин взял гитару — это его оказалась гитара — и стал показывать, как те же слова можно звуками изобразить. Это был не просто международный язык, а универсальный. «Циауб! — возглашал он, поднимая голос на последнем слоге и ясно, с хлопком, выговаривая звук «б», после чего припадал толстой грудью к гитаре, резко дергал струны, тряс деку. — Беаоб!»

Этот язык, как объяснил Гордин, предназначался для будущего пананархистского общества, где главную роль будут играть не мысли, а чувства. Чепуха, конечно, но если уж выбирать между эсперанто и языком «АО», то Вадим, пожалуй, предпочел бы последний. Гордин, по крайней мере, честно заявил: его изобретение практического смысла пока не имеет, общество еще не созрело для такого способа общения. А эсперантисты тем и раздражали больше всего, что при каждом удобном случае выставляли напоказ жизненную необходимость своего эсперанто, необыкновенную его важность. Выходило, будто они весь мир хотят спасти, человечество осчастливить, а окружающие этого не понимают, не ценят и даже суют им палки в колеса.

Вадим начал было вслух вспоминать про Гордина, но Семченко строго оборвал его:

— Шарлатан!

— Кто шарлатан? — спросил, входя в комнату, литературный консультант редакции Юрий Юрьевич Осипов, сорокалетний брюнет, тощий, с настороженным и усталым лицом раскаявшегося абрека.

Он был заслуженный фельетонист, подвизался еще в «Губернских ведомостях», а потом, при белых, в газете «Освобождение России» вел «Календарь садовода и птичницы», рассчитанный на местного обывателя. Но Осипов, как он сам утверждал, ухитрился в этом календаре под видом птиц и различных плодово-ягодных растений изобразить в критическом ракурсе деятелей комендатуры и городской думы, за что был со скандалом уволен. Правда, не так давно Семченко узнал, что уволили Осипова отнюдь не по политическим мотивам. Будучи в садоводстве и птицеводстве полным профаном, тот попросту переписывал аналогичный календарь из подшивки одной киевской газеты за пятнадцатый год. При этом ему хватило сообразительности делать поправку на климат, но сроки всяких прививок и подкормок все равно не совпадали, от обывателей стали поступать возмущенные письма, и его уволили. К тому времени, когда подлинные причины увольнения выяснились, Осипов был уже принят в редакцию с обязанностью руководить литкружком и править стиль молодых корреспондентов, доверие оправдал, и его после долгих дебатов оставили на месте.

Семченко и ему рассказал, как бы он на месте товарища Беклемышева поступил с топленым маслом.

— Вы, Коля, сложнейший вопрос затронули, — своим монотонным голосом, в котором не сразу угадывалась скрытая насмешка, начал объяснять Осипов. — О цели и средствах. Я бы предоставил его решать провидению. Если масло в дороге протухнет, не доедет до Западного фронта, значит, Беклемышев поступил нехорошо. А если доедет неиспорченным, то, выходит, все в порядке и бог на его стороне.

— Вы, Юрий Юрьевич, тоже к нам завтра приходите, — оборвал его Семченко. — Вам полезно

будет… Между прочим, в концерте Казароза выступит. Слыхали про такую певицу?

— Казароза… Казароза. — Осипов задумался. — Что-то такое припоминаю.

2

Если бы Семченко спросили, зачем он, восьмидесятилетний старик, не так давно перенесший операцию на почках, два часа простоял в очереди за билетами на Ярославском вокзале, а потом сутки трясся в душном вагоне, где не открывалось ни одно окно, он бы не знал, что ответить. То есть для себя он все решил, но объяснить кому-то другому было трудно. Что объяснишь? Да, из Союза журналистов приглашали на юбилей областной газеты, из музея звали выступить с беседами о гражданской войне, обещали оплатить командировку через общество «Знание», но такие приглашения приходили и раньше из разных городов, по которым его мотала жизнь. Он им радовался, клал на видное место, показывал гостям, но никуда не ехал. А тут вдруг сорвался. Даже дочь не предупредил, позвонил ей на работу уже с вокзала.

И всего-то было письмо от этой учительницы, Майи Антоновны, просившей написать воспоминания о клубе «Эсперо», — листок в длинном поздравительном конверте, безличные обороты, скромный перечень собственных достижений, несколько вкрапленных в русский текст слов на эсперанто.

Ему не раз присылали мемуары на рецензирование, и он сочинял эти рецензии легко, быстро, сам удивляясь точности собственной памяти. Когда известный кинорежиссер попросил описать обстановку советского посольства в Лондоне в двадцатые годы, Семченко отстукал ему десять страниц на машинке, вспомнив даже, какого цвета были портьеры на окнах. А незадолго перед тем из журнала заказали очерк о деятельности нашего торгпредства в Англии, где Семченко проработал до тридцать второго года. Он написал его практически за один вечер, сразу набело, почти без правки, и очерк всем понравился — напечатан был без сокращений и признан лучшим материалом номера. А эти злополучные воспоминания он вымучивал целую неделю, маялся, уныло тыкал одним пальцем в клавиши машинки. Потом порвал написанное и отправился на Ярославский вокзал.

Ему не раз присылали мемуары на рецензирование, и он сочинял эти рецензии легко, быстро, сам удивляясь точности собственной памяти. Когда известный кинорежиссер попросил описать обстановку советского посольства в Лондоне в двадцатые годы, Семченко отстукал ему десять страниц на машинке, вспомнив даже, какого цвета были портьеры на окнах. А незадолго перед тем из журнала заказали очерк о деятельности нашего торгпредства в Англии, где Семченко проработал до тридцать второго года. Он написал его практически за один вечер, сразу набело, почти без правки, и очерк всем понравился — напечатан был без сокращений и признан лучшим материалом номера. А эти злополучные воспоминания он вымучивал целую неделю, маялся, уныло тыкал одним пальцем в клавиши машинки. Потом порвал написанное и отправился на Ярославский вокзал.

И сразу понял, что не зря приехал, когда по Петропавловской, ныне начдива Азина, улице вышел к Стефановскому училищу — тот же розово-красный неоштукатуренный кирпич, железные карнизы, встроенный в правое крыло восьмигранный шатер бывшей часовни. Внутри, конечно, все было по-другому, но по коридору тянулась все та же вечная риска, разделявшая стену надвое — внизу масляная краска, вверху побелка, и эта риска, пережившая революции и войны, тысячи раз виденная в учреждениях любого ранга, вдруг всколыхнула память и на полчаса повергла Семченко в состояние деятельного умиления.

— Пойдемте, покажу вам наш музей. — В вестибюле Майя Антоновна открыла ключом боковую дверь, пропустила Семченко в комнату, сумеречную от плотных штор. — Раньше здесь была швейцарская.

Но он уже и так вспомнил это полукруглое окно, этот выступ коридорной печи слева, низкий сводчатый потолок. В двадцатом году здесь помещалось правление клуба «Эсперо».

Теперь на стене висел портрет Чкалова. Под ним, на тумбочке, стоял большой мятый самовар из рифленой латуни, без крышки.

— Наша школа носит имя Чкалова, — бесстрастным экскурсоводческим голосом объяснила Майя Антоновна. — Мы собираем воспоминания о нем, встречаемся с людьми, лично знавшими Валерия Павловича.

Семченко кивнул на самовар:

— Его собственный?

— Нет… Подарок человека, с которым Чкалов состоял в переписке.

— Он бы вам еще подштанники свои подарил. — Семченко легонько пристукнул палкой по самовару, с удовольствием поймав встревоженный взгляд Майи Антоновны. — Тоже реликвия!

Раньше на палке был резиновый наконечник, но Семченко его снял. Ему нравился четкий стук дерева по асфальту.

На отдельном планшете он заметил фотографию человека в красноармейской фуражке, с кубарями в петлицах. Его лицо показалось знакомым — чернявое, длинное, с длинным острым подбородком, чуть асимметричное от неумело наложенной ретуши.

— Геннадий Ходырев. — Майя Антоновна проследила его взгляд. — Наш земляк… Был начальником погранзаставы в Карпатах, попал в плен, бежал, сражался в маки. Погиб во время парижского восстания. У нас есть его биография, ребята из совета музея писали… Показать?

— Если не затруднит.

Порывшись в шкафу, Майя Антоновна протянула несколько альбомных листов, сшитых по краю красной ниткой. На верхнем наклеена была такая же фотография, как на планшете, только маленькая, а сбоку цветными карандашами нарисован мужчина в набедренной повязке, поднимающий над головой оранжевый комок с лучами и сиянием. «Данко, наверное», — сообразил Семченко.

Начал читать:

«Геннадий Ходырев родился в 1903 году в семье рабочего. С детских лет он познал нужду и труд, помогая в мастерской своему отцу, по профессии шорнику…»

Это было в тот день, когда Вадим Кабаков привел Глобуса.

В три часа, отдав Наденьке перепечатать статью «Как бороться с безнавозьем», написанную одним из уездных агрономов, Семченко отправился на заседание народного суда. Давно следовало дать принципиальную статью о его деятельности, растолковать, что к чему. А то

всякие слухи ходили по городу.

Суд заседал в бывшем ресторане Яроцкого. Это одноэтажное, похожее на барак каменное здание стояло у речного взвоза, рядом с театром водников «Отдых бурлака». Ниже теснились причалы — когда-то шумные, а теперь пустынные, ветшающие, со сломанными перилами и щербатыми сходнями. У берега темнела вереница плотов, на них копошились люди с баграми. Шла заготовка дров для городских учреждений. На эту работу направляли беженцев, вернувшихся из Сибири после разгрома Колчака. Решением губисполкома каждый мужчина должен был выгрузить по пять кубов, а каждая женщина — по два с половиной. Лишь после этого беженцы получали документы на право жительства.

Когда Семченко вошел в зал, послеобеденное заседание уже началось. На эстрадном возвышении, за длинным, почти без бумаг столом, который одной своей аскетически пустынной плоскостью способен был внушить уважение к суду, сидели трое, из чего Семченко заключил, что разбирается дело средней важности — в серьезных случаях приглашали не двоих заседателей, а шестерых. В центре перебирал какие-то листочки судья, пожилой слесарь с сепараторного завода. Справа поигрывал пальцами незнакомый усатый кавказец в офицерском френче, слева склонилась над протоколом Альбина Ивановна, учительница из школы-коммуны «Муравейник», входившая в правление клуба «Эсперо». Кивнув ей, Семченко пристроился во втором ряду, с краю.

Судили шорника Ходырева за кражу приводных ремней из паровозоремонтных мастерских.

Сам Ходырев, чернявый, унылого вида мужик лет сорока пяти, стоял на эстраде сбоку. За ним, в полушаге — милиционер. Свидетелей уже допросили. Судья что-то сказал Альбине Ивановне, тыча пальцем в протокол, потом посмотрел на Ходырева.

— Прошу вас рассказать о том, как происходило хищение.

— Брал, значит. — Ходырев тяжело сглотнул. — Там со стороны Преображенской дыра есть в заборе. И в стене дыра. Позапрошлым летом пристрой на кирпич разбирать стали, да не кончили. Досками только забито… И брал, значит.

— Вы утверждаете, будто брали одни обрезки. А вот свидетели другое показали.

— Чем начнется, тем не кончится. — Кавказец ударил смуглой ладонью по ребру стола.

— Говори всю правду, папаня, не бойся! — прозвенел сзади срывающийся молодой голос.

Семченко обернулся — как раз за ним, рядов через пять-шесть, сидела зареванная баба с младенцем на руках, вытирала слезы воротником кофты. Возле нее стоял паренек лет семнадцати, такой же чернявый и невзрачный, как Ходырев.

— Ты расскажи, как из «Рассвета» к тебе приходили! — крикнул паренек.

— Ты расскажи, как из «Рассвета» к тебе приходили! — крикнул паренек.

— Из «Рассвета», значит, ко мне приходили, — послушно начал Ходырев. — Из кооператива Веслянского… Зятек у меня там… Они всех лошадей на одну конюшню свели, сбрую тоже снесли. Сторожа, само собой, приставили. Мужики-то не хотели сперва, так уполномоченный из города приезжал, ругался. «Это, говорит, у вас кооператив буржуазный, всяк в своем углу сидит. Такие и при старой власти были!» Ну и свели, значит… А как сеять, упряжь и пропала. Кулаки, конечно, кто еще. Но концов не найдешь. А у них там ни шорника доброго нет, ни

материалу. Ну, зятек и подбил на грех… А так обрезь брал.

— Расчет с вами производился деньгами?

— Не пряниками же! — огрызнулся Ходырев. И тут же сник. — Маслица маленько дали, свининки…

В начале июня Семченко пригласили на объединенную сессию губчека, военно-транспортного трибунала и бюро угрозыска. Там говорили, что случаи шпионажа и контрреволюции в городе дошли на убыль, зато резко возросло число преступлений на должности и воровство. Лишь за одну неделю судили трех кладовщиков, торговавших похищенным с железнодорожных складов мылом, бемским стеклом и минеральным маслом, корейца из табачной артели за спекуляцию спичками и начальника карточного бюро при потребобществе за неправильное распределение талонов в столовые. Последнего Семченко знал. Однажды тот предложил ему лишний талон в столовую первого разряда — по-свойски предложил, между делом, и очень удивился, когда Семченко сгреб его за грудки. Не испугался, а именно удивился. Все повторял: «Я же тебе как человек человеку! Мне от тебя и не нужно ничего…»

Судья спросил:

— Вы знали, что обрезки приводных ремней тоже идут в дело?

— Как это? — Ходырев не понял или сделал вид, будто не понимает.

— Сшивают их… И так вон сколько кругом станков стоит!

— Так ведь и упряжь, поди, нужна, — рассудил Ходырев.

— Сами-то что, на велосипеде ездите? — опять встрял паренек за спиной у Семченко.

Судья устало перевел на него взгляд.

— Помолчи, сынок…

— Надо, товарищ судья, из кооператива свидетеля вызывать, — громко проговорил кавказец. — И если он нам сейчас неправду сказал, дать ему двойное наказание. На Кавказе всегда раньше так делали. Вот у хана Аммалата был закон…

— По декрету о суде, — напомнила Альбина Ивановна, — ссылки на законы свергнутых правительств воспрещаются.

— Хватит свидетелей. — Судья потер пальцами виски. — Пусть спасибо говорит, что мы его судим, а не транспортный трибунал. Мастерские-то паровозоремонтные.

— Спасибо, — серьезно сказал Ходырев.

— Да ты что, папаня! Не старая власть, чтобы кланяться! — Паренек отцепил от рубахи материну руку, выскочил к эстраде.

Семченко встал, взял его за плечи и усадил на лавку, чувствуя, как вздрагивает под рубахой тощее мальчишеское тело.

— Сиди, Генька, — приказал Ходырев. — Мать не расстраивай!

На руках у женщины зашелся в вопле младенец, и именно потому, что жаль стало и Геньку, и эту бабу, и младенца, Семченко решил не поддаваться жалости, сказать правду:

— Можно мне выступить?

Судья удивленно вскинул голову.

— Зачем?

— Позвольте, — вмешалась Альбина Ивановна. — Согласно декрету о суде в слушании дела могут принять участие один защитник и один обвинитель из числа присутствующих на заседании.

Несмотря на свою молодость, Альбина Ивановна к любому поручению в клубе относилась со всей ответственностью и так же ответственно подготовилась к роли народного заседателя.

— Много я говорить не буду. — Семченко положил перед судьей тетрадный листок. — Но попрошу зачитать суду и собравшимся это письмо. Оно пришло к нам в редакцию из Буртымского уезда.

Проглядев листок, судья понимающе кивнул и начал читать вслух:

— «В ноябре 1918 года, при эвакуации красных со станции Буртым был выброшен из вагона маховик с валом кривошипа от двигателя внутреннего сгорания. Недавно ездил с женой в коопторг за калошами и увидел: он до сих пор лежит на станции Буртым, когда в Республике нужда. Как же получаются такие дела? Калош нет, мыла нет, машина где-то стоит в бездействии, а маховик лежит. С компривето Семен Кутьев».

— Видите, товарищи. — Семченко посмотрел на Геньку. — Машины стоят, станки стоят. Мы даже хлеб из Сибири вывезти не можем, потому что паровозов не хватает…

— Покамест и лошади нужны, — тихо сказал Генька.

— Я диалектику тоже понимаю. — Семченко нахмурился. — И гражданина Ходырева мне жаль, конечно. Жена, ребятишки, все такое прочее. Но судить его нужно по всей строгости настоящего тяжелого момента. Иначе этот момент и не кончится никогда!

— Товарищ судья! — Генька вспрыгнул на эстраду, замахал руками перед самым его носом. — Ежли бы папаня мой только обрезки брал, вы бы его к штрафу приговорили? Так? А остальное он для доброго дела позаимствовал. Для всеобщего счастья… Вот за обрезки и судите, по справедливости!

«Горячий парнишка», — с оттенком уважения подумал Семченко. Он вернулся на место, испытывая почему-то чувство неловкости, хотя все сделал правильно — меньше всего этот мужик заботился о всеобщем счастье, и встретил ненавидящий взгляд Геньки, которого милиционер выводил из зала. Глаза у парня были круглые, зеленоватые, чуть выкаченные из орбит. По-обезьяньи длинные руки суетливо оправляли выбившуюся из-под штанов рубаху. Семченко с внезапно острой жалостью отметил, что руки у Геньки слабые, костяшки налиты отроческой краснотой.

Ходырева приговорили к году общественно-принудительных работ.

Семченко выслушал еще одно дело, перекинулся с Альбиной Ивановной несколькими словами

по поводу завтрашнего вечера в Стефановском училище, а когда вышел на улицу, то сразу увидел Геньку. Тот стоял возле мостков через канаву — одна рука на гашнике, другая отведена за спину, напряжена в плече. Семченко двинулся к нему, намереваясь поговорить по-хорошему, и тут же камень скользом оцарапал скулу.

— Ты что? — Он остановился.

Генька отбежал немного и заорал, вихляясь:

— Башка каторжная! Сука ты, сука!

— Погоди, не трону. — Семченко перескочил через канаву. — Если каждый сам будет решать, что сейчас нужнее, чего выйдет-то? Ты подумай. Всяк под себя грести начнет!

Генька вдруг затих и спокойным, только неестественно высоким от горловой судороги голосом спросил:

— Влез-то зачем? Кто тебя звал, козел бритый?

Он бесстрашно стоял в двух шагах от Семченко, скособочившись от напряжения, бледный, похожий на затравленного зверька, и такая ненависть была в его глазах, что Семченко стало не по себе — плюнул и пошел прочь.

— Влез-то зачем? Кто тебя звал, козел бритый?

Он бесстрашно стоял в двух шагах от Семченко, скособочившись от напряжения, бледный, похожий на затравленного зверька, и такая ненависть была в его глазах, что Семченко стало не по себе — плюнул и пошел прочь.

«…Бросился вперед с криком «Аван!», что по-французски означает: «Вперед!». Эсэсовцы, засевшие на втором этаже, отвечали ураганным огнем из «шмайсеров». Пуля попала Геннадию Ивановичу в грудь, и он умер на руках своего боевого соратника Антуана Мюзо. После победы Мюзо написал обо всем сестре Геннадия Ивановича, Татьяне Ивановне Постоноговой, проживающей в нашем городе по адресу…»

Семченко вернул листки Майе Антоновне, встал.

— Значит, мы договорились, — сказала она. — Встречаемся завтра в шесть часов. Здесь. Я постараюсь предупредить всех наших.

— Вы всегда здесь собираетесь?

— Вообще-то нам два раза в месяц выделяет помещение Дом культуры нефтяников. Но завтра там занимается вокальная группа. И ехать туда далеко… Жаль, что Кадыр Искандерович на курорте.

— Жаль, — согласился Семченко. Впрочем, Минибаева он помнил плохо. Вспомнил, что был такой, лишь когда получил письмо от Майи Антоновны.

— Кадыр Искандерович много рассказывал о клубе, о вас. — Она все время цитировала в разговоре собственное письмо. — Очень жаль, что его не будет на встрече… Почему вы не предупредили о своем приезде, Николай Семенович? Мы бы вас встретили, заказали номер в

гостинице.

— Я отлично устроился. — Гостиницу Семченко забронировал еще в Москве, через старых друзей из Минвнешторга. — А про Казарозу вам Минибаев не рассказывал?

— Странное имя… Она что, тоже была эсперантисткой?

— Нет.

— Кстати, какой у вас номер? Может быть, я забегу вечером? Вы не возражаете?

— Напротив, буду рад. Триста четвертый.

Он спустился с крыльца, помедлил, подставляя лицо солнцу, потом сел на скамейку. На соседней дремал маленький благообразный старичок, час назад заходивший в учительскую. Рот его был полуоткрыт, легкий белый пушок на темени шевелился от едва ощутимого ветерка.

«А ведь помоложе меня будет», — с удовольствием подумал Семченко. Сам он ни за что, ни при каких обстоятельствах не позволил бы себе заснуть вот так, прямо на улице.

Он достал бумажник, набитый визитными карточками и использованными аптечными рецептами, которые почему-то не решался выбрасывать, осторожно вынул плотную старинную фотографию с обтрепавшимися углами. Это была фоторепродукция. Сбоку в кадр влезла черная рама, за ней угадывалась какая-то мебель — ножки, переборки, край ширмы. На картине, окруженная дикими зверями, стояла крохотная изящная женщина с птичьей клеткой в руке. Звери были всякие, но все со свирепыми мордами, оскаленные, вздыбленные — и жираф, и бегемот, и непонятный мохнатый уродец с прямым и длинным рогом на поросячьем носу. Даже мирный слон и тот изготовился к нападению, взвив хобот и наставив клыки. Узкую, с круглым верхом клетку женщина держала за кольцо, чуть отведя в сторону. В клетке сидела райская птица, и взгляд у обеих — у женщины и птицы — был растерянный, непонимающий.

Утром первого июля Семченко побрил голову и лицо, пришил к вороту гимнастерки недостающую пуговицу, положил в левый сапог кусок бересты, отчего тот при ходьбе стал издавать легкий бодрящий скрип, и отправился в гортеатр.

В переходах театра, располагавшихся на уровне полуподвала, было сумрачно, пахло пылью. За одной из дверей легковесно пиликала скрипка. Скрипку Семченко не уважал за ненатуральность звучания. Из музыкальных инструментов он больше всего ценил гитару — умел играть на ней романс «Ни слова, о друг мой, ни вздоха» и армейские сигналы, на одной струне.

Семченко потянул на себя дверь, скрипка умолкла. Здоровенный мужик во фраке, надетом прямо на голое тело, спросил:

— Вам кого? — подумал и добавил: — товарищ.

— Не подскажете, где Казарозу найти?

— Зинаида Георгиевна у себя. — Скрипач указал направление смычком. — Четвертая дверь направо — ее уборная.

В восемнадцатом году, в Питере, в нетопленом зале на Соляном Городке, куда он попал случайно, бродя по столичным окраинам, Семченко увидел на сцене крохотную женщину. Она играла в пьесе «Фуэнте Овехуна», то есть «Овечий источник», а по ходу действия, аккомпанируя себе на бубне, танцевала и пела песенки, ни мелодии, ни слов которых Семченко не запомнил, потому что во все глаза смотрел на певицу. Он сидел в первом ряду, нахально вытянув перед собой ноги в забрызганных грязью офицерских хромачах, и на протяжении всего спектакля видел только ее. Даже плохо понимал, о чем говорят остальные актеры.

У нее были темные, с вишневым оттенком глаза, круглый подбородок, пепельно-русые волосы, углом обрамлявшие лоб и сколотые на затылке. Лежали они как-то очень просто, мило, и Семченко сразу подумал, что она и в обычной жизни носит такую прическу, не только на сцене. В перерыве он поинтересовался, кто такая. Объяснили: Казароза, певица.

Играла она крестьянку Лауренсию. Пьеса была вполне революционная, это Семченко сразу отметил. После спектакля, когда немногочисленная публика потянулась к выходу, он пробрался за кулисы, отыскал Казарозу и предложил ей назавтра поехать в казарму, где стоял их полк, выступить перед бойцами. Он и сам понимал, что это предлог, не больше. Просто хотелось взглянуть на нее вблизи, поговорить, услышать ее голос, обращенный не в зал, а лично к нему, Семченко. Время было смурное, маетное. Сегодня жив, завтра мертв. Через несколько дней полк отбывал на фронт, а пока все же в Питере стояли, в столице как-никак, Северной Пальмире, и возмечталось вдруг о чем-то таком, особенном. Вот и пошел. Думал, уговаривать придется, но она тут же согласилась. А на следующий день, после концерта в казарме, где она пела странные, неожиданно вышибающие слезу песенки про Алису, которая боялась мышей, про розовый домик на берегу залива, Семченко пошел ее провожать. Желающих обнаружилось много, но он всех отшил.

Дул шквалистый ветер с моря, фонари не горели. Семченко старался идти потише, но она быстро перебирала маленькими своими ножками, и он незаметно для себя прибавлял шагу. Башмачки у нее были чистенькие, чулочки светлые, с ажуром, и как-то так умела она ходить по слякоти, что совсем не забрызгивалась. Он все хотел приотстать, посмотреть, как это у нее получается. Уже где-то на Литейной спросил: «Откуда у вас такая фамилия? Вы русская?» Она улыбнулась: «Это для сцены… «Каза» по-испански значит «дом», «роза» — и есть «роза». Домик роз, розовый домик…» — «Сами придумали?» — «Один человек меня так назвал, и прижилось». — «А имя-отчество ваше?» — Семченко ощутил прилив неприязни к этому неизвестному человеку, мужчине, наверное, который дал ей новое имя. Так победитель переименовывает завоеванный город. «Зинаида Георгиевна, — ответила она. — Шершнева…»

У многооконного темного дома на Кирочной Семченко первым протянул ей на прощанье руку и даже испытал облегчение, что вот она ушла и все так хорошо кончилось. То есть никак не кончилось, но это-то как раз и было хорошо. Промелькнула и осталась в памяти маленькая женщина, Лауренсия, черт побери, Казароза. Чистый голосок, чулочки с ажуром, смуглая рука в ночной мороси. Та неопределенность, которая была ему внове и которая показалась отчего-то предвестьем иной жизни, лучшей.

Шел обратно и повторял: «Казароза, Каза-роза…» Сапоги в лад скрипели — скрип-скрып. И явилась мысль: «Казарма, каза-арма, дом армии, военный домик!» Спросил, вернувшись, у часового: «Знаешь, земеля, что в переводе с испанского означает слово казарма?» — «Пошел ты!» — ответил сонный часовой. Но Семченко ничуть не рассердился, объяснил. И потом, когда уже эсперанто занялся, часто про это вспоминал. Язык был — как вода у берега, и камушки на дне виднелись. Нужно только смотреть хорошо.

А у воды розовый домик, и конь стоит около крыльца, поматывая гривой. Вот оно, забытое счастье, к которому Семченко шел сейчас по коридору гортеатра.

Она сидела перед зеркалом и не обернулась на скрип двери. «В зеркале видит», — догадался Семченко.

— Здравствуйте, Зинаида Георгиевна, — сказал он, со значением напирая на ее отчество. В афише указано было только имя.

Она ответила отражению:

— Доброе утро… Почему вы не постучались?

— Я стучал, вы не слышали. — Семченко с усилием оторвал взгляд от ее затылка и тоже стал смотреть в зеркало. Даже в этом старом, с облезшей ртутью зеркале видно было, как она переменилась — пожелтело, утончилось лицо, впадины прорезались под скулами.

— Вы меня не помните?

— Нет.

— Розовый домик. — Семченко произнес эти слова, как явочный шифр. — Алиса, которая боялась мышей…

Теперь он знал, что это были песни ее славы — далекой, почти неправдоподобной. Последние справки навел три дня назад, когда на глаза попалась афиша приезжей петроградской труппы. Под номером первым в ней значилась, Зинаида Казароза — «романсеро Альгамбры, песни русских равнин, дивертисмент».

— Слышали меня в Петрограде? — Она обернулась наконец.

— Я провожал вас однажды домой. Вы жили на Кирочной.

О чем мог он ей напомнить? О том, что она ходит не забрызгиваясь? Что ладошка у нее смуглая? Голову он тогда не брил, и ухо было целое, и ни о чем существенном, западающем в память, поговорить они не успели. А про концерт в казарме напоминать не хотелось. Хотелось, чтобы она вспомнила его самого, только его, Колю Семченко, как они шли по ночной Литейной и он спросил про ее имя…

— На Кирочной? Действительно, я там жила одно время… Где только не встречаешь знакомых… Вы хотите пройти на сегодняшний концерт? Я, разумеется, могу дать вам контрамарку. — Она сделала несколько шагов, кутаясь в халат. — Но мне бы не хотелось. Сравнение меня со мной будет не в мою пользу.

— Я к вам по поручению городского клуба эсперантистов, — растерявшись, сказал Семченко. — Не могли бы спеть на нашем сегодняшнем вечере?

— Вы изучаете эсперанто? — Ее ладонь, горсткой лежавшая на подзеркальнике, распрямилась, нервно прилегла к лакированной поверхности.

— А что тут особенного?

— Боже мой, эсперанто! — Она смотрела на него ошеломленно. — Я приду… Только обещайте не проводить никаких сравнений… Значит, завтра вечером?

— Сегодня.

— Но я же сегодня занята в концерте!

— В начале первого отделения, я знаю. — Семченко уже вновь обрел обычную свою напористость. — А к нам вы можете приехать попозже. Тут недалеко. Человек с лошадью будет ждать вас у театрального подъезда. — Он положил на подзеркальник лист бумаги. — Это романс «В полдневый зной, в долине Дагестана» на эсперанто. Мелодию вы знаете?

— Да, — удивленно проговорила она.

— Буквы латинские, — Семченко ткнул пальцем в бумагу. — Внизу я написал, как они произносятся. К вечеру выучите слова. Вас будут ждать с восьми часов у главного подъезда. До встречи!

3

Вадим Аркадьевич думал о встрече с Семченко спокойно, потому что прожил долгую жизнь, в которой хватило места для разных неожиданных встреч и удивительных совпадений. Когда-то, в юности, они волновали, виделось за этим бог знает что. А разобраться, так ничего удивительного в них нет, просто жизнь. Она разводит и опять сводит, если, конечно, живешь достаточно долго, судьбы пересекаются, как параллельные линии сходятся в бесконечности.

Солнышко грело, от пивзавода долетал сладковатый приятный запах солода. Было хорошо, покойно. Вадим Аркадьевич чувствовал, что и в самом деле живет очень долго, бесконечно долго, если опять, наяву, увидел Семченко.

Наверное, это последняя такая встреча в жизни.

Захотелось спать.

Вадим Аркадьевич поднялся, вдоль кромки тротуара дошел до школьного крыльца, а когда пошел обратно, увидел за скамейками чугунную тумбу, косо торчащую из асфальта. Сколько раз он ходил здесь, а этой тумбы никогда не замечал. Асфальт у ее основания бугрился, шел трещинами, словно она только сейчас выросла из земли. В трещинах пробивалась свежая травка.

Вечером первого июля Вадим сидел на чугунной тумбе возле Стефановского училища и ждал Семченко. Народ расходился с митинга. Мимо пронесли фанерного красноармейца — розовощекого, рот растянут, как гармоника. На его деревянном штыке болтались чучела генералов с лицами защитного цвета. «Из галифе сшиты», — отметил Вадим. Видно, много дорог исходили в этих галифе под дождем и солнцем, и потому тусклы, печальны были у генералов лица.

Неподалеку крутился Генька Ходырев, сосед. Вадим окликнул его:

— Ходырь! Подь-ка сюда!

— Чего тебе? — не подходя, отозвался тот.

Topreading.ru

— Скажи мамке, пускай за козой лучше смотрит. Вечно ваша Билька у афишной стенки отирается. Я ее вчера два раза гонял, у праздничной программы весь низ объела.

— Выше клеить надо, — сказал Генька и исчез в толпе.

Семченко приехал без четверти восемь. Он вылез из брички, потрепал Глобуса по шее.

— У ветеринара были? — спросил Вадим.

— Были. Говорит, соколок воспален немного, но это ничего, пройдет. И нагружать его сильно не велел. Задышливый конь, старый.

Они поднялись на крыльцо, миновали прихожую и очутились в просторном предлестничном вестибюле. Здесь стояло несколько молодых людей, по виду студентов. Семченко пожал им руки со словами: «Бонан весперон».

Это звучало таинственно и строго, как пароль.

Молодые люди уважительно отвечали:

— Были. Говорит, соколок воспален немного, но это ничего, пройдет. И нагружать его сильно не велел. Задышливый конь, старый.

Они поднялись на крыльцо, миновали прихожую и очутились в просторном предлестничном вестибюле. Здесь стояло несколько молодых людей, по виду студентов. Семченко пожал им руки со словами: «Бонан весперон».

Это звучало таинственно и строго, как пароль.

Молодые люди уважительно отвечали:

— Бонан весперон, Николай Семенович! Добрый вечер!

Потом все заговорили по-русски, а Вадим стал рассматривать диковинный плакат, висевший возле лестницы, на котором нарисован был согнутый указательный палец размером с дужку от ведра. У ногтя, а также у внутренних и внешних сгибов его фаланг красовались латинские буквы. Рядом на эсперанто написан был стишок в четыре строки. О том, что это стишок, Вадим догадался по окончаниям. Он тронул Семченко за локоть, кивнул на плакат:

— Это что?

— Пустяки. — Тот пренебрежительно покрутил в воздухе кистью. — Для привлечения членов.

— Юноша интересуется, Николай Семенович! Отчего же не объяснить? — К ним подошел франтоватый юркий старичок с длинными, совершенно седыми волосами, свисающими на ворот пиджака. — С помощью собственного пальца можно определить, какой будет день недели в любое число года. Буква «А» соответствует понедельнику и далее по ходу часовой стрелки. Стихи — ключ…

— Я тебе потом объясню, — сердито оборвал его Семченко.

— Отчего же потом? Вижу, юноша интересуется, вот и рекомендую. В этом стихотворении всего двенадцать слов, по числу месяцев…

Topreading.ru

— Ведь договаривались, — рявкнул Семченко. — Или снимайте этот плакат к чертовой матери, или другой стишок сочиняйте!

— Как угодно, как угодно. — Старичок отошел, обиженно скрючив губы.

Семченко сорвал со стены плакат, смял его и каблуком вбил в урну.

— Это безобразие! — Старичок чуть не плакал. — Я буду ставить вопрос на правлении!

— Ладно, Игнатий Федорович. — Семченко примирительно положил ему руку на плечо, стряхнул перхоть. — Будет! Скажите лучше, кого вы нарядили Казарозу встречать. Р-рысаки у подъезда. — Он подмигнул Вадиму.

— Ваша затея, вы и распоряжайтесь. — Старичок примирения не принял. — При таком обращении я вообще готов сложить с себя председательские полномочия!

Вадим наблюдал эту сцену, с некоторым злорадством думая о том, что вот Семченко и старичок Игнатий Федорович исповедуют одну идею и вроде во всем должны друг друга понимать, потому что через одно стеклышко на жизнь смотрят. А нет, не выходит!

— Выручишь, а? — Семченко повернулся к Вадиму. — Бери нашего Буцефала, дуй к театру и становись возле главного подъезда. Встретишь Казарозу и доставишь сюда. Я бы сам поехал, да выступать сейчас.

— Из себя-то она какая? — спросил Вадим.

— Маленькая, тебя меньше. Волосы серые, гладкие, вот тут углом лежат. — Семченко сложил свои бугристые ладони надо лбом, словно собирался молиться по-татарски.

— Старичок этот — ваш председатель, что ли? — поинтересовался Вадим, когда они вышли на улицу.

— Ага. Линев Игнатий Федорович. В конторе железной дороги служит. На эсперанто шпарит — заслушаешься!

— А про что все-таки тот стишок? — Чувствуя, что разговор о плакате Семченко почему-то неприятен, Вадим с деланным простодушием опять к нему вернулся.

— Дался он тебе! Ну, не наш стишок. Про надежду там — в религиозном смысле, про бога, про смирение. Но любопытствуют многие. Календарей-то нет сейчас… Ладно. — Он кинул Вадиму вожжи. — Трогай!

Мешкотно перебирая мохнатыми ногами, Глобус выбрался на Петропавловскую, и слева, над крышами, встала желто-белая уступчатая пирамида соборной колокольни.

С тротуара махнул рукой Осипов, Вадим остановился. Осипов был сильно навеселе, он с трудом залез в бричку, но садиться не стал, стоял, уцепившись Вадиму за плечо. Едва тронулись, он, страшно выпучив глаза, закричал переходившей улицу бабке:

— Пади! Пади!

После чего важно прокомментировал:

— Раздался крик.

О цели и направлении поездки он осведомился, когда уже подъезжали к театру, и очень обрадовался:

— Господам эсперантистам нужна реклама! Хо-хо! — Осипов попытался ернически потереть руки и чуть не вывалился из брички.

Напротив театрального подъезда возвышалась оставшаяся после митинга трибуна, грубо сколоченная из досок. Стенки ее были расписаны разными лозунгами, а сбоку наклеена фотография: «Жертвы Колчака в Омске». Серые, неестественно длинные тела в ряд лежали на земле, жутко белели обнаженные ступни, а за ними виднелись чьи-то ноги в обмотках и приклад винтовки. Вадим эту фотографию еще издали узнал, их десятка полтора по городу расклеили.

Он остановил Глобуса у трибуны, закурил. Осипов сидел рядом, жеманно отмахиваясь от дыма, и слезать не собирался. Явно хотел дождаться Казарозу, и это Вадиму не понравилось. Вообще он Осипова не любил. Имея жену и двоих детей, тот откровенно ухлестывал за машинисткой Наденькой, а поэтесс из литкружка охмурял балладой собственного сочинения, напечатанной когда-то «Губернскими ведомостями» ко дню «белого цветка» — Всероссийскому дню борьбы с туберкулезом.

Минут через пять из театра вышла маленькая женщина в зеленой жакетке с сумочкой. Поймав ее взгляд, Вадим помахал рукой.

— Я Казароза, — она подошла. — Вы из эсперанто-клуба?

— Из него самого… Садитесь.

Осипов помог ей залезть в бричку, церемонно представился, а когда стал усаживаться сам, из подъезда выскочил светловолосый паренек в белой косоворотке.

— Мой поклонник, — усмехнулась Казароза. — В поезде познакомились… Все как в старые добрые времена.

— Зинаида Георгиевна, можно я с вами?

— Ради бога, Ванечка, если очень уж хочется. — Казароза повернулась к Осипову, которого, видно, приняла за старшего. — Поехали?

— Выпил, знаете ли, бокал шампанского, — без тени смущения объяснял Осипов, распространяя вокруг себя тяжелый дух кумышки. — Праздник сегодня. А я тоже внес посильную лепту в дело освобождения. — Он начал длинно рассказывать о том, как в своем «Календаре садовода и птичницы» вывел городского голову под видом крыжовника. — Вы недооцениваете российскую губернию! — все больше распалялся Осипов. — Я имею в виду губернские города. Именно через них пройдут пути истории в двадцатом столетии. Всемирной, заметьте, истории! Европа одряхлела, да. Но из Северной Пальмиры тоже сыплется песок. И даже из Третьего Рима! Я губернский житель в четвертом поколении и горжусь этим. Однако говорю себе: «Смирись, гордый губернский человек!»

— Почему же вы так говорите? — равнодушно спросила Казароза.

— Пока еще моя гордость — лишь обратная сторона ущемленного самолюбия… Возьмем великую русскую литературу. Много ли вы назовете в ней произведений, посвященных мне, губернскому интеллигенту?

— «Мертвые души», — сказала Казароза. — «Ревизор»…

— Это уже уезд! Он появляется иногда по дороге из деревни в столицу, но губернии нет. Нет! Губернский интеллигент надут, смешон со своими претензиями. Вы думаете так: претензии на столичность. Но что ему ваша столичность! Выше берите! Когда я еду по улице, — Осипов очертил рукой круг, едва не сшибив у Вадима картуз, — мне хочется закрыть глаза, чтобы не видеть этого убожества. А с закрытыми глазами я легче воспаряю духом. Мне эсперанто подавай!

У входа их никто не встретил, пришлось подниматься в зал самим. Там сидело человек шестьдесят — семьдесят, не больше. Толпы сочувствующих эсперантистскому движению отправились, по-видимому, в иные очаги культуры. Возле дверей, протянув через проход длинные ноги в обмотках, развалился на стуле какой-то курсант с пехкурсов имени Восемнадцатого марта. Он был сильно под градусом, дремал, уткнувши подбородок в грудь. Вадим отодвинул его ноги, и они все вчетвером сели в предпоследнем ряду.

На сцене Семченко произносил речь.

— …Необходим каждому сознательному большевику! — гремел в полупустом зале его голос. — Доктор Заменгоф утверждал: эсперанто дает возможность людям разных наций понимать друг друга. Правильно. Но какой он из этого сделал вывод? Он сделал вывод, что всякая другая идея или надежда, какую эсперантист связывает с эсперантизмом, есть его частное дело. И эсперантизм, как таковой, тут ни при чем. Правильно ли это, товарищи? Теперь эсперантизм не игрушка, не праздное развлечение ленивых бар. Он есть боевое и грозное оружие в мозолистых руках пролетариата. Да здравствует пролетарский эсперантизм!

Затем, отчетливо выговаривая слова, Семченко произнес несколько фраз на эсперанто. Все захлопали, а курсант, с усилием приподняв голову, возмущенно пробасил:

— По-каковски чирикаешь, контра?

На него зашикали, оборачиваясь, и он вновь прикрыл глаза. Семченко тоже посмотрел в ту сторону, увидел Казарозу и быстро сбежал со сцены.

— Вы чего здесь? Идемте ближе!

В длинном и узком актовом зале Стефановского училища более или менее плотно были заполнены первые ряды. Потом, примерно до второго окна — всего окон было три, — сидели отдельные зрители, а дальше совершенно пустые стулья простирались до самых дверей.

Задевая колени сидящих, они пробрались в середину четвертого ряда. Осипов при Семченко был тих и покладист.

— Может быть, лучше с краю? — спрашивала Казароза.

— Ничего, вам еще не скоро выступать. — Семченко неумолимо двигался за ней. — Посидите пока, послушайте.

— …Со времен Александра Македонского и еще раньше, что получило свое воплощение в известной легенде о строительстве Вавилонской башни и последующем разделении языков. — Теперь выступал старичок председатель Игнатий Федорович. — Многие мыслители воспринимали это как проклятие, тяготеющее над человеческим родом и заставляющее его самоистребляться в братоубийственных войнах…

Казароза сидела подавшись вперед, слушала. Спина у нее была тонкая, жалостная какая-то. Жакетка обвисла на приподнятых плечах. Слева Ванечка лузгал семя, губы его безостановочно двигались, выбрасывая в ладонь лохмы подсолнуховой шелухи. Семченко склонился к Казарозе, объяснил шепотом:

— Само слово «эсперо» означает «надежда». Эсперанто — надеющийся.

— Как странно, что я здесь, — тоже шепотом отвечала Казароза.

— Те, кто участвовал во всемирных конгрессах, — говорил Линев, — знают, какой невероятный энтузиазм и родство душ пробуждаются в это время у делегатов. Декарт сказал: «Я мыслю, — значит, я существую!» Но ведь мысль, отделяющая жизнь от смерти, выражается словом. А оно у каждой нации свое. Все нации живут словно замкнутые в отдельных клетках живые существа. Клетки же — языки. Но теперь ключ от них найден. Это нейтральный вспомогательный язык эсперанто…

«Ну и влип, — злился Вадим. — Устроили, черти, праздничек!»

Хотя вода в этом году поднялась, слава богу, не сильно, все равно размыло у берега выгребные ямы. Ветер дул от реки, в приотворенное окно тянуло слабым запахом отбросов, гнилью. Тут не только глаза, нос затыкать надо. И было не по себе от мысли, что Казароза тоже слышит этот запах. «Худая, — думал Вадим. — В Питере со жратвой еще хуже, чем у нас. У нас хоть огороды, зелень есть. А там один камень, козу не выпустишь…» Вспомнил Бильку. И чего она афиши жрет? Клейстер ей нравится, что ли?

Сам Вадим с козами мало общался. Отец служил метранпажем в земской типографии и держать «деревянную скотинку» считал ниже своего достоинства. В девятнадцатом году его расстреляли белые за отказ разбирать типографские машины для эвакуации на восток. А мать еще раньше умерла от брюшняка, зимой восемнадцатого. От них осталась единственная фотография — сидят на фоне драпировок и гипсовых капителей в фотоателье молодые, испуганные, и мать нарочно выставила вперед руку с обручальным кольцом.

А Линев уже шпарил на эсперанто. Это у него в самом деле здорово получалось — легко так, без натуги, будто анекдот рассказывает. Но долго. Томясь, Вадим стал разглядывать зал. Нигде никаких украшений, плакатов, лишь алые банты приколоты к шторам да на деревянной рампе сцены, сбоку, изображен молотобоец с вписанной в красный круг зеленой пятиконечной звездой на запоне — эмблемой пролетарского эсперантизма. От Семченко Вадим знал, что эсперантисты старого толка рисуют одну зеленую звезду, без круга.

Тускло блестели под потолком две электрические лампочки. Линев вдохновенно вещал о чем-то со сцены, хотя большая половина зала явно его не понимала. Вадим прикрыл глаза, посидел так немного и задремал, сохраняя на лице, чтобы не обидеть Семченко, выражение вдумчивого и уважительного интереса.

4

Пообедав в гостиничном ресторане, Семченко поднялся в номер отдохнуть. Прилег, не раздеваясь, на кровать и попробовал вспомнить хоть что-нибудь на эсперанто. Он его совсем забыл, начисто. Английский помнил, мог газеты читать, а эсперанто забыл. Впрочем, его и тогда интересовал не столько сам язык, сколько то, что за ним открывалось!

Линев объявил:

— Гимн эсперантистов. Исполняют Тамара и Клавдия Бусыгины и Роза Вейцман.

Разговорного эсперанто Семченко не понимал, а слова гимна знал и сразу почувствовал себя увереннее. До этого все время было опасение, что Казароза попросит перевести речь Линева, а он тык-мык, и все. Врать пришлось бы. Но она сидела тихо, молчала. Семченко видел ее тонкую шею, волнистую мережку у ворота блузки, сквозь которую матово белела кожа, проколотую мочку маленького уха. «Серьги-то продала, видно», — решил он, деревенеющей от напряжения рукой ощущая острое плечико ее жакетки. Смотрела она не на девушек, а чуть вбок, туда, где в правом просцениуме стояли члены правления: наборщик Кадыр Минибаев, студент-историк Женя Балин, исполнявший обязанности секретаря клуба, Альбина Ивановна. Кого она там увидела?

Разговорного эсперанто Семченко не понимал, а слова гимна знал и сразу почувствовал себя увереннее. До этого все время было опасение, что Казароза попросит перевести речь Линева, а он тык-мык, и все. Врать пришлось бы. Но она сидела тихо, молчала. Семченко видел ее тонкую шею, волнистую мережку у ворота блузки, сквозь которую матово белела кожа, проколотую мочку маленького уха. «Серьги-то продала, видно», — решил он, деревенеющей от напряжения рукой ощущая острое плечико ее жакетки. Смотрела она не на девушек, а чуть вбок, туда, где в правом просцениуме стояли члены правления: наборщик Кадыр Минибаев, студент-историк Женя Балин, исполнявший обязанности секретаря клуба, Альбина Ивановна. Кого она там увидела?

Девушки, как считал Семченко, гимн пели неправильно, без должной бодрости. Иногда все разом, по-хороводному, поводили в сторону одной рукой, и это горизонтальное движение ему тоже не нравилось. Здесь нужен был жест вертикальный, ясный — гимн ведь! Аккомпанируя им на пианино, Линев подбадривающе вскидывал голову и чересчур высоко, с оглядкой на зал, поднимал над клавишами костлявые, по-неживому растопыренные пальцы. Он, видимо, хотел, чтобы присутствующие подхватили гимн. Несколько голосов неуверенно всплеснулись в разных концах зала и смолкли. Сам Семченко подпевать не стал, стеснялся Казарозы.

В паузах было слышно, как всхрапывает у входа пьяный курсант — громко, с клекотом в горле.

После выступал Женя Балин, рассказывал о переписке с другими клубами и зарубежными эсперантистами. В среднем выходило по одной и две десятых отправленных письма и по ноль сорок полученных на каждого члена клуба. Из зала, правда, последовали реплики в том смысле, что письма нужно делить на число активных членов, исключив балласт. Но другие кричали, что сегодня, мол, балласт, а завтра активный член, и образование не всем позволяет. Семченко по этому вопросу не высказывался. Сам он написал всего одно письмо в варшавский клуб «Зелена звязда», призывая эсперантистов бороться за немедленное прекращение интервенции против Советской России.

Затем Балин предложил выделить штатную должность секретаря по переписке с оплатой из фонда членских взносов. На эту должность он метил сам, но предложение никто не поддержал. Альбина Ивановна крикнула даже, что нечего плодить новое чиновничество, в котором неизвестно какие настроения могут возникнуть. При этом она взглянула на Семченко и, заметив, что он похлопал такой мысли, мгновенно залилась краской. Потом была силами питомцев Альбины Ивановны показана пантомима «Долой языковые барьеры!»

Семченко смотрел, слушал, хлопал, но тем не менее в течение всего вечера оставался странно равнодушен к тому, что происходило на сцене, интересуясь лишь тем, как отнесется к

увиденному и услышанному Казароза. На все пытался смотреть ее глазами. Как будто узы, связывавшие его с этими людьми, распались, и промахи сегодняшнего вечера — долетавший с реки запах отбросов, убого малое число собравшихся, корыстное предложение Балина, неудача с хоровым исполнением гимна и выкрики пьяного курсанта — все это имело лишь тот смысл, что он, Семченко, выглядел перед Казарозой человеком пустым, провинциальным мечтателем, неграмотным и безвольным командиром, неспособным навести порядок во вверенном ему подразделении.

Год назад, в госпитале, он написал ей длинное письмо и отправил на адрес театра, но оно, наверное, не дошло. Семченко все искал случая ввернуть про это письмо, рассказать, как писал его, лежа на спине и поставив на живот самоучитель Девятнина, и никак не мог выбрать подходящий момент. О чем он писал, теперь уже невозможно было рассказать. Нечто бестолковое и возвышенное, должное показать, что он тоже не лыком шит. Легкое хвастовство, намеки на особой важности задание, при выполнении которого он будто и был ранен, и все это завершалось витиевато изложенной просьбой выслать свою фотографию. Сейчас Семченко был даже рад, что письмо не дошло. Но чрезвычайно существенным казалось одно обстоятельство — именно на эсперантистском самоучителе Девятнина писалось это письмо, как бы предвещая нынешнюю их встречу, и об этом непременно следовало упомянуть.

Еще он думал о том, как кончится вечер и они по безлюдным улицам пойдут к театру. Все будет как тогда, и она вспомнит его, узнает и поймет, что если судьба гонит по кругу, это не случайно. Это знак. И может быть, согласится встретиться с ним завтра, послезавтра. «Обычная певичка, — убеждал он себя. — Что ты в ней нашел?» Но сам понимал, что обычной певичкой она могла показаться лишь тому, другому, придумавшему ей это имя. Сердце сжималось от дурацкой обиды за нее, за себя. Это имя было печатью иного мира — обреченного, уходящего, но и загадочного в своей обреченности.

Казароза тронула его за плечо, по-деловому начала что-то объяснять про пантомиму, уверенно показывая, как лучше расставить детей на сцене, вворачивая непонятные театральные словечки, — спокойная красивая женщина, актриса, знающая свое дело, никакой обреченности, и Семченко вдруг подумал, что ей тяжело это диковинное имя, что она изжила его и только ждет человека, который помог бы сбросить эту тяжесть.

Линев сделал ему знак — пора, мол.

— Идемте, сейчас вам выступать. — Семченко взял Казарозу за локоть, повел к сцене.

Навстречу шагнула Альбина Ивановна, спросила, указывая на своих питомцев из «Муравейника»:

— Ну как?

— Нормально. — Семченко посмотрел на нее, словно на стену.

— Вы правду говорите? — просияла Альбина Ивановна. — Так важно знать ваше мнение…

У пианино стоял Кадыр Минибаев, в руках он держал кусок водосточной трубы.

— Чего это? — удивился Семченко. — Рупор, что ли?

— Световой эффект. — Кадыр повернул трубу, и Семченко увидел, что в один ее конец вставлено толстое стекло, обтянутое розовой пленкой. Потом он увидел на полу большую электрическую лампу. Лампа была вроде настольной, но без колпака и сидела на массивной

стойке не вертикально, а под углом.

— Твое изобретение? — Семченко осторожно переступил через провод.

— Мое. — Кадыр вставил трубу в зажимы на стойке, закрутил винты.

Казароза с опаской смотрела на этот аппарат, а Семченко уже догадался о его назначении, крикнул в зал:

— Шторы задерните!

Добровольцы, радуясь возможности размяться, кинулись к окнам. Выключили верхний свет, и стало темно, тихо. Казароза склонилась к Семченко — он на корточках сидел у лампы, шепнула:

— Кажется, я вас вспомнила. Вы уговорили меня в казарме спеть, а после домой провожали…

— Каза-арма, — со значением сказал Семченко, и она поняла, улыбнулась. Лица ее он не видел, но угадал — улыбнулась, и это было обещанием счастья.

— Каза-арма, — со значением сказал Семченко, и она поняла, улыбнулась. Лица ее он не видел, но угадал — улыбнулась, и это было обещанием счастья.

Кадыр щелкнул выключателем, прямой розовый луч наискось пересек пустое пространство сцены, овалом уперся в лепнину потолочного бордюра.

Розовый луч, Казароза, розовый домик.

Семченко вспомнил, что кирпичи на фасаде Стефановского училища покрыли недавно розовой краской, и от всех этих совпадений тревожно заныло сердце. Все это было не просто так, конечно.

— Зинаида… Казароза, — с оттяжкой после каждого слова объявил Линев. — Романсы на эсперанто!

— Подержите пока. — Она надела на руку Семченко ремешок сумочки, взошла на сцену и остановилась в луче, на окраине розовой дорожки.

Линев тронул клавиши, и она запела:

Эн вало Дагестана дум вармхоро…

Тут же все бешено зааплодировали. Семченко победно оглядел зал, подмигнул Вадиму и вдруг увидел лицо Альбины Ивановны, странно не соответствующее общему настроению. Зал тонул в полумраке, но Альбина Ивановна стояла рядом, возле лампы. С другого конца трубы, сквозь отверстие у зажима бил тонкий белый лучик, и в этом лучике лицо ее, круглое и молодое, казалось удлиненным, жестким.

Дождавшись тишины Казароза благодарно кивнула — волосы посеклись в луче — и начала снова:

Эн вало Дагестана дум вармхоро.
Сенмова кушис ми кун бруста вундо…

«Выучила», — с гордостью подумал Семченко, слушая, как старательно выпевает она незнакомые слова, которые в ее устах особенно походили на испанские. Каждое в отдельности она не понимала, но все вместе знала, конечно, чувствовала, где о чем.

«В полдневный зной, в долине Дагестана, с свинцом в груди лежал недвижим я…»

Тепло и чисто звучал ее голос, а за окнами, за пыльными шторами, угасал день, и город затихал на берегах великой реки. Мохом и плесенью зарастали в бревенчатых стенах дырки от пуль, подергивались дымкой воспоминания, ржавели вывески на Торговой улице, наступала ночь. А Семченко смотрел, как шевелятся ее губы, выговаривая чужие, милые слова, и вспоминал лесную ложбину под Глазовом, где год назад и он лежал со свинцом в груди, недвижим. Кто знает, может быть, ей тоже снилась тогда эта ложбина, поросшая медуницей и иван-чаем, струя крови, что чернит гимнастерку.

«…лежал в ложбине той»…

Вдруг — из глубины зала — голос:

— Кому продались, контры?

И выстрел.

Голос Кадыра:

— Свет!

Крики, топот, грохот отшвыриваемых стульев. Еще выстрел. Еще. Свело судорогой щеку, словно пуля пролетела совсем рядом. Тени мелькнули в луче. Семченко зацепил ногой провод, вилка упала на пол, и луч исчез.

Рванули ближнюю штору. Зажглось электричество.

Ванечка метнулся мимо — тонкий, быстрый, лицо серьезное. Потом все заслонилось людьми. Семченко отбросил одного, другого, пробился вперед и замер.

Казароза лежала на спине — рот полуоткрыт, одна рука закинута за голову, юбка задралась, открывая край чулка. Кровь, пузырясь, заливала шею, блузку с ее пуговичками и мережками, пятнами оплывала на отворотах жакетки.

Кто-то наклонился, одернул юбку, прикрыв обнажившуюся выше колена ногу, и только с этим движением Семченко все наконец понял. Стало душно. Он пошарил рукой по груди, ища воротник гимнастерки, но не нашел.

5

По мостовой, сметая щетками мусор, двигалась уборочная машина. Занятия в школе уже кончились, у крыльца галдела ребятня, старшеклассники курили за углом, и Вадим Аркадьевич понял вдруг, что Семченко-то ушел. Тогда он вернулся в школу, поговорил с Майей

Антоновной и выяснил, что Николай Семенович остановился в гостинице «Спутник», в триста четвертом номере, а завтра к шести часам придет в школьный музей на встречу с городскими эсперантистами.

Вадим Аркадьевич заторопился домой. Вдруг Семченко попробует разыскать его через адресный стол? Дома все было прибрано, пыль вытерта, газеты на подоконнике в его комнате сложены стопкой. Невестка любила порядок и прибиралась в квартире ежедневно, при любых обстоятельствах. Иногда казалось, что даже в день его смерти уборка будет проведена по всем правилам.

Вадим Аркадьевич подошел к окну, начал перебирать газеты, выискивая свою. Пока не вышел на пенсию, работал в заводской многотиражке, и газету до сих пор присылали на квартиру, что составляло предмет его гордости, ни сыном, ни невесткой не разделяемой.

Внезапно автомобильный выхлоп с улицы гулко ударил в стекла.

Проснулся Вадим, когда хлестнул первый выстрел, и поначалу, спросонья, ничего не мог понять. Вокруг повскакали с мест, закричали. В темноте несколько человек пробежали в конец зала. С коротким визгом распахнулась дверь. Дробь шагов сыпанула по ступеням. Наконец отдернули штору, зажгли свет. Вадим обернулся — в проходе мужчины навалились на курсанта, Осипов выжимал у него из руки наган. Курсант запрокидывал покрасневшее лицо, извивался всем телом и орал, надсаживаясь:

— За что кровь проливали? Контры-ы! Изувечу гадов!

Потом Вадим увидел Семченко. Тот бежал от сцены, опрокидывая стулья, — глаза невидящие, бритая голова по-бычьи наклонена вперед, в руке дамская сумочка. Добежал, почти без взмаха саданул курсанту в подбородок. Голова у курсанта мотнулась, он отлетел к стене и, распластавшись по ней, стал сползать вниз. Семченко сгреб его за грудки, поддернул и хотел еще раз ударить, но Вадим, набежав сзади, помешал — обхватил за руки. Не оборачиваясь, Семченко спиной отбросил его. Вадим успел ухватиться за сумочку, заклепки с треском отскочили, и он повалился на стулья, потерянно сжимая черный баульчик из лаковой кожи. Ремешок остался у Семченко.

— Что случилось? — Вадим дернул за пиджак Осипова.

— Казарозу убили, — сказал тот. — Господи!

И Вадима осенило: курсант этот!

Семченко оглянулся, ища сумочку, и прямо перед собой, на уровне живота, увидел ствол револьвера. Равнодушно скользнул по нему взглядом, дальше по руке к плечу — револьвер держал Ванечка. А сбоку уже маячил плотный мужчина:

— Гражданин Семченко, вы арестованы… Отойдите в сторону. — Голос звучал распорядительно и властно, электрический свет отливал на плечах кожаной куртки.

Семченко весь как-то обмяк, ссутулился — никогда он таким не бывал, руки обвисли вдоль туловища.

Того, в кожанке, Вадим знал немного — Караваев его фамилия, из губчека. Неделю назад

редактор Пустырев велел отнести туда анонимное письмо, пришедшее в редакцию, — о том, что на паровозном кладбище скрываются дезертиры. Тогда и познакомились. Но Ванечка-то почему при нем? Да еще с револьвером!

К Караваеву, вытирая платком руки, подошел доктор Сикорский.

— Что? — жестко спросил Караваев. Его полное, одутловатое лицо было неподвижно, ясные со складчатыми веками глаза в упор смотрели на доктора.

Страдальчески сморщившись, Сикорский кивнул, бросил платок на пол, и сразу всем все стало понятно.

Ванечка склонился над курсантом, ткнул его под ребра дулом револьвера:

— Вставай, сука! Эсперантист…

Все это было непонятно и страшно.

Почему-то не захотелось отдавать им сумочку, Вадим сунул ее под пиджак и незаметно, в обход, пробрался между стульями к двери, спустился в вестибюль. Плакат с пальцем кто-то достал из урны, разгладил и прислонил к стене — теперь палец указывал дорогу на улицу.

Дома Вадим положил сумочку на стол, но открывать долго не решался. Наконец развел, нажав, металлические рожки, запустил руку вовнутрь и тут же отдернул — обломанный ноготь зацепил шелк подкладки. Сразу напряжение ушло, стало спокойнее. Он наклонил сумочку к окну, не зажигая света, начал доставать из нее разные женские вещицы: духи, футляр с пилками и щеточками для маникюра, зеркальце, пузырек, от которого исходил запах мятных капель, два гребня — один частый, другой с крупными зубьями, щербатый. На нем остались волосы, и Вадим постарался их не коснуться. Тут же лежал кошелек. Раскрыв его, Вадим с облегчением убедился, что денег мало, всего восемьсот рублей.

Он доставал эти вещицы и ставил их на стол в строгом, единственно возможном, как ему почему-то казалось, порядке, целиком сосредоточившись на этом своем занятии. За несколько кварталов, в зале Стефановского училища, лежала на сцене маленькая женщина, вокруг толклись эсперантисты, вели в губчека Семченко, волокли курсанта, чтобы начать разбирательство, а навстречу им ехала санитарная фура, врач перебирал инструменты. Все занимались каким-то делом, но из этих дел по-настоящему имело смысл лишь одно — то, которым занимался он, Вадим. Остальное было суетой.

Внизу, на дне сумочки, он нащупал непонятный твердый предмет, завернутый в кусок фланели. Осторожно извлек его, покачал на ладони — полфунта будет. Развернул фланель и оторопел — это был гипсовый слепок кисти руки. Самой обыкновенной, только очень маленькой, будто детской. «Правая», — решил он, посмотрев на свои руки. Серые гипсовые пальцы сложены были все вместе, большой палец подогнут — будто яблоко зажимают, и лишь указательный выдавался вперед, отходил от остальных.

Вадим долго выбирал на столе место для слепка, наконец положил его, взглянул как бы со стороны и, замирая, понял, что указательный палец до неправдоподобия напоминает тот, который полчаса назад он видел на плакате, в вестибюле Стефановского училища.

6

Утром первого июля, через час после разговора с Казарозой в театре, Семченко выступал на торжественной линейке, посвященной первому выпуску пехотных командных курсов имени Восемнадцатого марта:

— Граждане и товарищи! Друзья курсанты! Сегодня исполняется ровно год с тех пор, как под грохот пушек и трескотню пулеметов колчаковские банды бежали из нашего города. Сегодня год, как всяческая белогвардейская сволочь, ученая и неученая, держась за фалды своего черного покровителя, дала деру вместе с ним. Где эти гордые генералы? Пепеляев, Зеневич, Укко-Уговец? Они исчезли как дым, как утренний туман…

На площадке во дворе здания курсов проведена была известью белая свежая полоса. Вдоль нее выстроились в шеренгу восемьдесят четыре курсанта первого выпуска. Сто шестьдесят восемь башмаков упирались широкими носами в известковую отметину, в едином наклоне сидели на чубастых головах фуражки со звездочками. Курсантам торжественно вручили оружие — кобуры с наганами, и выпуск церемониальным маршем, повзводно, прошел возле знамени. В тарелках и трубах оркестра сияло солнце — уже июльское, пацаны на крышах окрестных сараев безмолвно и потрясенно внимали происходящему. Грозно били подошвы в теплую пыль, от чеканного шага чуть подергивались щеки у курсантов, руки взлетали, разлетались и вдруг недвижно припадали к бедрам, когда очередной взвод приближался к знамени.

Потом курсанты разбились на кучки, закурили, и Семченко со многими потолковал, рассказал про международный язык эсперанто и пригласил на концерт в Стефановское училище, где будет выступать петроградская певица Зинаида Казароза. Впрочем, на курсантов это особого впечатления не произвело. Когда Семченко уже собирался уходить, из-за сараев вылез пегий козел и бесстрашно приблизился к новоиспеченным пехотным командирам. В его бороде болтались засохшие репьи, вислая нижняя губа отвратительно вздрагивала.

Козлов Семченко с детства не терпел. Но курсанты козлу обрадовались:

— Васька! Васька пришел!

Вытащили из бороды репьи. Кто-то запалил самокрутку и сунул козлу в пасть. Тот умело прижал ее губами, поднял голову, и из ноздрей у него пошел желтоватый махорочный дымок.

Курсанты веселились, словно дети:

— Курит, смотри-ка!

Васька блаженно жмурился и тянул дым. Самокрутка мерзко торчала у него из пасти и стремительно укорачивалась. Даже слышно было, как тлеет, потрескивая, бумага.

— Будто насосом тянет, — простодушно восхитился кто-то.

«На эсперанто им наплевать, а козлом интересуются», — с внезапной злостью подумал Семченко. Он щелчком выбил у козла из пасти то, что еще оставалось от самокрутки, и пошел к воротам, провожаемый недоуменными взглядами курсантов.

И вечером, когда Ванечка, поигрывая револьвером, вывел его из Стефановского училища на улицу, в низко висящем облаке померещилась, воспарила над крышами гнусная, окутанная клубами дыма Васькина морда.

На втором этаже здания губчека вошли в небольшую квадратную комнату.

Topreading.ru

— Садитесь. — Караваев тяжело опустился за стол, вынул из ящика исписанный лист бумаги и положил перед собой. — Значит, Семченко Николай Семенович, корреспондент… Читали, читали. — Он заглянул в свою бумагу. — Воевали в составе двенадцатого полка Третьей армии Восточного фронта. Причина демобилизации?

Семченко уловил вопросительную интонацию, но самого вопроса не расслышал — звон стоял в ушах, а перед глазами, разрастаясь до размеров простыни, плыл платок Сикорского, весь в красных пятнах.

— Почему демобилизовались, спрашиваю?

— Показать? — Стиснув зубы, Семченко взялся обеими руками за ворот гимнастерки.

— Не психуйте, — сказал Ванечка, — мне тоже есть что на теле показать… В бане будете хвастать!

Он стоял у окна, скрестив на груди усеянные крупными веснушками руки. Его совсем еще юное, чуть угреватое лицо выражало недоверие и отчужденную деловитость.

— Не психуйте, — сказал Ванечка, — мне тоже есть что на теле показать… В бане будете хвастать!

Он стоял у окна, скрестив на груди усеянные крупными веснушками руки. Его совсем еще юное, чуть угреватое лицо выражало недоверие и отчужденную деловитость.

— А ты вообще кто такой? — устало спросил Семченко.

— Это наш товарищ из Питера, — объяснил Караваев. — Фамилию вам знать не обязательно… Давайте начнем по порядку. Вы родились в одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году в городе Кунгуре Пермской губернии. Происхождение пролетарское. Три класса реального училища… Так. — Он перевернул лист на другую сторону. — Так… Ладно… Холост, значит? И зря… В каких отношениях состояли с гражданкой Казарозой, она же Шершнева, Зинаидой Георгиевной?

— Не имеет значения, — отрезал Семченко.

— Зачем приходили к ней в театр?

— Пригласить выступить в нашем клубе.

— Почему именно ее?

— Слышал в Петрограде.

— Ага. — Караваев обменялся взглядом с Ванечкой. — В какое время?

— Осенью восемнадцатого.

— Вы были знакомы?

— Повторяю, не имеет значения.

— А это узнаете? — Неожиданно меняя тему, Караваев достал из кармана клочок оберточной бумаги. — Найдено сегодня при обыске у вас на квартире. Адрес правления эсперантистского

чекбанка в Лондоне. Почерк ваш? — Семченко кивнул. — Какие у вас дела с английскими банкирами?

— При чем здесь она? — Семченко не мог сейчас произнести вслух ее имя.

— Вы отвечайте. — Голос Караваева зазвучал по-иному. — Отвечайте, что спрашивают… Соображаете ведь, где находитесь!

— Пожалуйста, никакого секрета нет… В этом банке хранятся вклады российских эсперанто-клубов и отдельных энтузиастов. Первые поступления относятся к десятому году. Мы требуем их возвращения. А правление банка отказывает под тем предлогом, будто эсперантизм в Советской России перестал существовать.

— Сумма вклада? — быстро спросил Ванечка.

— Около сорока тысяч рублей золотом.

— Верно. — Ванечка поджал губу. — Откуда вам это известно?

— Через бюллетень всемирного конгресса. Нам его пересылают из Москвы. Мы собираемся направить в президиум конгресса открытое письмо.

— А зачем адрес банка?

— Туда копию.

— Такая фамилия вам о чем-то говорит, — Ванечка сделал паузу, — Алферьев?

Семченко покачал головой.

— Он же Токмаков, Строков, Ишин?

— Не знаю.

— Эсер. Инструктор по подготовке боевых подпольных дружин… Казароза была его гражданской женой. Не исключено, что она приехала в город для связи с местной группой. Понимаете, какие основания вас подозревать? Тем более что Алферьев — старый эсперантист. В последнее время, через эмигрантов, вел переговоры с вашим лондонским банком, хотел получить часть вклада для нужд партии… Если вы ни в чем не виновны, почему не можете честно рассказать о своем знакомстве с Казарозой?

— Давайте, ребята, лучше завтра поговорим, — сказал Семченко. — Не могу я сейчас.

— А сейчас куда? — дернулся Ванечка. — Домой?

— Да мне все равно…

Караваев достал из коробки папиросу, долго постукивал мундштуком по столу, потом смахнул табачные крошки и проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Пусть, правда что, до утра посидит. Тоже и понять человека надо.

— А меня кто поймет? — спросил Ванечка.

Topreading.ru

Не отвечая, Караваев кликнул конвойного, кивнул на Семченко:

— Отведи его в подвал и давай сюда курсанта. Может, очухался уже.

Лестница двумя пролетами уходила вниз, семилинейка тускло горела на площадке, тянуло каменным холодом. Появился еще солдатик, открыл дверь, и Семченко вошел в подвал. Здесь тоже горела семилинейка, пахло плесенью, парашей и давно не мытым человеческим телом. У стен сидели и лежали люди, человек пятнадцать.

— Что, браток, попили кумышки-то? — спросил сидевший возле двери прыщавый парень с босыми ногами, по виду дезертир.

Семченко молча отодвинул его и лег у стены. Через час стихли разговоры, крысы начали возиться в углу. Погасла, чадя, лампа. Обиженно посапывал во сне прыщавый дезертир, часовой скреб подковками каменный пол.

Вдруг будто в рельсу ударили, но далеко, приглушенно. И рокот возник такой, как когда на похоронах бьют в барабаны, покрытые сукном. Розоватый свет разлился по подвалу. Он падал не из окна, был сам по себе, поднимался от пола, и оконце уже едва-едва виднелось на стене. Словно светящийся гриб, трепеща и разбрызгивая волнообразное сияние, вырастал в центре подвала. Людей у стен не видно было, но сами стены таяли в этом свете, становились прозрачными. Камень растворялся, открывались ночные улицы, деревья, небо, и прямо над ним, Семченко, один над другим проступили длинные губчековские коридоры.

Он попытался понять, почему одни предметы пропускают через себя свет, а другие — нет. Но не сумел, потому что не было во всем этом никакого наружного порядка. Самому же сиянию Семченко как-то не очень и удивлялся. Оно розовело в глазах, все больше делаясь похожим на тот луч, в котором стояла Казароза. Словно он теперь весь собрался здесь, в подвале, но расплылся, перетек границы, определенные ему Кадыром Минибаевым…

Потом опять в рельсу ударили — уже ближе, и прямо перед собой Семченко увидел человека. Он был невысок и худощав, этот человек, в длинном пальто, в котелке, с тростью. Серо-рыжая борода обтекала его щеки и подбородок. Указательным пальцем он прижал к переносью дужку очков и спросил: «Вы знаете, почему в эсперанто именно восемь грамматических правил?»

Семченко покачал головой.

«Существует восемь сторон света, — сказал человек. — Четыре основных и четыре промежуточных…»

«Ну и что?» — не понял Семченко.

«Пространство! Я хотел вдохнуть в мое детище чувство земного пространства!»

И тут Семченко узнал наконец этого человека — перед ним стоял доктор Заменгоф.

Дома прилеплена была к зеркалу почтовая открытка с его портретом. И еще были портреты — в клубе, в самоучителе Девятнина. Портрет везде был один и тот же, что Семченко считал очевидным доказательством скромности: упросили, наверное, однажды сфотографироваться, а больше не захотел.

«Но есть еще две стороны!» — Заменгоф воздел вверх указательный палец, подержал немного, а потом простер вниз, к полу.

Верх и низ, добро и зло.

«Гранда бен эсперо, — произнес доктор Заменгоф. — Великая и благая надежда двигала мною!»

Он произнес эти слова так, будто извинялся, и Семченко понял его. Не изобрети этот человек международный язык эсперанто, и Казароза бы не погибла.

Стены начали темнеть, сияние ушло, лишь розовеющий туман еще держался в центре подвала. Оконце забелело на стене, и Семченко вспомнил: что-то такое говорил ему про восемь правил эсперанто доктор Сикорский. Давно, еще в госпитале.

Заменгоф сгорбился, склонился к полу, растаял. На том месте, где он только что стоял, сидел парень в студенческой тужурке, тер кулаками глаза. Прыщавый дезертир застонал во сне, подбирая озябшие ноги, проснулся.

Большой черный таракан полз по стене.

Студент посмотрел на таракана и сказал:

— Кирасир, мать твою!

— Чего? — удивился прыщавый.

— Тараканы — это тяжелая кавалерия, — объяснил студент. — А клопы — легкая…

Было утро.

Днем Семченко привели в ту же квадратную комнату на втором этаже. Караваев поздоровался, предложил папиросу. Семченко с наслаждением закурил. Табак был сухой, дым острой осязаемой струей вливался в легкие.

— Ну вот, — сказал Караваев. — Теперь можно и поговорить… При каких обстоятельствах вы познакомились с Казарозой?

Семченко в нескольких словах рассказал, как было дело, и увидел — не верят.

— Если все так просто, — усмехнулся Ванечка, — почему не рассказали вчера?

— А я это только сегодня ночью придумал! — закипая, проговорил Семченко.

Ванечка опять усмехнулся.

— Я побеседовал кое с кем в редакции. И с членами правления клуба тоже. Вы обещали привезти Казарозу на вечер еще до того, как встретились с ней в театре. Следовательно, были уверены, что она вам не откажет. Откуда такая уверенность? Вы виделись с ней до этого?

— Я уже говорил. В Питере, в восемнадцатом году.

— Слушай, Семченко. — Караваев навалился на стол. — Давай по-хорошему. Чего комедь ломать! Ты в городе человек известный, отзывы о тебе самые положительные. И ребята есть, которые с тобой на глазовском направлении воевали… Веньку Леготкина из угрозыска знаешь?

— Дерьмо он, твой Леготкин, — сказал Семченко. — Всю прошлую зиму в агитотделе просидел. Листовки сочинял да бутылки из маузера кокал.

— Ну, это другой разговор… Короче, знают тебя за честного борца.

— Что ж вы меня тут держите заодно со всякими контриками?

— Да ты не обижайся, — мягко посоветовал Караваев. — Какие сейчас могут быть обиды? Момент, сам понимаешь, тяжелый… Все выясним и отпустим, если ошибка вышла.

— Как в вашем клубе организована переписка? — спросил Ванечка.

— В централизованном порядке. Письма отправляются с печатью, которая хранится у секретаря. Копии остаются в архиве.

Этот порядок заведен был с нового года, и Семченко хотя подчинялся ему, но не одобрял — канцелярия у Балина, как в губернской управе.

— Обзавелись, смотри-ка! — Караваев покачал головой. — И чего вы пишете-то друг другу?

— На ихнем эсперанто что ни напиши, все будто со значением выходит, — раздраженно заметил Ванечка, — всякая чепуха.

— Потому и пишем, — объяснил Семченко. Он давно понял, что на чужом, полупонятном языке любая мысль весомее кажется, чем на своем, родном. Ведь ее через труд понимаешь, через усилие, а не просто так, и оттого невольно начинаешь относиться к ней серьезнее. Кроме того, свои слова в разных мыслях встречаются, и не в мыслях даже, в пустой трепотне, а про чужие думается, будто они для этой, единственной, и созданы.

— На печати вашего клуба изображение звезды в круге и латинская надпись «эсперо»? — спросил Ванечка. — Точно? Так вот, письмо с этой печатью было нами обнаружено при обыске на петроградской квартире Алферьева… Да, того самого, о котором я говорил вчера…

— Письмо на эсперанто? — перебил Семченко.

— Да уж не на церковнославянском… Правда, речь в нем идет о вещах вполне невинных. О правописании имен собственных. Мне его перевели. Но неизвестно, что за этим кроется… Вот взгляните.

Содержания письма Семченко не понял, лишь отдельные слова. А почерк показался знакомым. Текст пестрел звездочками, которые, повторяясь внизу, под жирной чертой, отсылали к сочинениям доктора Заменгофа и указывали номера страниц.

— Посмотрели? — Ванечка отнял письмо. — Как, по-вашему, почему оно без подписи?

— Если письмо отправлено через клуб, отправитель может не подписываться. Оно выражает общее мнение членов клуба. Достаточно одной печати.

— Кто из ваших активистов мог его написать?

— Не знаю. Почерк не мой. Хотя знакомый вроде.

— Это еще не все, — неумолимо продолжал Ванечка. — У Алферьева найдено было другое письмо на эсперанто. Его автор пытался выяснить положение дел в центральных органах

партии эсеров. Судя по вопросам, оно написано в апреле — мае этого года.

— Тоже без подписи?

— Да. И без печати… Но можно предположить, что его автор живет в провинции. Причем в местах, находившихся под властью Колчака.

— Конверты сохранились? — спросил Семченко.

— К сожалению, нет, но мне удалось выяснить что одно из этих писем, не известно, какое именно, было передано Алферьеву из «Амикаро». Это петроградский клуб слепых эсперантистов. Года три назад Алферьев вел там кружок мелодекламации на эсперанто… Он бывший артист.

— Так. — Семченко прикинул возможные варианты. — Нужно посмотреть, есть ли в нашем архиве копия первого письма… Покажи мне второе. — Он упорно продолжал говорить Ванечке «ты».

— Смысла нет. Оно написано измененным почерком.

— Может быть, их разные люди писали?

— Возможно, — согласился Ванечка.

— А первое ты показывал кому-то из наших?

— Балину. Он этот почерк сразу узнал. Знаете чей? Линева Игнатия Федоровича.

— Взяли его? — вскинулся Семченко.

— Не ваша забота… Вернемся к Алферьеву. Мы арестовали его шестого мая. Помню точно, потому что в тот день поляки взяли Киев… Но ему удалось бежать по дороге. Допросили Казарозу. Она заявила, что порвала с ним еще зимой, и с тех пор они не виделись. По наведенным справкам так и оказалось, ее выпустили…

«Порвала, — уже не слушая, думал Семченко. — Сама от него ушла. Разобралась и ушла…» Значит, все то, о чем вчера мечталось, могло и случиться — вечер, пустая улица, рука в руке. Сегодняшняя встреча, завтрашняя, прощание на вокзале, письма… Или все-таки не могло? Теперь-то понимал, почему она так взволновалась, когда услышала про клуб эсперантистов. Что уж, казалось бы! Но все равно горько было от этого понимания. Из-за него она согласилась, из-за Алферьева. Неужели еще любила? Ушла, а любила. «Значит, и на нем вина, не только на мне, — всплыла предательская мысль, и Семченко ее не оттолкнул, принял. — Может, и ему сегодня ночью явился доктор Заменгоф, окруженный розовым сиянием?»

— Вы слушаете меня? — спросил Ванечка. — Итак, через полтора месяца после побега Алферьева она вдруг засобиралась в гастрольную поездку по провинции, хотя почти год перед тем нигде не выступала. Причем поездка отнюдь не сулила особых выгод. Все прочие члены труппы — никому не известные артисты. А Казароза — певица с именем. Но она почему-то легко согласилась ехать на тех же условиях, что и остальные… Выходит, ей важен был маршрут поездки. К тому времени о клубе «Эсперо» мы уже разузнали. А тут и вы появились. Да еще с адресом банка на Риджент-парк, которым интересовался Алферьев… Улавливаете?

— Да уж как-нибудь, — сказал Семченко. — Вы думаете, что Алферьева скрывают местные

эсеры. И кто-то из них связан с нашим клубом.

— Пришлось все-таки догадаться, — дернул головой Ванечка. — Куда денешься.

Было жарко. Муха, надсадно звеня, тыкалась в стекло. На подоконнике лежала сложенная газета с приставшими к ней мушиными останками. Ванечка взял ее, замахнулся, и муха тотчас улетела в другой конец комнаты.

— Они уже эту газету знают, — улыбнулся Караваев. — Образованные стали.

Ванечка удивился:

— Чего-о?

— А ты как думал! Вот хомяки. Я им с отрубями толченого стекла подсыпал, все ладом перемешал, а они отруби съели, стекло не тронули. Все нынче грамотные… На! — Караваев протянул Ванечке другую газету, чистую. — Попробуй этой.

— Газету вашу знают, а что через стекло на улицу не вылетишь, никак не усвоят. — Ванечка пожал плечами и газеты не взял.

— Надежда, она всегда память отшибает, — опять улыбнулся Караваев и посмотрел на Семченко, которому в этих словах почудился тайный намек: эсперо — надежда, эсперанто — надеющийся.

— А с курсантом что? — спросил он. — Его вы тоже к делу притягиваете?

— Зачем, — нахмурился Караваев. — С ним все ясно. Напился, сопляк, на радостях после выпуска. С пьяных-то глаз контра и померещилась. Судить его будем.

Семченко провел рукой по мокрому лбу, жгутиком скаталось на коже налипшее волоконце тополиного пуха.

— Может, не он убил? Ведь вверх, наверное, стрелял. Для протеста всегда вверх стреляют.

— Кто тогда? — насторожился Караваев.

— Вдруг кто другой пальнул, когда паника началась? Может, она мешала кому-то, вот и воспользовались случаем.

— Смотри-ка! Я и не подумал… Правда, я на лестнице стоял, когда стрельба пошла. Потом уже вбежал.

— Чего там думать, — строго сказал Ванечка. — Выстрела было три, штукатурка на потолке в двух местах обвалилась, а у него в нагане три патрона истрачено. Я проверил.

— А если два выстрела враз? — Караваев обхватил рукой шею. — Калибр у пули надо проверить.

— Проверим. — Ванечка подошел к Семченко, навис над ним. — Я готов допустить, что с вами вышла ошибка. Но расскажите подробно о своих отношениях с Казарозой. Что между вами было? Что? — он уже почти кричал. — Отвечайте!

— Любовь, может? — участливо спросил Караваев. — Ты парень холостой, мы тоже люди…

— Ладно, — оборвал его Ванечка. — Пускай сидит, вспоминает! — Он вывел Семченко в коридор и сдал конвойному.

Когда проходили мимо дежурки, Семченко остановился, приметив у стены бачок с водой.

— Давай-давай. — Дуло винтовки уперлось в спину.

Бачок стоял на табурете, сверху кружка. От ее ручки к основанию краника тянулась ржавая цепка. Рядом, прямо по штукатурке, углем нацарапано:

«Не пей сырой воды! Холера!!!»

— Попить бы, — Семченко смотрел на бачок.

— Да теплая она, — неуверенно сказал конвойный. — С души воротит.

Семченко не двигался с места.

— Черт с тобой, — сдался конвойный. — Пей по-быстрому!

Завернув краник, Семченко понес кружку ко рту. Цепка была коротковата по его росту, пришлось нагнуться.

Вода отдавала жестью, и пить согнувшись было неудобно. «Сволочи!» — выругался Семченко, имея в виду и Алферьева, и Ванечку, и Линева, и местных эсеров, и того, кто пожалел привесить к бачку подлиннее цепочку. Отлил из кружки в горсть, провел мокрыми пальцами по лбу, по щекам, по шее. После ночи, проведенной в подвале, на лице до сих пор словно маска лежала.

Конвойный стоял рядом, винтовка у ноги. Налево дежурка, а прямо по коридору дверь на улицу приоткрыта. Тонкая щелочка, свет колючий — лучиками. Вверху небо, синее-синее, внизу пыльная зелень и кусок ограды.

Собственная судьба меньше всего тревожила — обойдется. Пустота была в душе и усталость. И о Казарозе он старался не думать, потому что хотя говорил с ним доктор Заменгоф, как бы извиняясь, и Алферьев этот был эсперантист, но по-настоящему виновен в ее смерти только он сам. И курсанта он пригласил. Пусть даже тот не в нее стрелял, в потолок, все равно из-за этого она погибла, то есть опять же из-за него, Семченко.

Но кто же ее убил? Что делать-то? Идти в подвал, сидеть там, дожидаясь невесть чего? Нет, это он вчера покорно шел, как телок, потому что все было едино, куда идти. Но сейчас все, хватит! Перед ней стыдно ничего не делать, ждать пока другие сделают. Да еще неизвестно, сделают ли!

Семченко положил левую руку на бачок, потом сдвинул ее вниз и резким движением сбросил бачок под ноги конвойному. Хрустнул, отломившись, краник. Звякнула, покатилась кружка, наконец-то, хотя и вместе с цепкой, вырвавшись на волю. Бачок сгромыхал с табурета, крышка отвалилась, вода хлынула на пол. Но прежде всей тяжестью, еще полный, он выбил у конвойного из рук винтовку. Семченко пнул ее — она полетела по коридору, стукаясь о стены. Конвойный, растерявшись, вместо того чтобы хватать его, кинулся подбирать винтовку. Семченко метнулся к выходу, на ходу успев задвинуть засов на дверях дежурки, выскочил на крыльцо и побежал по пустынной и знойной послеполуденной улице.

Пробежав полквартала, перемахнул через забор в чей-то огород, огляделся. Никого. Все произошло так неожиданно, что первая мысль была: «Вернуться!» И конвойного стало жаль. Он стоял за поленницей, тяжело дыша, чувствуя, как прилипает к спине мгновенно взмокшая гимнастерка. Потом представил, какое будет лицо у Ванечки, когда тот узнает о побеге, и потихоньку взвинтил сам себя.

Сказал в адрес конвойного:

— Тюня! Не надо ушами хлопать!

На улице послышались голоса, топот. Человек пять бежало. Хлопнул выстрел — так, в никуда. Семченко забрался в будку сортира и изнутри, щепочкой, поставил наружную вертушку в горизонтальное положение.

Он познакомился с Линевым осенью девятнадцатого года, когда вместе с доктором Сикорским пришел на первое занятие эсперантистского кружка. Линев переписал собравшихся — человек двадцать рабочих и студентов — и стал рассказывать о тысячелетних мучительных попытках создать международный язык взамен того, который человечество утратило со времен строительства Вавилонской башни. Он на любом выступлении про это рассказывал. Вообще всякий эсперантист старой закалки к месту и не к месту приплетал эту башню. Далась она им!

Он познакомился с Линевым осенью девятнадцатого года, когда вместе с доктором Сикорским пришел на первое занятие эсперантистского кружка. Линев переписал собравшихся — человек двадцать рабочих и студентов — и стал рассказывать о тысячелетних мучительных попытках создать международный язык взамен того, который человечество утратило со времен строительства Вавилонской башни. Он на любом выступлении про это рассказывал. Вообще всякий эсперантист старой закалки к месту и не к месту приплетал эту башню. Далась она им!

Заменгофа Линев называл не иначе как «Ниа Майстро», то есть «наш Учитель». В особо важных моментах своей речи он, словно за подтверждением, поворачивался к его портрету. В тот раз Семченко воспринял это спокойно, однако на последующих занятиях, которые Линев неизменно норовил начать хоровым пением эсперантистского гимна, стал раздражаться. Уважение уважением, но к чему эти молебны? Да и сам Заменгоф со своим пацифизмом был эсперантист буржуазный. Изобретение его следовало потреблять в чистом виде, без упаковки.

Семченко к тому времени уже не чувствовал себя новичком. Он успел одолеть самоучитель Девятнина и вскоре собирался приступить к переводу на эсперанто материалов конгресса III Интернационала. Предполагал рассылать их зарубежным клубам. Виделось: вот он пожимает руку венгерскому или немецкому товарищу, угощает папиросой и заводит разговор. «Камрада, гиу эстес виа патро?» — «Миа патро эстас машинисто», — отвечает тот. «А у меня батя в депо слесарил», — говорит Семченко, и оба они радуются такому сходству биографий.

— Вот, — Линев произнес какую-то длинную немецкую фразу. — В этом языке видна душа немца, поклонника философии, музыканта и в то же время солдата… — Затем сказал несколько слов по-английски. — Вслушайтесь! Перед нами предстает сухая и чопорная фигура англичанина, моряка и торговца, который стремится как можно короче выразить свою мысль… А вот божественные звуки испанского языка. — Линев задумался, но память, видимо, подсказала ему единственную фразу: — Буэнос диас, сеньорита!

В группе студентов кто-то прыснул. Линев недовольно глянул в ту сторону и продолжал:

— В каждом языке видна душа народа. Но эсперанто соединяет в себе черты всех языков Европы, в том числе и русского. Он отражает душу человека как такового. Голого человека на перекрестках цивилизации. Голого, друзья мои, но взыскующего и гордого! Кроме того, ни один национальный язык не может стать международным из-за присущего всем нациям тщеславия…

— А латынь? — спросил какой-то студент.

— Да, латынь обладает кое-какими достоинствами нейтрального языка. — Линев обрадовался такому вопросу. — Но можно ли составить на ней следующую, например, фразу: «Достань из кармана носовой платок и вытри брюки»?

Семченко знал, что древние римляне брюк не носили, и довольно заржал, понимая, куда клонит Линев. Но тот истолковал его смех по-своему:

— Есть, к сожалению, лица, которые во всем видят двусмысленные намеки… Давайте вместо слова «брюки» поставим слово «пиджак», это не изменит сути дела. На латыни мы можем сказать только «достань и вытри». А что? Чем?

Из этого Семченко заключил, что у римлян и носовых платков не было.

На втором занятии прошли алфавит, записали несколько слов, и тут же Линев по ходу объяснил, что суффикс «ин» означает в эсперанто женский пол: патро — отец, патрино — мать; бово — бык, бовино — корова. При этом студент, который спрашивал про латынь, ехидный и рыжий, поинтересовался, почему нельзя вместо слова «патрино» ввести слово «матро», куда как более понятное любому европейцу. Этот невинный, казалось бы, вопрос привел Линева в бешенство.

— Святая простота! — угрожающе тихо начал он, постепенно возвышая голос. — Вы достаточно образованны, молодой человек, и ваша наивность преступна. Дитя рождено. Его можно воспитывать, но ему нельзя укоротить нос или вытянуть ноги, как глиняной кукле, только потому, что нас не устраивают их пропорции!

— Вмешательство хирурга может быть полезно и живому организму, — весомо проговорил студент.

— Сподвижники ниа Майстро, — горячился Линев, — думали, что могут по своему усмотрению кроить и перекраивать язык. Чудовищное заблуждение! У живого языка нет вождей, у него есть носители. Теперь они есть и у эсперанто — мы с вами. И не дай вам бог, молодые люди, пойти по пути сомнений! Гнусное предательство де Бофрона…

— Раз уже вы заговорили о де Бофроне, будьте добры держаться в рамках приличий! — перебил студент.

— Значит, это провокация? — жалобно предположил Линев. — Вы отнюдь не так наивны… Уходите отсюда, вам здесь не место!

Всем стало неловко, начали оглядываться на студента, кивать в сторону двери: давай, мол, иди, раз ты такой умный, не задерживай. А Линев, ощутив поддержку, закричал:

— Вон! Вон отсюда!

Позднее выяснилось, что рыжий студент пришел вербовать добровольцев в университетскую

группу идистов, то есть сторонников языка «Идо», созданного французом де Бофроном на основе эсперанто. Из любопытства Семченко побывал у идистов, узнал, что само слово «идо» на эсперанто означает «потомок, отпрыск», что вместо «патрино» в идо-языке употребляется слово «матро», и ушел разочарованный. Идистов было мало, говорят, во всем мире человек четыреста, а в городе — шесть, и вообще, сама идея двух международных языков казалась бессмысленной. Тут с одним-то не знаешь как расхлебаться.

В борьбе с университетскими идистами Линев и Семченко выступали плечо к плечу. Идисты постепенно осмелели, вызывали членов «Эсперо» на диспуты, а однажды прислали в адрес клуба экземпляр «Фундаменто де эсперанто» с издевательскими комментариями на полях и книгу «Идо-грамматика», испещренную восклицательными знаками. Линев, полистав ее, сказал: «Филибро!» Приставка «фи» означает в эсперанто пренебрежение — книжонка, мол! А на диспуты он членам клуба ходить запретил, поскольку первый же публичный диспут в Доме работницы закончился скандалом и потасовкой. И Семченко в этом вопросе Линева поддержал.

Весной двадцатого года идисты укрепили свои ряды, переманив к себе из «Эсперо» нескольких интеллигентов. «Скатертью дорога!» — сказал Семченко, но Линев переживал. И действительно, были причины. Идисты, подкупив наборщиков, отпечатали в типографии пачку листовок, подбрасывали их в Стефановское училище, в разные учреждения и распространяли по городу. Особого успеха эта затея не имела, но все равно Семченко считал ее вредной для общепролетарского дела, дезорганизующей рядовых эсперантистов. Потому за неделю до праздника освобождения они с Линевым сочинили письмо, в котором требовали запретить идо-пропаганду, и направили его в губком.

Письмо заканчивалось так:

«Эсперантистские клубы для рабочих многих стран являются единственно доступными формами легальных организаций. За границей эсперанто часто называют «большевистским языком», чего никак нельзя сказать о так называемом «Идо». Он получил распространение среди узкой прослойки интеллигенции, и пропаганда его при нынешнем тяжелом моменте есть не только преступное расточительство духовных сил, но и прямо антипролетарское действие. А эсперанто пробьет себе дорогу вопреки всем теоретическим чревовещаниям наподобие упомянутого идизма!»

Они сочиняли это письмо долго, в каком-то радостном единении, почти в любви, и даже на последнем вечере, хотя повздорили из-за плаката, пару раз обменялись друг с другом заговорщическими взглядами.

Но потом, уже в губчековском подвале, когда все мысли были о Казарозе, только о ней, эта возня с письмом, это дурацкое переглядывание казалось недостойным, оскорбляющим ее последние дни и минуты. Пусть она об этом и не подозревала.

Великая и благая надежда подвигла доктора Заменгофа на создание эсперанто. Но что толку, если даже люди, говорящие на одном языке, не могут пока понять друг друга.

А на каком языке говорить с мертвыми?

7

Вадим Аркадьевич пообедал, вымыл посуду, вытер ее и убрал в буфет, хотя невестка требовала

оставлять посуду на сушилке — где-то вычитала, что так гигиеничнее. Вернувшись к себе в комнату, взял Надину фотографию в истертой добела кожаной рамочке, установил на стуле, а сам прилег — так, чтобы фотография была перед глазами. Темная челка, победно вздернутый маленький носик, блузка с накладным бантом, расклешенная юбка — такой Наденька была тогда, в двадцатом. Снимал ее Осипов. Помнился деревянный ящик, классическая тренога, черный платок, покрывавший Осипову голову и плечи и делавший его похожим на карбонария и пчеловода одновременно. Наденька улыбалась, отводила со лба челку, а за ней, словно горизонт в туманной дали, тянулась черта бельевой веревки.

Поженились они осенью двадцать первого, после чего Наденька перешла работать машинисткой в губисполком. Тогда же окончательно одряхлевшего Глобуса продали башкирам, а редакционную бричку стал возить статный жеребец, кличку которого Вадим Аркадьевич вспомнить не мог. В бричке ездил редактор Пустырев. В начале тридцатых годов он сменил ее на автомобиль и вскоре после этого конфиденциально предложил Вадиму Аркадьевичу, ставшему к тому времени корреспондентом, написать разгромную статью о клубе «Эсперо», который еще влачил жалкое существование. При этом сделан был намек, что если задание выполнено будет успешно, под должным ракурсом, то Вадиму Аркадьевичу обеспечено место завотделом.

Что бы, казалось, не написать? Эсперантистов этих он всегда на дух не выносил, раздражали они своими претензиями, снисходительным презрением к непосвященным. Но вот заклинило что-то, не смог. То есть и не отказал Пустыреву напрямую, но медлил, тянул, да так и не написал, дождался, пока другие сделали, после чего вздохнул с облегчением. Может быть, с этого случая и не заладилась журналистская карьера. Во всяком случае, жена считала именно так, и переубедить ее было невозможно. Перед войной Вадим Аркадьевич хотя и готовился разменять пятый десяток, по-прежнему ходил в простых корреспондентах, и Надя ему это обстоятельство поминала, попрекала тем, что он слишком много о рыбалке думает. По ее мнению, рыбалка была отдушиной для неудачников. Настоящие мужчины, сумевшие чего-то добиться в жизни, занимались охотой. Пустырев, например, был охотник. До истории со статьей о клубе «Эсперо» он пару раз приглашал Вадима Аркадьевича с собой пострелять уток, и Надя заставляла ездить, а потом и приглашать перестал.

— Допрыгался! — гремел Пустырев и обеими руками вдавливал пресс-папье в лежавшую на столе у Семченко очередную эсперантистскую брошюру. — В Чека забрали! А ведь предупреждал по-хорошему: не связывайся, Коля, с этой шоблой!

Утром в редакции побывал Ванечка, от него Пустырев все и узнал. Вадиму странно и жутко было думать, что этот Ванечка, самозабвенно лузгавший вчера семя, каким-то образом связан с «чрезвычайкой», а Казарозы уже нет, лишь голос ее остался у Наденьки на граммофонной пластинке, да еще сумочка с гипсовой рукой. Интересно, сам-то Семченко про эту руку знает или нет? И почему его арестовали?

— Кого пригрели? — воззвал Пустырев и пошел к себе, пнув по дороге мусорную корзину.

Когда за ним захлопнулась дверь, Вадим осторожно потянул со стола у Семченко брошюру, раскрыл наугад:

«Товарищи, изучающие международный язык эсперанто! Спешите возможно скорее строить наш Храм Человечеству! Так же, как некогда Вавилонская башня, этот Храм будет стремиться к небу и гордому счастью, но только строительными материалами для него послужат не камень

и глина, а Любовь и Разум...»

— Такая молодая! — вздохнула Наденька. — Я ее вчера в театре видела... Жить бы да жить!

Она принесла из чулана граммофон, поставила на окно и яростно стала крутить ручку. Молча насадила пластинку на колышек, пустила механизм. В трубе зашипело, как если водой плеснуть на раскаленную сковороду, потом шипение отошло, и далеко, тихо заиграли на рояле. Голос возник — слабый, тоже далекий.

— Слов не разбираю, — пожаловался Осипов.

— Это песня про Алису, — стала объяснять Наденька. — Жила такая Алиса, и она боялась мышей. «Взошла луна, они уж тут как тут, и коготками пол они скребут...» Слышите, это она за мышей поет, голос тончит... Потом ей подарили кошку, и мыши попрятались. А последний куплет про любовь. От нее все страхи разбегаются, как мыши.

Опять зашипело, и Наденька сказала:

— Это она будто про себя поет...

Вадим разобрал две строчки: «Быть может, родина ее на островах Таити. Быть может, ей всегда всего пятнадцать лет...»

— Да уж! — усмехнулся Осипов. — Таити, как же... Пойдем, Кабаков, что ли, дернем маленько. А то душа горит! У меня в сарае бутылка заначенная.

— Пойдемте, — согласился Вадим, и они пошли в сарай.

— За Казарозу, — сказал Осипов, поднимая бутылку с мутной вонючей жидкостью. — Вечная ей память!

Ополовинил, протянул Вадиму, тот тоже отпил, но не все, хватило еще и за Семченко выпить, чтобы обошлось у него.

— Такой вроде правильный человек. — Осипов отшвырнул пустую бутыль за поленницу. — Не то что я... И вот казус. Я тут с тобой сижу, кумышку пью, а его взяли.

— Ошибка, — уверенно объяснил Вадим.

Осипов глянул исподлобья:

— Ошибка, — уверенно объяснил Вадим.

Осипов глянул исподлобья:

— Насчет меня ошибка-то?

Вскоре он захмелел, начал удивляться, зачем женщинам эсперанто.

— У них другой международный язык есть! — Кокетливо выпятил тощую грудь, пьяно стрельнул глазами из стороны в сторону и, ужимаясь, повел плечами. Выглядело это отвратительно.

— Пошляк вы! — разозлился Вадим и пошел в редакцию.

Осипов орал вслед:

— Точна! Пошляк и пьяница. Но философ! Всем правду в лицо глаголю эзоповым языком…

Наденька сидела за своим ремингтоном, а возле нее переминался незнакомый ярко-рыжий студент в темных очках, которые придавали ему загадочный вид.

— Вот, пристал как банный лист, — посетовала Наденька, испытующе оглядывая Вадима. — Семченко ему подавай!

Студент сел за стол Семченко, достал из кармана записную книжку и начал что-то в ней писать. Потом вырвал листок и поднял голову:

— Хотите пари?

— Топал бы ты отсюда! — предложил Вадим. Ему казалось, что Семченко — это предлог, а на самом деле студента интересует Наденька.

— Вы должны угадать, какого цвета у меня глаза. Ставка — тысяча рублей.

Сумма была не такая уж большая, Наденька смотрела с любопытством, и Вадим решился:

— Согласен.

«У рыжих глаза бывают голубыми или зелеными, — прикинул он. — А у него, значит, не такие, раз спорить предлагает…»

— Ну! — Студент взялся за дужку очков. — Карие!

Помедлив, чтобы ощутилось напряжение, студент привычным движением сдернул очки и вытянул шею. Один глаз у него действительно был желтовато-карий, а другой зеленый, с кошачьим оттенком.

Наденька засмеялась:

— Это нечестно!

— Пардон, — возразил студент. — Молодой человек угадал один глаз и может заплатить половинную сумму. Пятьсот рублей!

Зарплату выдали накануне, и Вадим молча положил деньги на край стола. Студент сунул их в портфель, а оттуда достал две листовки, отпечатанные на оберточной бумаге.

— Разрешите на эту сумму предложить вам кое-какую печатную продукцию. Вы, вероятно, находитесь под влиянием эсперантизма…

— Я сам по себе!

— Допускаю… А я — сторонник языка «Идо». В листовках изложены принципы нашего движения.

— Торгуешь принципами-то?

— Просто учитываю психологию старой формации. Когда за листовку заплачены деньги,

больше надежды, что ее прочитают… Держите!

— Плевать я хотел на ваше движение. — Энергичным жестом человека, уничтожающего долговую расписку после выплаты унизительного долга, Вадим порвал листовки. — Никак рехнулись вы все со своим международным языком. По-русски-то вам чего не разговаривается?

Помрачнев, студент вынул из портфеля пятьсот рублей, положил рядом с обрывками листовок, сдержанно поклонился Наденьке и исчез. Вадим сел за стол Семченко, машинально сдвинул брошюру и увидел под ней листок, вырванный из записной книжки:

«Николай Семенович! Нам все известно. Вы с Линевым затеяли опасную игру!»

— Тут без тебя чекисты приходили, Семченко искали, — сказала Наденька. — Сбежал он от них, что ли?

Ужасом ожгло: если сбежал, выходит, виноват в чем-то! Нет, быть того не может. Вспомнился плакат в вестибюле Стефановского училища, который с таким непонятным ожесточением отстаивал Линев. Плакат, гипсовая рука. Теперь еще записка. Это Линев виноват, вот кто! Это он затеял опасную игру, подвел Семченко под монастырь. Что ж, играйте, Игнатий Федорович, играйте, вы и не догадываетесь, с кем вам предстоит продолжать партию — с Вадимом Кабаковым собственной персоной, не с кем-нибудь!

Он незаметно сложил записку, сунул в карман.

8

В Лондон Семченко попал летом двадцать четвертого года. Плыли с женой из Риги на английском четырехтысячнике «Пешавэр», было пасмурно, тихо, в буфете продавали безвкусное светлое пиво, а папирос не было. Он валялся в каюте, торчал у поручней, иногда пытался заговорить с матросами и все время как бы посматривал на себя со стороны — вот он, Колька Семченко из города Кунгура, плывет по свинцовой Балтике к туманному Альбиону, а все на пароходе воспринимают это как должное, ничуть не удивляются такому чрезвычайному факту — и немногочисленные пассажиры, и матросы, и даже собственная жена.

Она была высокая, смуглая, начитанная, знала два иностранных языка, английский и голландский, работала переводчицей в государственном рекламном бюро.

Семченко приехал в Питер вскоре после войны с Польшей и несколько дней скитался по городу, пока не встретил на улице старого знакомого по Восточному фронту, вместе с которым в девятнадцатом году, в Глазове, они приходовали брошенный белыми эшелон с разным союзническим барахлом. Этот знакомый связан был с Наркоматом внешней торговли и, узнав, что Семченко работал в газете, пристроил его в то же рекламное бюро. В ожидании лучших времен он писал афишки, пропагандируя русскую фанеру, лес, пеньку и металлический лом — уж его-то было вдоволь! Она эти афишки переводила. Тогда и познакомились. А через несколько месяцев зарегистрировались, и он переехал к ней на квартиру.

Особой любви, пожалуй, с самого начала у них у обоих не было. Но с его стороны имело место безусловное уважение, а с ее — застарелое девичество и еще некая смутная надежда, что в тогдашних необычных обстоятельствах этот бритоголовый взрывчатый человек с правильной биографией может сделать необычную карьеру. Так оно, в общем, и случилось. В газете Семченко больше не пришлось работать, но он об этом не жалел. В рекламном агентстве

становилось все интереснее, потому что почти со всей Европой уже торговали, вывозили много чего. Афишки, которые он сочинял с легкостью, почему-то нравились, его заметили — не без участия жены, — командировали в Ригу, в Стокгольм, а в двадцать четвертом году направили на постоянную работу в советскую фирму «Аркос», выполнявшую задачи торгпредства в Англии.

Жена восприняла все это со спокойным удовлетворением.

Штат «Аркоса» на Мооргэт-стрит, 49, был небольшой, по приезде сразу навалились дела, язык он знал плохо, да и жена, как выяснилось в Англии, тоже неважно. Но мысль о том, что совсем неподалеку, на Риджент-парк, лежат в эсперантистском банке сорок тысяч рублей золотом, зудила, не давала покоя. Едва готов был сшитый на заказ новый твидовый костюм, Семченко отправился на Риджент-парк. Эсперанто он к тому времени основательно подзабыл и, чтобы не ударить лицом в грязь, несколько ночей перед этим просидел за учебником. Подготовил краткую, но выразительную речь, прикинул, какие вопросы смогут ему задать, собрал информацию и составил ответы — все на эсперанто.

В конторе его встретил вежливый клерк, провел в кабинет, где сидел один из директоров банка — грузный, стриженный под бобрик мужчина. «Бонан весперон!» — приветствовал его Семченко и сразу же начал говорить о расцвете эсперантизма в Советской России. Вначале следовало обрисовать обстановку, создать настроение, вызвать сочувствие, а уж потом переходить к делу. Он вовсе не думал, что сорок тысяч золотых рублей пойдут на нужды эсперантизма. Слава богу, Республике и без того есть на что их истратить.

Честно говоря, в успех не очень-то верилось. Наверняка и до него предпринимались подобные попытки, а вклад до сих пор оставался замороженным. Но не прийти сюда он просто не мог, не имел права.

«Это подлинное возрождение! — Свою речь Семченко выучил наизусть. — Доказательства могут быть представлены Всероссийским союзом эсперантистов через месяц. Лично вам или через Президиум Всемирного конгресса…»

Директор некоторое время удивленно смотрел на него, слушал, потом сделал знак подождать и что-то шепнул приведшему Семченко клерку. Тот вышел, а через минуту пропустил в кабинет пухлого черноволосого человечка с кожей оливкового цвета. Человечек заговорил быстро-быстро, Семченко ничего не понял и лишь уловил несколько раз повторенное слово «сеньор». Тогда дошло наконец, что его принимают здесь за испанца. Эсперанто по звучанию напоминает испанский, о чем Линев всегда печалился.

И осенило: нет здесь никаких эсперантистов! Обычная денежная контора, только под особой вывеской. Все это был обман, политика, состояние эсперантизма в России никого не интересовало. Нечего было бисер метать перед свиньями! От волнения немногие английские фразы исчезли из памяти. Накатила обида, злость, что клюнул на приманку. Он молча повернулся и пошел к двери, провожаемый равнодушным взглядом директора и робким возгласом оливкового человечка: «Сеньо-ор?»

Едва все стихло, Семченко вылез из сортира и огородами, хоронясь, выбрался к гортеатру.

В фойе висела все та же афиша петроградской труппы. Под номером вторым, сразу вслед за Казарозой, в ней значилась некая Ирина Милашевская, колоратурное сопрано — «пастушеские напевы Тироля, песни из всемирно известного спектакля «Кровавый мак степей херсонских»,

дивертисмент».

Через десять минут он сидел перед сутулой большеротой блондинкой лет двадцати семи — показалось почему-то, что говорить следует именно с ней, хотя в афише были и другие женские фамилии.

— Значит, вы из местной газеты?

— Я не потому к вам пришел, — помялся Семченко. — Вы, наверное, хорошо знали Зинаиду Георгиевну…

— А вы были с ней знакомы раньше? — перебила Милашевская.

— Да. В Петрограде.

— Хотите о ней написать?

— Поймите меня. — Семченко коснулся ее запястья. — Ведь это я пригласил Зинаиду Георгиевну выступить в Стефановском училище.

— Можете не казниться. — Она подняла на него глаза — очень серьезные, с белесыми редкими ресницами. — Вы тут ни при чем.

— То есть?

— Судьба, — пояснила Милашевская. — Вам когда-нибудь гадали? По картам, по руке? А я сама ей гадала. И два раза подряд выпал пиковый туз.

— Вижу, не будет у нас разговора. — Семченко неуверенно поднялся.

— Сядьте. Я вам что-то скажу.

— Ну, что? — Он сел.

— Мои карты никогда не врут, вот что.

— Это все, что вы можете мне сказать?

— А разве вы не за этим сюда пришли? — Милашевская смотрела на него спокойно, без тени улыбки.

— Вы давно с ней знакомы?

— Шесть лет… В Берлине познакомились, перед самой войной. Я брала там уроки в консерватории, а Зиночка готовила голос для пробы у профессора Штитцеля. Был тогда такой знаменитый профессор.

— А после?

— Когда началась война, нас интернировали. Через полгода вместе уехали в Россию. Через Стокгольм, если вас интересуют подробности.

— В России вы продолжали видеться?

Topreading.ru

— Я жила в Москве. Зиночку встретила лишь в позапрошлом году. На Невском, случайно. Она шла с большой корзиной, а в корзине младенец. Сын. Она его Чикой называла… Сашечика, Чика. Она мне тогда очень обрадовалась. Поставила корзину на тротуар, простынку откинула. Лобастый такой младенец. Я еще удивилась, помню, что ему всего восемь месяцев.

— Сын жив? — быстро спросил Семченко.

— Если бы так! Первый раз он еще прошлой зимой заболел. Зашла как-то к Зиночке на Кирочную — занавески опущены, в комнатах темно. Чика в кроватке лежит. Глаза завязаны, у губ пузырьки пены. Ужасно, когда дети болеют. Хуже нет… Я тогда достала шприц для впрыскиваний, все обошлось. Но через год он умер.

— А когда она рассталась с Алферьевым? — решился наконец Семченко.

— Не будем о нем, — отстранилась Милашевская.

— Я не просто так спрашиваю. У меня есть основания думать, что она погибла не случайно.

Милашевская грустно улыбнулась:

— Вот видите, и вы это поняли. Значит, у вас что-то было с Зиночкой. Скажите, вы любили ее? — Семченко молчал. — Ну, не отвечайте, не надо. Случайных смертей вообще не бывает.

— Как так? — удивился Семченко.

— Толстой вот говорил, что умирают не от болезни, не от пули, а от исчерпанности жизненной задачи… Мы как считаем? Вот болезнь, допустим. От болезни смерть. А на самом деле вовсе не так. Не смерть от болезни, а болезнь от смерти. Должен человек умереть, тогда и появляется болезнь. Только к детям это не относится…

— Но ведь Казароза была здорова!

— Когда умер Чика, она долго болела. Что-то с горлом. Потом поправилась. Я тогда опять уезжала в Москву и подробностей не знаю. Но после болезни у нее изменился голос. Голос ее вы слышали. Небольшой вообще-то, но с какой-то волнующей мягкостью тембра. А теперь словно трещинка в нем появилась. Крошечная, не всякий и заметит. Вот вы, наверное, ничего не заметили. Тем не менее она совсем перестала петь, перестала бывать в театрах и в тех домах, где собираются люди театра. А в нашем кругу это все, конец… Знаете, когда я услышала это вчера, то не удивилась даже. Ужас, боль, что вот сейчас, здесь, так — все это было, да. Но удивления не было. Для всех это чудовищная неожиданность, а я знала Зиночку и чувствовала: что-то должно с ней случиться. Что-то страшное, непоправимое. Не в этот раз, так в следующий. Нехорошо так говорить, нельзя. Но, честное слово, я будто ждала чего-то подобного. Какой-то нелепейшей случайности. Ей не для чего было жить, и это должно было откликнуться. Там… Вы понимаете?

— А как она оказалась в этой поездке?

— Это я ее вытащила. Я! Думала, пусть попробует в провинции выступить, если в Петрограде не хочет. Чуть не силой вытащила. Сама договорилась обо всем… Она из дому-то почти не выходила, не виделась ни с кем. Питалась морковным чаем и ржаными сухарями. Разве друзья иногда подкинут чего-нибудь. Ее ведь многие любили — актеры, режиссеры. Она умела понимать их, умела говорить с ними о них самих. В талантливых людях из нашей среды это редко встречается. Все больше о себе норовят… Но в последнее время она стала другая. Шторы

задернет, сядет за стол и сидит. А на столе — гипсовый слепок с Чикиной ручки… От одного этого с ума можно сойти.

— А как она оказалась в этой поездке?

— Это я ее вытащила. Я! Думала, пусть попробует в провинции выступить, если в Петрограде не хочет. Чуть не силой вытащила. Сама договорилась обо всем… Она из дому-то почти не выходила, не виделась ни с кем. Питалась морковным чаем и ржаными сухарями. Разве друзья иногда подкинут чего-нибудь. Ее ведь многие любили — актеры, режиссеры. Она умела понимать их, умела говорить с ними о них самих. В талантливых людях из нашей среды это редко встречается. Все больше о себе норовят… Но в последнее время она стала другая. Шторы задернет, сядет за стол и сидит. А на столе — гипсовый слепок с Чикиной ручки… От одного этого с ума можно сойти.

— Значит, из-за вас она сюда приехала, — безжалостно уточнил Семченко, уже понимая, что Алферьева в городе нет.

— Да… Если на то пошло, я больше вашего виновата.

— А с Алферьевым она не встречалась последнее время?

— Вы его знали? — вопросом на вопрос ответила Милашевская.

— Нет. — Семченко решил быть честным.

— Не буду спрашивать, откуда вам о нем известно. Одно скажу: она порвала с ним давно, вскоре после смерти сына… Вы это хотели от меня услышать?

— Может быть. — Он встал, на этот раз решительно.

Она изучающе оглядела его.

— Странно, что она мне никогда ничего о вас не говорила. Видимо, и я была для нее недостаточно близким человеком… Может быть, она из-за вас согласилась поехать в этот город, а я тут ни при чем?

— Очень возможно, — сказал Семченко.

— Я ведь до последней минуты не верила, что она поедет. Скажите, у вас остались ее пластинки? — Милашевской явно не хотелось кончать разговор. — Фотографии?

Он покачал головой.

— Хотите, пришлю? У меня есть лишняя фотокопия ее портрета. Яковлев рисовал. Зиночка стоит в пустыне среди диких зверей, а в руке держит клетку с райской птицей. Это ее голос, ее душа…

— Пришлите. — Семченко вытащил из кармана газету, оторвал полоску внизу и положил обрывок перед Милашевской. — Вот адрес редакции.

Шагнул было к двери, но она остановила его:

— Подождите. Вы действительно совсем ничего не знаете об Алферьеве?

За стенкой ворковал динамик. Под окном, у светофора, скрипели тормозами машины.

И где теперь эта картина?

Яковлев, как выяснилось, был известный художник. В начале двадцатых годов он эмигрировал во Францию и там прославился путевыми зарисовками, сделанными во время автопробега по Северной Африке, который устроила фирма «Ситроен». Альбом с этими зарисовками Семченко видел в Лондоне. Пустыня, берберы в белых бурнусах стоят возле автомобиля, верблюд лижет влажную от росы парусину палатки, величественный шейх, окруженный свитой, наблюдает, как меняют проколотую шину. Оран, Алжир, Константина. Особенно запомнился один лист — «Продавец птиц». Уродливый старик сидит под навесом, вокруг него множество клеток с птичками, а в самой красивой прижалась лицом к соломенным столбикам крошечная, не больше ладони, печальная женщина.

В дверь постучали. Семченко сел на кровати, сунул ноги в ботинки и лишь потом сказал:

— Входите, не заперто!

Вошла Майя Антоновна, в брюках и синей болоньевой куртке на молнии, с мужским портфелем в руке.

Через пять минут она уже выкладывала на стол открытки и письма. Объясняла:

— Наш кружок ведет переписку с двенадцатью зарубежными клубами.

На открытках были красивые иностранные города, снятые преимущественно летом, памятники, изредка попадались пейзажи.

— И о чем вы пишете? — спросил Семченко.

— Рассказываем о нашем городе, о культурных достижениях… Многие наши кружковцы собирают открытки, марки. Эсперанто им просто необходим, он дает возможность постоянно пополнять коллекцию… Мы разработали несколько тем — про театр, музыку, природу нашего края. Все на эсперанто. Те, кто еще плохо владеет языком, могут взять готовую разработку.

— Очень, очень интересно, — сказал Семченко, заставляя себя быть вежливым. — Мы до этого не додумались… Простите, вы замужем?

— Я понимаю, почему вы об этом спросили. — Майя Антоновна укоризненно посмотрела на него. — Думаете, все это несерьезно? До замужества только? Мол, под тридцать уже девице, одиноко, маетно, вот и нашла себе отдушину… Да, эсперанто сближает людей. У нас в кружке парень и девушка полюбили друг друга, поженились и хорошо живут. Я сама ездила в международный эсперантистский лагерь под Киевом. Подружилась там с одним инженером из Казани. Между нами ничего такого не было, вы не подумайте. Просто добрые, товарищеские отношения. У него жена, ребенок. Жена, между прочим, не разделяет его увлечения, считает ребячеством, пустой тратой времени… Кстати, моей соседке один чех в любви объяснился на эсперанто.

Умом Семченко понимал, что Майя Антоновна права, что все это хорошо, правильно, человечно, но раздражение не проходило, а, наоборот, усиливалось.

— Для чего же вам мои воспоминания понадобились? Мы марок не собирали…

Topreading.ru

— Хочется знать свои истоки. К тому же мы готовим небольшую, но постоянную экспозицию… Если вам трудно писать, то не надо. Завтра принесу магнитофон и запишем ваше выступление. Нам нужно сравнить, как было раньше и как теперь.

— Сенмова кушис ми кун бруста вундо, — сказал Семченко. — С свинцом в груди! Вот как было раньше… А у вас вроде хобби получается. — Он взял палку, пристукнул по паркету. — Давайте прогуляемся немного по городу. Хочу посмотреть здание «Муравейника». Оно сохранилось? Вы ведь учительница, должны знать…

— Сохранилось. — Майя Антоновна испуганно стала сметать в портфель письма и открытки. — Там теперь Дворец пионеров.

От Милашевской Семченко направился в школу-коммуну «Муравейник», где работала Альбина Ивановна. И недалеко вроде, а поджилки тряслись. Когда шел к театру, было какое-то яростное равнодушие. Поймают и поймают, черт с ним! Но сейчас, после разговора с Милашевской, ему нужны были этот день и эта ночь. Завтра сам пойдет в губчека, чтобы не пускать Караваева и Ванечку по ложному следу. Ход их мыслей угадать было не трудно: сбежал, значит, виноват.

Семченко благополучно проскочил площадь, свернул на Успенскую. Здесь купил у корейца-разносчика пяток папирос и зашел в подворотню покурить. Успокоившись, двинулся дальше.

Пока шел, думал про Алферьева.

«Честно признаться, он мне никогда не нравился, — говорила Милашевская. — Хотя нужно отдать ему должное, интересный мужчина. Высокий, гибкий, в фигуре, знаете, что-то кавказское. Такое нервное тело, очень выразительное в движениях. По тому, как он сидит, как чай в стакан наливает, сразу можно угадать его настроение. А лицо, наоборот, неподвижное. Мимика самая банальная — улыбка, усмешка, взгляд исподлобья. Вот, пожалуй, и весь набор. Эсперанто, кстати, увлекался, как и вы. Даже брошюру какую-то издал по орфографии… Молодой еще, но с залысинами… У Чики из-за болезни волосики медленно росли — сейчас у многих детишек так, и он удивительно отца напоминал. Лоб, нос, рот, форма головы — все его. Только глаза Зиночкины. Мне кажется, она еще и потому с ним порвала, что он ей сына напоминал. Такое редко бывает, но бывает. У сильных натур. Я бы, например, так не смогла… Впрочем, вместе они почти не жили. Он вел беспорядочную жизнь — уезжал, приезжал, снова исчезал. Но расстались они не из-за этого. Он был видный эсер и, когда Зиночка ушла со сцены, пытался втянуть ее в дела своей партии. Ему нужна была жена-соратница. Зиночка же видела за всеми его планами только новую кровь, новые разрушения. Между прочим, я до сих пор не понимаю, как можно быть террористом, исповедуя одновременно эсперантизм с его доктриной любви и надежды. Видимо, эсперанто было для него способом самооправдания. Человек он сложный, путаный, с каким-то вечным наигрышем. А Зиночка говорила, что для артиста есть одиннадцатая заповедь: «Не фальшивь!» Сама она ей следовала неуклонно… Он ведь тоже из актеров. Из неудавшихся. Они и начинали вместе, еще в Доме интермедий. Был перед войной в Питере такой театрик. Вы хотите спросить, как же он с такой неразвитой мимикой на сцене играл? А вот играл, и даже нравилось на первых порах многим. За этой неподвижностью лица видели сдерживаемую страсть…»

Когда за спиной захлопнулась входная дверь школы, Семченко почувствовал некоторое облегчение, расслабился.

Альбину Ивановну он нашел в первой же комнате.

— Вы? — Она встала навстречу. — Слава богу, все обошлось! Да?

На ней была черная юбка и просторная, с треугольным вырезом полотняная блуза вроде матросской. Под вырезом смешно топорщился короткий, тоже полотняный галстучек, выглядевший ненужным привеском к ее простому костюму. В этом несоответствии была вся Альбина Ивановна: с одной стороны, подчеркнуто громкий голос, широкий шаг, грубо обрезанные волосы, манера курить, зажимая папиросу между большим и указательным пальцем, а с другой — застенчивость, скованность, трогательное умение удивляться самым обычным вещам. Все это при разговорах с ней давало Семченко ощущение собственной цельности и потому некоего не вполне осознаваемого превосходства.

— Поговорить надо, — сказал он.

В конце коридора, под лестницей, Альбина Ивановна толкнула низкую дверку:

— Входите.

В комнате был идеальный порядок, как в лейб-гвардейской казарме. Кровать застлана свежим покрывалом, на столе скатерть с ровными сгибами от глажки. Цветы в бутылке. Бутылка обернута листом бумаги, сколотым у верха булавкой. А рядом безобразная жестянка, набитая окурками. Альбина Ивановна словно стеснялась своей любви к порядку и для того, чтобы ее не принимали чересчур серьезно, водрузила на самом видном месте эту жестянку.

— Вы никогда ко мне не приходили. — Она брезгливо потянула из жестянки окурок, зажгла спичку. — Что-то случилось?

— Да вот зашел, — сказал Семченко и вдруг начал рассказывать о том, что Казароза советовала изменить в пантомиме «Долой языковые барьеры». Он все хорошо понял и запомнил, как оказалось, хотя в тот момент, слушая ее, думал совсем о другом.

— Вы должны все исправить, — закончил он, напирая на слово «должны».

— Конечно, — кивнула Альбина Ивановна. — Это вполне разумные предложения. Но если бы я даже была с ними не согласна, все равно исправила бы. В память о ней… Игнатий Федорович отнес в театр деньги на похороны. Взяли из клубного фонда… Минуточку, я запишу, чтобы не забыть.

Пока она писала, Семченко встал, подошел к книжной полке. Эсперантистская литература стояла на ней отдельно, с краю. Он сразу отметил коричневый корешок «Фундаменто де эсперанто», и это было как условный знак, дающий право на доверие. И он сам, и Альбина Ивановна только-только еще вступили на этот путь, не как Линев, которому книга Заменгофа — все равно что букварь академику.

— Альбина Ивановна, сколько вы слышали вчера выстрелов? Три или четыре?

— Три. — Она задумалась. — Или четыре. Не могу сказать наверное… А что?

Не отвечая, Семченко механически взял с полки какую-то брошюру, и бросилась в глаза фамилия автора — Алферьев.

— Это брошюра о правилах написания на эсперанто славянских имен собственных и географических названий, — пояснила Альбина Ивановна. — Главным образом русских и польских.

— Откуда она у вас?

— Игнатий Федорович дал. Я собираюсь писать варшавским эсперантистам, в клуб «Зелена звязда».

— Зачем? — грозно спросил Семченко.

Альбина Ивановна вспыхнула:

— Ведь вы сами писали туда!

— Мало ли. — Семченко сунул брошюру за гашник. — Я ее возьму.

Мысленно протянул брошюру Ванечке с Караваевым: «Вот, можете убедиться. Ваши подозрения безосновательны: Линев писал Алферьеву как эсперантист эсперантисту. И только!» Впрочем, было еще второе письмо.

— Берите, потом вернете Игнатию Федоровичу.

— Пойду, — сказал Семченко. — Пора.

— Вы только затем и приходили, чтобы объяснить мне про пантомиму?

— Пожалуй…

— А почему вас арестовали вчера? Поверьте, я не из бабьего любопытства спрашиваю. Мне это важно… Мне все про вас важно.

— Потом поговорим. — Семченко протянул ей руку.

Она вложила в его ладонь свою.

— Вы всем женщинам подаете руку первым? Или только мне?

— Всем, — сказал Семченко.

По коридору Альбина Ивановна шла медленно, и он тоже умерил шаг. У выхода, когда от стеклянных дверей класса их заслонил выступ коридорной печи, она внезапно придержала его за рукав.

— Николай Семенович, еще минутку! Вы ответите мне на один вопрос?

— Ну? — равнодушно спросил Семченко, думая о том, куда теперь идти. Нужно было, конечно, разыскать Линева, но за тем наверняка следят, если уже не арестовали.

— Эта певица, Казароза… Вы ее любили? Я почему-то сразу об этом подумала, как увидела вас вместе. И потом, когда она пела… Вы ее любили, да? Я хочу знать. — Задохнувшись, она перешла на шепот. — Я имею право это знать… Боже, что я говорю, дура!

Отдаленный плеск детских голосов доносился из глубины особняка.

— Теперь уже все равно. — Он резко отнял руку. Только что была мысль попросить разрешения посидеть в ее комнатке до вечера, но сейчас невозможно стало об этом говорить. — Альбина Ивановна, почему вы занялись эсперанто?

Topreading.ru

— Потому, — шепотом ответила она. — Хорошо, что вы хоть это наконец поняли…

«А вот Казароза из-за Алферьева эсперанто не изучала, — подумал Семченко. — Может, и не любила его?»

9

Из редакции Вадим отправился не домой, а на другой конец города, в Слободскую Заимку. Там, неподалеку от вокзала, находилась контора железной дороги, где служил Линев. Тот вышел ровно в шесть часов вместе со всеми служащими, но вскоре отделился от них и двинулся в сторону университета. Прижимаясь к заборам, Вадим последовал за ним.

Возле одного из университетских флигелей стоял доктор Сикорский. Несмотря на жару, он был в черном, застегнутом на все пуговицы люстриновом пиджаке, в шляпе и держался так, словно аршин проглотил — прямой, узколицый, бледный. Заметив его, Линев что-то крикнул не по-русски, они обменялись рукопожатьем и дальше пошли рядом.

Вацлав Михайлович Сикорский заведовал в университете анатомическим музеем. Месяца два назад по заданию Семченко Вадим ходил туда с экскурсией буртымских кооператоров. Самым ярким воспоминанием, которое он вынес из этой экскурсии, был заспиртованный в особой колбе мозг профессора Геркеля, первого декана медицинского факультета. Сикорский подробно рассказывал о научных и административных заслугах профессора, перечислял его титулы, полученные исключительно благодаря серому сгустку в колбе, его величине, весу и количеству извилин. Но на Вадима профессорский мозг произвел тягостное впечатление, поскольку как раз наводил на размышления о тщете всех этих заслуг и титулов. В конце концов ему в музее сделалось дурно, и какая-то сердобольная кооператорша отпаивала его в коридоре водой, приговаривая: «Профессора́! Только детей стращать…»

— Теперь уже все равно. — Он резко отнял руку. Только что была мысль попросить разрешения посидеть в ее комнатке до вечера, но сейчас невозможно стало об этом говорить. — Альбина Ивановна, почему вы занялись эсперанто?

— Потому, — шепотом ответила она. — Хорошо, что вы хоть это наконец поняли…

«А вот Казароза из-за Алферьева эсперанто не изучала, — подумал Семченко. — Может, и не любила его?»

9

Из редакции Вадим отправился не домой, а на другой конец города, в Слободскую Заимку. Там, неподалеку от вокзала, находилась контора железной дороги, где служил Линев. Тот вышел ровно в шесть часов вместе со всеми служащими, но вскоре отделился от них и двинулся в сторону университета. Прижимаясь к заборам, Вадим последовал за ним.

Возле одного из университетских флигелей стоял доктор Сикорский. Несмотря на жару, он был в черном, застегнутом на все пуговицы люстриновом пиджаке, в шляпе и держался так, словно аршин проглотил — прямой, узколицый, бледный. Заметив его, Линев что-то крикнул не по-русски, они обменялись рукопожатьем и дальше пошли рядом.

Topreading.ru

Вацлав Михайлович Сикорский заведовал в университете анатомическим музеем. Месяца два назад по заданию Семченко Вадим ходил туда с экскурсией буртымских кооператоров. Самым ярким воспоминанием, которое он вынес из этой экскурсии, был заспиртованный в особой колбе мозг профессора Геркеля, первого декана медицинского факультета. Сикорский подробно рассказывал о научных и административных заслугах профессора, перечислял его титулы, полученные исключительно благодаря серому сгустку в колбе, его величине, весу и количеству извилин. Но на Вадима профессорский мозг произвел тягостное впечатление, поскольку как раз наводил на размышления о тщете всех этих заслуг и титулов. В конце концов ему в музее сделалось дурно, и какая-то сердобольная кооператорша отпаивала его в коридоре водой, приговаривая: «Профессора́! Только детей стращать…»

Иногда Сикорский приносил в редакцию заметки на санитарно-гигиенические темы. При чтении их становилось понятно, почему у него всегда такое скорбно-брезгливое выражение лица.

Возле ботанического сада сидела на перевернутом ящике торговка квасом. Линев купил у нее два стакана и протянул один Сикорскому. Тот помотал головой. Линев тут же, не отрываясь, выпил его стакан, а со своим, подхватив Сикорского под руку, отошел в тень тополей. Здесь он начал пить квас уже мелкими глоточками. Сикорский стоял рядом и в чем-то убеждал Линева, что-то ему втолковывал. «Про венерические болезни объясняет, — решил Вадим. — Велит квасу не пить». Но когда подкрался за штакетником поближе, услышал совсем другое, никакого отношения к гигиене не имеющее.

— Вавилонская башня, — долетали до него отдельные слова. — Эсперантизм изживает себя… Нужно взглянуть правде в глаза…

Линев, слушая, тянул квас с таким острым блаженством на лице, какое Вадиму редко случалось наблюдать в подобных ситуациях у пожилых людей. Тоже захотелось квасу — невыносимо, до головокружения. Линев и Сикорский медленно пошли дальше по улице, а Вадим подскочил к торговке. Способность что-либо соображать вернулась к нему после третьего стакана, и когда она вернулась, оба эсперантиста уже исчезли из виду.

Вадим сунулся в одну сторону, в другую — нет.

«Тоже мне, Шерлок Холмс», — выругался он и побрел домой, хотя честно намеревался следить за Линевым до вечера и, может быть, даже ночью. Определенного плана действий у него не было — просто следить, и все. Вдруг что-нибудь подозрительное обнаружится?

Дома, у калитки, прибит был фанерный почтовый ящик. Почему он вдруг решил заглянуть туда, Вадим и сам не знал. Будто под локоть толкнули. Заглянул и увидел на дне белую полоску. Сразу не по себе стало: кто ему будет писать и зачем? Последний раз письмо пришло год назад, после смерти отца — сестра написала из Казани, что осенью на могилу приедет, да так и не приехала.

Вадим отодвинул планку, какая-то труха посыпалась, и вместе с ней порхнул сложенный пополам листок бумаги без конверта — значит, прямо в ящик опустили. Вадим опасливо развернул листок — письмо отстукано на машинке, вверху заголовок прописными буквами:

«Флорино счастье».

Ниже:

«Счастье пришло ко мне, и я спешу передать его вам, чтобы не прервалась цепь счастья. Эта

переписка началась в 1900 году ученым-философом Флориным. Она должна обойти вокруг света шесть раз. Тогда на всей земле воцарится счастье. Кто прервет переписку, будет несчастлив. Это пророчество сбывается с тех пор, как началась переписка. Обратите внимание на третий день после получения письма: вас ждет счастье. Загадайте желание, и оно сбудется через три дня на четвертый. Перепишите это письмо два раза и вместе с ним самим передайте или пошлите трем людям, которым вы всей душой желаете добра и счастья».

Вадим покрутил листок — ни его имени, ни подписи. Вспомнил: что-то похожее рассказывал года три назад Генька Ходырев, сосед. Положишь, будто в конверт рубль бумажный, отошлешь по секретному адресу, а там тоже человек отошлет куда-то, и в конце концов выйдет, что вместо рубля получишь десять.

Вадим перечитал письмо, и грустно стало. Никому он не нужен, никто ему настоящего письма не напишет. Вот и палисадник зарос травой, лишь возле калитки алел сам собой выросший марьин корень — бог весть какая вода на киселе тем цветам, что сажала мать. А через улицу, в палисаднике Ходыревых, цвели аккуратными рядами высаженные астры и георгины.

На крыше ходыревского дома торчали три вертушки — две жестяные и одна деревянная. Сейчас они не крутились. Днем Генька подвязывал их веревочками, а по ночам отпускал на свободу. Даже при небольшом ветре, вращаясь, они издавали жуткие, леденящие душу звуки, которые, как полагал Генька, должны отпугивать воров и бандитов. «А у самого отец вор оказался», — подумал Вадим, глядя на раскрашенные вертушки, отдаленно напоминавшие георгины. Сжимая письмо в руке, он поднялся на крыльцо и тут заметил, что дверь открыта. Это уж и вовсе было странно. Воровать у него нечего, конечно. Все, что можно было бы своровать, он сам зимой на рынке продал. Но странно все-таки — письмо это, дверь открытая.

Решил: «Перепишу и отдам кому-нибудь. Мало ли что…»

Он пошарил под рогожкой, куда, чтобы не потерять, клал обычно ключ, уходя из дому, — ключа не было. Вадим осторожно прокрался через сени, потянул дверь в комнату.

На кровати спал Семченко.

10

Пока гуляли по городу, Майя Антоновна все выспрашивала, как и почему он увлекся эсперанто. Семченко говорил про госпиталь, про доктора Сикорского, про революцию в Венгрии и Баварии.

10

Пока гуляли по городу, Майя Антоновна все выспрашивала, как и почему он увлекся эсперанто. Семченко говорил про госпиталь, про доктора Сикорского, про революцию в Венгрии и Баварии.

— И все-таки, — приставала она, — что стояло у вас на первом месте? Международная обстановка или внутреннее побуждение?

И тогда он рассказал про своего отца.

Отец, слесарь паровозного депо, был толстовец. Мяса не ел и жене с сыном лишь по

праздникам разрешал побаловаться холодцом или пельменями. Сапог не носил. Поскольку сапоги шили из кожи убитых животных, он даже летом ходил в особых, сделанных на заказ тонких катанках. И это в Кунгуре, где каждый второй — сапожник! Иконы из горницы вынесены были в холодную комнату, а на божнице стоял портрет Льва Толстого. Вечерами отец читал матери вслух книжки издательства «Посредник» и злился, если она засыпала. Все это продолжалось года два. Потом в депо случилась забастовка, дрались с полицией, и отец, хотя в забастовке не участвовал, в драке принял участие самое активное. Когда его выгнали из депо, он в первый же вечер напился, а на другой день последние рубли потратил на новенькие хромачи. Семченко было в то время лет двенадцать, но на всю жизнь запомнилось, как отец приплясывал по горнице в этих хромачах и кричал: «В лудильщики пойду, мать! Осенью кабанчика закоптим!»

В двадцатом году Семченко отца не понимал. Позднее понимал, пожалуй, но с собственными эсперантистскими увлечениями никак не связывал. И лишь сегодня подумал вдруг, что все не просто так, что эта идея о правильной и справедливой жизни, мучившая отца, через много лет отозвалась и в сыне. По-своему, разумеется, потому что время другое. И дед был такой же — молодым добирался до Алтая, искал земной рай, Беловодское царство.

Семченко не надеялся, что Майя Антоновна его поймет, но она, похоже, поняла, потому что вопросов больше не задавала, и сразу раздражение ушло, захотелось еще рассказывать.

У гостиничного подъезда они простились, причем Семченко, пользуясь правами, которые дает старость, первым протянул ей руку. «Милая девушка, — думал он, смотря вслед Майе Антоновне. — Очень милая...»

Из автомата в вестибюле Семченко позвонил дочери в Москву, сообщил, что чувствует себя нормально и через два дня вернется. Поднявшись к себе в номер, он растворил окно. Внизу с легким шелестом проносились машины, было еще светло, по тротуарам текла нарядная толпа, как это бывает в первые теплые вечера.

Семченко достал из кармана перочинный ножик, почистил ногти.

Этот ножик он привез из Англии. Когда собирались возвращаться в Россию, жена много чего наготовила — посуду, мебель. Вплоть до набора белых эмалированных коробочек для соли, сахарного песка и разных круп. Но стыдно было везти с собой то, чего у других нет. После двухдневного скандала едва сошлись на алебастровой люстре, трех стульях, чайном сервизе и этих коробочках, которыми жена почему-то особенно дорожила.

В Лондоне она жила замкнуто, воспитывала дочь и даже с женами других работников торгпредства почти не общалась, а в Москве вдруг полюбила гостей. В квартире вечно толклись какие-то подруги по курсам, вынырнувшие неизвестно откуда, соседки, продавщицы окрестных магазинов. Жена рассказывала им про Англию. У нее было несколько накатанных до блеска рассказов. Например, про няньку их дочери, которая в бутылочку с молоком доливала виски, чтобы ребенок не плакал и все время спал. Напряжение нарастало к концу истории, когда нянька с позором изгонялась из дома. Еще жена любила рассказывать о том, что ее в лавках принимали за шотландку — она говорила с акцентом и покупала все самое дешевое, а шотландские хозяйки славятся будто скупостью.

Как выяснилось в Англии, язык жена знала неважно, но в Москве после возвращения, когда не хотела, чтобы их понимали окружающие, норовила объясняться с Семченко по-английски. На них начинали оглядываться, он злился и нарочно громко, с самыми простецкими оборотами отвечал жене по-русски.

Кстати, в уставе клуба «Эсперо» имелся такой пункт: никогда не пользоваться эсперанто, если рядом находятся люди, его не понимающие. Линев полагал, что в противном случае будет подорвано доверие к эсперантизму в массах, а сами эсперантисты станут чем-то вроде сектантов или заговорщиков.

В Москве Семченко работал референтом английского отдела Внешторга. Когда началась война, ушел в ополчение, был ранен, эвакуирован в Горький и в Москву вернулся осенью сорок четвертого. Жена с дочерью приехала с Урала через год. Угол их дома в Брюсовском переулке снесло бомбой, и много лет потом вспоминались эти белые коробочки, привезенные из Англии, — они стали символом довоенной жизни, уютом, памятью. Странным казалось, что этот кухонный уют возможен был в ста метрах от немецкого посольства, похожего на кирху дома из неоштукатуренного кирпича. Дико было вспомнить, что жена высыпала в сахарницу песок из коробочки с надписью «Sugar», и они пили на кухне чай, а за окном, в самом центре Москвы, виднелся флаг со свастикой, странно и страшно свисавший с наклонного флагштока.

Семченко походил по номеру, потом прилег.

Он лежал на кровати у Кабакова, было еще светло, Вадим стоял над ним с вылупленными глазами.

— Ты извини, что без спросу, — сказал Семченко. — Так уж вышло. Помнишь, были у тебя на прошлой неделе? Ну, я и заметил, куда ты ключ кладешь.

— Сбежали, значит, — прищурился Вадим. От него исходил странный запах — не то квас, не то самогонка. Бражка, наверное.

— Слыхал уже? — Семченко ничуть не встревожился, потому что знал: кишка тонка у Кабакова его выдать, несамостоятельный он парень. — Ну и ладно… Дело есть! А завтра я сам обратно вернусь. Не возражаешь, у тебя посижу до вечера?

Вадим подошел к окну, пошарил за занавеской, а когда вернулся, Семченко увидел у него в руке сумочку Казарозы.

— Давай сюда! — грубо выхватил сумочку и начал раскладывать на одеяле извлеченные из нее вещички. Казалось, сейчас обнаружится нечто такое, что все объяснит.

— Вот еще. — Вадим положил на подушку маленькую гипсовую ручку. Она легла ладонью вниз, пальцы подогнуты, будто наволоку скребут. — На плакате в Стефановском училище точно такая нарисована. Помните? Палец этот…

— И что?

— Может, не случайно?

— Сын у нее умер, — сказал Семченко. — Мальчонка двухлетний. О нем память.

Дрожь пробрала от мысли, что даже эта гипсовая ручка, память мертвой о мертвом, может вызвать какие-то подозрения. Что же это случилось, если всем мерещатся вокруг разные соответствия — и ему самому, и Ванечке, и курьеру Кабакову?

Милашевская, та прямо заявила: «Просто так ничего не бывает!» А вот и бывает! Иначе черт

те чего наворотить можно, а ничего не поймешь. Ну, повесили в вестибюле похожий плакат. Ну, выкрасили фасад Стефановского училища в розовый цвет. Что с того? Алферьев этот бежал, но Казароза вовсе не из-за него сюда приехала, и Кадыр Минибаев не потому свою линзу розовой бумагой обклеил, что она — Казароза.

— А на это что скажете? — испытующе глядя на него, Вадим протянул листок, вырванный из записной книжки, начал рассказывать о рыжем студенте.

Семченко прочитал, махнул рукой:

— Да ерунда!

Идисты с их происками сейчас его совершенно не интересовали.

Он слез с кровати, подошел к окну. Вечерело. На другой стороне улицы стояла белая коза с обломанным рогом и громко, обиженно блеяла.

— Билька, — сказал Вадим, подойдя к окну. — До чего пакостная тварь!

Семченко смотрел на козу Бильку.

Теперь во многих семьях держали «деревянную скотинку». Время голодное, а с ней и молоко есть ребятишкам, и сметанка — щи заправить крапивные. У них в Кунгуре тоже была дома коза, без козы плохо.

Сколько же их в городе?

Розовоглазые белянки, как эта, чернухи с серебристым ворсом на вымени, пегие, черно-пегие, молодые и старые, бодливые и смирные, чистюли и в свалявшейся шерсти, с репьями под брюхом, иные с цветными нитками на рогах или в чернильных пятнах, меченые. Парами и в одиночку бродили они по городу, оставляя везде свои катуки, щипали траву на обочинах, забирались в общественные сады, глодали деревья на бульваре, объедали с заборов афиши и листовки.

Недавно в редакцию пришло два письма, авторы которых, не сговариваясь, требовали: коз на улицы не выпускать! Одно из них за подписью «Страж» Семченко напечатал несколько дней назад на четвертой полосе. Он даже по этому поводу в губисполком ходил. После долгих препирательств решили бродячих коз арестовывать и держать в специальном сарае, при стороже, пока за ними не придут. Семченко сам всю систему придумал. Каждой арестованной козе он предлагал вешать номерок, а на особом листе под этим номером писать приметы. Потом козу отдавать, если хозяева приметы верно укажут, но взимать пятьсот рублей штрафа — как бы за прокорм. Однако в губисполкоме положили штраф двести рублей. Семченко такой суммой остался недоволен, считал, что мала. Ругался, кулаком стучал: «Либеральничаете! Обывателям потакаете! Наши же дети нам спасибо не скажут, когда подрастут. Весь город изгадим».

А сейчас он смотрел на козу Бильку и думал: «Будь у Казарозы такая вот скотинка, и Чика бы, глядишь, не умер...»

Билька стояла у ворот, вскинув голову, и блеяла — дескать, вот я пришла и сыта, насколько можно быть сытой в несуразное это время, и вымя мое полно молоком.

В ее блеянии почудилось сознание исполненного долга. И еще вроде обида примешивалась,

что долго не впускают.

Семченко стало стыдно, что с предложением своим поторопился. Ну кому они так уж мешают, козы эти? Отменить надо ихнюю кутузку, да и со штрафом обождать до следующего лета, когда жизнь наладится.

— Вчера смотрю, — доверительно сообщил Вадим, — она, тварь, стоит у забора, шею вытянула и плакат объедает про помощь Запфронту. А рядом поп остановился. Глядит и лыбится. Нет чтобы отогнать!

— Выше клеить надо.

— Я про этот случай заметку хочу написать. — Вадим пропустил его слова мимо ушей. — Уже и название придумал: «Единомышленники».

Не ответив, Семченко взял со стола сегодняшний номер газеты. Сводка с польского фронта была хорошая — штурмовали Речицу, на юго-западе выдвигались к Ровно. Познанские добровольческие батальоны, не желая сражаться, бросали оружие и уходили к прусской границе. Семченко вспомнил: на выпуске пехкурсов начвоенком говорил о командире одного из этих батальонов, который всем пленным красноармейцам приказывал давать по девяносто ударов шомполом — пятьдесят за Ленина, двадцать пять за Дзержинского и пятнадцать за Луначарского. Вот сволочь!

В Венгрии продолжался белый террор, девять тысяч человек томились в тюрьмах.

В полку, где служил Семченко, был мадьярский эскадрон. И латыши были, и китайцы — те в пехоте. Со всеми ими отлично по-русски объяснялись, никакого эсперанто не требовалось, об этом Пустырев напоминал — практика, дескать, критерий истины, а она показала, что и без международного языка обойтись можно.

На четвертой полосе набрано было крупным шрифтом:

«Губкомтруд объявляет 4 июля, воскресенье, днем трудовой повинности для всех без исключения лошадей военного и гражданского ведомства и частных лиц. Продолжительность рабочего дня шесть часов, с 9-ти до 3».

— С Буцефалом-то нашим кто пойдет? — Семченко знал, что мерина зовут Глобусом, но в этом тоже мерещился тайный намек судьбы на эсперантизм его нового владельца.

— Я, — недовольно бормотнул Вадим. — Кто еще?

Он ходил рядом, пытался заглянуть в глаза — все ждал чего-то. Наконец, не дождавшись, сам спросил:

— До вечера посидите, а дальше что?

— Не боись, уйду… Как уйду, сразу валяй к Караваеву, докладывай чин чинарем: был, ушел, а куда — неизвестно. Может, именным оружием наградят.

— Так вы же не виноваты ни в чем. Не контра ведь, я точно знаю…

— Знаешь, тогда не ходи. Ложись спать.

— А вы куда пойдете?

— Мало ли…

— И я с вами! — сказал Вадим, шалея от собственной решительности.

«А что? — прикинул Семченко. — Пускай… Пригодится!»

Когда попили чаю, Вадим выложил на стол листок с машинописным текстом:

— Глядите, что мне в ящик подложили.

Семченко прочел, хмыкнул:

— Счастье, полное угроз… Это Наденька писала.

— Как знаете?

— Видишь, у буквы «п» верхняя перекладина не пропечатана… Наш ремингтон… Ей кто-то, она кому-то. Сильно не обольщайся, что тебе.

— А сами-то вы что пишете в своем клубе! — неожиданно взорвался Вадим. — Такую же чушь и пишете, еще похуже. Думаете, изменится что от ваших писулек?

Семченко смотрел на письмо. Вот лежит листок на столе — машинная пропись, пальчики прыгскок по круглым клавишам, пустое девичье мечтание о небывалом счастье.

А сам-то он чем лучше?

Неведомый философ Флорин, которого, может быть, и не было никогда, и доктор Заменгоф — не из одного ли яйца они вылупились? Великая и благая надежда, пар, облачко над землей. Скитаются по свету послания, написанные на самом правильном, самом доступном из человеческих языков. И что из этого? Безадресные, предназначенные всем вообще и никому в отдельности, холодные — потому что опять же для всех, перелетают они из города в город, из страны в страну. Недремлющим оком следит Линев за чистотой единого эсперанто, ставит печати Женя Балин, и на десятках страниц возникает одно слово, разделенное надвое острым лучом звезды: эсперо.

Или в этом все и есть? Неважно, кто писал и о чем письмо. Неважно, кому попадет оно в руки. Наугад, наудачу, в пространство. Плывет по миру паутинка, колеблется от дыхания.

И все же почему именно шесть раз должна обойти вокруг света переписка философа Флорина? Почему в эсперанто восемь грамматических правил? Что за этим? А ничего, наверное. Просто числа придают строгость все той же вечной, детской надежде, что мир станет лучше, что люди научатся понимать друг друга.

Зиночка, Зинаида Георгиевна, Казароза, почему все так случилось? Философ с цветочной фамилией, гиу эстас виа патро?

Да есть ли в эсперанто такие слова, чтобы рассказать кому-то, кто сам не видел, про коз на улицах, про голодных детишек, про беженок с баграми на скользких плотах, про шорника Ходырева и его сына, про гипсовую руку, про того курсанта, который бился с Колчаком за мировую справедливость, но хочет говорить про все своими словами, родными. Как на эсперанто расскажешь про этот город — разоренный, живущий надеждой, зябко притулившийся к мертвой реке, единственный. На этой земле родились, в эту землю ляжем,

Topreading.ru

хотя сражаемся за весь мир, и нельзя говорить о ней на нейтральном международном языке эсперанто, потому что нет за его словами, рожденными в кабинете доктора Заменгофа, ни крови, ни памяти, ни любви. Не той любви, о которой всегда готов потолковать Линев и которая будто составляет самую суть, «интерна идеа» эсперанто, а настоящей — к ребенку, женщине, другу, запаху родного дома.

А на «Идо» и вовсе ничего не объяснишь, еще хуже.

Конечно, эсперанто — язык вспомогательный. Но если о самом главном сказать нельзя, тогда зачем он? Люди не станут лучше понимать друг друга, только еще больше запутаются. Про неглавное будут думать, что главное, и не найдут в себе сил понять это душой. Пусть уж лучше на свой язык переводят, чтобы через себя понять.

А он, Семченко, останется, что ли, при своем?

«В полдневный зной, в долине Дагестана, с свинцом в груди лежал недвижим я…» Эти слова будут с ним всю жизнь, и до него были, и после него останутся.

А эти: «Эн вало Дагестана дум вармхоро…»?

Как быть с ними? Ведь уже и за этими словами были и смерть, и память, и любовь.

11

В шесть часов Вадим Аркадьевич съездил в гостиницу «Спутник», но Семченко в номере не застал, а когда вернулся домой, обнаружил, что невестка сменила рамку на Надиной фотографии. Новая рамка выглядела превосходно, но жаль было старой, которую невестка успела выбросить, и в итоге произошла безобразная сцена. Вадим Аркадьевич кричал, хлопал дверью, а после сидел у себя в комнате, сжав ладонями виски, и повторял:

— Уеду… Не могу больше, уеду!

Поздно вечером из спальни доносился взволнованный шепот невестки, короткие ответы сына — тот по традиции придерживался нейтралитета, а Вадим Аркадьевич лежал на своем диванчике, стараясь не прислушиваться, и испытывал мучительный стыд за все происшедшее. Ведь она же хотела сделать ему приятное!

Всю свою жизнь он, Вадим Аркадьевич Кабаков, пытался жить тихо, по совести, никому не мешая. Даже статью про клуб «Эсперо» не стал писать, потому что лежачих не бьют. Работал, воевал, рыбачил, был примерным мужем, отцом и дедом. Но теперь, под конец жизни, всего этого вдруг оказалось мало, самые родные люди его не понимали, да и он их, наверное, не понимал. Все-таки нужно было подняться над жизнью, чтобы все в ней понять, хотя бы раз поглядеть на нее с высоты какой-нибудь идеи — пусть глупой, но забирающей тебя целиком, с потрохами.

Громыхали за окном последние трамваи, на остановке завывала подвыпившая компания: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно о-о называется жизнь…»

Свернули на Петропавловскую, к Стефановскому училищу, и Вадим удивился: уверен был, что

идут к Линеву.

Семченко вошел во двор осторожно, чуть развернувшись левым плечом вперед, словно хотел утончить свое тело, сделать его как можно менее заметным и в то же время готовым к неожиданной схватке. Всю дорогу он молчал, и Вадиму обидно было, что, воспользовавшись его кровом, Семченко так и не снизошел до каких-то более или менее внятных объяснений. Даже когда они прятались в подворотне от патруля, когда были объединены опасностью, отъединены от остального мира и душу переполняло доверие и нежность к стоявшему рядом человеку, для Семченко все это ровным счетом ничего не значило.

Двухэтажное здание училища слабо выделялось на фоне неба — к вечеру над городом собрались облака и стемнело рано, часам к одиннадцати. Ни одно окно не светилось в обоих этажах. Шелестела листва на тополях, дребезжал под ветром изломанный жестяной карниз, и от этого звука, тоскливого, напоминающего о разрухе, о привычном уже неуюте, стало совсем одиноко.

Во дворе Семченко подобрал булыжник и железяку непонятного происхождения, которую сунул Вадиму. Тоже без объяснений.

На двери черного хода висел замок. Семченко показал, как упереть в него железяку, как прикрыть ее полой пиджака, чтобы заглушить звуки. Тремя мощными ударами сбил замок. При этом Вадиму слегка пришлось по пальцу, он застонал, но Семченко даже не взглянул на него. Правда, стон был несколько преувеличенный, рассчитанный на дружеское участие, которое Вадим вполне заслужил. Он попрыгал, подул на палец и, не дождавшись сочувствия, снисходительно заметил:

— Чего ломились? Через окно можно залезть!

Семченко нахмурился, соображая.

— А раньше ты где был?

Но Вадим тоже ничего ему объяснять не стал.

Здание Стефановского училища было старое, вросшее в землю. Последние безалаберные годы изобиловали пожарами, дворовые постройки частью погорели, частью были растащены на дрова, мусор никто не убирал, он слежался, нарос плотным слоем, и дверь черного хода оказалась ниже уровня земли во дворе. Открылась она не полностью, пришлось пролезть боком. Вадим достал прихваченную по распоряжению Семченко свечу — относительно нее тоже ничего вразумительного сказано не было, и он терялся в догадках: зачем эта свеча, если идут к Линеву? Не пятки же ему поджаривать!

— Николай Семенович! Если вы мне не доверяете, нечего было и брать с собой! Я же вам верю… Зачем мы сюда пришли?

— Дойдем, объясню, — сказал Семченко.

— Куда дойдем?

— В зал… Здесь дверца есть на сцену.

Переступая через груды хлама, которым завалена была лестница черного хода, они поднялись еще на этаж, и Вадим увидел дверь под глубоким сводом. Подергав ее, Семченко вытащил из

стойки перил расшатавшийся железный прут, осторожно ввел его в зазор между дверью и косяком, чуть повыше замочной скважины. Затем отступил назад и резко, как гребец весло, потянул прут на себя. С отвратительным хрустом железо вдавилось в древесину. Дверь перекосило, вырезанные на ней квадратные углубления сжались, превратились в ромбы, и в колеблющемся свечном пламени Вадиму почудилось, что на двери как бы проступила гримаса боли и недоумения. Потом щеколда выскочила из паза, гримаса исчезла, и Семченко отлетел к стене. Прут звякнул о камень, Семченко шагнул вперед, скрипнув левым сапогом.

— Куда дойдем?

— В зал… Здесь дверца есть на сцену.

Переступая через груды хлама, которым завалена была лестница черного хода, они поднялись еще на этаж, и Вадим увидел дверь под глубоким сводом. Подергав ее, Семченко вытащил из стойки перил расшатавшийся железный прут, осторожно ввел его в зазор между дверью и косяком, чуть повыше замочной скважины. Затем отступил назад и резко, как гребец весло, потянул прут на себя. С отвратительным хрустом железо вдавилось в древесину. Дверь перекосило, вырезанные на ней квадратные углубления сжались, превратились в ромбы, и в колеблющемся свечном пламени Вадиму почудилось, что на двери как бы проступила гримаса боли и недоумения. Потом щеколда выскочила из паза, гримаса исчезла, и Семченко отлетел к стене. Прут звякнул о камень, Семченко шагнул вперед, скрипнув левым сапогом.

— Не входи пока со свечой, я шторы задерну.

И вдруг вместе с его шагами Вадим услышал внизу еще шаги — тихие, шелестящие, будто кто-то неуверенно и опасливо поднимался по лестнице. Жутко стало. Он хотел позвать Семченко, но боялся подать голос. Даже свечу не задул. Стоял как истукан и не дышал. Семченко между тем остановился, скрип сапога стих — видно, нашаривал в темноте край сцены, — и сразу шаги внизу тоже стихли. «Эхо», — сообразил Вадим. Он поднес свечу к пролету, перевесился через перила. Закачались облупленные, исчерканные похабщиной стены, зашевелился, изгибаясь и утолщаясь, пустой шнур электропроводки, свисавший с потолка на нижней площадке, тени вжались в углы — никого.

Из зала раздался грохот — Семченко налетел на стулья. Через полминуты голос:

— Иди сюда! Только свечу задуй.

Презирая себя за трусость, Вадим выволок из угла пустое искореженное ведро, положил на всякий случай перед дверью, чтобы, если кто пойдет, слышно было, потом вышел на сцену, боязливо прислушиваясь к отзвуку собственных шагов. Нащупав крышку пианино, спрыгнул вниз. Вскоре глаза привыкли к полумраку, и он увидел в оконных проемах синее небо июльской ночи.

— Шторы задергивать?

— Обожди. — Силуэт Семченко виден был у ближнего окна. — Так маленько зал виден, а со свечой только друг друга и разглядим.

— Ну? — Теперь Вадим чувствовал себя в своем праве: пусть объясняет, хватит в молчанку играть.

— Понимаешь, Кабаков, я проверить хочу, как все вчера вышло. Я думаю, не он ее убил, не курсант этот.

— Что ж вы его били тогда?

— Не разобрал сгоряча. А после понял: он же вверх стрелял.

— Так ведь пьяный.

— Все равно… Ты сколько выстрелов слышал?

— Не помню, не считал.

— И я точно не помню. То ли три, то ли четыре. А у курсанта три патрона истрачено. И нигде он до того не стрелял.

— Потолок надо осмотреть, — предложил Вадим. Он был разочарован этим разговором. Казалось, что Семченко не договаривает до конца, умалчивает о чем-то важном.

— Затем и пришли. Видишь, штукатурка в двух местах осыпалась?

Вадим задрал голову — на потолке, едва различимые темнели два пятна. Одно в конце зала, где сидел курсант, другое поближе к сцене.

— Чего тогда? Его, значит, пуля.

— А если штукатурка от двух пуль одним пластом отошла? Сперва пробоины посчитаем.

Но Вадим не мог принять всерьез эту версию.

— Кому ее убивать? Зачем? У нас ее и не знал никто.

Притащили из коридора стремянку, установили под пятном в конце зала. Увлекшись, Семченко остервенело разбрасывал стулья, не обращая внимания на производимый грохот.

— Шторы задерни! — скомандовал он и полез на стремянку.

Обломав пару спичек, Семченко зажег свечу. Одна стена, ближняя, надвинулась на Вадима, в извивах теней набухла лепка бордюра, а три других пропали и обнаружились лишь через несколько секунд, но совсем не на том расстоянии, на каком он думал их увидеть.

Наверху Семченко поднес свечу к обнаженной дранке и начал ковырять потолок. На пол падали ошметки штукатурки, желтый круг над его головой то расплывался, когда он отводил руку со свечой, то делался маленьким, ярким. Время шло, и Вадим уже утратил всякий интерес к этим его манипуляциям, но тут Семченко возгласил:

— Есть вторая!

Он упер палец в потолок и выразительно потряс кистью.

И сразу, мгновенным отзвуком этого движения, внешне понятного, но загадочного по своей сути, слабо звякнуло ведро, оставленное Вадимом у входа на сцену.

Семченко бесшумно и хищно спрыгнул вниз. Огонек свечи прочертил в воздухе дугу, потух. Вадим увидел прямо перед собой красную точку тлеющего фитиля — она уколом иглы отпечаталась в мозгу, и через секунду зажегся свет. Семченко включил электричество. Как он нашел в темноте выключатель, было не ясно. Неужели ждал кого-то, заранее готовился? А ведь

не предупредил!

— Стой! — заорал Семченко.

Лампочка на верхней площадке черного хода, за дверью, разлетелась брызгами, с глухим хлопком, словно петарду взорвали. «Разбили», — догадался Вадим. Семченко вскочил на сцену, метнулся к дверному проему, и слышно стало, как осколки стекла, вдавливаясь в каменный пол, захрустели под его сапогами.

Скатившись по лестнице, Вадим выскочил во двор вслед за Семченко и заметил вдали, у ворот, темную фигурку — человек бежал и застыл на бегу, изломившись. Показалось, что застыл. Руки раскорячены, спина зигзагом, будто сквозь воду виден. Но это всего одно мгновение и длилось. Человек скользнул в ворота, побежал, невидимый уже, по улице, и Вадим услышал:

— Стой! Стрелять буду!

Семченко ринулся к воротам, но навстречу, заступив дорогу, шагнул Ванечка. Наган он держал в опущенной руке, не поднимая.

— Не нужно! Там Караваев.

Темно-лиловые облака летели по небу. Шумно, как осенью, шелестела под ветром листва. Человек убегал, его подметки глухо стучали по булыжнику, и ясно цокали подковки на сапогах его преследователя — цонк, цонк, теньк!

— Догнал вроде, — подал голос Ванечка.

— А пробоин в потолке три, — сказал Семченко.

— Наверное. — Ванечка отвечал спокойно.

— Три… Понимаешь, ты? — Семченко рванул из-за гашника какую-то книжечку. — Вот, можешь убедиться. Эта брошюра принадлежит Линеву. Она о том же, о чем то письмо. Об орфографии имен собственных. Линев писал Алферьеву как эсперантист эсперантисту!

Ванечка взял брошюру, поднес к глазам.

— Алферьев… Да.

— Штамп посмотри, — не отставал Семченко. — Потому Линев ему туда и написал.

Подошли еще двое в кожанках.

— Идите пока все на свои места, — велел им Ванечка и посмотрел штамп. — «Амикаро»… Да.

Семченко прижался спиной к каменному столбику ограды, понимая, что человек, который войдет сейчас во двор под дулом караваевского револьвера, каким-то образом причастен к смерти Казарозы. И Вадим это понял.

Семченко прижался спиной к каменному столбику ограды, понимая, что человек, который войдет сейчас во двор под дулом караваевского револьвера, каким-то образом причастен к смерти Казарозы. И Вадим это понял.

Караваев басил совсем близко, и другой голос, молодой, звонкий и уверенный, отвечал ему.

Через полчаса сидели в губчека — Вадим, Семченко и рыжий студент-идист с разными глазами. Караваев остался возле Стефановского училища.

Семченко всю дорогу молчал, Ванечка тоже не проронил ни слова и лишь теперь, выложив на стол аккуратный английский браунинг, спросил у студента:

— Ваш?

— Сами знаете. — Студент провел рукой по волосам. В его шевелюре запуталась какая-то труха, будто на сеновале ночевал.

Ванечка взял браунинг, щелкнул спусковым крючком раз, другой, вопросительно поглядывая при этом на студента:

— Патроны где? Выбросили?

— Их не было.

— Но ведь браунинг вы пытались выбросить… Так? А зачем носить с собой оружие без патронов?

— Для уверенности в себе. Мало ли что. Попугать, если полезут… Да он и не стреляет, у него боек спилен.

— Проверим, — Ванечка позвал конвойного, вручил браунинг и приказал поискать у дежурного патроны к нему. Потом опять повернулся к студенту. — Откуда он у вас?

— Да их много в городе, — решил вмешаться Вадим. — Когда белые уходили, из эшелона растаскали.

— Точно, — кивнул студент. — Я его в прошлом году на рынке выменял за фунт масла…

— Пусть так. А зачем забрались ночью в училище?

— Я готов сказать об этом, но только без свидетелей. — Студент покосился на Семченко, который сидел, откинув голову к стене и прикрыв глаза.

— Если вы знакомы с товарищем Семченко, значит, у вас имелись причины разбить лампочку на площадке. Чтобы не быть узнанным.

— Тем не менее я ее не разбивал.

— Почему тогда побежали?

— Любой, знаете, побежал бы на моем месте.

— Но на этом месте оказались именно вы, не любой, — наставительно произнес Ванечка. — Вы были вчера на заседании клуба «Эсперо»?

— Я идист! — сказал студент таким тоном, словно это заявление разом могло объяснить все его прошлые и будущие поступки.

— Чего-о? — сощурился Ванечка.

Topreading.ru

— Я не посещаю заседаний так называемого клуба «Эсперо», поскольку являюсь сторонником идо-языка. Мы считаем эсперанто лишь ступенью на пути к идеальному международному средству общения. Причем такой ступенью, через которую лучше перешагнуть.

— Все у вас как-то не по-людски, — помотал головой Ванечка. — Умные вроде ребята, хотите, чтобы все народы понимали друг друга, а сами между собой договориться не можете.

Вошел конвойный, положил на стол браунинг, а рядом высыпал горсть патронов. Ванечка взял один, загнал в патронник. Затем встал, высунул руку с браунингом в форточку и надавил спусковой курок. Курок сухо щелкнул — осечка. Студент смотрел на все это молча, с грустной улыбкой понимания и снисхождения на толстых губах. Ванечка попытался выстрелить еще раз — опять осечка. Он вынул патрон и зарядил другой — тот же результат.

— Можете целиться в меня, — предложил студент. — Я согласен.

Нервничая, Ванечка разровнял патроны ладонью на столе и начал брать по одному, внимательно рассматривая капсюли. Наконец один понравился ему почему-то больше других. Зарядив его, Ванечка опять подошел к окну.

— Горохом надо попробовать, — сказал студент, и тут грянул выстрел.

Легкий белый дымок воспарил в ночное небо, гулко покатилось эхо, отскакивая от железных купеческих крыш. Ванечка довольно засмеялся, и Вадим увидел, что он еще совсем пацан, Ванечка-то. Года, может, на два только постарше его самого.

Семченко настороженно и недобро смотрел на студента, а тот беззвучно шевелил побелевшими губами.

— Вот так! — Ванечка небрежно швырнул браунинг на стол. — Боек-то не до конца спилен… Не на всякий капсюль, конечно, но можно подобрать.

— Ни разу он не стрелял! — закричал студент.

— Николай Семенович, — спросил Ванечка, — у него были основания вас ненавидеть?

— Мы с Линевым написали письмо в губком, требуя запретить пропаганду идо-языка. Разве что это.

— Вы повели себя недостойно! — стремительно повернулся к нему студент. — Вы решили суд потомков заменить судом власть предержащих.

— Эсперантисты, идисты, — Ванечка помрачнел. — Такое время, а вы счеты сводите!

— Дайте мне бумагу и карандаш, — попросил студент. — Я все напишу, а вы прочтете. Только не вслух, пожалуйста.

— Ладно, идемте. — Пропустив его в коридор, Ванечка обернулся. — В соседней комнате пока запру. Пускай пишет.

— Николай Семенович, вы его вчера в училище не замечали? — спросил Вадим.

Семченко ничего не ответил, но когда Ванечка, вернувшись, прямо с порога задал ему этот же вопрос, покачал головой:

Topreading.ru

— Нет… А ты?

— Тоже нет. А ты, курьер?

— Нет, — ответил Вадим, хотя с удовольствием сказал бы обратное. Он доволен был, что браунинг все-таки выстрелил. Поделом этому рыжему, а то небось тоже пари заключал!

— А других идистов там не было? — спросил Ванечка.

— Не видал.

— Николай Семенович, — Ванечка помялся, — вообще-то я должен извиниться перед вами. Моя версия оказалась ложной, Казароза приехала сюда не из-за Алферьева. Он бежал не на восток, как мы предполагали, а на юг, в Тамбов. Сегодня пришла телеграмма. Алферьев скрывался в Тамбове и два дня назад застрелился при аресте.

Вадим ничего не понял, однако почувствовал: сказано что-то важное, объясняющее если и не все, то очень многое в отношениях Семченко с этим парнем из «чрезвычайки».

— У нас недавно похожий случай был, — как бы извиняясь, продолжал Ванечка. — Через женщину взяли одного.

— Другая была женщина, — сказал Семченко. Он сидел, опершись локтями о колени и свесив голову вниз, словно его мутило.

— Вы человек грамотный, в редакции работаете. — Ванечка откинул со лба длинные светлые волосы, и Вадим опять увидел, какой он молодой — движение это было мальчишеским, и лоб, и шея, и руки в веснушках. — Я вам одну мысль хочу привести. Из Плутарха… Знаете, был такой греческий историк?

— Знаем, — выскочил Вадим. Не зря же он на исторический факультет поступать собирался.

Из висевшей на гвозде офицерской сумки Ванечка достал старинный томик в кожаном переплете. «Как Суворов», — подумал Вадим. Где-то он читал, что Суворов всегда брал с собой в походы сочинения Плутарха.

— Не подумайте, что для оправдания. — Ванечка быстро нашел нужную страницу. — Так просто, чтобы объяснить…

— Валяй, — нахально сказал Вадим, понимая, впрочем, что даже великий Плутарх, любимец Суворова, никак не в состоянии объяснить тайну, связавшую воедино всех этих людей, живых и мертвых.

«Поскольку время бесконечно, а судьба переменчива, — начал читать Ванечка, — не приходится, пожалуй, удивляться тому, что весьма часто случаются в человечестве сходные между собой происшествия. Воистину, ежели число главнейших частиц мироздания неограниченно, то в самом богатстве своей сущности судьба находит щедрый источник для созидания подобий. А ежели, напротив, происшествия сплетаются из ограниченного числа изначальных частиц, то неминуемо должны многажды случаться происшествия, порождаемые одними и теми причинами».

Слушая, Семченко все так же безучастно смотрел в пол, но Вадим уже начал догадываться о причине этой кажущейся безучастности и жалел его — страшно было думать, что смерть

Казарозы хоть как-то связана с борьбой против идистов.

Когда Ванечка кончил читать, все помолчали, потом Семченко сказал:

— Похожие случаи бывают, но одинаковых-то нет. Жизнь этого не допускает. Только мысли про такие случаи бывают одинаковые, потому что из самого человека. Вот люди и мучаются: как им всем понять друг друга?

Ванечка ошарашенно поглядел на него и согласился без уверенности:

— Может, и так.

— Откуда у тебя эта книжка? — поинтересовался Вадим.

— Да брали зимой в Гатчине одного полковника. На дому брали, он ее и сунул под френч. Привели, обыскивать стали и нашли. «Зачем она вам?» — спрашиваю. А он: «Утешает в несчастье». — «Чем же?» — говорю. Отвечает: «Пространством истории!»

Вадим вспомнил, что у Осипова тоже был свой способ утешаться в несчастье, похожий. Он смотрел в бинокль на звездное небо. Тогда, по его словам, музыка сфер заглушала, делала ничтожными все шумы собственной жизни.

— Сейчас я. — Ванечка вышел из комнаты.

Вадим пересел поближе к Семченко, положил руку ему на плечо.

— Николай Семенович, а если у этого рыжего и патроны были? Браунинг-то нашли, а их нет. В голову не пришло патроны искать. А? Может, он вас убить хотел? Для того и в училище за нами пришел. Выследил, гад! Отомстить решил за свой идизм… И вчера, может, он в вас стрелял, а попал в Казарозу. Вполне мог войти, когда уже свет потушили. — Вадим торопился высказать свои озарения до прихода Ванечки. — Ведь все сходится! Я шаги внизу слышал, когда еще у двери стоял со свечой. Но не поверил. Послышалось, думал…

— Уйди, Кабаков, — не поворачивая головы, попросил Семченко.

— Я же дело говорю. И не кому-нибудь, вам одному!

Семченко молчал, и Вадим с некоторым запозданием сообразил, что эта мысль не ему одному в голову пришла, Семченко тоже. Только он ее гонит от себя, боится близко подпустить.

А Семченко вдруг спросил — не то со злостью, не то с надеждой:

— Чего же он не стрелял сегодня? Чего побежал от меня?

— Нервы не выдержали. — Вадим легко устранил это противоречие.

Вспомнился пананархист Гордин, создатель языка «АО». Он кроме всего прочего рассказывал, что собирает сведения о детях, появившихся на свет в результате кесарева сечения. И просил, если таковые имеются среди публики, после лекции подойти к нему. Этим детям, по словам Гордина, свойственно поразительное чувство бесстрашия. В доказательство он ссылался на трагедию Шекспира «Леди Макбет», один из персонажей которой, некий Макдуф, «из чрева матери был вырезан ножом» и потому вырос смельчаком, каких мало. «Страх смерти, — говорил Гордин, — есть лишь слабый отзвук страха рождения. Не знавший одного не ведает и другого. И в будущем, когда сознательность возрастет, все женщины будут добровольно

подвергаться кесареву сечению. Тогда возникнет новая, не знающая страха и сомнения порода людей, и для них язык «АО» станет самым естественным средством общения…»

Вадим подумал, что если догадка его правильна, этот рыжий идист наверняка появился на свет самым обыкновенным образом, а не в результате кесарева сечения. И слава богу! А то неизвестно еще, как бы все для Семченко обернулось. Да и для него самого тоже. Кому нужны лишние свидетели?

Вошел Ванечка, держа в обеих руках лист бумаги — видно, читал или перечитывал на ходу.

— Написал. — Он протянул бумагу Семченко.

— Ты же обещал ему!

— Я вслух обещал не читать. — Ванечка тряхнул лист. — Берите…

«Узнав о письме, которое, направили в губком члены правления клуба «Эсперо» И. Ф. Линев и Н. С. Семченко, мы, последователи де Бофрона, решили принять ответные меры. — Вадим скосил глаза и тоже стал читать, с трудом разбирая беглый крупный почерк. — И это несмотря на то, что товарищи из губкома правильно оценили обстановку и после беседы с нашими представителями, в числе которых был и я, согласились не стеснять нашу деятельность как не противоречащую интересам революции и пролетарского единства. Ответные меры заключались в организации диспута с эсперантистами при участии товарищей из губкома в качестве судей. Я, однако, задумал в отместку уничтожить архив клуба «Эсперо» и похитить самые ценные книги из клубной библиотеки, для чего и сделал попытку проникнуть сегодня ночью в Стефановское училище. По пожарной лестнице я собирался проникнуть на чердак, но, увидев дверь черного хода открытой, пошел по этому пути. Пройдя всего один пролет, услышал наверху шаги, крики и звон разбитой лампочки, после чего побежал…»

«Вся ответственность за этот опрометчивый и не достойный принципов нашего движения шаг лежит исключительно на мне. Я предпринял его на свой страх и риск, не посоветовавшись с товарищами, и потому прошу подвергнуть меня наказанию без огласки, использовав любой удобный вам предлог, чтобы не давать в руки эсперантистов лишний козырь, который может быть использован против…»

Вадим не успел дочитать, Семченко перевернул лист, надеясь, видимо, найти на обороте продолжение, некий все объясняющий постскриптум, и, не найдя, вернул бумагу Ванечке.

— Похоже на правду? — спросил тот.

— По-моему, она и есть.

Но Вадим засомневался:

— Как он собирался книги-то унести? У него ни мешка с собой, ничего.

— Ремнями хотел затянуть, — объяснил Ванечка. — Так говорит… У него в брюках ремень и еще подпояска.

Семченко только сейчас сообразил, что Вадим тоже прочел объяснение идиста, повернулся к нему:

— А ты говорил…

— Кажется, я понял, о чем речь, — вмешался Ванечка. — Мне эта мысль давно пришла. Не один ты такой умный, курьер!

— Какая мысль? — встревожился Семченко.

— Какая мысль? — встревожился Семченко.

— Что стреляли вчера в вас…

— Да не было там этого рыжего!

— Во-первых, еще вопрос. Во-вторых, мог быть кто-то из их компании, кого вы не знаете. Придет Караваев, спросим. А завтра предъявим ему для опознания остальных идистов. Он у входа в зал стоял, на площадке, и несколько человек проходили мимо него, когда уже свет погас. И выскакивали потом, я спрашивал… И еще. — Ванечка сделал паузу. — Она была убита из такого же браунинга. Калибр совпадает… Кроме того, Балину, например, показалось, будто стреляли от окон. Я сегодня с ним разговаривал. Тогда вы как раз стояли на пути этой пули… А Казарозу здесь некому было убивать!

— Все равно не верю, — сказал Семченко.

— Понятно, — тут же отозвался Ванечка. — Я бы на вашем месте тоже не поверил. Страшно верить-то!

В коридоре послышались шаги — под многими сапогами вразнобой скрипели половицы, распахнулась дверь, и в комнату вошел Караваев. За ним блеснули обтянутые кожанами плечи двух чекистов, а между ними Вадим увидел Женю Балина, секретаря клуба «Эсперо».

— Привели, значит. — Ванечка подтянулся, приосанился.

— Ага, — сказал Караваев и подмигнул Семченко. — Зря ты, брат, побежал. Из-за тебя чуть по ложному следу не пошли. Потом уж сообразили, что пробоины считать отправился.

— На выходе взяли? — спросил Ванечка.

— Как договаривались.

— Обыскали?

— А как же. — Караваев протянул Ванечке сложенный пополам листок. — Письмо нашли, а оружия при нем не было.

Ванечка развернул листок, глянул мельком и протянул Семченко. Тот взял за самый краешек опасливо:

— Что это?

— Копия письма, которое Линев отправил Алферьеву на адрес клуба «Амикаро».

Замирая от любопытства, Вадим вытянул шею — письмо было на эсперанто, текст пестрел звездочками, а внизу, под чертой, сноски, как в научных сочинениях.

12

Утром Семченко съел в буфете яйцо с булкой, выпил полчашки кофе и вышел на улицу. Мимо Петропавловского собора, где теперь размещался краеведческий музей, спустился на набережную. Было безлюдно, тихо, пасмурно. Вокруг скамеек валялись бумажные стаканчики от мороженого, желтели в траве головки мать-и-мачехи.

Семченко присел на скамейку и стал думать о том, что именно говорить сегодня вечером на встрече с городскими эсперантистами. Ничего путного в голову не приходило. Если бы хоть Минибаев приехал, какая-то искра могла и вспыхнуть — Линева бы вспомнили, Альбину Ивановну. А так будет мероприятие для галочки, вежливые скучающие лица, подчеркнутое внимание Майи Антоновны, какой-нибудь юнец, высокомерно колдующий над магнитофоном, и опять те же открытки с памятниками и пейзажами. Не эсперантисты, а филиал клуба коллекционеров!

Вообще, идти в школу не хотелось. Что он им скажет? Вот Минибаев — честь ему и хвала! — как-то общается с этим народом, понимает его. Или просто греется на старости лет у чужого огня, который когда-то был его собственным?

Не о Вавилонской же башне рассказывать этим ребятам!

Смысл этой легенды Семченко всегда понимал так: бог решил наказать людей за дерзость и разделил языки, чтобы люди никогда уже не смогли совершить ничего такого, для чего нужны совместные усилия всего человечества. Иными словами, он сделал это из страха перед людьми. По римскому принципу «разделяй и властвуй!». Но доктор Сикорский, который к лету двадцатого года от эсперантизма отошел, толковал легенду о Вавилонской башне по-своему.

«Видите ли, Коля, — говорил Сикорский, и его губы, узкие синеватые губы человека, страдающего болезнью сердца, во время пауз складывались в недоуменную полуулыбку, — я пришел к выводу, что после разрушения Вавилонской башни бог разделил языки из любви к людям. Да-да, из любви! Конечно, поверить трудно, потому что у нас в сознании сложился образ этого события. Гром, молния, бегущие в разные стороны незадачливые строители, на головы которых рушатся каменные глыбы. Какая уж тут любовь! Но давайте смотреть глубже, в корень. Бог лишил людей большой общности, но для того, чтобы дать взамен малые, жить в которых теплее и спокойнее. Я толкую эту легенду именно так и полагаю, что прав. В противном случае ей бы не нашлось места на страницах священного писания… А эсперантизм — новая попытка вывести человека на просторы целого мира. Безнадежная попытка. Я сам втравил вас в это дело, и будет правильно, если горькие слова вы тоже услышите от меня. Дело не в физической осуществимости наших идей. Нужны ли они людям — вот вопрос…»

Тогда эти рассуждения на Семченко особого впечатления не произвели. Вспомнились они позднее, в тридцать пятом году, когда его как бывшего эсперантиста уговорили выступить на закрытии одного из московских эсперанто-клубов. Эсперантисты в то время были уже не в чести, и Семченко не очень-то распространялся о своем прошлом. Но каким-то образом узнали, а раз узнали, отказаться было нельзя, он и выступил. Свое согласие он предательством не считал, ибо сам давным-давно не играл в эти игры. Намотавшись по заграницам, уразумел, что никакого братства в ближайшее время не предвидится, а если так, то идея эсперантизма становилась вредной, отвлекала от насущных проблем, как религия. Кроме того, он прошел сквозь горнило любви и разочарования и потому имел право обо всем говорить прямо. Немного смущало лишь то обстоятельство, что люди, которые придут на закрытие клуба, подумают, будто он действует по указке сверху, не от души.

Но народу явилось мало, сидели с равнодушными лицами, словно повинность отбывали. Лишь

немолодая полная женщина плакала в первом ряду, прикрывая лицо платком. И глядя на нее, Семченко вдруг рассказал о Вавилонской башне, хотя вовсе не собирался, ни к чему было, да и человек, уговоривший его выступить, такой порыв мог не одобрить.

Потом женщина подняла голову, и Семченко узнал Альбину Ивановну.

Сразу не по себе стало. После выступления он бросился ее искать, хотел объясниться, но так и не нашел.

А теперь вот снова появились эсперанто-клубы — и здесь, и в Москве. Недели две назад он видел афишу:

«Эсперанто — язык мира и дружбы. Он в 10—12 раз легче любого из иностранных языков. Желающие приглашаются на курсы, справки по телефону…»

Может, об этом обо всем сегодня и рассказать?

Семченко долго не мог взять в толк, почему Балина привели в губчека под конвоем, а Ванечка до объяснений не снизошел и на допросе присутствовать тоже не позволил. Цельную картину Семченко составил лишь после того, как Караваев, сжалившись, вышел покурить с ним в коридор, где коротко изложил события минувшего дня.

Утром Ванечка нашел Балина, показал ему письмо об орфографии имен собственных и поинтересовался как у секретаря клуба, не знаком ли почерк. Балин назвал Линева. При этом как бы между прочим он заметил, что видит письмо впервые и печати на него не ставил, поставил, видимо, сам Линев. А на вопрос, часто ли такое бывает, объяснил, что по принятому в январе уставу такого быть вообще не может: во избежание ошибок, способных компрометировать уровень клубного эсперанто, письма проходят двойную проверку — председателя и секретаря, после чего ставится печать.

Сославшись на занятость, Ванечка попросил Балина передать Линеву, чтобы тот вечером зашел в губчека, к Караваеву. За Линевым установили наблюдение и надеялись, что, встревожившись сообщением Балина, председатель «Эсперо» предпримет какие-то действия. Кроме того, по просьбе Ванечки Балин написал дословный перевод письма.

Вернувшись, Ванечка сравнил его с тем, который был сделан еще в Петрограде. Причем обнаружились любопытные, хотя, казалось бы, второстепенные различия. Петроградский перевод был ясен и недвусмыслен, а балинский изобиловал темными местами. Плохое знание языка исключалось в обоих случаях. Возникала мысль, что Балин нарочно стремится создать впечатление, будто в письме имеется какой-то иной, тайный смысл. Двойное дно. Это было подозрительно, и наблюдение решили установить за Балиным тоже.

А после допроса Семченко, когда выяснилось положение дел с клубным архивом, выработали окончательный план. Он был чрезвычайно прост и строился на нескольких довольно зыбких предположениях. Если копии письма в архиве нет, то Линев, возможно, попытается ее туда подложить, чтобы отвести от себя подозрение. Или как-то по-другому себя выдаст. Если копия есть, Балин захочет ее унести, стремясь бросить подозрение на Линева. В любом случае кто-то из них должен был объявиться в Стефановском училище. Соответственно, Линева следовало арестовать при входе, а Балина при выходе.

Правда, к вечеру, когда выяснилось, что Балин просьбу Ванечки проигнорировал и никуда не

ходил, Линева уже не брали в расчет.

Один человек весь день стоял у Стефановского училища, караулил парадный вход. Но к вечеру сообразили, что этого мало, решили окружить училище со всех сторон, однако едва не опоздали — подошли, когда этот рыжий студент уже входил во двор.

«А вчера я его не видел, — закончил Караваев. — Видел бы, так не забыл. Приметный!»

Почему-то показалось, что Алферьев, хотя тоже был эсер, не стал бы так откровенно топить постороннего человека, как это пытался сделать Балин. Не зря же Казароза его любила!

Из губчека вышли во втором часу ночи, спустились к реке, и Семченко молча стал раздеваться.

Вода была неожиданно теплая, черная, он разгребал ее руками, и она слабо светилась — но не поверху, а изнутри. Как когда раздвинешь шерсть у черной кошки, вылезает голубовато-серый матовый подшерсток. Так же светилось небо за облаками, Семченко плыл все дальше, и уже непонятно было, где какой берег, где вода, где небо. Казалось, он лезет вверх по отвесной, колеблющейся водяной стене, а голос Вадима, оставшегося на берегу, доносится откуда-то снизу, из-под ног. И в этом темном, перевернутом, лишенном всех координат мире ощутилась вдруг странная согласованность с его, Семченко, внутренним беспорядком, отчего сразу полегчало на душе, отпустило.

На берегу он оделся, пошли к Кабакову и легли спать. Утром Вадим убежал в редакцию, а Семченко никуда не ходил, целый день валялся на кровати — поел лишь холодной картошки с хлебом, все ждал вестей от Ванечки. Он ему Кабакова адрес оставил, не свой.

Вечером говорили с Вадимом про Казарозу. Семченко рассказал, как в Питере с ней познакомился, а Вадим — как вез ее от театра к Стефановскому училищу. Рассказывать ему было особенно нечего, но он старательно выуживал из памяти обрывки разговора:

— Она про улицы спрашивала, как называются… Про собор Петропавловский.

— А ты что?

— Я говорил.

— А Ванечка что?

— Ничего. Семя лузгал.

— А Осипов?

— Как всегда… Пьяный был, молол всякую чепуху.

А четвертого июля, когда Вадим ушел в редакцию, чтобы забрать Глобуса и ехать с ним на лошадиный воскресник, Семченко отправился на кладбище. Похороны были накануне, но он не ходил — не мог себя заставить, лишь велел Вадиму занести Милашевской гипсовую руку, чтобы в гроб положили.

Кладбище находилось на окраине, возле лога, отделявшего город от заводской слободы. За последние два, года оно сильно разрослось, как-то необычайно скоро выбралось из-под сени лип, густо затенявших центральные аллеи.

Topreading.ru

Семченко миновал еврейское кладбище, потом татарское с его каменными чалмами на каменных же столбиках, фанерными и жестяными полумесяцами, позеленевшей арабской вязью на плитах, мимо аккуратных лютеранских надгробий вышел к логу. Почва здесь была глинистая, скользкая после дождя. Могилы располагались без всякого порядка. Кресты покосились, почернели, хотя стояли недавно.

Могилу Казарозы он быстро нашел, сторож объяснил где. Крест, на кресте надпись:

«Казароза-Шершнева Зинаида Георгиевна, певица. Ум. 1 июля 1920 г. Мир и покой».

Семченко знал, что на женских могилах не пишут иногда год рождения. Это затем делается, чтобы после, когда будут люди мимо проходить, пожалели бы покойницу. У женщин нет возраста, он им даже мертвым помешать может — старуху-то не пожалеют! Но Семченко всегда думал, что только у старых женщин не пишут на могилах, когда они родились. А Казароза умерла молодой. Может быть, никто в труппе попросту не знал даты ее рождения? Сколько лет она прожила — двадцать пять, тридцать?

Семченко выкурил папиросу, попробовал крест — не шатается ли — и пошел обратно.

На центральной аллее, возле единоверческой церкви задержался перед надгробием эсперантиста Платонова. Как рассказывал Линев, этот Платонов, владелец обувного магазина, уже в преклонном возрасте увлекся учением доктора Заменгофа. Своим единомышленникам он продавал обувь со скидкой двадцать пять процентов и даже принимал заказы от эсперантистских организаций из других городов. Все российские эсперантисты носили его сапоги. Алферьев, возможно, тоже.

На плите высечено было:

«Блаженны славившие бога всеобщим языком».

Блаженны обувщики и блаженны те, кто покупал сапоги по дешевке!

Семченко взглянул на год смерти Платонова — 1916-й. Сапоги, купленные со скидкой, давно изношены, разбиты, годятся лишь самовары раздувать.

И все равно — блаженны.

Выбравшись на булыжник центральной аллеи, он увидел Ванечку. Тот быстро шел навстречу — белую косоворотку перетягивал ремень с кобурой.

И все равно — блаженны.

Выбравшись на булыжник центральной аллеи, он увидел Ванечку. Тот быстро шел навстречу — белую косоворотку перетягивал ремень с кобурой.

— И вы здесь? — В голосе Ванечки была досада.

— А что, нельзя?

— Хотите, конечно, знать новости? Так вот, никого из идистов Караваев первого числа в училище не видел. Не проходили они мимо него. Балин признался, что состоял членом подпольной эсеровской группы. Дает откровенные показания. То письмо Алферьеву, второе, сочинял руководитель группы, он утратил связь с центром и пытался ее восстановить. Балин

только перевел письмо на эсперанто и переписал измененным почерком.

— А почему Алферьеву?

— Они с Балиным встречались года три назад в Петрограде.

— Как эсеры или эсперантисты?

— Эсперантистом Балин стал не так давно. Уже после того как отошел от эсеровского движения. Его и в группе-то удерживали с помощью шантажа.

— С Казарозой он не был знаком?

— Виделись однажды у Алферьева… Почему вы об этом спросили?

— Мне показалось, что на вечере она узнала кого-то из членов правления. Они стояли в правом просцениуме, и она все время туда смотрела.

Ванечка кивнул:

— Я тоже заметил.

— А если Балин испугался, что она выдаст его? Или поделился своими опасениями с кем-то из их группы?

— Исключено. Мы проверили такую возможность. Сам Балин в нее стрелять не мог — он возле сцены находился, а больше никто из них про Казарозу не знал. Это мы вчера установили…

— Так кто же ее убил? — Семченко подошел к Ванечке вплотную, задышал ему в лицо. — Кто?

— Не знаю.

— Какого лешего ты тогда сюда приехал, если ничего понять не можешь! — Семченко сорвался на крик. — Отбей телеграмму, пускай другого пошлют!

— Я ведь не за тем сюда ехал, — дрогнувшим голосом проговорил Ванечка, и то, что он не закричал, не выругался, было неожиданнее всего.

Может быть, и он любил ее?

А не поговорить, не объяснить ничего.

— За церковью свернешь направо, — остывая, сказал Семченко, — дальше мимо немецкого кладбища…

— Я был вчера на похоронах, — грубо перебил Ванечка.

На соседней ограде попискивала синица, и вдруг взгляд, расширившись, охватил все это царство — так подумалось: царство! — замшелых плит, чугунных, с наростами на концах крестов, вымытого дождем булыжника, яркой зелени лип, по которой тень колокольни, расплываясь и утончаясь, уходила к логу, туда, где в глинистой земле, совсем не похожей на эту, щедрую и жирную, торчали голые деревянные кресты и едва возвышался холмик, не отделенный от других, таких же, ни решеткой, ни штакетником.

Topreading.ru

«Потом поставлю», — подумал Семченко.

А Ванечка уходил все дальше, вот он свернул с центральной аллеи, скрылся из виду, лишь блеснула на мгновение латунная застежка на его кобуре.

Домой по-прежнему идти не хотелось, и с кладбища Семченко двинулся обратно к Кабакову. У калитки его поджидал Линев, сразу же поспешил объясниться:

— Встретил вашего курьера, от него все и узнал… Зря мы, пожалуй, это письмо в губком написали!

— Вы Алферьева хорошо знали? — спросил Семченко.

— Вам, наверное, Альбина Ивановна рассказала? — Линев оживился. — Знал когда-то. Видный был эсперантист, с ним сам ниа Майстро состоял в регулярной переписке.

— Как вы с ним познакомились?

— В «Амикаро», клубе слепых эсперантистов. Я заказывал для них обувь у Платонова. Помните, говорил о нем? А когда был в Петрограде, решил зайти. Удивительная, я вам скажу, организация. Такого энтузиазма я нигде больше не встречал. И знаете почему?

— Догадываюсь. Потому что слепые.

— Верно! Мы с вами видим целый мир, чувствуем, как полно отражается он в национальном языке и недостаточно — в эсперанто. А у слепых жизнь скудна. Отсюда и увлечение эсперанто, уверенность в том, что на нем можно все выразить… Это помимо новых связен, знакомств, которые в обыденной жизни слепым установить довольно трудно…

— А Алферьев? — напомнил Семченко.

— Он вел у них кружок мелодекламации на эсперанто. Я видел одно такое занятие. Эти чтецы представляли собой странное и трагическое зрелище. Как ребенок, декламирующий Шекспира… Неподвижные лица. Вытянутые руки, трости. Жестикуляция необычная и жутковатая. И в самой атмосфере некий дух служения, которого так не хватает нам. Да что говорить! Я тогда подумал, что эсперанто просто создан для мелодекламации. Как итальянский или украинский — для пения…

— Игнатий Федорович! — Семченко попытался прервать этот неиссякающий поток воспоминаний. — Вы хотели рассказать об Алферьеве.

— Да-да, — спохватился Линев. — Но мы с ним мало разговаривали. Он подарил мне свою брошюру по орфографии, я тут же проглядел ее, и весь разговор вращался вокруг этого. Очень дельная брошюра, хотя и спорная местами. Причем с замаскированными отступлениями от правил, установленных ниа Майстро. Меня это поразило. Я попробовал выяснить, не получил ли он разрешение на такие вольности в личной переписке с ниа Майстро, но Алферьев отвечал шуточками. Они меня, признаться, смутили. Я с болью подумал о ниа Майстро. Как по-детски распахивает он свою душу первому встречному!

— Больше вы с Алферьевым не встречались?

— Нет. Правда, в апреле я написал ему письмо — все про то же, но ответа не получил.

— А как он вам показался?

— Видите ли, — грустно усмехнулся Линев, — я знал, что он состоит в переписке с ниа Майстро, и невольно смотрел на него по-особому. Уважал заранее. Но поразила одна частность. Если интересуетесь, я расскажу… Там один молодой человек, слепой, как мне сказали, с рождения, читал «Поэму Вавилонской башни» Печенега-Гайдовского. Знаете, разумеется, это произведение. Золотой фонд! Эпос на эсперанто. Теперь оно считается классическим. Может быть, еще не Гомер, но Гесиод наверняка… Так вот, мне не понравилось, как вел себя при этом Алферьев. Он сидел, развалившись в кресле и закинув ногу на ногу. Лицо неподвижное, тяжелое. Полным отсутствием мимики он сам напоминал мне слепого. Но на редкость выразительные движения. Во время чтения он иронически вздернул плечи и покачивал носком платоновского ботинка с таким снисходительным презрением, что ни на одном языке не передашь. То ли это презрение относилось к поэме, то ли к самому чтецу, я не понял. Но тут же Алферьев стал хвалить этого молодого человека. Вообще я заметил, что, обращаясь к своим ученикам, он часто говорил одно, а движениями — как сидел, как поворачивал голову — выражал совсем другое, порой противоположное. А слепые этого не замечали! Я бы еще принял скрытую иронию. У сильных личностей в ней проявляется иногда любовь к более слабым, покровительственное к ним отношение. Но здесь была открытая насмешка. Причем в какой-то степени рассчитанная на меня, единственного зрителя. Он как бы давал мне понять, что способен на большее, нежели учить убогих мелодекламации. И это было неприятно… Я передал свои ощущения?

— Кажется.

— А ведь в этой поэме есть совершенно пронзительные строки, они мало кого оставляют равнодушным. — Линев откинул голову и нараспев начал декламировать: — Бабилоно, Бабилоно! Алта диа доно…

Его седые волосы упали на ворот пиджака, кадык на худой морщинистой шее двигался, как метроном, отмечая ритм.

— Вы, Игнатий Федорович, нынешние идеи Сикорского хорошо знаете? — внезапно спросил Семченко.

— Какие это идеи? — возмутился Линев. — Психология напуганного обывателя.

— Не уверен. По-моему, посылки у него правильные. Он только вывод делает не тот.

— Какой же сделаете вы?

— Просто у себя еще дел хватает. В нашей, как вы говорите, языково-национальной клетке. Да это и не клетка вовсе. Дом…

— Поправляйтесь скорее, — неожиданно сказал Линев. — Вы, видимо, нездоровы… И гоните от себя прочь эти мысли! Они ко всем нам приходят в минуту слабости, но вы гоните. Займитесь регулярной перепиской с каким-нибудь клубом. Чернильницей в беса, как Лютер! — Он сунул Семченко влажную ладошку и быстро пошел по улице прыгающей своей птичьей походкой — сутулый, низенький, белоголовый.

13

На лошадином воскреснике каждый норовил своего конягу инвалидом представить: и военное ведомство, и гражданское, а о частных лицах и говорить нечего. Но про Глобуса с первого взгляда все было ясно — доходяга. И губкомтрудовец нарядил Вадима возить с пристани мыло: работа легкая и сулящая кое-какие выгоды. Глобусу перепало пощипать травы на речном склоне, а Вадим получил в собственность две темно-коричневые плоские печатки с корявым тиснением бывшей калмыковской фабрики.

Обратно поехал по Монастырской, над взвозом; мимо потянулась кирпичная оградка Успенского девичьего монастыря.

«Почему, думаешь, я пью? — приставал вчера в редакции Осипов. — Почему вообще человек пьет?»

Поводом для этого разговора послужило появление совершенно пьяного доктора Сикорского, который последним усилием воли вскарабкался на второй этаж, положил перед Осиповым несколько исписанных листков и тут же рухнул на стулья, что-то невнятно бормоча про исполненный долг. Через минуту он спал. «Открытое письмо членам клуба «Эсперо». — Осипов вслух прочел заголовок, а дальше стал читать про себя, сокрушенно причмокивая. «Что там?» — спросил Вадим. «Пророчит эсперантизму скорую гибель. — Осипов с жалостью поглядел на запрокинутое бледное лицо Сикорского. — Призывает одуматься, пока не поздно…» Вадим усмехнулся: «Крысы бегут с тонущего корабля!» — «Мальчик мой, — с высоты роста и возраста сказал ему Осипов. — Когда человек выпьет, из него общечеловеческая сущность вопиет! Все пьяницы мира говорят на одном языке. Им эсперанто не нужен, они и без него друг друга понимают. Мычат, молчат, а понимают. Потому что от души к душе… Вот он спит, — Осипов нежно погладил Сикорского по колену, — но я его понимаю…»

А вот Генька Ходырев, тот был принципиальный борец с пьянством. Месяца два назад он переписал всех окрестных пьяниц и разослал им угрожающие письма примерно следующего содержания: будешь напиваться и обижать жену — пиши завещание. Вариации были незначительные. Подписывался Генька так: «Мститель в черном». Кое на кого это предупреждение возымело действие, но лишь до тех пор, пока Генька не попался с поличным. В темноте он засовывал очередное письмо в ящик на воротах и был схвачен на месте преступления неслышно подкравшимся Наденькиным отцом, машинистом Шестаковым. Тот сам частенько закладывал за воротник и, наверное, в ярости покалечил бы Геньку, но Наденька не дала.

Кончилась монастырская оградка, и опять пошли дома — деревянные птицы на наличниках клевали пухлые грозди винограда.

Покачиваясь на сиденье, еще хранившем сладковатый запах калмыковского мыла, Вадим вспомнил слова, вычитанные в брошюре у Семченко — про храм человечеству, который эсперантисты собирались построить не из камня и глины, как строили Вавилонскую башню, а из любви и разума. Что-то пока было не похоже на то! Ему представилась огромная держава, занимающая половину земли, — в ней жили эсперантисты. На другой половине обитали идисты. Между ними велась война — бесконечная, потому что и договориться нельзя, никакого третьего языка нет. В этой раздвоенности была унылая безысходность, и храмы человечеству, воздвигнутые по обе стороны границы, постепенно превращались в новые Вавилонские башни, откуда денно и нощно ведется наблюдение за противником.

Глобус задрал хвост, тугие яблоки шлепнулись на мостовую, и из окраинных степей явились дикие, облаченные в звериные шкуры, бесстрашные последователи пананархиста Гордина, возникшие в результате кесарева сечения. «Беаоб! — кричали они. — Циауб!» И деревянные

птицы с наличников поднимались в воздух, не доклевав своего винограда.

Слава богу, что ничего этого не будет!

14

Семченко вспомнил Линева через много лет, в Лондоне, когда из чистого любопытства побывал на заседании одного тамошнего эсперанто-клуба. Обстановка была деловая, чинная. О братстве, о всеобщем понимании и речи не заходило. Толковали о ссудной кассе, о переводах, и Семченко понял, что их клуб «Эсперо» вовсе не был похож на сотни других разбросанных по миру, к чему Линев по наивности стремился. И не мог быть похож, потому что при всех своих мирового масштаба мечтаниях был, как это ни странно, явлением чисто российским, даже глубинно российским, провинциальным.

Тогда это понимание было нечетким, неоформившимся. Мелькнуло — и пропало. Но позднее он не раз думал о том, что любой идее Россия всегда отдавалась с большей страстью, чем Европа, а когда такая идея достигала губерний, вера в ее спасительность делалась неистребимой.

И к университетским идистам это относилось в той же мере.

А на эсперанто в лондонском клубе говорили очень хорошо. Все как Линев, или даже еще лучше. Но Семченко с удивлением отметил, что в устах этих англичан эсперанто совершенно не напоминает испанский. И догадался почему. Он сам, Линев, Альбина Ивановна, Кадыр Минибаев жили в революции, язык изучали для нее, говорили на нем всегда громко, с темпераментом потому что каждая пустяшная фраза была не сама по себе, а для будущего, вот их эсперанто и звучал, как испанский — от страсти и надежды.

Линев исчез за поворотом, Семченко оглядел улицу и увидел на другой ее стороне белую козу с обломанным рогом — Бильку.

С полминуты рассеянно смотрел на нее, и вдруг осенило: вот оно!

Семченко бегом вернулся в комнату, схватил карандаш и прямо на подоконнике начал рисовать план Стефановского училища. Так человек, проснувшись, по деталям восстанавливает в памяти чудной сон — сразу чтоб потом не забыть.

Линев исчез за поворотом, Семченко оглядел улицу и увидел на другой ее стороне белую козу с обломанным рогом — Бильку.

С полминуты рассеянно смотрел на нее, и вдруг осенило: вот оно!

Семченко бегом вернулся в комнату, схватил карандаш и прямо на подоконнике начал рисовать план Стефановского училища. Так человек, проснувшись, по деталям восстанавливает в памяти чудной сон — сразу чтоб потом не забыть.

Он обозначил парадный подъезд, двор, черный ход. Провел зигзаги лестниц, вычертил актовый зал с обеими дверями, вестибюль, швейцарскую. Ведя линию коридора, нажал сильнее, и грифель сломался. Отшвырнув карандаш, Семченко выпрямился, с недоумением посмотрел на

свой чертеж: «Зачем я это делаю?» Вполне можно было и без чертежа обойтись. Он и так помнил, что на лестницу черного хода можно попасть или через зал, или через коридор первого этажа. А там дверь забита — это он точно помнил, поскольку возле нее находился сортир. И со стороны лестницы завалена всяким хламом. Если бы даже ее стали открывать, был бы слышен шум. Но шума не было, только ведро звякнуло.

Вадим говорил, что ему послышались шаги внизу. А если не послышались, на самом деле были? Если кто-то вошел сразу вслед за ними, еще до того, как появился рыжий студент? Ведь тот лишь до первого пролета поднялся, лампочку не мог разбить.

Все это Семченко сообразил, пока бежал в дом и искал карандаш. Может быть, и раньше. Эти рассуждения были ему уже не нужны, как и рисунок на подоконнике. Но он не торопился. Он хотел осторожно, медленно, через хорошо памятные подробности прийти к той догадке, которая осенила его при взгляде на козу Бильку. Догадка была смутная, неопределенная. Она мелькнула внезапно, без всякого, казалось бы, предварительного размышления, наитием, и теперь Семченко подбирался к ней снова, уже логическим путем. Было, правда, опасение, что она может раствориться в частностях, исчезнуть. Но и оставить ее в себе только как догадку он тоже опасался.

Тот человек вошел со двора, здесь не возникало никаких сомнений. Но куда он делся потом? Этот рыжий идист его не видел и не мог видеть, если говорит правду. Когда разбилась лампочка, он бросился вниз, а тот человек еще оставался наверху. Его могли заметить они с Вадимом, но не заметили, потому что на лестнице было темно, а внизу хлопнула дверь, и они решили, что человек, разбивший лампочку, успел выскочить наружу. Между тем он остался на месте, прижался к стене на площадке, и в запале они пробежали мимо. Потом, услышав крики с улицы, он прошел через актовый зал в училище и затаился где-нибудь до утра. Или ушел, после того как увели Балина. Во всяком случае, ни Балин, ни Караваев со своими помощниками его не видели.

Тот человек, войдя в дверь черного хода, уже знал, что они с Вадимом прошли здесь до него. Как он мог это узнать?

Возможны два варианта: либо подкараулил возле училища, либо выследил по дороге. Первый вариант Семченко отбросил — о том, что он собирается идти в училище, никто не знал. Он и сам про себя этого не знал еще днем. Кроме того, за теми, кто по каким-то причинам мог оказаться возле училища, то есть за Балиным и Линевым, велось наблюдение.

Значит, выследил.

Но когда? Если еще днем, то или через Альбину Ивановну, или через Милашевскую. Такое допущение Семченко всерьез рассматривать не стал. Ни у той, ни у другой не было причин доносить кому-то о его посещении. Да они и не знали, куда он после отправится. Просто на улице выследить тоже не могли — он был настороже и сразу бы заметил за собой хвост. Тем более человека знакомого, раз тот лампочку разбил. В этом Ванечка был прав.

Вот тут-то и явилась коза Билька, чтобы все наконец объяснить.

15

На следующее утро Вадим Аркадьевич в гостиницу не пошел, решил встретить Семченко у школы, в шесть часов.

Сидя дома, перебирал фотографии.

Красивая женщина выходит из моря. Полные руки опущены, в счастливом изнеможении растворены губы, влажно блестят бедра, безнадежно распрямилась «шестимесячная» — вечный кадр, новая Венера рождается из пены черноморского побережья.

Наденька, Надя!

Вадим Аркадьевич вспоминал, как года за три перед войной Надя впервые поехала к морю, в дом отдыха. Одна, без него. Сейчас сын с невесткой чуть не каждый год ездят на юг, и это в порядке вещей, никого не удивляет. Вадим Аркадьевич даже не всегда ходит их провожать. А тогда перрон был заполнен провожающими — приходили целыми семействами. Слышались рыдания; мужья, жены, дети и родители толпой бежали вслед за уходящим поездом, словно прощались навсегда, а не на месяц. В окнах вагонов виднелись расплющенные, зареванные лица отпускниц, отпускники мрачно затягивались папиросами, и вечный дух российской дороги, великих пространств, сулящих долгую разлуку, витал над перроном областного вокзала.

И там, в Ялте, Надя встретила Осипова, ставшего пляжным фотографом.

Году в двадцать пятом он внезапно исчез из города, хотя в редакции к тому времени сидел прочно, поскольку писал отличные фельетоны. Сыновья его уже выросли, работали на сепараторном заводе, неплохо зарабатывали, и жена, по-видимому, вздохнула с облегчением, когда Осипов исчез. Даже розыск объявлять не стала.

Но странно было, как способен человек переломить судьбу. Надя рассказывала, что Осипов почти не постарел, ходит по пляжам, отбивая клиентов, в особенности женщин, у других фотографов. Носит войлочную шляпу, держит кавказскую овчарку по кличке Эзоп. Вадим Аркадьевич живо представлял себе, как этот тощий человек с лицом раскаявшегося абрека волочит по крымской гальке свою треногу, как щелкает пальцами, обещая детям не банальную птичку, а цикаду — об этом, смеясь, говорила Надя. Губернский философ, променявший кумышку на терпкий сок массандровских виноградников, имевший идею и отбросивший ее, потому что с высоты этой идеи увидел жизнь — прекрасную и пустую, короткую и сладкую, как вино «Педро», привезенное Надей из Ялты.

Пили его вдвоем, сын спал, и это был последний вечер, когда они еще были молоды, пили вдвоем вино, сидя на кухне, и, как положено людям, которые прощаются с молодостью, думали и говорили только о настоящем.

Сворачивая с Монастырской на Петропавловскую, Вадим едва не наехал на Наденьку. Она в последний момент успела отскочить. Большой ржавый бидон мотнулся в ее руке, крышка на нем брякнула, и Вадим понял, что бидон пустой.

— Задавишь ведь! — Улыбаясь, Наденька отвела со лба челку.

— Керосину нет, — соврал Вадим. — Сейчас мимо лавки проезжал.

— Не ври, — строго сказала она. — Я второй раз иду.

— Задавишь ведь! — Улыбаясь, Наденька отвела со лба челку.

— Керосину нет, — соврал Вадим. — Сейчас мимо лавки проезжал.

— Не ври, — строго сказала она. — Я второй раз иду.

— Уж и соврать нельзя! — Вадим посмотрел на нее со значением. — Значит, философ Флорин мне завтра счастье обещает?

Во избежание возможных неприятностей он еще накануне переписал письмо и, долго не раздумывая, положил в ящики к соседям.

— Переписал, да? — Наденька обрадовалась. — А как ты догадался, что это я его подбросила?

— Секрет фирмы. «Кабаков и сыновья», частное сыскное бюро. Находим преступника в трехдневный срок с помощью столоверчения… Садись. — Вадим подвинулся. — Заедем ко мне. Николая Семеновича проведаем.

— А что он у тебя делает?

— Да тут история вышла с тем разноглазым… Помнишь, приходил?

— Дался им этот международный язык, — попеняла Наденька, залезая в бричку. — Чего по-русски-то не разговаривать?

В ее словах Вадим узнал собственные — с удовольствием, но и не без некоторого разочарования, что своих слов не нашла.

Усевшись, она расправила юбку, и это ее быстрое легкое движение заставило Вадима на мгновение одеревенеть.

Когда поехали, крышка на бидоне начала брякать. Поморщившись, Наденька положила ее на сиденье. Это Вадима тоже взволновало. Он увидел тут извечное женское стремление к порядку, покою и тишине и подумал, что Семченко ничего бы такого не заметил. Да и Казароза вполне могла оставить крышку на месте, и та брякала бы, действуя на нервы, всю дорогу. Каждому свое.

— Он со странностями все-таки, твой Семченко, — тараторила Наденька. — Тебя не было как-то, гимнастерку постирал на дворе и часа два в редакции голый просидел. А потом вдруг застеснялся и надел еще мокрую… У него на левой руке, у плеча, звезда в круге выколота.

— Это знак эсперантистский. В госпитале ему выкололи.

— Чтобы, значит, и на теле печать была. — Наденька вздохнула.

А Вадим решил, что, если когда-нибудь у него будет своя идея про жизнь, он тоже придумает для нее знак. Выкалывать, может, и не станет, но обязательно придумает, потому что у настоящей идеи всегда есть свой знак.

Подрагивая, проплывали мимо заборы, кое-где в огородах уже начинала цвести картошка. У заборов ботва была серая от пыли, дальше — густо-зеленая.

«Впрочем, можно и выколоть, — думал Вадим. — Только не у плеча, как Семченко, а на груди, возле сердца». Вот они с Наденькой поженятся, и в первую ночь, в постели, она увидит у него на груди этот знак. Тронет пальчиком и спросит: «Что это?»

Когда приехали, Наденька взяла свой бидон и пошла к калитке. «Боится, что сопрут», — сообразил Вадим, обматывая вожжи вокруг штакетины, и соображение это было почему-то неприятно.

Семченко полулежал на кровати, откинув голову к прутьям спинки и свесив ноги. На животе он держал соседского кота. Коту на животе у Семченко было неуютно, он прижимал голову, напруживал задние лапы и тоскливо озирался, норовя удрать. Но Семченко держал его крепко, гладил основательно — от ушей до самого хвоста.

— Твой? — Семченко кивнул на кота.

— Соседский… Отпустите его.

Семченко приподнял руку — не держим, дескать, и кот, вопреки его ожиданиям, тут же сиганул с кровати па пол. Здесь его подхватила Наденька. Она села на стул, положила кота к себе на колени. Тот сразу затих, даже не попытался вырваться. Видно было, как ему удобно у нее на коленях. Он весь расслабился, растекся, начал щуриться и умильно задирать голову, чтобы плотнее ощутить прикосновение ее ладошки. Выражение обреченности на его морде исчезло, и через минуту комната наполнилась, тихим, удовлетворенным тарахтеньем — коту было хорошо, он чуть не лопался от мурлыканья.

— Ла-апушка. — Наденька продолжала гладить кота, который уже окончательно впал в нирвану. — Сейчас проверим, образованный ты или нет. — Она склонилась к коту и, ероша ему шерсть на загривке, спросила: — Кот, а кот! Ты Пушкина знаешь?

При этом дунула ему в ухо: «Пух-х-шкина».

Кот дернулся и ошарашенно замотал головой.

— Не знает, — сказала Наденька, и Вадим заметил, что Семченко впервые посмотрел на нее с интересом.

— При Колчаке у нас на квартире один чех стоял, — сообщила она. — У него тоже был кот. Рыжий такой котяра. И не на «кис-кис» откликался, а на «чи-чи-чи». У них в Чехии все кошки на «чи-чи-чи» откликаются… Николай Семенович, а на эсперанто как кошек подзывают?

— С ними уж как-нибудь договоримся. — Семченко слез с кровати, подошел к окну. — Слушай, Кабаков, Билька, она чья?

— Коза, что ли?

— Ну, белая такая, один рог обломан.

— Ходыревых… А что?

— Шорника Ходырева?

— Его самого забрали недавно. За воровство… А сына мы сейчас встретили, домой пошел.

— А первого числа в училище его не видел? — Семченко глубоко вздохнул, в горле у него что-то пискнуло.

— В зале-то не видел, а возле училища ошивался…

— Кстати, — лукаво улыбнулась Наденька, — это он мне письмо про Флорино счастье подбросил. Генька… Давно за мной бегает. Я ему сколько раз говорила: бес-по-лез-но! А не понимает по-человечески.

— Скоро поймет, — пообещал Вадим.

16

Второго июля, перед тем как они с Вадимом пошли в Стефановское училище, Семченко смотрел на козу Бильку. Она стояла перед воротами дома напротив и блеяла — вначале гордо, с сознанием исполненного долга, потом с обидой, что не впускают. Он еще подумал тогда: чего не впускают? В доме кто-то был, занавеска на окне шевелилась, однако никто не выходил, чтобы отворить калитку, и теперь это казалось странным, наводило на размышление.

Семченко опять мысленно поставил Бильку на то место, где она стояла позавчера. Увидел ее нелепо подергивающийся хвост, грузное вымя. И себя увидел как бы со стороны, из окна дома напротив. Он тогда как раз думал про коз, понимал их, жалел и не мог не распознать обиду в Билькином голосе. Билька тоже знала, что в доме кто-то есть. И знала, наверное, кто. С того места, где она стояла, можно было различить колыхание занавески, дрожание натянутой тесьмы, открывшуюся на мгновение полоску темноты за желто-голубым ситцем. Дело было не в Бильке, она-то уж ни в чем перед своими хозяевами не провинилась. Это его, Семченко, в окно углядели и не хотели выходить.

Отсюда его выследили, от этого самого дома.

— Куда вы? — вскинулся Кабаков.

Не ответив, Семченко медленно дошагал до двери, постоял немного, потом рывком распахнул ее, выбежал во двор. Долго и бестолково крутил вертушку на калитке, пока не догадался отодвинуть внизу деревянную планку, в три прыжка пересек улицу и рванул наружную дверь ходыревского дома. Та не поддавалась. Рванул еще раз, еще, навалился всем телом, даже не пытаясь понять, в какую сторону она открывается. Ручка больно ткнулась в подреберье, и Семченко внезапно успокоился. Теперь уже было все равно. Прижимаясь к стене, он дошел до угла дома, дернул сыромятный шнур в калитке. Лязгнула, поднимаясь, щеколда, Семченко ступил во двор. Под сапогами хрустнули прутья метлы. Уже не таясь, он схватился за ручку двери, ведущей в комнаты, потряс ее — дверь была заложена изнутри на крючок, чуть хлябала в косяках.

— Открой! Лучше открой, гаденыш!

Подождал немного, тиская ручку, и опять закричал:

— Не откроешь, спалю к чертовой матери!

Раздались тихие шаги, крючок, подскочив, звякнул о петлю, но дверь не открылась. Семченко потянул ее на себя — она отошла с долгим переливчатым скрипом, и в двух шагах От порога он увидел Геньку Ходырева с браунингом в руке. Точно таким же, как у рыжего идиста.

— Ты что? — Семченко пошел на него грудью. — Ты что же это делаешь, гаденыш?

Генька начал отступать к окнам, браунинг висел в его руке дулом вниз. Пятясь, задел бедром

стол, пошатнулся. Семченко бросился к нему, притиснул в угол. Дом был старый, прогнивший, стена откликнулась на удар, за обшивкой что-то зашуршало, посыпалось. На божнице, над их головами, с металлическим стуком упала иконка.

Семченко прижал Геньку к стене — так, чтобы нельзя было перехватить браунинг другой рукой. Впрочем, Генька и не собирался этого делать. Еще до того, как Семченко крутанул ему предплечье, он развел пальцы, и браунинг ткнулся в пол.

Подобрав его, Семченко выволок Геньку на улицу, толкнул к бричке, а сам начал разматывать вожжи, обвязанные вокруг штакетника.

— За что вы его? — бросился к нему Вадим.

Глобус занервничал, всхрапнул, несколько раз подкинул голову и начал пятиться от ограды, натягивая вожжи. Семченко все не мог их размотать. Он хотел подтянуть Глобуса к себе, перехватился поближе к его морде и вдруг заметил, что вожжи какие-то странные — узкие, толстые, а на ощупь шершавые и как бы зернистые.

«Приводные ремни!» — с ужасом вспомнил он.

На обрывке приводного ремня, принесенном из депо, отец дома бритву правил. Но тот был пошире. Видно, для вожжей Ходырев разрезал ремни на две половинки — вдоль.

«Раньше-то я где был!» — Семченко помял вожжи и явственно услышал запах мыльной пены — воспоминание жило в подушечках пальцев. Обернулся к Вадиму:

— Ты где вожжи взял?

— У него купил. — Тот сделал шаг к Геньке. — Как вы договорились в батарее, сразу и купил. Сами же велели! Еще и Глобуса не было… Сдачи восемьсот рублей я вам тринадцатого числа вернул, а вы Пустыреву отдали. Не помните, что ли?

— А папаню сгноят там, — сказал Генька. Скособочившись, он стоял возле брички, тянул тонкую шею и тяжело сглатывал — точь-в-точь, как его отец на суде. Рубаха болталась поверх штанов. Странным казалось, что в этом тщедушном теле подростка живет такая изворотливая и осмотрительная ненависть.

А у Семченко и ненависти сейчас не было, лишь пустота безнадежности, слабостью отдававшая в ноги. Он все-таки до последней минуты надеялся на ошибку, как с рыжим идистом, готовился встретить врага, расчетливого и таинственного в своих намерениях, ждал этой встречи, словно первого свидания, а встретил собственную тень — даже не сегодняшнюю, мальчишку-мстителя, гусенка, которого и ударить стыдно.

— Знал? — коротко спросил Семченко.

— Нет. — Генька, сжавшись, затряс головой. — Честное слово, нет! Думал, курсант этот… Позавчера понял, когда вы пробоины считали. Я за сценой стоял…

— Ясно… Браунинг у тебя откуда?

— С прошлого года он у него, — суетливо встрял Вадим. — Английский, из того же эшелона. И патронов было три коробки.

Topreading.ru

— Что же ты в меня там стрелять стал? — жалобно проговорил Семченко. — На улице-то не мог?

— Да я не хотел.

— Зачем принес тогда?

— Так… Представить только.

И Семченко внезапно поверил ему. Генькин отец сидел в тюрьме, а лошади с изготовленной им упряжью работали на Республику — и Глобус, и те, что в веслянском кооперативе, и другие. На воскреснике наверняка такие были. Если Генька способен придумать философа Флорина, он способен идти по городу, представляя, как Семченко, этот не желающий ничего понимать грозный обвинитель, падает на землю с пулей в сердце. Это были похожие игры — в мщение и во всемирное счастье. Особенно теперь, когда оружие еще было вещью привычной, куда более необходимой, чем, например, кофейник.

— Ты философа Флорина сам придумал?

— Сам, — кивнул Генька.

Они были братья по времени, играли в одну игру, только по-разному ее называли.

— А позавчера зачем за нами в училище пошел?

— Надеялся — не я, может… Вы пошли, и я пошел.

— И что делать решил, когда понял?

— Не знаю… Думал.

Легкая тень философа Флорина витала над улицей в обнимку с тенью доктора Заменгофа — тяжелой и плотной, и пусто было на душе.

— Думал? Ах ты гаденыш! — закричал Семченко, вызывая в памяти Казарозу, которая не хотела сейчас появляться, умоляла не звать, а он нарочно распалял себя криком, чтобы как-то выплеснуть эту пустоту. — Лезь!

Схватил Геньку за плечо, подержал, скручивая рубаху, и швырнул к бричке. Тот не устоял на ногах, упал, ткнувшись носом в ступицу.

Наденька налетела сзади, повисла на руке.

— Не смейте! Зачем вы его бьете?

Генька медленно перевернулся на спину, из носа у него текла юшка. Он провел по губе тыльем ладони, и на дорогу сорвалась красная капля, мгновенно обросшая пылью.

— Сука ты, — тихо и печально сказал Генька, глядя на Семченко. — Теперь я тебя понял. Чистеньким хочешь быть, об меня не замараться? На! — Он вытянул руку и мазанул пальцами по штанине Семченко, над сапогом, оставив на сукне две бурые полоски. Потом снова откинулся на землю. — Вожжи и то не сменил. Козел! Будто не знал, из чего они. Жаль, сам-то я поздно сообразил, кому продал… И про учителку ты все знал. Пользовался, гад, чтобы из папани пугало сделать. — Генька даже не пытался встать, так и говорил лежа, и от этого слова

его звучали особенно нелепо и жутко. — Я первого числа по черному ходу поднялся, там открыто было. Слышал, как вы языком-то мололи про всеобщее понимание. Когда свет погасили, в зал прошел… Эсперантист, сука! Как она на тебя смотрела у лампы, учителка-то! Разве что не облизывала. Понятно, чего она для тебя на суде специально законы выискивала, всем рот затыкала… Ты ее любовью пользовался, чтобы папаню засудить… И вожжами… Я же из-за тебя убил! Ты и жизнью чужой попользовался! — Генька уже кричал. — Ты… Ты!

Он застонал, корчась, подтянул к груди согнутые ноги, словно от боли в животе. Семченко наклонился над ним, и в ту же секунду Генька лягнул его ботинком по руке, в которой висел браунинг. В воздухе распрямляя скрюченное тело, вскочил на ноги, подхватил выпавший браунинг и, отбежав шагов на пять, приставил дуло к виску.

— Смотри, гад! Две смерти на твоей совести!

Семченко застыл на месте, понимая, что первое же его движение заставит Геньку надавить спусковой крючок.

Он застонал, корчась, подтянул к груди согнутые ноги, словно от боли в животе. Семченко наклонился над ним, и в ту же секунду Генька лягнул его ботинком по руке, в которой висел браунинг. В воздухе распрямляя скрюченное тело, вскочил на ноги, подхватил выпавший браунинг и, отбежав шагов на пять, приставил дуло к виску.

— Смотри, гад! Две смерти на твоей совести!

Семченко застыл на месте, понимая, что первое же его движение заставит Геньку надавить спусковой крючок.

— Генька! — на вздохе, хрипло и почти безголосо выкрикнула Наденька. — Не надо, миленький! Как же я-то?

Тот удивленно посмотрел на нее.

Наденька опасливо, будто по канату, сделала шаг к нему, другой, третий, приговаривая:

— Глупенький ты мой… Давай его сюда, глупенький.

Генька опустил руку, и она осторожно взяла у него браунинг.

— Дурак! Спятил? — Лицо ее сразу стало другим — жестким и усталым. — Уйди! — Она брезгливо оттолкнула Вадима и отдала браунинг Семченко.

А Генька вдруг жалко сморщился, шмыгнул носом и заплакал, размазывая по щекам кровь, грязь и слезы.

Коза Билька невозмутимо щипала траву на обочине — у нее свои были обиды и счеты.

Семченко смотрел на Геньку и думал, что камнем можно просто так запустить, но выстрелить в человека, не поняв его, нельзя. Если о всемирном счастье думаешь, то нельзя.

Наверное, Генька и в Стефановское училище пошел не для того, чтобы убить, а чтобы понять. И увидел вожжи на Глобусе. Потом со сцены стали о понимании толковать, о братстве, о том, как все будут понимать друг друга. В зале слушали внимательно, не возражали, и Генька понял, что это одна брехня. Ведь он, Семченко, был здесь вроде за главного, а сам лишь то

понимал, что выгодно. Тогда Генька решил, что все про него понял, барьеры упали, можно стало стрелять.

Остальное само собой произошло: темнота, розовый луч, отроческий соблазн нажать на спусковой крючок. И ничего бы не случилось, так и осталось бы в мечтаниях, в предутренних снах, но выстрелил этот курсант, и рука вырвала из кармана браунинг.

Тут тоже все упиралось в эсперантизм. Не будь его, неизвестно еще, выстрелил бы Генька или нет.

— Значит, так, — спокойно проговорил Семченко. — Час тебе на размышление, и куда хочешь девайся из города. Я еду в Чека. Застанут тебя, сам виноват… Ясно?

Оба они с Генькой играли во всемирное счастье, но в мщение Семченко играть не собирался.

— На юг подавайся, там в Красную Армию запишешься… А за папаню не бойся. Он же у тебя не контра какая-нибудь, выпустят.

Молча, ни на кого не глядя, Генька побрел к воротам.

Семченко залез в бричку, взял вожжи. Сиденье пахло мылом — то ли от воспоминания об отце, то ли на самом деле.

— Мылом пахнет, — сказал он.

— Я его на воскреснике возил, — отозвался Вадим.

«Вот как все сцепилось, — думал Семченко, отъезжая. — Глобус с его параллелями и меридианами на морде, мыло, отец, приводные ремни, Казароза, Альбина Ивановна, коза Билька, всеобщее счастье…» Дальше он думать не стал, ибо и так ясно было: все в мире лежит рядом, откликается одно в другом — люди, вещи и животные, и в этом была надежда, что когда-нибудь все они научатся понимать друг друга. Ведь все жили одной жизнью, и никакой другой, нарочно кем-то придуманной, быть не могло — просто жизнь.

17

В половине шестого Вадим Аркадьевич расхаживал перед школьным подъездом.

У другого подъезда, в центре крошечного садика едва возвышалась над землей чаша старого, еще довоенного фонтана с гипсовыми фигурами — мальчик и две девочки. Раньше они держали земной шар, потом, лет десять назад, он куда-то исчез, и теперь у детей с нелепо воздетыми руками был такой вид, словно они ловят мух.

Без пяти минут шесть из-за угла показался Семченко — прямой, костистый, все с тем же выражением высокомерной брезгливости на лице.

Когда он вошел в школу, Вадим Аркадьевич выждал пару минут и двинулся за ним, прикинув, что сразу все равно не начнут — пока раздеваться будут, пока усядутся. Не хотелось говорить с ним перед выступлением, но послушать очень хотелось. Следовало войти в самый последний момент, чтобы Майя Антоновна не успела вмешаться. А то станет еще их знакомить… Все рассядутся, он тогда войдет, пристроится где-нибудь в уголке, не снимая плаща, и Семченко его не узнает.

Вадим Аркадьевич потянул на себя дверь школьного музея, за которой слышались голоса. На пороге стояла старшеклассница в джинсовой юбке с вышитым на кармане цветком.

— Эсперантисты тут заседают?

— Которые с Майей Антоновной? Они куда-то наверх пошли, в класс какой-нибудь… Здесь проходит занятие лекторской группы.

— Извините, — сказал Вадим Аркадьевич.

Неловко было искать их по всей школе, и он опять вышел на улицу. Через дорогу стоял стеклянный кубик кафетерия «Лакомка», откуда отлично просматривалось все пространство перед школьным подъездом. «Сегодня можно и кофе», — подумал Вадим Аркадьевич, нащупывая в кармане трубочку с нитроглицерином. Сама мысль о том, что через какой-то час он будет говорить с Семченко, позволяла пренебречь обычными предосторожностями, как и мысль о летней рыбалке.

Он присел за столик, над которым висела табличка «Для детей» — остальные посетители лакомились стоя, — отхлебнул глоточек черной, обжигающей десны жидкости и откусил от черствого сочника, не спуская глаз с противоположной стороны улицы.

В школьном музее он бывал однажды — приглашали поделиться воспоминаниями о пройденном боевом пути. Тогда же, перед выступлением, успел разглядеть на стене планшет с портретом Геньки Ходырева. Таким он его тоже помнил. Году в тридцать шестом Генька приезжал к матери и вечером заглянул к Вадиму, случайно встретив его на улице. Он был в новенькой форме, с кубарями в петлицах, ходил широким шагом, скрипя ремнями, и Надя смотрела на него во все глаза, а за чаем всячески выставляла напоказ скромные успехи мужа, словно не столько Геньке хотела что-то доказать, сколько самой себе.

Генька исчез из города четвертого июля, а на следующий день Семченко подал заявление с просьбой об отправке на фронт. Через две недели он отбывал с городским терполком, в который влились новые формирования. Накануне он со всеми в редакции попрощался и провожать себя никому не велел, даже Вадиму, хотя все это время прожил у него дома.

Но в то самое утро, когда Семченко в должности командира роты отправлялся с эшелоном на фронт, в редакцию принесли адресованное ему письмо из Петрограда. Конверт был толстый, твердый на ощупь. Преодолев сильное искушение вскрыть его, Вадим рванул на вокзал.

Но в то самое утро, когда Семченко в должности командира роты отправлялся с эшелоном на фронт, в редакцию принесли адресованное ему письмо из Петрограда. Конверт был толстый, твердый на ощупь. Преодолев сильное искушение вскрыть его, Вадим рванул на вокзал.

Эшелон стоял на первом пути. Земля возле шпал была черная от мазута и масла, отдавала зноем. Вадим побежал по перрону, всматриваясь в лица красноармейцев, сгрудившихся у вагонных проемов.

— Кого потерял, земеля? — кричали ему.

— Семченко! Семченко знаете?

Наконец услышал знакомый голос:

— Кабаков!

Семченко стоял у перегораживавшей проем доски.

— Вам письмо из Питера. Утром в редакцию принесли.

Семченко надорвал конверт, достал из него темную фотографию на картоне и газетную вырезку.

— Что за фото? — Вадим привстал на цыпочки, но ничего разглядеть не смог.

— Казароза. — Семченко положил фотографию в нагрудный карман, застегнул пуговицу. Удостоверившись, что в конверте пусто, развернул вырезку, но тут же рука его снова дернулась к карману, пальцы нервно ощупали пуговицу.

— Да застегнули! — усмехнулся Вадим.

«Любил он Казарозу, — говорила Наденька. — Не любил, так и Геньку бы не отпустил…» Логика была странная, и Вадим все хотел спросить об этом у Семченко прямо, но стеснялся. Припоминал всякие подробности, которые и так можно истолковать, и этак, а сейчас дернулась рука к застегнутой пуговице и ясно стало, что Наденька права.

О Геньке Семченко спрашивал чуть не каждый день, и Вадим старательно вспоминал все новые подробности его биографии. Рассказал, как три года назад, еще совсем пацаном, тот задумал постричься в монахи, соорудить на монастырские деньги дирижабль, о котором прочитал в журнале «Вокруг света», и летать из города в город, собирая пожертвования на храмы божьи. А прошлой зимой, во время наступления Колчака, Генька приспособил к лыжам ходули. С этим изобретением он обращался к районному комиссару, предлагая создать в тылу у белых летучий отряд, способный передвигаться с невиданной скоростью.

Худущий и узкогрудый Генька был горд, упрям и вечно ввязывался в драки. Причем неизменно бывал бит, порой жестоко. Однажды в чайной лавке его обидел какой-то гимназист — то ли толкнул, то ли обозвал, так Генька ежедневно являлся к гимназии и дрался с ним. Этот гимназист учился в седьмом классе, здоровый был лоб и лупил Геньку нещадно. Тот ходил весь в синяках, опухший, но ровно в два часа, когда кончались занятия, в любую погоду опять стоял у ворот гимназии, подкарауливал своего обидчика. В конце концов гимназист стал его бояться — прятался, уходил черным ходом, сказывался дома больным, а потом прислал письмо с извинениями, после чего торжествующий Генька милостиво оставил его в покое.

Вадим рассказывал про то, как Генька боролся с пьянством, и постепенно, с каждой новой историей, вплоть до этой, последней, ясно стал видеть причудливый узор Генькиной судьбы. А у него самого такого узора не было, и от этого делалось грустно.

Семченко читал вырезку, начисто забыв про Вадима. В том же вагоне, поодаль, сидел, привалившись к нарам, курсант, который устроил стрельбу в Стефановском училище, и тихонько тренькал на гитаре.

— Николай Семенович, — Вадим тронул Семченко за колено, повел глазами в сторону курсанта. — С вами?

— Взводным у меня.

Опять прозвонили в колокол, паровоз дернулся, отрывистый лязг прокатился по эшелону от

первого вагона до последнего. Семченко схватился за доску, чтобы не упасть, рассеянно глянул сверху вниз на Вадима.

Заголосили на перроне бабы, курсант всей пятерней ударил по струнам и сразу прижал их ладонью.

— До свидания, Николай Семенович! — сказал Вадим, понимая, что никогда уже не прочтет эту вырезку.

Семченко пригнулся под доской, протянул руку. Вадим пожал ее, придержал в своей, не зная, что еще сказать, о чем попросить в этот миг расставания, который для него самого был мучителен и исполнен значения, а для Семченко почти ничего не значил, но тут вагон снова дернулся и с надрывным скрежетом поплыл вдоль перрона.

Через два часа сидели в номере у Семченко. Без плаща, в костюме, тот выглядел совсем молодцом, и Вадиму Аркадьевичу стыдно было за свой мятый пиджак, бесформенные брюки, синюю рубашку с немодными маленькими уголками ворота.

Майя Антоновна проводила их до гостиницы, и Семченко, прощаясь, поцеловал ей руку так легко и обыденно, как будто усвоил эту привычку еще в те далекие времена, когда был членом правления клуба «Эсперо».

— Милая девушка, — говорил Семченко. — Очень милая… Все ребята очень хорошие. Я, признаться, не ожидал… Мы-то с Линевым эсперанто над жизнью ставили, а для них он просто часть жизни. Помогает марки собирать — прекрасно. Узнают на другом краю света про наш город — еще лучше. Или вот чех одной нашей девушке на эсперанто в любви объяснился. И слава богу!

На столе стоял местный сувенир — секретница, сделанная в виде старинной пушки с двумя горками ядер. Подарок эсперантистов. Опустишь в ствол ядро, и из-под лафета выкатится потайной ящичек. Интересно, что Семченко будет в нем хранить? Что бы сам он хранил в таком ящичке? Разве старые рецепты, которые невестка велит выбрасывать. Наступает старость, и никаких тайн не остается, никаких секретов.

Еще когда шел по улице рядом с Майей Антоновной и Семченко, слушая их быстрый, беспорядочный разговор, Вадим Аркадьевич вспомнил то давнее предложение Пустырева. И ясно стало, почему он тогда так и не написал эту статью. Сама идея эсперантизма, нереальная, отвлекающая от куда более важных дел, была ему не симпатична. Но за долгие годы своего существования она обрела судьбу, как и он сам, Вадим Аркадьевич Кабаков; обросла судьбами, надеждами и разочарованиями разных людей, стала частью жизни, и вычеркнуть ее так, разом, в приказном порядке было нехорошо, неправильно.

Он попробовал сейчас объяснить это Семченко и не смог, мямлил что-то невразумительное.

Семченко опустил ядро в пушечный ствол, легонько звякнула пружина, но потайной ящичек не выкатился — заело что-то в механизме.

— Знаешь, о чем я сегодня подумал? Вот, думаю, приехал сюда, все вспомнил, а теперь умирать пора. Может, для этого только и жил… Ты Казарозу-то помнишь?

— Слушай. — Вадим Аркадьевич навалился на стол, качнул его, и ящичек с внезапным

хлопком, от которого Семченко вздрогнул, вылетел из-под лафета. — Я тебе тогда письмо принес к эшелону. Из Питера… От кого оно было?

— От Милашевской… Прислала портрет Казарозы и вырезку с некрологом. Показать?

— От Милашевской… Прислала портрет Казарозы и вырезку с некрологом. Показать?

— У тебя с собой? — не поверил Вадим Аркадьевич.

Семченко достал из бумажника фотографию — маленькая женщина стояла в пустыне, окруженная дикими зверями. В руке она держала клетку с райской птицей.

— Это ее голос, ее душа. — Ноготь Семченко коснулся венчика из перьев на птичьей головке.

— А звери что обозначают?

— Это мы все, — серьезно объяснил Семченко. — И я, и Генька Ходырев, и Алферьев, и тот курсант… Его под Пинском уланы зарубили… Вот кто есть кто, не знаю. Хотя можно предположить…

— Я здесь тоже есть? — перебил Вадим Аркадьевич.

— Ты? — Семченко задумался. — Про тебя не знаю.

«Любил он ее, — подумал Вадим Аркадьевич. — Конечно, любил…» И горло перехватило от забытой нежности к этому человеку, который до сих пор ищет себя среди слонов и единорогов, окружавших некогда маленькую женщину с клеткой в руке.

Он достал фотографию Нади, сделанную Осиповым, положил на стол. Семченко взял ее, подвинул ближе к себе, и возникло странное чувство перевернутой жизни — будто она еще вся впереди, и сами они не старики, а мальчишки, новобранцы, хвастающие друг перед другом карточками своих девчонок.

Тусклое перекрестье рамы, вечерний свет, две фотографии на столе — две женщины, четыре судьбы.

Семченко бережно извлек из бумажника серо-желтую от ветхости газетную вырезку. Развернув, протянул Вадиму Аркадьевичу. Сгибы проклеены были полосками прозрачной липкой бумаги, которую невестка приносила Петьке обклеивать учебники, буквы наполовину стерлись, края измахрились, и черная черта вокруг текста расползлась, словно была не напечатана, а процарапана. Вместо подписи стояли инициалы: «А. Э.».

«Вдали от Петрограда, на сцене провинциального клуба, нелепо и страшно оборвалась жизнь Зинаиды Георгиевны Казарозы-Шершневой, актрисы и певицы.

Что можно занести в ее послужной список? Казалось бы, немного. Несколько ролей, несколько песенок, две-три случайные пластинки — дань моде, и все. Но если мы помним эти роли, эти песни, помним ее мгновенно блеснувшую и угасшую славу, то было, видимо, и другое. Казароза была наделена тем, что можно назвать абсолютным слухом в искусстве. Она могла снести многое, но не неверности тона. Среди Содома и Гоморры завсегдатаев театральных премьер, фланеров выставочных вернисажей, перелистывателей новых книг она была одним из тех редчайших праведников, которым это нужно не по условностям общежития, а из потребности сердца, и ради которых бог искусств все еще не истребил

своим справедливым огнем это проклятое урочище.

В другие, более спокойные времена такая женщина была бы притягательным центром традиционного художественного салона, осью некоего мира дарований, вращающегося в ее гостеприимной сфере. Но шла война, и шла революция — события с циклопической поступью, варварской свежестью, варварским весом, не склонные ни к нюансам, ни к оттенкам. Времена самые плодовитые, но слишком дальнозоркие, чтобы заметить севшую на рукав бабочку, и слишком занятые, чтобы мимоходом ее не примять, если не прищемить насмерть...»

На вокзал приехали рано. Семченко оставил чемоданы в купе и вышел на перрон. Обменялись адресами, еще о чем-то поговорили, но это уже был разговор натянутый и необязательный. Так мог бы говорить кто угодно и с кем угодно. Обычный вокзальный разговор, когда кажется, что не договорили о важном, даже если все сказано, но нет сил начинать сначала.

Короткая вспышка понимания, отмеченная хлопком потайного ящичка, миновала, и теперь порознь прожитая жизнь снова была огромной, заслоняла все остальное.

На перроне горели фонари, хотя было еще светло. В их синем мертвенном свете лицо Семченко казалось не просто усталым и очень старым, а странно пустым, как будто из него прямо на глазах уходила жизнь. И Вадим Аркадьевич невольно подумал, что, может быть, он нарочно не хочет больше говорить о прошлом, бережет эту недоговоренность, дающую надежду.

Они неловко расцеловались, когда до отхода поезда оставалось еще минут десять, и Вадим Аркадьевич пошел к стоянке такси. Там была очередь, машины подходили редко, так что домой он добрался уже около двенадцати. Едва вставил ключ в замочную скважину, как дверь распахнулась и в глаза ударил свет из всех комнат. Никто не спал, даже Петька.

— Могли бы хоть позвонить! — Невестка нервно бросила на рычаг телефонную трубку. — Все-таки не чужие. Волнуемся!

— Ты где был? — спросил сын, стараясь придать строгость голосу.

— Товарища провожал на поезд.

— Мы уже все больницы обзвонили, — сказала невестка и вдруг заплакала. — Боже мой! Боже мой... Ну за что мне все? За какие грехи?

Вадим Аркадьевич почувствовал, как у него начинают гореть глаза. В последние годы хотелось иногда заплакать, но слез почему-то не было, лишь начинали гореть глаза, словно с недосыпу или от пыли. Он шагнул к невестке, обнял ее плечи, и та неожиданно ткнулась носом ему в грудь.

— Я знаю, вы никогда меня не любили. — Вадим Аркадьевич чувствовал на груди ее горячее дыхание и с трудом разбирал, что она говорит. — И вы, и Надежда Степановна... Я вам была чужая...

— Ну зачем ты так? — неуверенно сказал сын. — Мама к тебе очень хорошо относилась.

— Молчи уж! — Невестка громко шмыгнула носом. — Только и разговоров было, какая я неумеха. Вот не умела готовить. Не умела! Так все наши девчонки не умели. Мы же в войну росли. Из чего готовить-то было? Лук да картошка... А шила я хорошо... Ведь правда?

«Уже и ей пятьдесят скоро», — с острой жалостью подумал Вадим Аркадьевич.

18

Отправления долго не давали. Томясь, Семченко посидел в купе, потом вышел в коридор. У окна стоял мальчик лет восьми и с ужасом, не отрываясь, смотрел на его ухо.

— Это ничего. — Семченко улыбнулся ему и помял ухо двумя пальцами. — Уже давно не больно.

Наконец тронулись. В вагоне было светло, и когда проехали освещенный перрон, за окном сразу ощутилась ночь. Проплыла мимо вереница станционных киосков, поезд набирал скорость. Подрагивая, вылетали из темноты огни, приближались, вспыхивали и уносились назад, как забытые лица, которые на мгновение выносит к поверхности памяти.

Поезд стал изгибаться, поворачивая к реке, поворот был крутой, синий фонарь у какого-то склада с минуту, наверное, не исчезал из виду — вагоны обтекали его по дуге, и Семченко вспомнил заплаканное лицо Альбины Ивановны. О чем она плакала там, в полупустом зале московского эсперанто-клуба, слушая его обличительную речь? О «гранда бен эсперо» доктора Заменгофа, и Линева, и Сикорского, и самого Семченко? Или о своей любви, которую он сперва не замечал, а после предал, опять-таки этого не заметив? Может быть, и о том, и о другом, и еще о многом. Одинокая сорокалетняя женщина, она уже тогда понимала то, что он понял лишь теперь: любая бескорыстная идея всегда обрастает жизнью, памятью, любовью.

И Вадим Кабаков об этом догадывался.

Такие идеи живут и умирают, как люди. И те, которые много всего в жизни натерпелись, к старости делаются добрее.

Проводница принесла постель, Семченко раскрыл бумажник, чтобы отдать рубль, и опять увидел вырезку с некрологом. Через полчаса он лежал на полке, вагон сильно болтало, позвякивала оставленная в стакане ложечка.

«Бедная, милая, маленькая женщина! — звучали в памяти последние строки некролога, давным-давно выученные наизусть. — *Она прошла среди нас со своим колеблющимся пламенем, как в старинных театрах проходила нить от люстры к люстре, от жирандоли к жирандоли. Огонь бежал по нити, зажигая купы света, и, добравшись до последней свечи, падал вместе с обрывком уже ненужной нитки и на лету, колеблясь, потухал».*

ФАНТАСТИКА

СЕМЕН СЛЕПЫНИН

Мальчик из саванны

Повесть

Ленивый Фао

Колдун Фао шел медленно и осторожно, приостанавливаясь перед каждой крутизной. Вчера он оступился на камне, упал и сильно ушибся. Поэтому сейчас Фао недоверчиво трогал камни пальцами посиневших ног и ощупывал их подошвами — шершавыми, как дубовая кора.

Колдун зябко кутался в засаленные шкуры и поеживался, чувствуя за спиной взгляды людей своего племени. Они звали его не иначе, как Ленивый Фао. Но если бы люди вдруг узнали, кто такой Ленивый Фао на самом деле? Что случилось бы тогда в стойбище?

Эта внезапно мелькнувшая мысль так испугала колдуна, что он замер и воровато оглянулся. Нет, как будто все в порядке. Фао повернулся к вершине горы спиной и посмотрел вниз более внимательно. Тревожиться вроде нечего. Около своей землянки стояла Хана с ребенком на руках и провожала взглядом колдуна. Но так она глядела каждый раз, Фао привык к этому. На берегу реки возились ребятишки и не обращали на колдуна никакого внимания. Лишь Гзум — сын Лисьей Лапы, приплясывая и скаля зубы, кричал:

— Ленивый Фао! Глупый Фао!

Но и этого следовало ожидать. От шального и драчливого мальчишки колдун уже натерпелся немало обид. Привык. И сейчас он смотрел на Гзума с хмурым спокойствием. А когда тот начал швырять камни, колдун даже почувствовал мстительное удовлетворение — камни не пролетали и десятой части расстояния. Приблизиться же Гзум не мог — ближе трех полетов копья никто не смел подходить к Горе Духов.

Долго стоял Фао на каменистом выступе. Но это не должно вызывать у людей удивления. Здесь, на полпути к вершине, он отдыхал часто, глядя на стойбище и степь из-под густых седых бровей, похожих на тронутый инеем мох.

В степи, из-за дальних холмов, выкатилось солнце. Мальчишки, выбежав на вытоптанную площадку в середине стойбища, протягивали руки навстречу встающему светилу. Плясали, высоко вскидывая худые ноги, и кричали:

— Огненный Еж! Огненный Еж!

Луна, солнце, звезды, дожди — все стихии были для людей племени живыми существами, злыми или добрыми…

Огненный Еж, ощетинившись горячими иглами-лучами, взбирался все выше. Заискрилась река, громче запели в кустах птицы, в сырых травах вспыхнули и загорелись желтые кружочки мать-и-мачехи, лиловые бутоны медуницы, белые созвездия ветреницы дубровной. Природа радовалась солнцу, его весенним теплым лучам.

Но не было радости у людей племени лагуров. Из их землянок, тянувшихся цепочкой бурых холмиков вдоль берега Большой реки, слышались сердитые голоса женщин, плач детей. У входа в одну из землянок, согнувшись, сидела молодая женщина и выла: ночью умер ее младенец.

Племя голодало. Зимние запасы съедены, ямы с мясом давно опустели. Степь, обильная летом и осенью, сейчас звенела лишь птичьими голосами. Оленьи стада поредели, а табуны лошадей, пугливые серны и сайгаки еще не вернулись с юга.

Задолго до восхода солнца, еще затемно, ушли в саванну охотники. Но колдун Фао хорошо знал, с какой жалкой добычей они придут в стойбище. Многое, очень многое знал колдун…

Ленивый Фао высморкался, вытер пальцы о сивую бороду, свисавшую до пояса, и медленно зашагал вверх. Вскоре спина его скрылась в густых зарослях кустарника, охватившего склоны горы.

Ребятишки разбрелись по берегам реки в поисках съедобных корней и стеблей. Они рылись в кустах, кочках. Рылись даже в прошлогодних отбросах.

Около полудня, когда Огненный Еж забрался совсем высоко в небо, пришли из саванны охотники. Пришли и в самом деле почти с пустыми руками. Три дрофы, пронзенные дротиками, да пара гусей — разве это добыча?

Кормильцами племени в такие дни становились женщины и подростки. Они вскоре после охотников вернулись с болот.

Около трех больших мешков, сшитых из оленьих шкур, повизгивая от нетерпения, вертелись малые ребятишки. Подростки, отталкивая малышей, с радостными воплями вынимали из мешков и складывали кучками съедобные корни, клубни, сочные сладкие стебли. Четвертый мешок, поменьше, женщины бережно поставили на траву. Здесь были птичьи яйца.

Добычу делила Большая мать. Но верховодила, как всегда, крикливая и вечно недовольная Гура. Высокая, жилистая, с крепкими мужскими кулаками, она спорила иногда и с охотниками. С ней все считались, а иногда и побаивались.

Сейчас она шумно вмешивалась в дележ, и Большая мать часто соглашалась с ней. Гура делила всегда справедливо.

Кучки клубней и яиц оказались невелики, и женщины все чаще посматривали на Гору Духов.

— Фао! Ленивый Фао! — запричитали они. — Наши дети голодают. Где твои духи? Почему они не помогают?

На горе, над макушками сосен и берез, вился густой столб дыма. Это означало, что священный огонь горит и колдун Фао беседует с духами.

Женщины и охотники с надеждой смотрели на дым. Но не мог он обмануть сварливую Гуру.

— Не верьте ему! — кричала она. — Он там спит. Ленивый Фао спит!

Женщина почти угадала: колдун дремал. Лишь поначалу, с утра, он был подвижен и деятелен. Его подгоняли промозглый холод и желание поскорее понежиться у огня…

Ленивый Фао собрал сухой валежник и свалил его в большую кучу. Теперь священный огонь можно подкармливать весь день, не вставая.

Покряхтывая, колдун сел на широкий камень и прислонился к раздвоенному стволу большой березы.

Уютное местечко облюбовал себе Фао. Сверху густая крона укрывала от мелкого дождя, сзади раздвоенный ствол и разросшийся боярышник защищали от ветра, а спереди всегда дымился костер. Даже сейчас, утром, от вчерашнего огня остался в пепельном кострище жар.

Ленивый Фао собрал сухой валежник и свалил его в большую кучу. Теперь священный огонь можно подкармливать весь день, не вставая.

Topreading.ru

Покряхтывая, колдун сел на широкий камень и прислонился к раздвоенному стволу большой березы.

Уютное местечко облюбовал себе Фао. Сверху густая крона укрывала от мелкого дождя, сзади раздвоенный ствол и разросшийся боярышник защищали от ветра, а спереди всегда дымился костер. Даже сейчас, утром, от вчерашнего огня остался в пепельном кострище жар.

Колдун разворошил угли и навалил сверху сухих веток. Заметались космы пламени, обливая грудь и плечи приятным теплом. Сверху колдун положил еще сырую ветку, чтобы дым был еще гуще. Это он делал всегда. Пусть люди племени видят, что Фао не спит и беседует с духами.

Колдун протянул закоченевшие ноги ближе к огню, прислонился к березе, почесался и закрыл глаза. В полудреме проплывали туманные и сладкие видения далекой, отшумевшей юности. То были не цельные картины, а какие-то смутные обрывки, дымные клочки. Фао в засаде среди густой листвы, а потом вдруг в степи или на берегу Большой реки… Он был тогда хорошим охотником. Но однажды случилась беда: в схватке с медведем Фао повредил левую руку, и та плохо сгибалась. А правую руку когти зверя распороли от плеча до локтя. Глубокий багровый шрам остался до сих пор, и колдун любил выставлять его напоказ.

Как он стал колдуном, Фао не помнит. Знает только, что сначала он был удачливым колдуном. Из своей охотничьей жизни тот давний Фао знал о повадках зверей и помнил места их обитания. Поэтому духи в те далекие времена редко ошибались. Но годы шли, память слабела, и духи стали подводить, что вызывало нарекания охотников и вождя.

Фао приоткрыл веки и в пяти шагах справа увидел духов — высокие каменные изваяния, выточенные ветрами, отшлифованные свистящими ливнями… Колдун встал и обратился к Хоро — великому охотнику, покровителю племени. Гранитный столб и в самом деле напоминал гигантского охотника, навечно застывшего в выжидательной позе.

— Великий Хоро! — воскликнул колдун.

И сразу же замолк — до того неприятен был ему собственный голос. Какой-то тонкий, писклявый, похожий на визг шакала. Ленивый Фао прокашлялся, воздел обе руки вверх и еще раз обратился к гранитному исполину:

— Великий Хоро! Пошли нам Большого оленя! Пошли нам Большого оленя! Где они? Где стадо лосей?

Великий Хоро безмолвствовал. Раньше, много лет назад, тот давний Фао бегал вокруг костра и плясал до тех пор, пока голова не начинала кружиться, пока глаза не заволакивал темный, искрящийся туман. И тогда, казалось, духи что-то шептали, подсказывали, где пасутся лошади, где пробегают стада бизонов и оленей.

Но сейчас Фао как-то сразу обмяк и устало опустился на прежнее место. Почесав спину о ствол березы, он откинул голову назад и закрыл глаза. Так он продремал до полудня, изредка подсовывая ветки в костер.

Когда Огненный Еж поднялся на середину неба, Фао очнулся, навалил в костер побольше веток и поспешил к стойбищу. Не желание возвестить волю духов, а голод гнал его.

Спускался с горы тропкой, протоптанной колдуном за многие годы. Выбравшись из зарослей кустарника и молодого березняка, Фао увидел дымы стойбища и замедлил шаги, тоскливо предчувствуя, что встреча с людьми будет не из приятных. Доверие соплеменников колдун

давно потерял.

У берега реки Ленивый Фао в задумчивости остановился, а потом медленно побрел к стойбищу. Навстречу кто-то шел. Колдун горделиво выставил вперед плечо: в племени уважали раны, полученные на охоте или в борьбе с хищниками. Но тут же поспешно прикрыл шрам шкурой — в проходившем он узнал Хромого Гуна, своего извечного врага.

Как и Фао, в юности Гун был ранен. Его сломанная нога плохо срослась, и с тех пор Гун сильно хромал. Ранами своими он не очень гордился, колдуна же ни во что не ставил. И Фао отвечал взаимностью. Уже давно никто из них не уступает друг другу дорогу.

Колдун и Хромой Гун медленно сближались. Наконец сошлись и встали, как два медведя на одной тропинке. Они топтались на месте и кидали друг на друга взгляды, полные глухих угроз. И вдруг Гун, заворчав, отошел в сторону. Впервые уступил дорогу.

Ленивый Фао входил в стойбище, слегка приободрившись, с чувством одержанной победы. Вот и его землянка. Только бы успеть нырнуть в нее, закрыться пологом из оленьей шкуры. Там он в безопасности — никто не посмеет войти в жилище колдуна.

Но толпа уже окружила Фао. Люди кричали, размахивали руками. Колдун выставил свое обнаженное плечо с глубоким шрамом, и толпа притихла. Но скоро град упреков, гневных восклицаний и ругательств обрушился на него с новой силой. Особенно неистовствовали женщины.

— Наши дети голодают! — крикнула молодая Хана, протягивая на руках своего младенца.

— Наши охотники приходят с пустыми руками!

— Твои духи не помогают! Где твои духи?!

Пытаясь оправдаться, колдун поднял вверх правую руку и сиплым голосом, но с достоинством произнес:

— Мои духи молчат.

— Они у тебя всегда молчат! — яростно крикнула Гура.

Колдун съежился. Он опасался этой горластой женщины с крепкими, как ветви дуба, кулаками. Гура подступила, готовая вцепиться в бороду колдуна.

— Мои духи сердятся! — взвизгнул Фао.

Толпа стихла и отступила. Гнева духов все люди племени боялись.

«Кажется, теперь можно отдохнуть», — обрадовался Фао и сел на камень, который врос в землю рядом с его жилищем. Сзади, как и на Горе Духов, росла береза. Фао прислонился к стволу и почесал спину. На его крупном морщинистом лице изобразилось блаженство. И никто не мог догадаться, что колдун взволнован.

Да, он волновался, побаиваясь предстоящего небольшого события. Никто, никакие духи не могут предотвратить его. Кто это сказал? Колдуну хотелось вспомнить давно забытые слова. Или вообще думать о чем-нибудь постороннем, чтобы взять себя в руки, успокоить нервы.

Странный, очень странный колдун у племени лагуров… А может быть, уже что-то знают,

догадываются? Фао осторожно взглянул на толпу и успокоился. Тревожиться нет оснований: люди видят его таким, каким он был и год, и два, и много лет назад.

Женщины и дети смотрели на колдуна молча, лишь изредка тихо переговаривались. Но тут снова (колдун знал об этом заранее) вперед выступила сварливая и злая на язык Гура.

— Твои духи не сердятся! Они спят! Ты спишь, и твои духи спят!

«Ну и зануда», — поморщился Фао и с внутренней усмешкой подумал, до чего непривычно здесь само слово «зануда». Оно появится потом, много веков спустя…

И снова взгляд колдуна погрузился в сумеречные дали грядущих столетий, снова пытался вспомнить он давно угасшие в памяти слова. Грустные, обреченные слова… Они искорками вспыхивали в тумане, гасли, снова загорались и наконец встали в стройный ряд: «Что бы ни случилось с тобой, оно предопределено тебе от века. И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием».

И снова взгляд колдуна погрузился в сумеречные дали грядущих столетий, снова пытался вспомнить он давно угасшие в памяти слова. Грустные, обреченные слова… Они искорками вспыхивали в тумане, гасли, снова загорались и наконец встали в стройный ряд: «Что бы ни случилось с тобой, оно предопределено тебе от века. И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием».

Но кто это сказал? Вернее, скажет? И колдун вдруг вспомнил: Марк Аврелий!

Он вздрогнул: нельзя думать о грядущем. Ни в коем случае нельзя отвлекаться от настоящего момента, чтобы случайно не нарушить, не всколыхнуть исторически устоявшуюся гармонию причин и следствий. Но мысли, непрошеные и назойливые, как комары, лезли в голову.

Да, все предопределено от века. И ничего изменить нельзя. Фао даже не мог подсказать Хане, чтобы она крепче держала ребенка. Хотел, но не мог. Он знал, что через две-три секунды младенец вывалится из рук молодой женщины и брякнется на землю. К счастью, ребенок ушибется не очень сильно, но заверещит так, что хоть уши затыкай…

Все так и случилось. Испуганная Хана подняла младенца, прижала к груди и бросилась к своей землянке. Но Фао знал, что на полдороге она обернется и нелепо погрозит кулаком. Все было известно колдуну на много дней вперед. Сегодня вечером Гура вблизи стойбища убьет старого оленя, да и охотники вернутся не с пустыми руками. И начнется в племени хмельной от сытости праздник весенней добычи…

А незадачливый колдун? Какое он будет иметь к этому отношение?

Да, лагурам не повезло — колдун у них ленив, глуп и заносчив, хотя выглядит весьма внушительно. Крупное, в глубоких морщинах лицо, почтенная белая борода, мохнатые своды бровей делали его похожим на какого-то первобытного патриарха. Форма, не соответствующая содержанию… Но скоро он освободит племя от своего присутствия. Часы и минуты колдуна сочтены. Завтра он исчезнет из мира, утонет… «Скорей бы уж», — вздохнул Фао.

Занятый невеселыми мыслями, колдун встретил «предопределение от века» и неприятное микрособытие так, как и положено. Получив неожиданный удар в скулу, он взвизгнул, вскочил на ноги и погрозил кулаком мальчишке, запустившему в него камень. Это был, конечно, все тот же Гзум.

Толпа зашумела. Гнев ее, к счастью для колдуна, обрушился на сей раз на Гзума. Женщины загалдели, некоторые бросились за пустившимся наутек мальчишкой.

Воспользовавшись суматохой, Ленивый Фао проворно скользнул в свою землянку.

Здесь он вытер пот со лба и облегченно перевел дыхание: больше контактов с людьми не будет до завтрашнего утра — последнего и решающего утра в жизни колдуна.

Фао притронулся к левой щеке и почувствовал теплую струйку крови. «Вот сорванец», — с добродушной усмешкой подумал он о мальчишке. И надо же так сплестись событиям, что завтра утром он спасет Гзума от верной гибели, вытащит из воды. Сам утонет, но спасет. Во всяком случае, обязан это сделать, ибо мальчик очень важен для племени и, быть может, для всей последующей истории человечества.

Фао мысленно увидел, каким будет Гзум лет через десять, — молодым, но уже опытным охотником. Он хорошо сработается с новым колдуном, который наконец-то снимет запрет с Горы Духов. Новый колдун на гранитных изваяниях красной охрой будет рисовать оленей, лосей, лошадей.

Состязаясь в меткости, охотники станут бросать в изображения копья.

«Отличный психологический тренаж, — подумал Ленивый Фао. — Метая копья, они будут настраиваться на предстоящую охоту».

Размышления колдуна были прерваны голосами женщин, приблизившихся к землянке.

— Фао! Нам помог дух Маленькой Сю.

— Мы принесли дары Маленькой Сю.

Когда-то давно маленькая девочка Сю утонула в болоте, примыкающем к Большой реке. С тех пор считалось, что дух ее покровительствовал собирателям орехов, клубней и птичьих яиц на берегах болота.

Колдун должен сейчас выйти и взять дары Маленькой Сю. Но не сразу. Все поступки его рассчитаны по минутам.

Фао нащупал на груди амулет — костяную пластинку, напоминающую бизонью голову, и поднес ее к слабо тлеющим углям очага. На обратной стороне пластинки колдун расширил ногтем еле приметную трещинку и увидел крохотный циферблат электронных часов. Выждав четыре минуты, Ленивый Фао приподнял шкуру у входа и боязливо (так положено) высунул голову. Поблизости никого не было. На траве лежали корни, сочные стебли и два крупных гусиных яйца.

Корни и стебли брезгливый лже-Фао закопал в углу землянки. Гусиные яйца обмазал глиной, испек на углях по способу, принятому в племени, и с аппетитом съел.

Еще через час Ленивый Фао неторопливо шагал в сторону Горы Духов. Там он подкинул в догорающий костер сухих веток. На камень не сел, позволил себе немного расслабиться, отойти от жестко предписанных поступков. История от этого не пострадает. Все равно никто его здесь не видит.

Роль Ленивого Фао далась ему сегодня особенно тяжело. Чаще, чем когда-либо, тревожила

Topreading.ru

мысль: а если узнают? Мысль вздорная, понимал сейчас Фао.

Но отдохнуть надо. Фао вышел на склон горы, обращенный в противоположную от стойбища сторону. Перед ним раскинулась саванна — кормилица племени. Саванна… Ему нравилось это слово, хотя, наверное, правильней было бы сказать — лесостепь. Обильная, удобная для расселения человека лесостепь. Сюда летом заходят животные даже из тропического пояса. А может, правильней назвать прерией? Но пусть об этом думают биологи. У него своих забот хватает. Он привык говорить «саванна» и отвыкать не собирается.

Сейчас равнина выглядела пустынной. Лишь птицы оглашали зеленое безмолвие весенними песнями. Но вот вдали мелькнула горбатая спина бизона. Совсем близко на голый холм вскочили три лани, пугливо повертели головами и снова скрылись. Скоро потянутся с юга другие животные. И заколышутся высокие травы, поплывут в них ветвистые рога оленей, черные гривы лошадей.

Колдун сел на траву и обвел взглядом горизонт. Где-то там, за утопающими в синей дымке рощами, проходит граница ареала. За ней — неконтролируемый океан пространства и времени. Да и сам ареал, в центре которого он сейчас находится, оказался не столь подвластным, как хотелось. Много лет назад один из наиболее осторожных сотрудников лаборатории «Хронос» сказал: «Ареал — зияющая рана на теле истории. Малейшая неосторожность — и в рану можно занести инфекцию вмешательства». Слова оказались пророческими. Сейчас лже-колдун призван залечить рану, сделать так, чтобы грядущая человеческая история развивалась естественно и нормально.

«Завтра. Все решится завтра», — подумал Фао, уверенный в успехе своей странной миссии. А потом он отправится к озеру искать брата. Поиски, правда, никто не планировал. Все видели, что Александр погиб… А если не погиб? Если он прячется сейчас в дубовой роще? Эта мысль согревала лже-Фао в его нелепой жизни колдуна. Дубовая роща отсюда хорошо видна, она в пяти-шести километрах от горы, рядом с озером Круглым. Пойти туда и проверить свою догадку Фао пока не мог. Ход истории приковал его к стойбищу и священной Горе Духов. Но надежда, что он здесь не один, что где-то рядом находится брат, согревала Фао.

«Завтра. Все решится завтра», — подумал Фао, уверенный в успехе своей странной миссии. А потом он отправится к озеру искать брата. Поиски, правда, никто не планировал. Все видели, что Александр погиб… А если не погиб? Если он прячется сейчас в дубовой роще? Эта мысль согревала лже-Фао в его нелепой жизни колдуна. Дубовая роща отсюда хорошо видна, она в пяти-шести километрах от горы, рядом с озером Круглым. Пойти туда и проверить свою догадку Фао пока не мог. Ход истории приковал его к стойбищу и священной Горе Духов. Но надежда, что он здесь не один, что где-то рядом находится брат, согревала Фао.

Он встал и пошел к костру. Тяжкое бремя колдуна надо нести до конца. Фао подкинул в огонь веток, сел на камень и с закрытыми глазами привалился к березе. Взгляд его снова погружался в ушедшие дали охотничьей молодости. Вспоминались и первые удачливые годы колдуна. Это он делал для того, чтобы лучше вжиться в роль. Наконец окончательно почувствовал себя Ленивым Фао.

Стало заметно темнее. Грузные влажные тучи клубились над горой, застучали первые капли. Ленивый Фао тяжело поднялся и медленно зашагал по тропинке вниз.

В стойбище никого не было видно. Все попрятались в землянках. Но ребятишки все еще вертелись на берегу, а их колдун побаивался пуще взрослых. Особенно этого несносного Гзума.

Фао заковылял к своей землянке. Мальчишки уже кружились вокруг него, держась, правда, на почтительном расстоянии. Они приплясывали, корчили гримасы и вовсю горланили:

— Ленивый Фао! Глупый Фао!

«Сорванцы, — мысленно ругнул их колдун. — Но что с них возьмешь? Неузнаваемо изменится психика и поведение людей в будущем. Но мальчишки вечны. И много столетий спустя они будут такими же, как сейчас…»

Ленивый Фао скрылся в землянке. И в это время зашумел короткий, но сильный ливень.

Колдун раздул угли очага, подсунул в заплясавший огонек сухих веток. Дым, заклубившись у потолка, потянулся к дыре в правом верхнем углу.

До утра, до решающих и последних в жизни колдуна мгновений, оставалось почти двенадцать часов. Как скоротать время? Спать Фао не мог. Чтобы успокоиться, заглушить тревогу, надо о чем-нибудь думать. Лучше всего об ареале. С открытием его странно, причудливо переплелись судьбы людей далекого прошлого и далекого будущего. Его брат затерялся в древней саванне («может, погиб», — мысленно поправил себя Фао), а сам он оказался в дурацком положении колдуна…

Как все это случилось? И Фао стал вспоминать. Вспоминать не отшумевшие дни колдуна, а свою собственную жизнь, годы странствий космопроходца и времяпроходца Ивана Яснова, волею судеб брошенного сейчас в эту землянку. Себя он пытался увидеть со стороны, думать как о другом человеке, чтобы нагляднее представить всю цепь событий. Начало этой извилистой цепи положил много лет назад он сам же, Иван Яснов, в свой первый выход в ареал.

Выход в ареал

Плотная, кромешная тьма обступала Яснова со всех сторон. Будто шагает он по дну черного нефтяного моря, с трудом вытягивая ноги из вязкого грунта и раздвигая упругие водоросли. Вскоре понял, что не водоросли это, а густо разросшийся кустарник. Острые сучки и колючки царапали плотную ткань комбинезона, а раздвигающиеся ветви звонко стегали по колпаку гермошлема.

Беспорядочные, бессвязные мысли теснились в голове. Какая это планета? Где «Призрак» — его корабль, его космический дом? И что с памятью? Ее он, кажется, утратил при внедрении… Внедрение? Странное слово…

Кустарник поредел, и Яснов откинул гермошлем. Вскоре выбрался из болотистых зарослей и вошел в лес. Сразу стало светлее. Сквозь густые кроны деревьев пробивались дымные паутинки лунных лучей.

«Нет, это не чужая планета», — удивлялся Иван, ощупывая стволы елей и вдыхая знакомый с детства смолистый аромат сосен. Какой воздух! От винных и грибных запахов ранней осени слегка кружилась голова. Но почему он разгуливает по собственной планете в таком оглушенном состоянии? Быть может, даже по родной сибирской тайге?

Яснов вышел из густого сосняка на поляну с редко расставленными высокими дубами.

И уже не паутинки, а широкие ленты призрачного света тянулись меж раскидистых ветвей.

Луна! Иван с изумлением взирал на знакомое и в то же время незнакомое ночное светило. В его время Луна, окруженная сияющим ободком искусственной атмосферы, выглядела синеватой благодаря разросшимся на ней лесам. Но сейчас он видел первозданную серебристую планету.

Итак, он заброшен, видимо, в прошлое. И судя по воздуху высшей биологической очистки, не в ближайшие, дымно чадящие столетия, а в далекое прошлое. А чем глубже века, тем глубже… хроношок! Его оглушенное состояние — это шок, возникающий при первом внедрении человека в чужую эпоху.

И тут Иван вспомнил о какой-то искорке в небе, которая должна служить путеводной звездой. Но видел он лишь отдельные участки неба. Мешали деревья.

Иван направился в ту сторону, откуда пришел. Миновал густой ельник, с трудом прорвался сквозь болотистый кустарник и ступил на сухую опушку. Искорку еле отыскал почти на самом горизонте. Человек, не знающий о ее существовании, ничего бы и не заметил. От слабых звезд третьей величины она отличалась лишь чуть зеленоватым цветом. Что-то родное чудилось в искорке, она будто звала к себе. Но зачем? И для чего он вообще здесь?

Иван осмотрелся, и красота древнего ландшафта захватила его. Кругом расстилалась холмистая лесостепь, залитая голубым лунным сиянием. Вдали в ночной тьме трепыхался на слабом ветру костер.

Для безопасности Иван накинул на голову прозрачный гермошлем. В нем он хорошо видел и слышал, исчезли только запахи. Неодолимое любопытство влекло его к степному огню. Кто там? Скифы? Древние германцы с бронзовыми мечами?

Пригнувшись и осторожно раздвигая высокие травы, Иван медленно приближался и вскоре увидел двух мужчин, облитых медным светом костра. Оба в звериных шкурах, под ногами их валялись каменные топоры и дротики. «Каменный век! — поразился Иван. — Вот куда занесло меня». Эти двое, видимо, охраняли сон своих товарищей: около десятка людей спали вокруг костра. Один из сторожевых держал в руке копье, а второй — широкоплечий гигант почти двухметрового роста — опирался на внушительную палицу и задумчиво смотрел на космы пламени.

«Вот они, мои далекие и давно истлевшие предки, — с каким-то холодящим странным чувством подумал Яснов. — Подойду ближе… Ветер-то в мою сторону».

Но Иван недооценил звериного чутья своих пращуров. Оба сторожевых, принюхиваясь, повернулись в его сторону. Гигант, видимо, заметил притаившегося в траве человека, и по степи разнесся его гортанный крик:

— Гохо! Гохо!

«Гохо» — сигнал опасности, почему-то вспомнилось Ивану. Но откуда он это знает?

Спавшие у костра люди повскакали на ноги и схватились за топоры и копья. Яснов бросился туда, где под луной зеленовато светилось небольшое озеро, окаймленное кустарником. Он решил спрятаться в зарослях, а еще лучше — скрыться под водой, чтобы избежать непредвиденного и небезопасного контакта.

Иван считался хорошим спринтером, но местность была неудобной — в кочках и ямах, наполненных водой. К тому же предки бегали довольно резво. Оглянувшись, Иван увидел, что они настигают. Впереди мчался первобытный Геркулес со своей страшной палицей.

Запнувшись о кочку, Иван упал и покатился по траве. Когда вскочил, перед ним уже приплясывал гигант, легко, будто тросточкой, размахивая увесистой дубиной. В следующее мгновение он обрушил ее на Ивана… и испуганно отскочил в сторону. Такого гигант не ожидал. Палицей он сокрушал своих противников, раскалывая черепа, как орехи. Но этот стоял как ни в чем не бывало.

Удар пришелся по не видимому для предков гермошлему. Однако был такой силы, что Иван слегка покачнулся, не в силах сдвинуться с места. Второй удар уложил его.

Сколько времени он был без сознания? Вероятно, лишь несколько секунд. Очнувшись, услышал тихий говор и с удивлением обнаружил, что понимает слова древнего языка.

— Кто это?.. Из племени дагоров?

Кто-то склонился и пощупал гладкую ткань комбинезона.

— Не дагор. Шкуры другие… Непонятные.

— Медвежьи?

— Не медвежьи. — Иван совсем близко слышал изумленный голос. — Это… шкуры змеи!

Иван открыл глаза и пошевелился.

— Он живой! — вскрикнул склонившийся над ним человек и отскочил в сторону.

— Подожди… Я его проткну!

Иван увидел над собой гиганта с поднятым копьем.

«Этот проткнет», — похолодел Яснов и вдруг вспомнил, как звали древнекаменного Геркулеса.

— Джок! — воскликнул он. — Постой, Джок! Убери копье… Это я. Не узнаешь?

Услышав свое имя и речь родного племени, Джок выронил копье и пробормотал:

— Лагур?

Иван воспользовался растерянностью предков. Он вскочил на ноги и помчался к озеру. Сзади послышался топот преследователей, а у самого берега он услышал крики:

— Стой!

— Там топь…

— Утонешь!

Берег и в самом деле оказался коварным. Ровный и казавшийся коварным грунт внезапно раздался, и Яснов почти по плечи провалился в засасывающую трясину.

Topreading.ru

«Зыбун», — мелькнула страшная мысль. С трудом удалось лечь плашмя на колышущуюся сеть из корней болотных растений и, осторожно работая руками и ногами, добраться до воды. Немного отплыв, Иван обернулся. Люди стояли, скованные изумлением и страхом.

Яснов нырнул и у самого дна ухватился за корягу, чтобы не всплыть. Ощупал глубокую вмятину на гермошлеме, но убедился, что воды он не пропускает. Выждав минут пять, Иван поднялся на поверхность, надеясь, что преследователи убрались.

Но те топтались на прежнем месте и тихо переговаривались.

Увидев, что утонувший человек всплыл живым и невредимым, пращуры потрясенно замерли.

— Это Урх! — завопил один из охотников. — Урх!

Люди кинулись прочь от берега, размахивая руками и в ужасе крича:

— Урх! Урх!

«Кто такой Урх? — гадал Иван. — Наверное, дьявол каменного века».

Он переплыл крохотное озеро. На другой стороне берег оказался сухим. На земле отпечатались следы многочисленных животных, приходивших на водопой.

Иван кое-как снял смятый гермошлем, пощупал голову и с хмурой усмешкой отметил, что шишку все-таки заработал.

Отыскал на груди небольшой бинокуляр. Поднес его к глазам и посмотрел в степь, туда, где догорал костер. Он был виден так хорошо, будто находился в двадцати шагах. Вокруг костра суетились люди, только что преследовавшие Ивана. Они подбрасывали в огонь ветви, охапки сухих трав и пугливо озирались. Потом встали лицом к озеру, подняли вверх руки и зашевелили губами, произнося, очевидно, заклинания и отгоняя ими страшного Урха.

Минут через десять Иван с облегчением заметил, что паника улеглась. Пращуры, видимо, успокоились, некоторые укладывались спать.

Отыскав в звездном высеве свою путеводную искру, Яснов зашагал в ее сторону, туда, где расплывчатым силуэтом темнела двугорбая гора. Он часто оглядывался назад. Костер пращуров уменьшался, через полчаса ходьбы был еле заметен даже в бинокуляр, а когда Яснов перевалил через широкий холм, исчез из виду совсем.

Иван остановился и прислушался. Тишина. Лишь в травах и приземистых, редко разбросанных кустах угадывались какие-то шорохи. Тонкую ткань ночной тишины вспорол вдруг крик раненого животного, потом послышалось довольное урчание крупного хищника. И снова тишина с еле различимыми шорохами.

Иван поежился. Плотоядная эпоха! Как бы самому не стать добычей. Комбинезон устоит перед зубами мелких хищников. А что делать с крупными?

Рука привычно нащупала рукоятку пульсатора. «Моя палица, — усмехнулся Иван. — Гравитационная дубинка». Взглянул на переключатель и удивился: шкалы «разрушение» не было совсем. Видимо, здесь ему нельзя убивать и разрушать. Гравитационными ударами он мог лишь обезопасить себя, оглушить кого угодно — от комара до мамонта. Но убить — никого.

Topreading.ru

Пульсатор служил одновременно зажигалкой и фонарем. Но бросать в степь яркий прожекторный луч Иван не решался. Да и надобности не было. Иван неплохо видел и в бледном свете луны.

Стало еще светлее, когда Яснов, устало передвигая ноги, выбрался из густой осоки на сухую, почти каменистую поляну с редкой низкорослой травой. Около десятка раскидистых сосен бросали на поляну круглые черные тени. Между ними белели исполинские лбы гранитных валунов. Под одним из них пристроился Иван. Решил развести костер и выспаться. Так будет полезнее для дела — последствия хроношока хорошо снимает сон.

Не успел он примоститься под гранитной стенкой валуна, как почувствовал неладное. В черном разливе осоки что-то изменилось. Высокие травы колыхались чуть сильнее, чем полагалось при слабом ночном ветре. Кто там? Люди?..

Яснов немного успокоился, когда во тьме засверкали зеленые угольки — глаза хищников. На поляну выскочили волки. Ослепительно яркий свет пульсатора тут же разбросал их в стороны. Иван полосовал лучом, загоняя хищников все дальше во мглу трав.

Путеводная искра над горой замигала: световые оргии в ночной степи, видимо, не очень желательны. Иван погасил пульсатор и стал собирать сухие сосновые ветки, посматривая на небесную искорку, — уж костер-то развести ему, надеюсь, позволят. Ветки он полукругом навалил перед валуном, поджег и взглянул в сторону горы. Искра молчала. Можно!

Путеводная искра над горой замигала: световые оргии в ночной степи, видимо, не очень желательны. Иван погасил пульсатор и стал собирать сухие сосновые ветки, посматривая на небесную искорку, — уж костер-то развести ему, надеюсь, позволят. Ветки он полукругом навалил перед валуном, поджег и взглянул в сторону горы. Искра молчала. Можно!

На поляне снова появились волки. Они с воем носились вокруг Ивана, не смея, однако, приблизиться. Укусы огня им были знакомы. Минуту спустя, привлеченная какой-то более доступной добычей, стая метнулась в сторону и утонула в черном травянистом море.

Теперь можно отдохнуть. Убежище надежное. Сзади — отвесная стена валуна, спереди защищали красные клыки огня. Иван подбросил в костер еще веток, прислонился к камню и не заметил, как заснул.

Проснулся, когда закрытых век коснулись первые солнечные лучи. Черный комбинезон был усеян серым пеплом угасающего костра. Иван стряхнул пепел, встал и с наслаждением потянулся. Сон был коротким, но на редкость освежающим. Вязкая одурь в голове исчезла. Хроношок кончился, адаптация к чужой эпохе, видимо, завершилась.

Спешить было некуда. Иван присел на камень около валуна и взглянул вверх. По синему небу ветер гнал белую пену облаков. Ниже их, километрах в трех от земли, тихо и неприметно для непосвященных тлела искорка. Теперь Иван знал о ней все.

Миллиарды киловатт энергии потребовалось, чтобы крохотный, величиной с орех, фотонно-позитронный сгусток втиснуть в эту эпоху. В институте времени назвали его хроноглазом.

Иван вспомнил, с каким волнением сотрудники «Хроноса», столпившись у экрана, ждали, что откроется в ареале. На первых порах многое делалось почти наугад.

Знали только, что хроноглаз «втиснули» в каменный век. Но куда? На какой материк? А вдруг хроноглаз повиснет над океаном? Тогда все пропало: много ли сведений выудишь из воды? А

если джунгли или тайга? Тоже радости мало.

— Хотя бы полупустыня, — напряженно шептал глава «Хроноса» Октавиан. — Хотя бы она…

Но вот экран засветился, и все увидели холмистую равнину с редкими рощами. В густых травах качнулись рога, а на сухой пригорок неожиданно выскочила антилопа.

И тут же раздался чей-то ликующий возглас:

— Саванна!

Сотрудники «Хроноса» ликовали, хлопали в ладоши.

И все в один голос кричали:

— Саванна! Саванна!

А может, точнее — лесостепь? Многое еще было неясным. Однако за распахнувшейся на экране зеленой равниной так и утвердилось не совсем точное, но поэтичное название — саванна. Ученые, правда, пока пользовались более скромным и скучным словом — ареал.

Яснов улыбнулся и помахал хроноглазу рукой. «Все в порядке», — так должны понять его жест друзья, оставшиеся в будущем. Еще вчера он сидел вместе с ними перед экраном и, глядя вниз с трехкилометровой высоты хроноглаза, видел круг первобытной саванны диаметром сорок километров. Это пространственные размеры ареала — области, доступной изучению и контролю.

Щелчок переключателя — и цветное изображение текущего — так называемого натурального — времени гасло. Вместо него на экране возникало плоское черно-белое изображение времени визуального или наблюдаемого. Оно давало возможность наблюдать, что было до времени натурального и как будут развертываться события после него. Десять лет назад от текущего (натурального) момента и столько же вперед — таковы размеры ареала во времени. Никто не в силах вмешаться в визуальное время, его можно только наблюдать. Высадка же в ареал возможна лишь в натуральный момент.

Иван глядел в небо, на зеленоватую искорку хроноглаза, и словно видел свой покинутый вчера мир. В институте времени сейчас такая же осень и такое же утро, как и здесь, в древней степи. Там протекает секунда — и здесь тоже.

Но расстояние между этими двумя натуральными моментами — тридцать восемь тысяч лет.

Сейчас там, перед экраном, наверняка сидит глава института «Хронос» Октавиан — друг и сосед Яснова. Октавиана в шутку так и называли Хроносом — богом времени, хотя ничего божественного не было в этом добродушном, располневшем человеке. Но зато он лучше других разбирался в капризном характере его величества Времени.

Вчера Хронос, нервничая и суетясь перед экраном, давал Яснову последние наставления:

— Смотри, как завтра («То есть уже сегодня», — мысленно поправил Иван) будут происходить самые важные, узловые события. Вот с Горы Духов около полудня уходит колдун Фао. Вон, видишь, его седая голова мелькает среди кустов. Жаль, что все в серых тонах, изображение мы видим завтрашнее, визуальное. Колдуна на горе не будет до следующего утра, что весьма кстати. Гора в твоем распоряжении. А вот, — Октавиан повернул тумблер на несколько часов

вперед, — уже под вечер мальчишка Сан вслед за охотниками идет в саванну. Под лучами вечернего солнца хорошо видны в высоких травах его плечи и голова. Запомни речь мальчишки, его манеру поведения…

Иван кивнул. Он уже и без того в мельчайших подробностях мог восстановить в памяти облик этого десятилетнего заморыша с острым носиком, худыми щеками и густыми растрепанными волосами. Готовясь к рейду в прошлое, Иван особенно хорошо изучил, как будет протекать жизнь Сана сегодня, от начала до конца.

Конца… Иван болезненно поморщился, вспомнив, какой ужасный конец уготовила мальчику неумолимая история. Вчера на экране он не раз видел в инфракрасных лучах то, что непременно разыграется сегодня поздним вечером — уже во времени натуральном. До сих пор в ушах рев хищника и страшный, оборвавшийся крик Сана. А когда уйдет сытый тигр, налетят гиены…

Иван вскочил на ноги. Сидеть просто так, ничего не делая, он не мог. Двинулся в сторону горы, но, взглянув на замигавшую искорку, мысленно обозвал себя болваном. Туда нельзя — гора занята. На ней копошится колдун Фао, собираясь развести костер. Во всяком случае он должен быть там… Иван взглянул на часы, выждал три минуты и, когда стрелки показывали без десяти восемь, снова посмотрел на гору. В точно отмеренное время, секунда в секунду, над ней заколыхался столб дыма.

«История работает, как хронометр», — усмехнулся Иван и сел на прежнее место. Надо ждать. Ничего непредвиденного не случится, он успеет вовремя вырвать мальчика из пасти хищника. Но не для того, чтобы оставить здесь. В племени Сану места уже нет, иначе нарушится равновесие человеческой истории. Иван унесет мальчика к себе, в будущее.

Яснов вспомнил, как до хрипоты спорил, доказывая, что вряд ли это гуманно, что мальчик, не найдя своего места в гравитонном веке, будет испытывать нравственные муки. Ему возражали: мальчик отлично приживется. Хотя некоторый риск есть. Но он так незначителен, что совет «Хроноса» с уверенностью берет судьбу мальчика в свои руки.

Особенно оптимистично настроен был психолог «Хроноса» Жан Виардо. Он уже заранее назвал мальчика «наш приемыш».

— Сан мне и сейчас нравится, — потирая руки, восклицал Виардо. — Я докажу, что мальчик духовно ни в чем не уступит нам. Вот увидите!

За воспоминаниями и размышлениями незаметно прошло два часа. Иван встал, прошелся по поляне. Почувствовав голод, взглянул на свой не совсем погасший костер. В голове возникла шальная мысль: а не попробовать ли жареного мяса? Не выращенного из белков, а естественного мяса.

Низко над саванной пролетала стая гусей. Иван поднял ствол пульсатора. Негромкие хлопки выстрелов — и три птицы беззвучно упали в траву. Однако разрешат ли ему пиршество? Искра в небе тлела тихо и спокойно: такая возможность для путешественника во времени, вероятно, допускалась. Иван пошел за гусями, но на краю поляны остановился, устыдившись собственной кровожадности. Стоял, вглядываясь в низину, куда свалились птицы. Минут через десять трава там заколыхалась и очнувшиеся гуси поднялись в воздух.

«Перекусить можно и на горе», — решил Иван, вспомнив о галетах в кабине. Но вместе с мыслями о кабине начало закрадываться неясное, глухое беспокойство. Он мог допустить какой-то промах, не сделать что-то очень важное… Но что — никак не вспоминалось. Видимо,

сказывались последствия хроношока.

Иван нетерпеливо посматривал на гору, проклиная колдуна за медлительность. Но лишь около полудня дым над горой начал таять. Судя по времени, Ленивый Фао спускается сейчас в стойбище.

Яснов быстрым шагом направился к горе. Столкнуться с каким-нибудь крупным животным он не боялся. В жаркий полдень все зверье пряталось в холодке — в рощицах, в камышах. Иван и сам на минуту остановился в тени одинокой сосны, чтобы перевести дух и вытереть взмокший лоб. И тут вспомнил о кабине все. Она была искусно вмонтирована в небольшой пещере в скале. Эта хитроумно замаскированная машина времени так и называлась — «Скала». В состоянии хроношока вход в нее он, вероятно, не закрыл…

У подножия горы Иван с трудом пробрался сквозь высокий густой кустарник и стал подниматься на седловину. Здесь росли редко расставленные сосны и березы, под ногами шуршали опадающие листья. Белели под солнцем гранитные останцы — островерхие скалы, похожие на зубы гигантского дракона. Они стояли в ряд, как солдаты в строю. На правом фланге самый главный солдат — машина времени «Скала». Так и есть! Вход в кабину не закрыт — скала чернела зевом пещеры. К счастью, туда никто не заходил. Стоило какому-нибудь крупному животному, хотя бы рыси, забрести в пещеру, как «Скала» моментально среагировала бы на биополе, закрылась и унесла в будущее…

Иван заглянул в пещеру, где в полутьме тускло поблескивали приборы пульта. Смятый и непригодный гермошлем он швырнул в угол, взял с полки пару галет. С правой стороны «Скалы» отыскал небольшой красноватый выступ-кнопку. Нажал ее — и неровные края пещеры бесшумно сомкнулись. Шва не видно. Цветом, шероховатой поверхностью «Скала» идеально копировала гранит. Теперь она ничем не отличалась от рядом стоявших скал.

Времени до заката еще много. Из любопытства Иван поднялся на вершину — в святилище колдуна. Отбрасывая тени, высились затейливо выточенные стихиями гранитные громады — «духи Фао». Под большой березой еще дымился костер. Рядом камень, до блеска отполированный задом Ленивого Фао. Если бы сейчас Яснову сказали, что восемь лет спустя сам он станет Ленивым Фао, Иван, махнув рукой, рассмеялся бы над этой неудачной шуткой.

На краю вершины, на скате, обращенном в сторону саванны, Яснов нашел уютную полянку, не затененную деревьями. В чистом небе тихо светилась искорка, говорившая о том, что опасности здесь нет. Иван и сам знал это. Он догадывался, зачем послали его сюда почти за сутки до встречи с мальчиком, — для адаптации. «Прошла не совсем гладко», — подумал Иван, ощупывая шишку на голове. Но все же он вписался в эпоху, даже аборигены причислили его к своему миру, назвав его Урхом. Яснов теперь знал, кто такой Урх, — дух болот и топей. Люди племени часто топли в болотах, поэтому дух считался духом сильным и коварным.

Солнце уже перешагнуло через зенит, и жара ослабила свои душные объятия. Саванна оживала. В бархатисто-зеленых волнах трав проплывали стада антилоп, в воздухе мелькали птицы, а совсем недалеко от горы пасся табунок лошадей. Иван слышал их всхрапывание, одна из лошадей тревожно заржала, подзывая к себе расшалившегося жеребенка. На шее этих мирных животных не хватало лишь позвякивающих колокольчиков, чтобы получилась совсем уж идиллическая картина.

«Рай», — усмехнулся Иван, погружаясь в благодушное состояние, сходное с приятным полусном. И вдруг насторожился. Сзади послышался тихий шелест травы, словно слабый ветерок коснулся сухих былинок. Но интуиция никогда не подводила Ивана. Темное, сосущее

чувство угрозы вкрадывалось в душу. Он взглянул на небо и вздрогнул: искорка полыхала багрово-тревожным огнем, предупреждая об опасности.

Иван стремительно вскочил на ноги, но обернуться не успел. Тугая толстая петля обвилась вокруг шеи с такой силой, что дыхание пресеклось, а в глазах поплыли радужные круги. Иван пошатнулся, с холодным ужасом понимая, что теряет сознание…

Сан

Сан не знал и не мог знать, что наступил последний день в его жизни. Не подозревал он и того, что уже давно за ним пристально наблюдают сыны Будущего.

Спозаранку, когда мать и маленькая сестренка Лала еще спали, Сан выскочил из теплой, душной землянки и окунулся в густой туман, стлавшийся над берегами Большой реки. Сквозь белесую пелену размытым, тусклым пятном светился костер, зажженный еще вчера в честь праздника осенней добычи. Сан побежал туда, тихонько повизгивая, когда босые ноги касались обжигающе холодной росистой травы. Он сел у огня и, снова повизгивая, теперь уже от удовольствия, совал потрескавшиеся от цыпок ступни почти в самое пламя.

Согрелся Сан и только тогда услышал по другую сторону костра тихий говор, потом громкие восклицания и хохот. Мальчик обогнул огромное праздничное кострище и пристроился к кругу взрослых. В середине сидел Джок, и Сан догадался, почему мужчины поспешили собраться у костра. Джок с группой молодых охотников только что вернулся из похода. Далеко в саванне они углубляли и маскировали прошлогодние ямы-ловушки. Зимой туда часто попадали лоси и олени. Ямы маскировались каждую осень и обязательно ночью, чтобы звери и птицы ничего не видели и не разнесли весть о ловушках по всей саванне.

Люди племени любили слушать Джока. Рассказывал он о разных случаях на охоте интересно, живо, подмечал смешные подробности, иногда, правда, и присочинял. Сейчас Джок повел рассказ о таинственном и страшном случае прошедшей ночи. На полпути к стойбищу они решили передохнуть у костра. И тут к ним тихо подкрался дух болот и топей.

Люди племени любили слушать Джока. Рассказывал он о разных случаях на охоте интересно, живо, подмечал смешные подробности, иногда, правда, и присочинял. Сейчас Джок повел рассказ о таинственном и страшном случае прошедшей ночи. На полпути к стойбищу они решили передохнуть у костра. И тут к ним тихо подкрался дух болот и топей.

— Урх? — спросил Рун и уставился на Джока острыми, недоверчивыми глазками. — Урх на сухом месте? Шел к костру?

Молодые охотники, участвовавшие в ночном походе, закивали головами, подтверждая, что Джок говорит правду.

— Урх стал человеком неизвестного племени, — сказал один из них.

— Потом заговорил, как наш охотник! — воскликнул другой. — Он хотел заманить нас в трясину, но мы…

Джок прервал своего товарища и начал рассказывать, как он сражался с Урхом. Когда не хватало слов, он вращал глазами, жестикулировал, потом вскочил на ноги и стал размахивать своей страшной палицей. Джок показывал, как его палица, способная переломить лошадиный

хребет, отскакивала от головы Урха, словно от скалы. И все же ему удалось оглушить и свалить духа в болото.

— Урха! Самого Урха! — восхищенно зашептали охотники.

Сан слушал Джока, затаив дыхание. По его спине, облитой жаром костра, пробегали холодные мурашки. Джок заговорил о том, как его спутники, узнав Урха, кинулись врассыпную. Сан хихикнул. Смешно было слушать, как перетрусили охотники.

Из-за горизонта выкатился Огненный Еж и своими горячими иглами рвал в клочья туман. Джок замолчал, костяным ножом отрезал от лосиной туши кусок мяса и стал поджаривать его на костре. Возбужденные рассказами Джока, мужчины еще долго похохатывали, прищелкивали языками, а потом с веселым гомоном приступили к трапезе.

Есть Сану не очень хотелось, и он помчался вдоль берега. Росистое утро дымилось, искрились травы, а в груди мальчика ширилось что-то веселое и беззаботное. Он спешил на луг, полюбившийся ему еще с весны. Зеленые берега Большой реки усеяны были тогда ярко-желтыми брызгами купавок и мать-и-мачехи, на зацветающих ивах свисали мохнатые и пахучие сережки, низко над водой носились ласточки, а справа, над подсыхающим лугом, висел жаворонок.

Скрылись из вида дымы стойбища, а Сан все бежал. Перевалил через один холм, выскочил на гребень второго, и перед ним открылся простор. Посерел, осиротел и притих любимый луг. Отгорели одуванчики и лютики, отзвенел жаворонок, ласточки улетели на юг. Лишь отдельными островками белели ромашки, на пожухлой траве сверкали капельки росы.

Но и сейчас луг нравился мальчику. Сан носился по сухой, но еще зеленой траве, перескакивая через кочки, подражая прыжкам оленя. Потом, вспомнив о главной цели, пошел туда, где в окружении десятка низкорослых кривых березок шумел опадающими листьями высокий и толстый, в три обхвата, тополь. За ним луг переходил в болото, которому, казалось, не было края.

Весной вместе с подростками Сан ходил сюда собирать яйца. Обманчивы здесь камышовые заросли и покрытые коричневым мхом низины. Дух болот Урх в любую минуту мог схватить за ногу и утянуть к себе.

Но сейчас Урха здесь нет, решил Сан, вспомнив рассказ Джока. Дух болот переселился на Круглое озеро. К тому же Сан надеялся на помощь Маленькой Сю и других добрых духов.

Мальчик погрузился по колено в тинистую воду, нащупал пальцами ног каменистое дно и двинулся в глубь болота. Дорогу он знал. Камни кончились, и Сан осторожно зашагал по хлюпающим, уходящим из-под ног кочкам. Дальше простирались бурые мхи, потом снова скользкие кочки. Наконец Сан добрался до сухого острова.

Весной болотные острова звенели птичьими голосами. В дуплах деревьев, в кустарниках, а то и просто в траве ребятишки и женщины находили множество гнезд с яйцами и неоперившимися птенцами. Но сейчас остров встретил Сана тишиной. Лишь по-осеннему коротко тенькали синицы да сухо шелестели падающие листья.

Мальчик забрался в густой, желтеющий орешник. Его острый носик морщился: пахло мухомором, гнилью и мокрой паутиной. Сверху падали пауки. Но Сан перетерпел все и был вознагражден — набрал вкусных орехов.

Topreading.ru

Медленно и осторожно выбирался он из болота. Левой рукой прижимал полу шкуры с орехами, а в правой держал палку и нащупывал ей дорогу.

В стойбище мальчик входил, когда проснулись даже маленькие дети. Полог у их землянки был приподнят. Оттуда валил дым.

Мальчик нырнул в землянку и увидел ярко пылавший очаг.

— Вот! — воскликнул он и высыпал на оленью шкуру орехи.

Маленькая Лала вытерла кулаком слезы — неизвестно, отчего она плакала: от дыма или уже досталось от матери — и набросилась на орехи.

— Откуда? — улыбнулась мать и вдруг с испугом посмотрела на Сана: — Болото Урха?

Сан честно признался.

Сухой палкой, которую собиралась сунуть в огонь, мать начала бить Сана по голым рукам, плечам и спине.

— Вот тебе! Хочешь утонуть? Не будешь один ходить на болото. Не будешь! Вот тебе!

От боли Сан заскулил, но потом притих, зная, чем все это кончится. Гнев матери быстро сменился милостью. Она потерлась своим носом о нос сына — так в племени выражали любовь и ласку. Заплакала, начала жадно обнимать Сана, гладить по плечам и голове.

Сан зажмурил глаза. Он утопал в волнах материнской ласки, и в груди его что-то сладко таяло.

— Это тебе, Сан.

Мать бросила на раскаленный камень очага тонко нарезанные куски мяса. Они зашипели. Землянка наполнилась вкусными запахами. Но Сана тянуло в веселую толпу у костра. Оттуда доносился приглушенный шум праздника — смех, песни, гулкие звуки барабана — дуплистого бревна. Торопливо проглотив мясо, Сан выбежал из землянки.

У костра ребятишки встретили его визгом и криками. Они наперебой угощали Сана жареным мясом, испеченными сладкими клубнями. Сан наелся досыта, а потом вместе со всеми скакал вокруг костра. Из груди при этом так приятно выдыхались веселые клики:

— У-о-ха! У-о-ха!

Во время пляски Сан приглядел жирную ляжку молодого лося и решил отнести ее Хромому Гуну. Но сын Заячьей Губы Крок, коренастый одногодок Сана, уже вцепился в ляжку и хотел взвалить ее на плечо.

— Куда? — остановил его Сан.

— Ленивому Фао.

— Это Хромому Гуну!

— Ленивому Фао! — вызывающе крикнул Крок.

Он бросил на землю ляжку и, вытянув вперед короткие мускулистые руки, стал приближаться

к Сану.

Взрослые и дети окружили мальчиков в ожидании потехи. Драки ребятишек поощрялись в племени: в них закаляли волю и плоть будущие охотники.

Дрались Крок и Сан часто. Сейчас Кроку удалось свалить Сана, прижать его к земле. Из разбитой мочки потекла кровь. Сан кусался, царапался, безуспешно пытаясь выскользнуть из сильных рук Крока.

Дрались Крок и Сан часто. Сейчас Кроку удалось свалить Сана, прижать его к земле. Из разбитой мочки потекла кровь. Сан кусался, царапался, безуспешно пытаясь выскользнуть из сильных рук Крока.

— Крок побьет Сана! — приплясывая, кричали мальчишки. — Крок побьет Сана!

В груди Сана поднялась ярость, удесятерившая его силы. Гибкий и ловкий, он вырвался из тисков Крока. На ноги мальчишки вскочили одновременно. Оскалив зубы в вызывающей ухмылке, Крок двинулся к Сану. Свои крепкие кулаки он держал наготове. И тут Сан сделал вид, что левой рукой хочет стукнуть Крока по животу. Тот втянул живот, прикрыл его руками, и в тот же миг правый кулак Сана с силой врезался в подбородок Крока. Мальчишка отлетел в сторону и упал, завизжав от боли. Из его рассеченных губ брызнула кровь.

— Рваная Губа! — хохотали ребятишки, довольные тем, что сыну Заячьей Губы нашли новую кличку. — Рваная Губа! Рваная Губа!

Сан не терял времени даром, взвалил на плечо ногу лосенка и зашагал к переправе через Большую реку.

На другом берегу почти к самой воде подступала большая скала с неглубокой сухой пещерой. Оттуда, цепляясь за выступы камней, поднимались вверх серые ленты дыма. Хромой Гун работал. Не в пример Ленивому Фао он не переносил безделья, трудился и в холод, и в зной, в веселые праздники и в дни, когда в племени царили голод и горе. Лишь ночами отсыпался он в своей землянке.

Сан заглянул в пещеру. У костра, отставив в сторону скрюченную левую ногу, сидел Хромой Гун. Он держал в руках грубо оббитый камень и задумчиво рассматривал его грани. Сан догадывался: мастер, наверное, уже видит, какие формы примет этот обломок кремня.

Если бы Гун не повредил ногу и остался охотником, племя, наверное, не имело бы такого мастера — самого искусного за всю свою историю. Даже Нюк Голая Голова — лысый старик, проживший зим в три раза больше, чем пальцев на обеих руках и ногах, не помнит, чтобы кто-нибудь раньше вытачивал из кости такие украшения и острые иглы.

Хромой Гун заулыбался, увидев своего маленького помощника и ученика.

— Принес? Сейчас вместе будем есть.

Мальчик помогал резать на куски мясо, а намолчавшийся в одиночестве Гун все говорил и говорил. И так приятно, уютно стало Сану у костра старого мастера, словно у родного очага. Когда куски, проткнутые длинными иглами, хорошо прожарились, Гун замолк и сосредоточенно пережевывал мясо своими редкими зубами.

Сан со вкусом обсасывал кость и любовался новыми изделиями хромого умельца: ножами,

иглами, женскими украшениями. Потом начал рассматривать стены. Пещера стала не только кузницей каменных орудий, но и мастерской первобытного художника. Здесь можно увидеть охотника с копьем, лошадь в прыжке, оленя.

В пещере стояла тишина. Но Сан обладал удивительным свойством слышать немые рисунки. Он смотрел на изображения животных так долго, что те стали оживать, а пещера наполняться гулом саванны: топотом бизоньего стада, ржанием лошадей, свистом вольного ветра.

— Сан, принеси воды, — послышался голос Гуна.

Мальчик оторвал взгляд от стен, схватил мешок из оленьего желудка и наполнил его речной водой. Он знал, для чего мастеру нужна вода. Гун первым в племени начал шлифовать камни сырым песком.

— Смотри, Сан.

Мальчик присел у ног мастера, внимательно следя за его умелыми руками. Потом начал помогать Гуну. Он видел, как топоры и наконечники для копий после шлифовки становились острей и удобней. Вскоре Хромой Гун так увлекся работой, что перестал обращать внимание на своего помощника.

Сан вышел из пещеры. Ему не терпелось еще раз испробовать свои силы. Но не в шлифовке камней. Никто в племени не знал, что Сан уже второй год пытается рисовать.

Прошлым летом он сидел как-то на берегу реки и на сыром песке чертил круг с расходящимися во все стороны черточками. В восхищении замер: получился Огненный Еж! Долго следил, как искрящиеся речные волны смывали лучистый круг. На чистом песке Сан попробовал нарисовать голову оленя. Мысленным взором мальчик отчетливо видел мощную голову с ветвистыми рогами. Но на песке вместо рогов получились какие-то перепутанные корни дуба. Много дней провел Сан на песчаных отмелях и наконец добился своего. Олени и лошади выходили у него иногда лучше, чем у Хромого Гуна. А нынешним летом у Сана появился заветный камень.

К нему и спешил он сейчас. Нырнул в густой ивняк, знакомой тропинкой проскользнул через колючие заросли шиповника и очутился на полянке с высоким камнем посередине. На нем Сан красной охрой уже нарисовал лошадь в момент стремительного прыжка-полета.

Он вытащил из-под камня заранее приготовленную охру и палочку с размочаленным наподобие кисточки концом, полюбовался своим рисунком, но заканчивать его пока не стал. Надо сначала попробовать на песке.

На берегу Сан острым концом той же палочки быстро и уверенно набросал мчавшуюся лошадь. Взглянул на свой рисунок и остался доволен. Теперь осталось самое трудное: изобразить верхом на лошади… человека.

В те времена люди, конечно, даже не помышляли о приручении лошадей. Но Сану врезался в память один удивительный случай. Ранним летом он с мальчишками отважился уйти из стойбища далеко в саванну. С холма они заметили около небольшой рощи табунок мирно пасшихся лошадей. Вдруг послышалось встревоженное ржание — и табун шарахнулся в сторону от рощи. Одна лошадь отделилась от табуна и стремительно, не разбирая дороги, неслась в их сторону. На ее спине острые глаза Сана увидели пестрый комок. То был ягуар. Хищник вцепился в круп и все ближе подбирался к горлу.

У холма, где стояли оцепеневшие ребята, смертельно испуганная лошадь ускорила и без того немыслимый бег. Потом споткнулась и, перевернувшись через голову, упала на спину. Ягуар был раздавлен, а окровавленная лошадь вскочила и кинулась догонять табун.

У Сана даже сейчас при этом воспоминании перехватило дух от восторга. Вот это бег! Хорошо бы самому сидеть на спине лошади и, крепко держась за гриву, скакать. Ночами ему не раз снился этот удивительный полет над травами родной степи.

Однако на песке человек выходил уродливым. То и дело Сан стирал рисунок, разравнивал песок и начинал снова. Оленья шкура на спине накалялась под знойным солнцем, пот заливал глаза, а мальчик все трудился. Только под вечер дело как будто пошло на лад, но голод и усталость заставили прекратить работу.

Сан поспешил в стойбище. У праздничного костра уже не было такого веселого и шумного гвалта, как днем. Кругом валялись обглоданные кости. Однако на горячем камне мальчик нашел хорошо прожаренный и кем-то забытый кусок мяса.

Из своей землянки выглянул Крок. Его нос и разбитые губы были присыпаны пеплом и заклеены листьями подорожника. Увидев Сана, сын Заячьей Губы заворчал и снова закрылся пологом из оленьей шкуры.

К костру подсели шесть молодых охотников во главе с Джоком. Они готовились к новому ночному походу: проверяли оружие и подвязывали к ступням ног шкурки шакалов. Это делалось для того, чтобы не оставлять за собой следы с человеческим запахом. Ни один зверь не должен догадываться, где маскируются ямы-ловушки.

Сан присел рядом с Джоком и засмотрелся на его могучие плечи, на которых свободно растянулся бы ягуар. Потом с уважением потрогал палицу. С ней Джок никогда не расставался, хотя люди племени давно пользовались более совершенным оружием. Но в руках Джока увесистая дубина с отполированными сучками становилась страшной силой.

Джок пытался стянуть на ногах лосиные ремешки. Сан не удержался от смеха: в пальцах охотника-великана прочные ремни лопались и рвались, как стебли травы.

Мальчик помог подвязать Джоку шакальи шкурки, потом сделал то же самое со своими ногами.

Огненный Еж заметно приблизился к краю земли. И только тогда отряд углубился в степь. Сзади с легким дротиком в руке пристроился Сан. Он шагал бесшумно, осторожно раздвигая траву. Мальчика никто не мог заметить: охотникам на первых порах нельзя оборачиваться назад, это считалось дурным знаком.

Гора Духов скрылась за холмами, потом и Круглое озеро осталось далеко за спинами охотников. Распухшее солнце клонилось все ниже, золотя верхушки трав и кустов. Теперь можно оборачиваться. Недавно посвященный в охотники Мук, увидев Сана, воскликнул:

— Откуда?! Почему здесь?

— Назад! — приказал Джок.

Нижняя губа Сана обиженно дрогнула. Джок нахмурил брови, но, вспомнив, что на ногах мальчика шкурки с отвлекающим шакальим запахом, смягчился.

Topreading.ru

— Иди, Сан, — сказал он, подтолкнув мальчика в спину. — Тебе еще рано с нами.

Сан послушно побрел назад. На одном из холмов он постоял, тоскливо провожая взглядом лиловые под заходящим солнцем спины охотников. Потом побежал на запад. Дорогу он знал хорошо и в стойбище мог вернуться до темноты.

Огненный диск солнца коснулся темнеющей на горизонте реденькой рощи, и та вспыхнула, как куча хвороста. Мальчик остановился, завороженный зрелищем закатного пожара. Он различал множество знакомых красок. Огненный Еж, уходя на покой, брызнул на низко висящие тучки красной и желтой охрой, в прорывах между облаками Сану почудилась синева речной глади с зелеными кувшинками. А когда солнце упало за горизонт, все краски смешались, накалились до малинового цвета, словно камни очага, и вдруг заколыхались языками пламени.

Восторг охватил мальчика: костер! И развели его, конечно, сильные и добрые духи огня. У них тоже, наверное, праздник по случаю удачной охоты. Сан даже видел огненных духов в неясных тенях, в колышущихся космах. Они извивались, пританцовывали, куда-то исчезали и снова появлялись.

Долго любовался Сан пляской духов огня. Их костер медленно угасал, уменьшался, от него осталась, наконец, кучка светящихся головешек. Духи где-то притаились, ушли совсем. И так сиротливо стало, что грудь мальчика наполнилась тоской, непонятным томлением. От бессилия выразить свои чувства Сан тихо заскулил, завыл, как волчонок, глядящий на луну.

Внезапно он затих, бросив взгляд на потемневший небосвод. Там раскаленными камешками выступили первые звезды. Но Сан догадался — это искры! Невидимые духи огня, гася свой костер, сейчас, наверное, били сырыми палками по головешкам. И оттуда огненными мотыльками взметнулись в небо искры. Их становилось все больше и больше. Вскоре самые крупные из них стали казаться мальчику глазами добрых духов неба.

А тьма все сгущалась, луна выкатилась из-за холмов, в низинах извилистыми тропками поползли ночные запахи. Сан вдыхал их, отзываясь на таинственные биения стихий. Он и сам становился этими стихиями, сливаясь с многоглазым живым небом, с лунным сиянием, с дыханием трав на сумеречной равнине…

От пронзительного хохота гиен Сан вздрогнул, вскочил на ноги и огляделся. Кругом таилась опасность. Слева, шурша сухими былинками, черной тенью катился на него какой-то комок. Не разобравшись, кто это, мальчик метнул туда дротик — и тень исчезла в кустах.

Сан помчался в сторону стойбища. Шакальи шкурки на ногах развязались, остались где-то в траве, и, когда Сан перебегал голый каменистый холм, его твердые пятки стучали, как копыта молодой сайги. Потом снова начались густые травы.

На горизонте показались неясные очертания двугорбой Горы Духов. За ней — родное стойбище.

Сан замедлил бег и оглянулся. Далеко позади скользнула длинная тень, исчезнув на миг в низине. Мальчик замер, еще не веря страшной догадке. Тень выкатилась из низины, и по светлым поперечным полосам Сан узнал повелителя ночной саванны — тигра. Хищник приближался бесшумными и ленивыми прыжками, уверенный, что такая слабая жертва от него не уйдет.

Сан вскрикнул и помчался. Он бежал так быстро, что метелки злаковых трав больно хлестали по голым коленкам. Справа залоснилось под луной Круглое озеро. Сан кинулся туда, надеясь

скрыться в прибрежном кустарнике. Внезапно, словно вынырнув из воды, на берегу выросла неясная в сумерках коряга, похожая на человеческую фигуру. Из горла Сана вырвался хриплый крик:

— Урх!

Мальчик окаменел. И в это время в упругом прыжке, красиво изогнув камышово-полосатую спину, над ним взметнулся тигр. Вопль смертельного ужаса пронесся по саванне.

Другое племя

Сознание Иван не потерял: петля, стянувшая горло, ослабла, и воздух освежающей струей ворвался в легкие. Но зато другие петли одна за другой обвивались вокруг груди, медленно и неотвратимо сжимаясь. И он не мог воспользоваться пульсатором — руки были скованы.

Иван видел, что петли живые и, следовательно, способны чувствовать боль. Этим он и воспользовался, с размаху упав на камень. Ударившись об острые грани, живые кольца чуть разжались. Яснов мигом высвободил правую руку с пульсатором и вскочил на ноги. Но петли, будто пружины спирального капкана, снова сжимались. Иван увидел перед собой покачивающуюся пятнистую голову удава. Глухо фукнул гравитационный выстрел пульсатора. Голова удава дернулась и стала медленно клониться вниз. Вслед за нею рухнули на землю обмякшие кольца.

«Вот тебе и рай», — усмехнулся Яснов, брезгливо перешагивая через уснувшие, чуть подрагивающие петли.

Час спустя, когда солнце перевалило через зенит, вспотевший от быстрой ходьбы Яснов подошел к берегу Круглого озера и скрылся в прохладных зарослях ивняка. Шагах в десяти отсюда и должна состояться его встреча с мальчиком.

«Вот тебе и рай», — усмехнулся Яснов, брезгливо перешагивая через уснувшие, чуть подрагивающие петли.

Час спустя, когда солнце перевалило через зенит, вспотевший от быстрой ходьбы Яснов подошел к берегу Круглого озера и скрылся в прохладных зарослях ивняка. Шагах в десяти отсюда и должна состояться его встреча с мальчиком.

Иван углубился в заросли и присел на полусгнившую корягу. В чащобе стояла тишина, прерываемая писком каких-то птах, пахло осенней прелью. Когда начало темнеть, Иван осторожно приблизился к краю зарослей, осторожно раздвинул ветви и увидел розовые, в предзакатных лучах плечи охотников. Люди молча шли на восток. Как Иван ни вглядывался, мальчика среди них обнаружить не удалось. Но вот охотники поднялись на голый каменистый холм, и вслед за ними из густых, позолоченных солнцем трав выскочил Сан.

Теперь оставалось только ждать. Мальчик появится на берегу озера не раньше, чем через полтора часа. Яснов хорошо представлял его обратный путь. Еще вчера в инфракрасных лучах хроноэкрана он видел, как малыш шел, а потом бежал, охваченный страхом.

Иван выбрал место посуше и присел, а когда сгустилась тьма, залюбовался пышным закатом. Он знал, что далеко позади, на одном из холмов, сидит мальчик и завороженно глядит на это великолепное вечернее пожарище. Какие мысли и чувства копошатся в его первобытной душе?

Каким он видит мир? Живым, шевелящимся, одушевленным, как и он сам? Ведь человек еще не выделил себя из природы, не осознал свое «я», свою личность. Природа не была для него «внешней».

Яснов попытался «влезть» в шкуру человека каменного века с его мифологическим сознанием. Как хотелось бы ему сейчас, хоть на миг подобно Сану слиться с миром, представить его живым. Но ничего не получалось… В закате он видел всего лишь редкий по красоте поток излучений, а в загоревшихся на черном небе угольках — не глаза каких-нибудь духов, а знакомые фигуры созвездий.

В притихшей ночной саванне послышался топот. «Мальчишка совсем близко», — сообразил Яснов. Он встал и притаился за кустом, одиноко росшим на берегу.

Да, это мальчик. Нагоняемый хищником, он мчался к озеру. Иван выступил из-за куста и услышал хриплый возглас:

— Урх!

На окаменевшего от ужаса мальчика в высоком дугообразном прыжке бросился тигр.

Его камышовая спина хищно и грациозно изогнулась, а шкура засверкала под луной голубыми искрами. «Красив», — подумал Иван. В тот же миг последовал гравитационный удар. Хищник плюхнулся, распластав в стороны лапы. Иван шагнул к Сану. Тот дрожал всем телом, не имея сил сдвинуться с места.

— Урх!

— Я не Урх. Я человек, — ласково проговорил Иван и протянул руку, чтобы погладить мальчика по плечу.

Сан отшатнулся.

— Я человек, — повторил Иван.

— Дагор?

Глядя на худенькое лицо мальчика, источенное сомнением и страхом, Иван вспомнил разговор охотников, когда после удара палицей лежал на траве.

— Да, я из племени дагоров, — пустился он на маленький обман. — Не бойся меня. Ты же знаешь: наши племена дружат.

Сан приблизился, осторожно коснулся шелковистой ткани комбинезона и одернул руку. Такой шкуры он не знал.

— Шкура змеи, — пояснил Иван, снова вспомнив слова охотников. — Тебя зовут Сан?

— Сан, — подтвердил мальчик, с удивлением глядя на незнакомого человека. В его широко открытых глазах все еще проглядывал страх.

— Не бойся меня. Я многое знаю, потому что я… Я колдун.

«Что я плету?» — удивился себе Иван, но для пользы дела решил продолжать в том же духе. Это успокоит мальчика.

Topreading.ru

— Зовут меня… — хотел сказать «Ваня» или «Иван», но решил сократить свое имя.

Для мальчика так будет привычнее. — Зовут меня Ван. Колдун Ван.

— Колдун Ван, — повторил Сан, кажется, начиная верить.

— Я не такой, как Ленивый Фао, — продолжал Иван, чувствуя, что контакт налаживается. — Я многое знаю и умею. Вот этой колдовской палочкой, — Иван показал на пульсатор, — я убил тигра.

— Но он живой! — воскликнул Сан, заметив, что когтистые лапы хищника дернулись и начали скрести землю.

— Не бойся. Я не совсем убил его. Я только… — Иван никак не мог найти в языке лагуров слова «оглушил». — Он только уснул. Нам лучше уйти подальше.

Иван взял мальчика за руку и повел за собой. Сан подчинился. Как ни странен был незнакомый колдун, но тигра и ночной саванны мальчик боялся еще больше.

Они остановились на соседнем холме. Его вершина поросла высокой травой. Сквозь крепкие и дурманяще пахнущие стебли Сан опасливо поглядел в сторону тигра.

— Он не увидит нас и не учует, — сказал Иван. — Запах трав перебивает наш запах. И ветер в нашу сторону. Так?

Мальчик кивнул и уже доверчиво посмотрел на своего спасителя.

Тигр тем временем очнулся, встал на ноги и, потягиваясь, выгнул спину. «Сейчас появится олень», — вспомнил Иван, не раз видевший на хроноэкране ночную саванну. И действительно послышался глухой шум рассекаемой травы — и на поляну перед озером выскочил олень. За ним гнались волки. Быстрые тени бесшумно скользили в зарослях, окружая добычу. Тигр в три прыжка догнал стаю и опустил на ближайшего волка могучую лапу. Волк взвыл и покатился с перебитым хребтом. Стая кинулась в сторону, уступая добычу царю саванны.

Тигр помчался за оленем. Тот гигантскими скачками уходил в глубь степи, и скоро оба скрылись во тьме. Все произошло так, как и рассчитывал Иван.

— Дорога свободна, — сказал он Сану. — Идем.

— Куда?

— На Гору Духов.

— Туда нельзя!

— Со мной можно, — Иван с улыбкой потрепал мальчика по плечу. — Я же колдун.

Сан колебался, но уж очень хотелось посмотреть на духов Фао. К тому же добрый колдун вызывал все большее доверие.

Они пошли в сторону горы. В саванне царила тишина, лишь под слабым ветром еле слышно вздыхали травы. Однако ночная тьма пугала мальчика, и он прижимался к «змеиной шкуре» своего попутчика.

Topreading.ru

— Не бойся, — Иван показал на пульсатор. — Со мной колдовская палочка.

Вскоре пришлось пустить ее в ход. Волки, уступившие свою добычу тигру, следовали за ними. Они редко нападали на людей, опасаясь их огня и летающих каменных клыков. Но голод подстегивал хищников. Стремительные тени замелькали перед Иваном и мальчиком, яростные зеленые глаза засверкали вокруг. Сан снова задрожал всем телом.

— Смотри, Сан, и не пугайся.

Мальчик от неожиданности присел: ослепительная молния рассекла мглу. Волки с визгом бросились прочь. Иван еще раз полоснул лучом по убегающей стае и выключил пульсатор.

— Ну чего дрожишь, дурачок? — Иван наклонился над мальчиком. — Вставай и подержи мою палочку. Бери, не бойся!

— Ну чего дрожишь, дурачок? — Иван наклонился над мальчиком. — Вставай и подержи мою палочку. Бери, не бойся!

Сан встал, потрогал пульсатор, но в руки не взял. На Ивана он смотрел с уважением. В присутствии такого могущественного и веселого колдуна мальчик окончательно успокоился.

Саванна казалась теперь совсем не страшной. Никогда до этого ему не приходилось быть в родной степи ночью, и он не мог оторвать сейчас от нее взгляда.

«Красивая ночь, — мысленно согласился с ним Иван. — Дикарь, а чувствует природу, пожалуй, глубже, чем я. Впрочем, что тут удивительного? Он по-особому ощущает мир, осязает его всем существом».

Время не торопило, и Яснов решил не мешать мальчику. Пусть полюбуется своей саванной в последний раз.

А Сан смотрел в ночное небо. Высокие перистые облака слабо подсвечивались снизу упавшим глубоко за горизонт солнцем и роняли на степные холмы розовый пепел. Но вскоре облака погасли совсем, потемнели и стали сизыми, как речная вода в грозу.

Сан перевел взгляд в темные дали, где лоснились под луной степные волны. Иван немало подивился бы, если бы узнал, что мальчик различает множество звуков там, где для него, Яснова, царила полная тишина. Шелестели метелки трав, слабо пискнула мышь, а вдали, басовито гудя, пролетели ночные жуки. Но все это было внятно лишь Сану.

И вдруг… От неожиданности Иван даже присел. Какой-то взбалмошный одинокий перепел, затерявшийся в низине под холмом, запоздало и громко отстучал: «Спать — пора! Спать — пора!»

Сан хихикнул, заметив, как вздрогнул могущественный колдун. Иван улыбнулся и притянул мальчика к себе.

— А теперь на Гору Духов. Со мной бояться нечего.

Сан уверенно зашагал рядом с добрым колдуном. Шли около часа. Временами тонули в черных оврагах и травах. Потом снова поднимались на холмы. И тогда спины их серебрились под ливнем лунных лучей.

Однако на Горе Духов Сан оробел. А когда увидел каменные изваяния, похожие на черные человеческие фигуры, во рту у него пересохло от волнения.

— Духи Фао, — прошептал мальчик.

— Не духи, — попытался просветить его Иван. — Это просто камни. Никаких духов нет.

Мальчик непонимающе смотрел на попутчика. Как нет духов? И это говорит колдун!

«Нелегко будет отучить его от суеверий, если это вообще возможно, — подумал Иван. — А впрочем, не моя это забота. Мое дело доставить мальчика».

Но как доставить? Не хотелось оглушать малыша из пульсатора, а потом обмякшего втискивать в кабину. А может, он сам согласится?

— Сан, хочешь в другое племя?

— В другое? К дагорам?

— Нет, совсем в другое. Там живут добрые и сильные люди.

Мальчик отшатнулся.

— Нет, нет! — воскликнул он, — Хочу в свое племя!

Попытка не удалась. Иван особенно и не рассчитывал на успех. Глядя, как озябший Сан кутается в шкуры, предложил:

— Погреемся у костра. Ночи сейчас холодные.

Сан натаскал сухих веток и сложил их там, где Ленивый Фао разводил свой священный костер. Потом завертел головой в поисках камней, чтобы высечь огонь.

Иван нацелил на кучу хвороста пульсатор. Мальчик, присев, внимательно следил за каждым его движением.

— Хочешь сам зажечь костер?

Сан протянул руку к колдовской палочке и тут же отдернул ее.

— Держи, не бойся. Держи вот так. А теперь нажми вот этот сучок, — Иван указал на красную кнопку.

Мальчик так и сделал. Из палочки скользнул язычок пламени. Сан выронил пульсатор и отскочил в сторону. Но когда костер загорелся, подсел к нему, улыбаясь: палочка колдуна подчинилась ему.

«Какой дикарь», — думал между тем Иван, глядя на мальчика, на его желтые острые зубы и потрескавшиеся губы, растянутые в довольной ухмылке. Засаленные волосы неопределенного цвета спутанными космами прикрывали худые, поцарапанные щеки. Вот нос был симпатичный — острый, забавно вытянутый вперед и словно выражающий неуемное любопытство. Носом своим Сан напоминал героя какой-то детской сказки. Но какой — Иван так и не вспомнил.

Topreading.ru

Глаза Сана весело щурились. Он вскочил и начал плясать вокруг огня, высоко вскидывая худые, крепкие ноги. Шкуры болтались, а из широко разинутого рта мальчика неслись гортанные, с хриплым выдыханием возгласы:

— У-о-ха! У-о-ха!

«Что будет делать у нас этот дикарь? — хмурился Иван. — Служить живым ископаемым?»

Утомившись, Сан снова присел к огню. Притихший и задумчивый, он пристально смотрел на затухающий костер. Забавно вздернутый нос выражал теперь не веселое любопытство, а какую-то странную меланхолию. «Что он видит в тлеющих углях? — гадал Иван. — Какие-то древние образы и смутные, тревожащие душу тени?»

Однако пребывание Сана в его родной эпохе недозволенно затягивалось. Когда костер совсем погас, Иван сказал:

— Нам пора, Сан. Идем.

— Куда? — вздрогнул мальчик.

— В другое племя.

— Хочу в свое стойбище.

— Хорошо. Но сначала, покажу тебе одну пещеру. И там духи… — Иван поморщился, но ничего не поделаешь — приходилось продолжать вранье. — Там духи быстро перенесут нас в другое место.

Иван взял Сана за руку и повел мимо темных каменных истуканов. Мальчик опасливо озирался.

Спустились в седловину, и среди редко расставленных берез Сан увидел скалы. Бока их ярко блестели в лунном сиянии. Иван подвел мальчика к крайней скале и сказал:

— Сейчас здесь откроется пещера.

Одной рукой он держал мальчика, а другой нащупывал в скале шероховатый выступ-кнопку.

Сан непонимающе взирал на гранитную стену: никакой пещеры не было. И вдруг стена раскололась, открылся темный провал. Мальчик отшатнулся. Но Иван втолкнул его в «пещеру» и усадил в кресло перед пультом. Вход в кабину бесшумно замкнулся. В тот же миг засветились многоцветные огоньки пульта и начался бег сквозь столетия.

Переход из ареала длился пятнадцать минут. Все это время Сан, сжавшись в кресле, оцепенело глядел, как на стене извиваются красные и зеленые змеи, а на доске перед ним мелькают огненные изогнутые палочки-цифры.

Когда цифры на темпоральной шкале замерли на нуле, стена разомкнулась и в «пещеру» хлынул яркий свет.

— С благополучным возвращением, — услышал Яснов голос Октавиана и увидел его полное улыбающееся лицо.

Иван взглянул на поникшего в кресле Сана и встревоженно спросил:

— Что с ним?

— Ничего особенного. Хроношок. То же было и с тобой. Там…

Сан зашевелился, встал и вышел из кабины с широко открытыми глазами.

Пошатываясь, он брел наугад.

— На первых порах то же было и с тобой, — повторил Октавиан. — Ну и напугал ты нас, когда лунатиком шатался по ночной саванне. Вот так же сейчас и мальчишка: все видит, но ничего пока не понимает.

«Какой он грязный!» — мысленно воскликнул Иван. Только сейчас, при ярком свете искусственного солнца, он по-настоящему разглядел мальчика, большие, в цыпках и ссадинах, ступни его ног, мозолистые руки, худое, остроносое лицо. В спутанных, грязно-пепельных волосах и по засаленной шкуре ползали насекомые. Яснов поежился, вспомнив, что в сумерках древней степи он обнимал и гладил по голове этого дикого заморыша.

Подплыла платформа с людьми в белых халатах. Они дали Сану что-то понюхать и увезли с собой мгновенно уснувшего мальчика.

Утром следующего дня Иван Яснов был уже дома, в Байкалграде. Прошелся по залитым солнцем комнатам, в библиотеке надолго остановился у книжных полок. Прославленный космопроходец, а теперь уже и времяпроходец Иван Яснов с увлечением коллекционировал старинные, еще на бумаге отпечатанные книги.

К своему удовольствию, Иван обнаружил на полке новое приобретение — редчайшую книгу древнеримского императора и философа Марка Аврелия «К самому себе». Он раскрыл ее и стоя углубился в чтение. Мог ли Иван тогда подумать, что восемь лет спустя будет мучительно вспоминать один из афоризмов Марка Аврелия? И вспоминать в неожиданном для себя качестве — колдуна…

Яснов положил книгу на стол и мысленно похвалил домашнего робота: «Молодец. Обменял у кого-то. Или… Или украл?»

Домашние киберы у коллекционеров, увы, повально страдали древним недугом. Незаметно похитить редкую книгу, марку или монету не считалось у них зазорным. Да и сами коллекционеры смотрели на это сквозь пальцы: дескать, что с них, роботов, возьмешь… Но с некоторых пор Ивана это стало раздражать.

Он подошел к полке и увидел, что три книги, отложенные для обмена, на месте. Все-таки украл! «Жулик, — нахмурился Иван. — Сейчас я ему задам».

— Афанасий! — громко крикнул он.

В дверях возник Афанасий — биоэлектронный детина в комбинезоне, сложенный, как античный бог. В толпе людей домашних роботов можно было узнать лишь по наивно-туповатым физиономиям, по эталонным, утрированно-правильным чертам лица.

Взглянув на книжную полку, Афанасий понял, что предстоит нагоняй, и тотчас изобразил раскаяние. Покраснел, воровато спрятав глаза.

— Ладно уж, иди, — рассмеялся Иван. — И поставь завтрак.

Кибер облегченно вздохнул и удалился на кухню.

После завтрака Иван зашел к Октавиану Крассу. Жил тот рядом, в таком же одноэтажном коттедже.

— Ну как мальчик? — спросил Иван.

— В терапевтическом и учебном сне, под перекрестным облучением, — охотно рассказывал Октавиан, — залечиваются раны, ссадины, порезы, а мозг впитывает знания о нашем мире. Очнувшись, Сан будет знать наш язык, быстро освоится с предметами быта и даже летательными машинами.

— Ну, это еще поглядим…

— Не усмехайся. В его веке процесс антропогенеза, становления человека давно закончился. Биологически по нервной организации Сан такой же, как и ты, как любой из нас.

— Знаю, что он кроманьонец. Ну, а психическая структура? Окостеневшие нейронные связи в мозгу? Вера в духов и прочие суеверия? Мне искренне жаль парнишку. Приживется ли он у нас?

— Через полгода ты его не узнаешь, — пообещал Октавиан.

Они расстались, не убедив друг друга. Октавиан улетел в институт времени «Хронос», а Яснов — на космодром, где модернизировался его корабль «Призрак».

Во второй половине дня Иван вернулся домой. Вот здесь-то, в его необычном кабинете, и начиналась настоящая работа. Нажим кнопки — и перед столом, похожим на пульт управления корабля, развертывался экран. Не выходя из кабинета, Иван мог консультироваться с любыми специалистами, присутствовать на заседаниях, принимать участие в спорах. Нажим другой кнопки — и земной мир исчезал. Перед столом-пультом распахивалась бездна, населенная легионами солнц, кометами, темными и светящимися туманностями, спиралями галактик…

За вечерними занятиями, телевстречами с учеными проходили дни, и Иван ни разу не наведался в «Хронос», хотя институт времени находился не так уж и далеко — в десяти тысячах километров над Землей.

Смешанное чувство испытывал Иван — желание повидать мальчика и какую-то неловкость перед ним, даже вину. «Спас малыша, — думал он. — А что дальше?» Дальше, правда, институт времени совместно с институтом «Космос» разрабатывал грандиозный и далеко идущий проект — «Миры Ориона». В созвездии Ориона нашли две планеты, где природные условия оказались очень схожими с земными. Чистые реки, богатая растительность, множество диковинных птиц и зверей. И ни малейших признаков мыслящих существ. Более того, ученые не нашли среди животных ни одного вида, способного пусть через миллионы лет обрести разум.

Естественно, земляне с таким «неразумием» природы согласиться не могли. И вот с открытием первого ареала у руководителей институтов «Хронос» и «Космос» возникла идея — заселять миры Ориона выходцами из прошлых эпох.

— Разных эпох! — расхаживая перед Иваном, с воодушевлением восклицал Октавиан. — Из

Topreading.ru

разных культурных слоев! С разным типом мышления! Мужественный римлянин и первобытный охотник, воинственный викинг и мечтательный грек, выросший под синим небом олимпийской мифологии. У каждого будут свои недостатки, но и свои неповторимые достоинства. Они уйдут в космос, вооруженные всеми достижениями нашей цивилизации. Смешение рас и эпох даст невиданный эффект, в космосе возникнет новый тип человечества.

— А кто вылавливать будет? — перебил Иван своего увлекшегося друга. — Опять я?

— Технику похищения обреченных мы отработаем до совершенства. Создадим специальные отряды времяпроходцев-спасателей… Ты представляешь, сколько людей за всю историю погибло от наводнений, землетрясений, извержений вулканов? Миллионы!.. Мы сделали только первую попытку спасения. Сан, конечно, останется на Земле, ибо до начала реализации проекта еще далеко. Сан — первая ласточка, залетевшая в нашу эпоху. И пусть он станет приемным сыном сегодняшнего человечества, сроднится с нашим миром.

«Сроднится ли?» — с сомнением спрашивал себя Иван.

Мальчик находился в «Хроносе» уже второй месяц, а землянам его по всемирной сети еще не показывали. Однако из разговоров Яснов знал, что оптимистическое предсказание Октавиана не оправдалось. Из «лечебно-учебного» сна мальчик вышел чужаком. Он дичился, испуганно смотрел на людей, убегал в рощи, а первые три дня вообще спал на деревьях. «Что и следовало ожидать», — констатировал Иван.

Несколько обнадежила его воспитательница мальчика Лиана Павловна, выступившая по телевидению. Невысокая женщина с добрым лицом поведала землянам: Сан не совсем четко, но уже понимает, что он в «другом племени», которое живет в той же саванне, но в ином времени, в далеком завтра. Как ни странно, а течение времени мальчик понимает почти правильно. И это считалось большой победой. Сан почти освоился с бытовой техникой, свободно говорит на всепланетном языке. Правда, здесь Лиана Павловна столкнулась с трудностями, которые Иван предвидел. Если в комнате, где много стульев, мальчику сказать: «Сан, принеси стул», то он остановится в недоумении — какой именно стул? Сан еще не понимает, что имеется в виду не единичный, конкретный, а стул вообще, любой стул.

Несколько обнадежила его воспитательница мальчика Лиана Павловна, выступившая по телевидению. Невысокая женщина с добрым лицом поведала землянам: Сан не совсем четко, но уже понимает, что он в «другом племени», которое живет в той же саванне, но в ином времени, в далеком завтра. Как ни странно, а течение времени мальчик понимает почти правильно. И это считалось большой победой. Сан почти освоился с бытовой техникой, свободно говорит на всепланетном языке. Правда, здесь Лиана Павловна столкнулась с трудностями, которые Иван предвидел. Если в комнате, где много стульев, мальчику сказать: «Сан, принеси стул», то он остановится в недоумении — какой именно стул? Сан еще не понимает, что имеется в виду не единичный, конкретный, а стул вообще, любой стул.

Именно конкретность мышления первобытного человека Иван считал рубежом вряд ли преодолимым.

Однако уже на другой день Октавиан, потирая руки, заявил:

— Все в порядке. Наш Сан скоро станет Гегелем. Он уже овладевает абстрактным мышлением.

— Чего доброго, сделаете мальчика идеалистом, — пошутил Иван.

— Такой опасности нет. Психограммы показывают…

— Хорошо, хорошо! Верю. Но не думаю, что вам удастся так же легко разделаться с духами.

— Да он смеется над ними! — воскликнул Октавиан. — Над духами и над колдунами тоже. Сан прекрасно понимает, что спас его не колдун Ван, а просто дядя Ван.

— Помнит меня? — с улыбкой спросил Иван.

— Еще как! Он знает, что ты коренной житель нового племени и сейчас где-то рядом. И в то же время ты для него такой же, как его соплеменники. Мы исследуем его сны. Они пестрят картинами древнего мира и… твоей персоной. Да, да! Не удивляйся! Для него ты почти такой же древний житель, как и он сам… Даже мать и сестра почему-то на втором плане. Во сне он чаще всего видит хромого мастера из пещеры и тебя.

— Спасибо.

— Не усмехайся. Для мальчика ты многое значишь. Для него здесь все чужие, кроме тебя. Ты единственное связующее звено с саванной. С твоей помощью Сан быстрее бы привык к новому миру.

Прошло еще несколько дней. Ученые наконец сочли возможным познакомить землян с мальчиком — начались короткие ежедневные передачи из «Хроноса».

Однажды Иван включил экран. Одна из стен его гостиной распахнулась в зеленую даль. Комната наполнилась птичьими свистами, запахом трав. Справа шумела листвой березовая роща. Оттуда вышла на поляну Лиана Павловна с мальчиком. Что-то объясняя, она показала рукой на небо, где сияло искусственное солнце «Хроноса». Сан задрал голову вверх, и первое, что отметил Иван в его облике, — красивые светло-золотистые волосы, уложенные в модную прическу. Это так возмутило Яснова, что он погасил экран, связался с Октавианом и насмешливо спросил:

— Вы начали красить мальчика? Делаете из него красивенький манекен?

— Ты имеешь в виду волосы? — улыбнулся Октавиан. — Но это их естественный цвет. Мы лишь отмыли их как следует. А прическа мне и самому не нравится. Переменим. Ты лучше обрати внимание на одежду.

Иван снова включил экран и нашел, что в «Хроносе» поступили остроумно. Сан одет был в тунику, отделанную внизу, у колен, и на коротких рукавах искусственным оленьим мехом. Туника недавно вышла из моды. Но она очень шла мальчику, а главное, привыкать к ней не приходилось. Можно было подумать, что Сан не вылезал из оленьей шкуры, сшитой в землянке его матерью. Широкий пояс подчеркивал стройную фигуру мальчика, но ходил он еще так, как передвигались охотники в саванне, — крадучись и чуть сгорбившись.

Сан повернулся лицом к зрителям. «Да он недурен», — удивился Иван, вспомнив, каким был этот заморыш там, у костра на Горе Духов. Мальчик поправился и выглядел уже не худым, а в меру худощавым. На гладкой коже, хранившей еще теплый загар первобытной прерии, ни царапин, ни ссадин.

Но выражение лица Ивану не нравилось. Сан будто закаменел в вечном испуге. Слушал он Лиану Павловну хмуро, не очень внимательно, и даже его слегка вздернутый нос, выражавший раньше веселое любопытство, казался сиротливым и унылым.

«Бедный малыш», — вздохнул Иван.

Утром в саду он встретил Октавиана и заявил:

— С мальчиком что-то неладное.

— Мальчик как мальчик, — возразил глава «Хроноса».

— Я-то лучше знаю, каким он был в саванне. Смешливым и любопытным. А здесь?

— Давай-ка отправимся к нему вместе. Там и разберемся.

Октавиан и Яснов сели в двухместную «ласточку». Юркая летательная машина в атмосфере и в самом деле походила на ласточку. Но, вырвавшись в космос, она складывала крылья и становилась обычной гравитационной ракетой. Минут через десять «ласточка» скользнула в ангар «Хроноса».

На лифте друзья поднялись наверх, под исполинский купол, имитирующий сейчас утреннее небо. «Хронос» разворачивал свою сказочную феерию. Из-за горизонта выплывало жаркое солнце, ощупывая лучами-перьями тугие облака кучевых облаков, сотканных из вихревых фотонных волокон.

Яснов стал подтрунивать над Октавианом, принимавшим участие в проектировании «Хроноса».

— Театральщина. Отдает декорациями.

— Верх у нас и в самом деле не очень получился, — согласился Октавиан. — Но ты посмотри вниз.

Луга и сады «Хроноса» были великолепны. Иван шагал по самой настоящей живой траве, в чашечках полевых цветов уже копошились проснувшиеся пчелы. В дубовой роще, куда они вошли, на все голоса звенели птицы. Иван хотел сказать, что и от этого за версту разит декоративностью.

— Вот и они, — прошептал Октавиан, остановившись на опушке рощи. — Сан читает хорошо, но все еще побаивается телестраниц.

На берегу небольшой речки сидели в креслах Лиана Павловна и Сан. Перед ними наклонный столик, связанный теленитью с Центральным хранилищем Знаний и Книг. На столе выплывали из пустоты страницы какой-то детской книги и, прочитанные, уплывали в ничто — в свои далекие микроскопические гнезда. Мальчик читал довольно быстро. Но, видимо, не очень внимательно. Слегка оживлялся он, когда появлялись движущиеся картинки-иллюстрации.

При смене страниц Сан вздрагивал. Вот, желая пощупать светостраницу, он протянул руку. Пальцы вошли в пустоту и наткнулись на гладкую поверхность стола. Мальчик с испугом отдернул руку. Он никак не мог понять, есть на самом деле страницы или их нет.

— Сан, вот и твой спаситель, — сказала Лиана Павловна, заметив вышедших из рощи друзей.

Мальчик обернулся, и хмурые глаза его засветились.

— Дядя Ван!

— Узнаешь колдуна? — улыбнулся Иван.

Сан засмеялся, подбежал и вдруг начал скакать вокруг Яснова. «Какой экспансивный, —

подумал Иван. — Еще, чего доброго, завопит: «У-о-ха!»

Сан засмеялся, подбежал и вдруг начал скакать вокруг Яснова. «Какой экспансивный, — подумал Иван. — Еще, чего доброго, завопит: «У-о-ха!»

Но Сан, смеясь и подпрыгивая, кричал:

— Дядя Ван! Колдун Ван!

И такой радостью звенел его мальчишеский голос, что в груди Ивана что-то дрогнуло. Он погладил Сана по голове и неожиданно предложил:

— Хочешь переселиться ко мне?

— Как? Насовсем?

— Насовсем.

— Хочу!

Лиана Павловна взглянула на главу «Хроноса» и, видя его одобрение, кивнула.

— Хорошая мысль. У Сана будет свой дом. Но все же, Сан, не забывай меня. Нам еще многое надо узнать.

По пути к лифту Иван посматривал на шагавшего рядом мальчика и спрашивал себя: «А получится ли из тебя, брат, воспитатель?» Он уже почти раскаивался в своем поступке.

Мальчик из саванны

К приятному удивлению Яснова, перелет на «ласточке» мальчик перенес вполне нормально. Первые минуты он с завороженным испугом смотрел, как за прозрачной стенкой кабины, в глубоком черном бархате, сверкают разноцветные искры. Сведения, заложенные во сне, медленно всплывали в памяти, и Сан начал «узнавать».

— Звезды? — спросил он. — Межпланетное пространство?

— Точно! — весело отозвался Иван.

Он начал объяснять и еще раз убедился: знания, полученные во сне, в основном механические. Они лучше усваиваются вот в таких путешествиях и беседах.

Сан боязливо прижимался к дяде Вану. Черная бездна космоса, хотя и разгаданная, страшила его еще больше, чем ночная и полная опасностей саванна. Он увереннее почувствовал, когда «ласточка», развернув косые крылья, вошла в атмосферу и нырнула под облака.

Сан узнал Землю. С высоты трех километров он видел луга, позолоченные солнцем перелески, слюдяные ленты рек. Вдали сверкнула, а потом, приближаясь, начала быстро заполнять горизонт огромная, как море, синяя гладь Байкала.

«Ласточка» замедлила полет. Мальчик изумленно уставился на невиданных размеров гору, нависшую над берегом озера. Она парила в воздухе легче пушинки! «Вспомнит или нет? —

гадал Иван. — Он же видел во сне подобные горы с улицами и парками».

— Город, — не очень уверенно проговорил Сан.

— Верно! — Ивану начала доставлять удовольствие роль гида. — Это наш Байкалград.

Вскоре «ласточка» уже стояла на взлетной площадке перед одноэтажным голубым домом с круглыми окнами и плоской крышей.

— Вот и наша землянка, — улыбнулся Иван. — Но сначала осмотрим сад, бассейн и волновой душ, который ты будешь принимать по утрам.

Сад мальчику понравился, особенно высокий старый тополь с густой, как туча, кроной и многочисленными дуплами. В них гнездились, мирно уживаясь, скворцы, синицы, воробьи. Тополь беспрерывно звенел птичьими голосами.

— Струнный оркестр, а не дерево, — сказал Иван. — Вижу, полюбился тебе тополь. Окно моей спальни как раз выходит сюда. Дарю ее тебе, а сам устроюсь в другой комнате.

Иван показал мальчику библиотеку, гостиную, рабочий кабинет.

— Здесь я провожу много свободного времени, — пояснил хозяин. — А сейчас, кажется, пора перекусить… Обедать! — громко крикнул он.

В дверях появился кибер и застыл в картинной позе. Сан вздрогнул и трусливо спрятался за спину хозяина. Как ни объясняли ему в «Хроносе», мальчик так и не мог привыкнуть к роботам. Пойди, разберись, живые они или мертвые…

Иван погладил Сана по плечу, успокаивая:

— Не бойся, дурачок. Они, конечно не такие, как мы с тобой. И в то же время не совсем мертвые вещи. Даже стараются походить на людей, приобретая наши манеры, смешные привычки. В некоторых домах они становятся чуть ли не членами семейства, им дают вместо коротких кличек имена — Спиридон, Никифор, Евдоким. Моего зовут Афанасием.

— Так точно! — отозвался кибер и прищелкнул каблуками. Одет он был в крепкие, удобные для работы в саду ботинки, и щелчок поэтому получился отменный.

Сан несмело выглянул из-за спины Яснова. Любопытство мальчика возросло, когда Иван с преувеличенным огорчением стал жаловаться, что Афанасий — отменный плут и воришка.

— Признайся, Афанасий, книгу Марка Аврелия ты не обменял, а у кого-то украл. Так ведь?

— Украл, — Афанасий виновато потупил голову.

— Я не спрашиваю у кого. Очень уж не хочется возвращать… Но чтобы это было в последний раз. Слышишь? В последний!

— Слушаюсь, хозяин.

— А сейчас приготовь обед. На двоих.

За столом Сан сидел не шелохнувшись и не притронулся к еде до тех пор, пока Афанасий не ушел.

После обеда Иван улетел на космодром. Сан погулял по саду, потом долго играл с кошкой Чернышкой.

Под вечер вернулся Иван. Прошел в свой кабинет, сел за стол и углубился в работу. Сан тихонько пристроился сзади и зачарованно следил, как перед столом в глубокой космической тьме шевелились звезды, планеты, пролетали хвостатые кометы. Потом на столе начинали скакать, обгоняя друг друга, светящиеся цифры и формулы.

Мальчик Ивану не мешал. Напротив, присутствие его создавало какой-то особый уют. В одиннадцать часов, когда за окнами стало заметно темнеть, Иван отвел Сана в спальню.

— Я еще поработаю, а тебе пора спать. Окно будет открыто, ночи не холодные. Устраивайся как удобнее.

Однако разрешение «устраивайся как удобнее» Сан воспринял слишком буквально. Час спустя, заглянув в спальню, Иван обнаружил: кровать пуста, мальчик с одеялом исчез.

«На дерево шмыгнул, сорванец», — решил Яснов и глянул в окно, надеясь на ветвях тополя увидеть гнездо из одеяла и листьев. Тут из-под койки послышался шорох. Иван наклонился и чуть не рассмеялся: мальчик спал, завернувшись в одеяло, как в звериную шкуру. «Будто в своей землянке», — подумал Иван, но будить не стал. Пожалел. Тем более что поверх одеяла уютно расположилась Чернышка.

За завтраком Иван произнес целую речь о том, что сон под койкой — это новое слово в науке о здоровье. На Сана, чуткого к иронии, подшучивания и колкости дяди Вана подействовали куда сильнее, чем мягкие наставления Лианы Павловны. С тех пор он спал только на кровати.

Забирая Сана по утрам, глава «Хроноса» днем возвращал мальчика домой и рассказывал Ивану о его успехах. Были они, увы, довольно скромными. Надежды Октавиана на то, что Сан «станет Гегелем», оказались неосновательными: как раз к абстрактным наукам мальчик не имел никакой склонности. И хотя его мозг накачивали во сне целыми разделами математики и физики, мальчик хорошо усвоил пока только арифметику и основные законы Ньютона, да и то в своеобразном и образном преломлении.

Но в биологии, экологии, истории и литературе Сан даже обгонял своих одногодков, учившихся в нормальной школе. Многие мифы, сказки, легенды прошлых времен, стихи современных поэтов он не только знал наизусть, но и очень по-своему толковал. Вот это «очень по-своему» для Лианы Павловны было особенно дорого. Своеобразно относился Сан и к духам своего племени. Он уже не верил в них, и в то же время ему было грустно расставаться с ними. Духи, даже злые, оставались для него близкими и понятными существами. Однако мальчик уже откровенно смеялся над суевериями своих соплеменников. С улыбкой рассказывал он случай, когда охотники, ушедшие в саванну, тут же вернулись, встревоженные и хмурые. Сразу за стойбищем дорогу им перебежал шакал, а это считалось дурным знаком.

В институте времени Сан получил наконец доступ к хроноэкрану. Мальчик уже понимал, что видит события далекого прошлого, что люди его племени давно умерли.

И в то же время он воспринимал их как живых. Его радовало, что мать и Лала сыты и здоровы, что Хромой Гун не остался без внимания, — ему помогает теперь Крок, тот самый, с которым он часто дрался. Видел Сан и фильм, запечатлевший его собственное спасение и все, что ему предшествовало.

Однажды Сан вернулся из «Хроноса» с Лианой Павловной.

— Мальчик все время среди взрослых, — сказала она Яснову. — Почти не видит ребят. Хорошо ли это?

— Плохо, — согласился Иван. — Познакомлю-ка я его с такими же десятилетними сорванцами.

Однако первая попытка приобщить Сана к кругу сверстников кончилась весьма плачевно.

Сначала все шло хорошо. Яснов привел Сана на расположенную поблизости детскую площадку.

— Мальчик из каменного века! — весело кричали ребята, не раз видевшие Сана по телевизору. — Мальчик из саванны!

Сан настороженно посматривал на сверстников, обступивших его со всех сторон. В любую минуту он готов был дать отпор. Но ребята были так простодушно приветливы, что Сан оттаял и вскоре с интересом наблюдал за игрой в городки. В дни праздников ребятишки его племени развлекались игрой, отдаленно напоминавшей эту, только вместо деревянных чурок-рюх пользовались костями животных.

Сан попробовал играть в городки. Сначала он выглядел неловким, но потом дело пошло лучше. «Все в порядке», — решил Иван и покинул спортплощадку. Увы, через полчаса к нему привели Сана, плачущего и жалкого.

Оказалось, во время игры Сан нечаянно наступил на ногу Антону — сыну Октавиана.

Антон вскрикнул от боли. При этом у него вырвалось:

— Осторожнее ты, первобытный!

Сан вздрогнул, как от удара. Он уже понимал, какой обидный смысл вкладывают в это слово. Гнев застлал ему глаза, в груди закипала ярость. Сжимая кулаки, Сан надвигался с потемневшим лицом. Антон отступал и, защищаясь, вытягивал руки вперед.

— Но-но, не подходи…

Произнес ли Антон еще раз слово «первобытный» или Сану только послышалось, но он уже не мог сдержать себя. Левой рукой он сделал ложный выпад вниз. Антон прикрыл живот руками и в тот же миг, как было когда-то с Кроком, получил недетской силы удар. Антон упал и выплюнул выбитый зуб. Из носа брызнула кровь.

Сан отшатнулся. Он вдруг вспомнил, где находится. Мальчик закрыл лицо руками и заплакал. В таком виде он и предстал перед своим старшим другом.

— Ну, Сан, с тобой не соскучишься, — проворчал Яснов. — Напрасно я с тобой связался.

От этих слов Сан на миг перестал плакать, с тоской посмотрел на Ивана, а потом зарыдал пуще прежнего.

«Как я мог такое сказать! — клял себя Яснов. — Ведь это мальчик, выхваченный из глубины веков. Самый сиротливый малыш за всю историю человечества. Вселенский сирота!..»

Ивану хотелось прижать мальчика к груди и просить прощения. Но такие нежности уже не годились в их шутливо-приятельских отношениях. К случившемуся лучше всего отнестись с юмором…

— Как же так получилось? — произнес Иван с хорошо разыгранным огорчением. — Неужели ты такой слабосильный? Всего два зуба выбил. Даже один, говоришь? Какая неудача!

Сан перестал плакать и с удивлением посмотрел на раздосадованного дядю Вана.

— Разве так надо было? — продолжал сокрушаться Иван. — Ты нанес прямой удар, а надо было сбоку. Тогда бы десяток зубов выбил. А ты с трудом выколотил лишь один… Позор!

Сан начал догадываться: дядя Ван шутит! Губы мальчика изогнулись в невольной улыбке. Иван рассмеялся и потрепал мальчика по плечу.

— А как же Антон… — вспомнил Сан. — Что с Антоном?

— Думаю, что все в порядке. Наша медицина творит чудеса. Знаешь, что такое видеопосещения?

— Это когда видишь человека, разговариваешь с ним, а на самом деле он далеко. Это еще не сам человек, а… — Сан замолк, отыскивая подходящее слово.

— Верно. Не сам человек, а его объемное изображение. Вот сейчас и явимся к Антону такими объемными призраками. Узнаем, что с ним… Контакт! — четко произнес Иван.

Тотчас на него и мальчика с потолка мягко упало клубящееся облако. Сначала Сан ничего не видел, но вот его взрослый друг назвал какие-то цифры — и туман рассеялся. Сан очутился в необычной овальной комнате с куполообразным потолком.

В дверях появился Антон. Увидев гостей, он улыбнулся, и Сан с облегчением заметил, что с зубами все в порядке. Он хотел сказать об этом, но его опередил Антон.

— Сан, извини меня. Я виноват перед тобой… Извини.

Сан опешил: побитый просит прощения!

— Извинения принимаем и приносим свои, — с шутливой важностью ответил Иван. — Приходи к нам не телегостем, а лично. Будем рады.

— Антон, конечно же, виноват, — сказал Иван, когда видеопосещение было закончено. — Но и ты тоже хорош. — Он взъерошил Сану волосы. — А вообще молодец, постоял за себя… Но все же пореже прибегай к боксерским приемам. — И, вздохнув с деланным сожалением, добавил: — У нас это почему-то не принято.

Инцидент был, казалось, исчерпан. Однако слово «первобытный», невзначай брошенное Антоном, сделало свое дело. После этого случая Сан часто останавливался перед зеркалом, выискивая в себе черты «первобытности». Особенно внимательно изучал он лоб, надбровные дуги, разрез глаз. И нашел, что с этой стороны все в порядке. Но вот зубы… У Антона, у всех других ребят небольшие, ровные и красивые зубы, а у него чуть ли не волчьи клыки.

Однажды Иван застал мальчика перед зеркалом и все понял.

— У тебя, конечно, зубы покрепче и острее, чем у многих из нас, — заговорил он. — И понятно почему. Ты с малых лет приучился рвать и пережевывать самую грубую пищу. Неженка Антон со своими красивыми зубами не прожил бы у вас и пяти дней… А менять тебе зубы на искусственные не советую. Даже запрещаю. У тебя замечательные зубы. Да, да! Просто

Topreading.ru

отличные. Некоторую изнеженность нынешних людей я не считаю достоинством. Человек должен оставаться сильным. И такими же сильными должны быть у него зубы. Вот как у меня.

Иван начал хищно щелкать своими крепкими зубами, строя при этом такие уморительные рожи, что мальчик невольно рассмеялся.

Яснов чувствовал растущую привязанность Сана и сам все больше привязывался к мальчику. Ему нравилось играть с Саном, и игры эти были, кстати, хорошей разминкой после утомительных расчетов.

Почувствовав усталость, Иван гасил свою бутафорскую Вселенную, вставал с кресла и потягивался. Сан, кивая на подмигивающий огоньками волшебный стол, говорил с улыбкой:

— Колдун Ван.

— Сейчас я не колдун, а злой Урх, — строго поправлял Иван.

Он вытягивал руки вперед и свирепо надвигался на мальчика. Сан с визгом и хохотом выскакивал в гостиную и убегал в сад. Иван прыжками настигал его, теснил к бассейну. Казалось, вот-вот он столкнет мальчика в воду. Но тот, гибкий и юркий, как ящерица, выскользал из рук, прятался за кустами. Потом с ловкостью кошки вскакивал на дерево и дразнил:

— Урх! Коварный Урх! Не поймал!

Запыхавшийся Иван возвращался в кабинет и включал звездную сферу. Сзади снова пристраивался Сан. С неугасающим любопытством глядел он в театрально красивый космос.

После случая на спортплощадке Сан избегал сверстников, предпочитал общество взрослых. Только с Антоном завязалась странная дружба, такая взаимно учтивая, что невольно вызывала улыбку у Ивана.

По утрам мальчики встречались в саду и тихо беседовали. При этом Антон тщательно выбирал слова, чтобы ненароком не задеть обидчивого крепыша из каменного века. Тот в свою очередь избегал резких движений, был предупредителен и вежлив.

Мальчики уходили в конец сада. Рядом за полосой движущихся тротуаров возвышалась огромная, похожая на дворец школа.

— Обидно, что она совсем близко, — пожаловался как-то Антон. — Два шага — и там. А я так люблю летать. Хочешь, научу тебя? Это просто.

Взлетно-посадочная площадка тоже находилась рядом. По вызову Антона из таинственных глубин города появилась «ласточка». Мальчики сели в кабину и взмыли ввысь.

На высоте двух-трех километров Сан чувствовал себя сносно. Антон даже удивился, как быстро он освоился с пультом. Но когда вырвались за пределы атмосферы, Сан струхнул. Одно дело наблюдать в уютном кабинете хоровод небесных тел. Но совсем другое — настоящий космос, его ледяная бездна.

Управление пришлось взять на себя Антону, он и привел «ласточку» домой.

К «ласточке» Сан так и не привык, но зато другой летательный аппарат — «лебедь» — полюбил

сразу.

— Смотри, до чего додумались наши инженеры-бионики.

Антон нажал кнопку под словом «лебедь» — и на посадочной площадке появилось… яйцо! Самое обыкновенное лебединое яйцо, какие Сан часто находил на озерах родной саванны: в камышовых заливах Большой реки.

— Удивлен? — усмехнулся Антон. — А теперь возьми его в руки. Чувствуешь, какое легкое? Почти пушинка. На самом же деле яичко весит несколько тонн. Его сжатая масса уравновешена с полем тяготения Земли.

— А где же летающая машина? — спросил Сан, поглаживая яйцо.

— У тебя в руке! — Антон помолчал, наслаждаясь эффектом, и стал объяснять дальше: — «Лебедь» особенно удобен в дальних прогулках и туристических походах. Захотел вернуться домой — пожалуйста. Вытаскивай из кармана яйцо, бросай на траву и приказывай развернуться в машину. Посадку он может совершить где угодно — на земле и воде, на дереве и скале. Но до чего тихоходная машина! Не больше пятисот километров в час. И летает только в атмосфере. Да вон смотри! Какие-то туристы возвращаются в город.

Сан поднял голову и в глубокой синеве заметил цепочку снежинок. Сверкая под солнцем, они замедляли полет, снижались, и вскоре можно было различить вытянутые гибкие шеи и крылья. У Сана закружилась голова, в памяти всколыхнулся рой далеких видений. Белые птицы! Он будто очутился в саванне, увидел в родном небе стаю лебедей, услышал в вышине их тревожные весенние крики. Но все это длилось лишь миг. Сан вздохнул и опустил голову.

— Что с тобой? — спросил Антон.

Мальчик молчал.

— Брось яйцо на посадочную площадку, — Антону хотелось расшевелить погрустневшего друга.

— Зачем?

— Бросай, не бойся. Оно не разобьется.

Сан бережно положил яйцо и отошел в сторону.

— А теперь, — прошептал Антон, — прикажи яйцу: развернись!

— Развернись…

— Да не шепотом, а громче.

— Развернись!

Сан изумленно замер. Яйцо на посадочной площадке треснуло, высунулась слабая шейка с желтой головой, по бокам появились крылышки. Вскоре перед мальчиками на длинных голенастых лапах стояла, грациозно изогнув шею, большая белая птица. Это был лебедь, самый настоящий, но увеличенный во много раз.

— Здорово? — улыбнулся Антон. — А теперь пойдем.

Сан приблизился, пощупал шелковистые перья. «Лебедь» повернул голову и посмотрел на Сана, как бы спрашивая: что нужно?

— Присядь, — приказал Антон.

Птица повиновалась. Антон взобрался на лебединую спину и поманил рукой Сана. В спине оказалось углубление с двумя креслами. Мальчики сели, и над ними тотчас же натянулась силовая полусфера. Сан пощупал ее невидимые стенки и только сейчас окончательно осознал, что это не птица, а летательный аппарат.

— А пульт? — спросил он.

— Не нужен. Машина принимает словесные команды.

Антон приказал «лебедю» снять силовой колпак.

— Он годится на большой высоте и при больших скоростях, а сейчас только мешает.

По команде «взлет» птица, издав лебединый крик «нга-га-га», мягко и сильно оттолкнулась ногами, взмахнула крыльями и поднялась в воздух.

Никогда еще Сану не было так хорошо. С застывшей счастливой улыбкой слушал веселый посвист ветра, рассматривал проносившиеся внизу парки с белыми дворцами, голубые арки и серые гранитные набережные. После нескольких сильных взмахов «лебедь» расправлял свои необъятные, как паруса, крылья и планировал. Вскоре он очутился за городом, снизился над берегом Байкала и с легким всплеском сел на воду. Потом заработал лапами и поплыл так быстро, что обгонял летящих рядом чаек.

Но вот прогулка кончилась, и друзья снова стояли на посадочной площадке. Рядом переминалась большая седая птица. Изогнув лебединую шею наподобие вопросительного знака, она ждала очередного приказа. Антон подмигнул Сану, и тот, помедлив, скомандовал:

— Свернись!

Мгновение — и на посадочной площадке вместо удивительного летательного аппарата белело обыкновенное лебединое яйцо.

— Нравится яичко? — смеялся Антон. — Можешь взять его насовсем.

Сан так и поступил. Он положил яйцо в карман коротких брюк и с тех пор не расставался с ним. Даже ложась спать, прятал его под подушку.

— Свернись!

Мгновение — и на посадочной площадке вместо удивительного летательного аппарата белело обыкновенное лебединое яйцо.

— Нравится яичко? — смеялся Антон. — Можешь взять его насовсем.

Сан так и поступил. Он положил яйцо в карман коротких брюк и с тех пор не расставался с ним. Даже ложась спать, прятал его под подушку.

Удивительный полет на «лебеде» растревожил Сана. По ночам он снова и снова видел свою далекую, ушедшую в туман веков родину. Ему снились берега Большой реки и в щемящей

голубизне неба — птицы, птицы без конца. Гуси, лебеди, журавли стаями плыли над саванной, в их весенних криках слышалось что-то печальное и радостное одновременно. В снах своих мальчик был счастлив, и улыбка не слетала с его губ.

Но просыпался — и гасла улыбка. Сана окружал иной мир — добрый, но непонятный, чужой.

— Мальчик начинает тосковать, — сказала как-то Яснову Лиана Павловна. — Прошло полгода, а он еще не наш.

— Верно, — согласился Иван. — Еще не наш.

— К нашему миру Сан почти привык, — возражал Октавиан. — Видели бы вы, как он лихо летает на «лебеде». Считаю, что психологическая состыковка с этой эпохой у него в основном состоялась.

Однако ближе к осени, где-то в конце сентября, даже Октавиан заметил, что как раз с психологической состыковкой не все ладилось. Сан все чаще становился рассеянным, угрюмым. На шутки отвечал слабой, вымученной улыбкой.

Все реже стоял Сан за спиной Ивана в его волшебном кабинете. Часами бродил один по саду. Яснов с возрастающей тревогой пытался разгадать, что творится в душе Сана. Иван давно уже понял, что душевный мир мальчика не менее сложный и загадочный, чем у нынешних людей.

Однажды Сан сидел под тополем и рассеяно смотрел в небо. Там, поднимаясь из-за гор, стремительно неслись холодные серые тучи. Сквозь их тонкую лохматую ткань тусклым желтым пятном пробивалось солнце. Сан так долго глядел на него, что порой ему начинало казаться — тучи висят неподвижно, а солнце летит так быстро, как высохший осенний лист на ветру.

Мальчик закрыл глаза. И тут началось самое мучительное — ветер. Он гудел в ушах, а Сан слышал в этих звуках то говор людей своего племени, то плеск Большой реки и шелест трав в саванне… Мальчику стало так горько, что он начал потихоньку всхлипывать.

Подошел Иван и тронул его за плечо.

— Сан, что с тобой?

— Ветер…

И Иван не нашелся что сказать. Он догадывался: ветер, вырывающийся в город из прибайкальских просторов, казался Сану ветром из глубины веков. Родные ветры бередили душу мальчика, касались ее невидимых струн.

По утрам Сан немного оживлялся. Широко открытыми глазами смотрел он на встающее дымное солнце, и что-то похожее на улыбку блуждало на его губах.

— Ты, Сан, язычник, солнцепоклонник, — качал головой Иван.

«Мальчик эмоционально побогаче меня, — отмечал он про себя. — Я рядом с ним почти сухарь».

Наступал полдень, и Сан снова замыкался, становился неразговорчивым. Опять садился под тополем, закрывал глаза, вслушивался в заунывные и зовущие песни ветра.

В конце ноября в тайге зашумели первые метели. Там уже стояли морозы, чуть смягченные инженерами-синоптиками, но столь привычные для растительного и животного мира Сибири. В городе пока было потеплее: жители Байкалграда решили продлить у себя сухую, теплую осень. В садах и парках еще золотились клены и березы. Правда, любимый Саном тополь почти совсем лишился листвы, словно ветер сдул с него летнее зеленое облако. Смолкли струнные звуки: улетели скворцы, давно покинула гнездо певунья иволга.

В начале декабря город покрылся пухлыми сугробами, на деревьях заискрились хрустали. За окнами слышались звонкие голоса детворы, катавшейся на коньках.

Но ничего не радовало Сана. Однако именно в эти дни, когда мальчиком, казалось, совсем завладеет глухая тоска по родине, неожиданно пришло спасение. И пришло со стороны… робота! Того самого Афанасия, который вызывал у Сана чуть ли не мистический трепет.

Конечно, теперь Сан уже меньше страшился человекоподобного. При виде Афанасия он уже не прятался за спину Ивана, а с пугливым любопытством следил за кибером. И, заметив это, Афанасий в присутствии мальчика стал вести себя весьма своеобразно. Проходя однажды мимо Сана, кибер вежливо расшаркался, склонил голову и сладким голосом прошепелявил:

— Извините-с.

Сану стало смешно.

— Вот видишь! — сидевший за столом Иван повернулся к мальчику: — Афанасий ворует не только книги, но и забавные привычки. Роботам кажется, что таким образом они приобретут человеческую индивидуальность. Только никак не пойму, у кого Афанасий набрался слащавой вежливости. Ну-ка, отвечай, где ты стянул эту старомодную галантность?

Афанасий молчал, потупившись.

— Он еще и суеверный, — шепнул Сан на ухо Ивану.

Последив за кибером несколько дней, Иван убедился, что наблюдательный мальчик прав. Афанасий никогда не переступал порог левой ногой, он страшился понедельника и чертовой дюжины. В общем-то это было даже к лучшему: обрастая потешными привычками, робот в глазах мальчика как бы «очеловечивался», становился ближе и понятнее.

Как-то Ивану пришла мысль создать для Сана обстановку, хоть немного напоминающую ту, к которой мальчик привык в своем веке. Вернувшись домой, он спросил Афанасия:

— Что-нибудь знаешь о медвежьей шкуре?

— Это верхний покров крупного животного, обитающего…

— Правильно, — прервал Иван. — Мне нужно две таких шкуры.

— Необычный заказ, — Афанасий задумчиво почесал затылок.

«Еще одна дурацкая привычка», — с усмешкой подумал Иван, не подозревая, что эту привычку кибер «украл» у своего хозяина.

— Может обратиться в «службу редкостей»?

— Делай, как знаешь. Но через три часа у меня на столе должны лежать две медвежьи шкуры.

Изготовлены они будут, конечно, из синтетики, но чтобы ничем не отличались от настоящих.

Вечером Яснов увидел на столе аккуратно сложенные медвежьи шкуры. Вскоре из «Хроноса» вернулся Сан, задумчивый и тихий.

— Это тебе, — Иван показал на стол.

Мальчик поднес шкуры к лицу, понюхал, и голова его закружилась от знакомого, так много напомнившего запаха. Он с благодарностью взглянул на Ивана и хотел сразу же отнести шкуры в спальню.

— Подожди, — остановил его Иван и подмигнул. — Пусть отнесет Афанасий, а мы посмотрим, как он это сделает.

В гостиной, на подоконнике, сидела черная кошка. Иван взял ее и сел в другом конце комнаты. Рядом встал Сан, успокаивая Чернышку, рвавшуюся из рук Ивана. Ей непременно хотелось на свое любимое место — на подоконник.

В гостиной, на подоконнике, сидела черная кошка. Иван взял ее и сел в другом конце комнаты. Рядом встал Сан, успокаивая Чернышку, рвавшуюся из рук Ивана. Ей непременно хотелось на свое любимое место — на подоконник.

— Афанасий!

— Слушаю, хозяин, — в дверях возник кибер.

— Ты раздобыл хорошие шкуры. Отнеси их в комнату Сана.

Афанасий взял шкуры и зашагал в спальню. В это время из рук Ивана выскользнула Чернышка, тенью метнулась под ногами робота и вскочила на подоконник. Афанасий встал как вкопанный: дорогу ему перебежала черная кошка.

— О чем задумался? — спросил Иван.

Кибер потоптался, но с места не сдвинулся.

— Хозяин! — воскликнул он. — В шкурах наверняка много пыли. Вытряхну-ка я ее старинным способом.

Афанасий повернулся и выскочил на улицу. Иван и мальчик видели в окно, как он старательно встряхивает шкуры, хотя в них не было ни пылинки.

— Суеверный! — засмеялся Сан. — Я же говорил! Афанасий суеверный, как наши колдуны и охотники.

— Не пойму, где он нахватался этой дури? — вслух размышлял Иван.

Тайна раскрылась поздно вечером. Прежде, чем лечь спать, Иван зашел к Сану.

Мальчик спал, укрывшись медвежьей шкурой, а из-за неплотно прикрытой двери, ведущей в библиотеку, падал свет. Иван заглянул и увидел: на полу, рядом с нижней полкой, сидит Афанасий и читает книгу. А на полке той, красуясь золочеными корешками, стояли исторические романы, в основном из времен средневековья.

Topreading.ru

Заметив хозяина, Афанасий вскочил.

— Пополняю запас информации.

— Вижу. И давно увлекаешься средневековьем?

— Недавно, — обиженно ответил кибер, уловив в голосе хозяина иронию. Афанасий был своенравным и обидчивым созданием.

— Валяй, — милостиво позволил хозяин. — Пополняй свой запас.

Утром Сан, помня вчерашний эпизод, с интересом рассматривал Афанасия. Он уже не вздрагивал, когда робот, разнося блюда, случайно касался его плеча.

— Афанасий, принеси-ка нам слив, — попросил Иван. — И не такое количество, какое наугад выдаст кухонный аппарат, а скажем…

Иван сделал вид, что задумался.

— Полагаю, что четное число, — подсказал слуга. — Вас двое.

— Нет, не обязательно четное. Принеси нам… Ну, скажем, тринадцать.

Афанасий, собравшийся уже шагнуть в кухню, растерянно заморгал глазами.

— Ты что, окаменел? — спросил Иван. — Или не понял?

— Понял, — уныло ответил Афанасий и почесал затылок.

Сан хихикнул.

— Тогда выполняй, — поторопил Иван.

Афанасий побрел на кухню и возился там дольше обычного. Вернувшись, он поставил на стол тарелку с десятью сливами.

— Я же просил не десять, — напомнил Иван.

Афанасий молча повернулся и принес еще одну тарелку. На ней лежали недостающие три сливы.

— И ты считаешь это остроумным выходом? — усмехнулся Иван.

Однако Сан был в восторге от находчивости кибера. Хохоча, мальчик приплясывал вокруг него и восклицал:

— Ай да Афанасий! Молодец! Избежал чертовой дюжины.

Афанасий опустил голову, всем своим видом изображая обиду и оскорбленное достоинство.

— Бедный Афанасий, — учтиво проговорил мальчик. — Не обижайся. Мы пошутили.

Так Сан подружился с домашним роботом. С тех пор даже равнодушные роботы «Хроноса», которые не в пример Афанасию, казались мальчику туповатыми и скучными, не вызывали у него неприязни.

Topreading.ru

По вечерам Афанасий частенько приходил теперь в звездный кабинет хозяина вместе с мальчиком.

Однажды вечером, погасив звездный экран, Иван обнаружил, что мальчика за спиной нет. «Спит», — решил он и заглянул в спальню. Постель была пуста, Сан исчез вместе с медвежьими шкурами. Заглянул Иван под койку, но там никого не было.

Слегка встревоженный, он вошел в библиотеку… и с трудом сдержал смех. Спиной к двери на прежнем месте сидел Афанасий. Рядом на медвежьей шкуре расположился Сан. Оба читали.

Иван незаметно ушел. Однако утром сделал Сану замечание.

— Твой железный приятель усталости не знает, но человеку по ночам надо спать.

Впрочем, новому увлечению Сана Яснов решил не мешать. Подумал: что, если мальчику с его древней привычкой ко всему конкретному и осязаемому больше полюбятся именно бумажные книги?

Иван не ошибся. В «Хроносе» мальчика, конечно, давно научили читать. Но читал он не очень внимательно, к светокнигам с их призрачными светостраницами Сан все еще относился с подозрением. А вот книги, отпечатанные на бумаге, ему полюбились сразу. Их можно было пощупать, полистать, даже понюхать и вдоволь насладиться застывшими картинками.

— Ты хоть все понимаешь? — спросил как-то Иван.

— Не совсем…

— Так я и думал. Афанасий подсовывает тебе тяжеловесные исторические романы, которые были скучноваты и для меня. Давай-ка лучше покажу книги, которыми я увлекался в твоем возрасте.

Сан увидел четыре большие полки. Здесь были те неумирающие книги, какими зачитывались дети и подростки на протяжении уже не одной сотни лет.

Вечером Сан взял одну из них. Его привлекло звучное имя автора — Майн Рид.

Мальчик раскрыл книгу с золоченой обложкой, и перед ним словно распахнулись золотые ворота в упоительный мир, полный вольного ветра, шумящих трав и удивительных, захватывающих дух, приключений.

Нельзя сказать, что Сану в «Хроносе» не показывали приключенческих фильмов. Да и дома Иван не раз усаживал мальчика рядом с собой, чтобы вместе посмотреть экранизацию полюбившегося с детства романа. Сан смотрел сначала с живым интересом, потом скучнел, зевал и даже жаловался на головную боль.

Лиана Павловна и Яснов пришли к одному мнению: мальчик обладает не столь уж частым творчески ценным качеством — самостоятельностью. Иной раз это была чрезмерная, даже агрессивная самостоятельность. Насколько Сан был послушен внешне, настолько оказалась упрямой, неподатливой и своенравной его внутренняя жизнь. Если Сан плохо «переваривал» насильственно вкладываемые во сне знания, то к телевизору относился порой вообще нетерпимо. Экран навязывал готовые зрительные и звуковые образы, а с таким «диктатом» своевольная фантазия мальчика мириться не могла.

Topreading.ru

Иное дело книги. В них даны только самые живописные детали обстановки и наиболее броские, характерные черты персонажей. Здесь для воображения Сана открывался полный простор, чужие образы он дополнял своими красками, звуками, запахами. В книгах Майна Рида, Густава Эмара мальчик видел не только северо-американские прерии, но и щемящие дали родной саванны — качающееся море трав, бескрайнее синее небо и табуны лошадей. А их Сан любил не меньше, чем птиц. Только в книгах лошади были уже приручены и назывались мустангами… Понятными Сану становились и люди — почти такие же охотники и дети природы, как его соплеменники. Они — точь-в-точь, как когда-то в мечтах Сана! — скакали верхом на лошадях, и ветер, наверное, свистел в их ушах. У мальчика белел кончик носа от волнения, когда герои книг, спасаясь от опасности, мчались на потных мустангах по дикому приволью степей.

Ностальгия

Зима и лето прошли для Сана в каком-то полусне. Мальчик механически ел, по принуждению Ивана спал, по привычке учился в «Хроносе». И учился, как ни странно, куда успешней, чем раньше. Но по-настоящему жил он в мире солнечных пространств и манящих образов, вставших со страниц Майна Рида и Купера, Стивенсона и Рони Старшего.

«Через книги мальчик привыкнет к нашему миру», — радовался Иван. Но вот снова наступила осень, и Яснов все чаще замечал Сана под тополем.

Дули прохладные ветры, шумела золотистая осенняя вьюга. Книга вывалилась у мальчика из рук, глаза его невидяще глядели вдаль. Потом Сан закрывал глаза. Он слушал ветер… Он снова узнавал в его гуле полузабытые звуки — топот бизоньего стада, сладкий шепот зеленых трав, голоса людей.

«Эолова арфа», — невесело усмехался Иван. Он догадывался, что творится с мальчиком. Ветер, наверное, снова бередил его душу.

В такие минуты Сан забывал образы, навеянные книгами. Другие, мучительно зовущие и неясные образы вытесняли их. Они клубились, колыхались и таяли, как клочья тумана. И снова возникали, но уже более четкие… И вдруг однажды Сан увидел родную саванну. Увидел так ярко, что чуть не вскрикнул. Казалось, стоит протянуть руку — и можно пощупать колоски злаковых трав, недвижно застывших под жгучим полуденным солнцем. Воздух струился испарениями, тишина стояла вокруг. Но вот на горизонте сгустились синие тучи, тени побежали по саванне, и зашелестел, зазвенел травой проснувшийся ветер…

Незабываемы ощущения первых лет жизни, первых прикосновений к миру! Предгрозовую летнюю саванну Сан видел и вдыхал всеми порами, когда ему, наверное, было года три или четыре. Сейчас он хотел удержать только что возникшую картину, не дать ей уйти, утонуть в прошлом. Но саванна заколыхалась, задрожала, словно отраженная в воде, и затерялась в тумане других неясных видений. Потом туманная кисея разорвалась и Сан опять очутился «дома» — на сей раз на своем любимом лугу у берега Большой реки. Это был не тот пожелтевший осенний луг последнего дня его жизни там, а луг весенний, сверкающий избытком жизни, звенящий птичьими голосами, радующий нежной и клейкой зеленью лозняка. Сан забыл обо всем, он жил в весеннем дыму, среди трав и цветов, среди гудящих пчел и шмелей. И сладкая истома охватывала его.

Новый порыв ветра — и мальчику почудился говор людей его племени, плач сестренки. Что с ней сейчас?.. Но еще неотвязней был услышанный в ветре голос матери. Грубовато-гортанный, с хрипотцой, голос этот казался таким нежным и призывно сладким, что Сан заскулил.

Иван чувствовал, что мальчик не только душевно, но чуть ли не физически уходит в свои, одному ему видимые дали. Как вернуть его оттуда, переманить на свою сторону? Чем поразить его богатое и своевольное воображение, чтобы он очнулся от грез?

По-прежнему перед сном Сан часто задерживался в кабинете Яснова, следил за его пальцами, прыгавшими по клавишам пульта и вызывавшими движения небесных тел, бег светящихся формул и цифр.

— Понимаешь, чего мы хотим добиться? — спросил как-то Иван.

— Лететь на «Призраке» быстрее света.

Ответил Сан правильно. Но как-то скучно, и глаза у него были невеселые и скучные.

— Но я не понимаю, — продолжал мальчик. — Меня учили, что скорость света — предел.

— Верно. Но этот закон природы можно обойти с помощью других законов и необычных свойств Вселенной. Ученые давно вели поиск в этом направлении. И вот сейчас полеты со сверхсветовыми скоростями стали наконец возможны. Здесь, за этим столом, я «проигрываю» и уточняю детали маршрута, которые мы получили из центра астронавигации института «Космос». Наш «Призрак» отправится к Полярной звезде. До нее, как ты знаешь, пятьсот тысяч световых лет. А мы рассчитываем добраться до нее за год.

— За год?!

В глазах Сана засветилось любопытство, смешанное с недоверием. «Клюнуло», — подумал Иван и решил еще больше ошеломить мальчика.

— Да, за год. По пути мы будем гасить звезды и совать себе в карман.

— В карман? — изумленно прошептал мальчик.

— Ну не в буквальном смысле, конечно. Вот смотри…

Иван стал объяснять с помощью звездной сферы. Вокруг погасшей и провалившейся в бездонную тьму звезды Сан увидел ровное, лоскутное пространство, какие-то вихри и воронки. Вот одна из воронок засасывает в себя корабль и выбрасывает его в другом, точно рассчитанном месте — за сотню тысяч световых лет.

Иван добился своего — теперь ночами Сану снились звезды — оранжевые, зеленые, синие. Звезды, ослепительно взрывающиеся, и звезды, проваливающиеся в черную бездну.

— Возьми меня с собой на Полярную звезду, — попросил однажды мальчик.

— Лучше я привезу тебе в кармане парочку звезд. — Иван с улыбкой взъерошил ему волосы. — А хочешь, подарю кусочек саванны?

Сан не придал значения этом словам, счел за шутку. Но через несколько дней, переступив порог своей комнаты, он очутился в… ночной саванне! Над ним в темно-фиолетовом небе мерцали крупные звезды, в пяти шагах горел на камнях большой костер. Ошарашенный, Сан оглянулся. В дрожащем свете костра он понемногу стал различать кровать, стены и понял, что находится в своей комнате. Только потолок выгнут наподобие небесной сферы, а в стену вделан большой, почти в рост человека, камин. Сложенный из камней, он напоминал Сану пещеру.

Радости мальчика не было предела. Он суетился около огня, вбегал в кабинет дяди Вана и благодарил его, снова возвращался. С наслаждением понюхав смолистые сосновые сучья, совал их в костер. Афанасий подносил свежие порции дров.

Сан понимал: хворост выдают таинственные глубины города. Золу, угли и дым из камина город втягивает в себя, чтоб переработать в механизмы и приборы, в рубашки и вкусные хрустящие хлебцы, снова в дрова…

А как уютно читалось у камина! Сан брал книги и странствовал по их удивительным страницам, переходя из столетия в столетие, шагая по развалинам древних государств, отражая набеги пиратов.

Читал он книги уже по-иному. Вернее, не только читал, но и думал. Мальчика удивляло, что не так давно, во времена Фенимора Купера, люди жили почти в таких же землянках, как и его племя, пользовались почти таким же оружием. Только вместо каменных топоров и костяных ножей — стальные, вместо дротиков — стрелы, а потом пули. Книги, размышления над ними помогали мальчику заполнить громадную пропасть времени в триста веков — ту пропасть, которая отделяла его от тех далеких дней, когда он босиком бегал по берегам Большой реки и восхищался каменными изделиями Хромого Гуна.

Хромой Гун… Все чаще вспоминался Сану древний мастер. Каменный век сменился бронзовым и железным, потом появились пар и электричество. Совсем недавно, лет двести назад, грохотал век атомный и электронный. И вот, когда на земле было покончено с последними остатками капитализма, возник тихий, но могущественный век, приютивший Сана, — век гравитонный. Возник не случайно и не сразу, тысячелетия подготавливали его. Воздушные и подводные города, «Хронос» и другие исполинские лаборатории создавались постепенно, руками таких же мастеров…

От волнения сердце заколотилось у Сана в груди. Он открыл для себя великую тайну мира, в котором сейчас находится. Вокруг него живут и трудятся такие же умельцы, как… Как Хромой Гун! Но умельцы более искусные и знающие. Каждый что-то делает, все к чему-то стремятся. Антон хочет стать астронавигатором. И он добьется своей цели, уже сейчас знает интегральное исчисление, легко решает задачки, которых Сану не одолеть. А у дяди Вана совсем уж удивительная цель — Полярная звезда.

«А у меня что есть? — спрашивал себя Сан. — Ничего!..» Неуютной показалась Сану его комната, холодом повеяло от камина. Он здесь лишний, никому не нужный. В каменном веке он стал бы охотником. А в гравитонном?

Яснов заметил, что с мальчиком опять творится неладное. В «Хроносе» Сан был рассеянным и угрюмым, дома чаще всего сидел у камина, но не читал, а задумчиво глядел на огонь.

Однажды Сан ошеломил вопросом:

— Дядя Ван, а я здесь кто? Экспонат?

— Ну чего ты выдумываешь? — в растерянности пробормотал Иван.

Ответ, конечно, не слишком вразумительный… Но вопрос-то каков! Он застал врасплох, хотя Иван знал, что вопрос этот рано или поздно у мальчика возникнет.

«Малыш взрослеет, — думал Иван. — Взрослеет куда быстрее своих сверстников».

В конце февраля снега в городе растаяли и неслись стеклянно-звенящими потоками в пруды и бассейны. В саду, перед окном Сана, зазеленела яблоня, на сухом пригорке засветились желтые огоньки мать-и-мачехи.

Сан часами сидел под тополем и смотрел на переливающийся в траве ручеек. Что он видел в его солнечных бликах? О чем думал?

Антон соблазнял своего друга лыжной прогулкой.

— Посмотри, — показывал он рукой вдаль. — Сан, ты только посмотри!

Далеко за городом, за невидимой сферой, создающей теплый микроклимат, еще держалась зима. После обильных февральских снегопадов установилась морозная ясная погода, и многие горожане, отложив дела, проводили целые часы в чистых, хрустально-звонких лесах.

— Хочешь покататься на обыкновенных лыжах? — спрашивал Антон. — Устанешь, можно сменить их на гравитационные. Это чудо — гравилыжи! Дух захватывает. Летишь на них по сугробам, как птица.

Но Сан от прогулки отказался. Опять он уходил в себя, в свой мир. Услышал вдруг крики птиц своей родины, пчелиный гул на цветущем лугу. Потом увидел песчаный берег реки и нарисованный им диск Огненного Ежа…

Однако он вспоминал не только свои солнечно-беззаботные дни и часы: их на долю мальчика в каменном веке выпало немного. Помнились ему и зимы, когда голод терзал желудок, когда он босиком бегал по мокрому снегу в ближайшую рощу, чтобы принести хворосту в землянку. Но и эти дни казались сейчас Сану бесконечно милыми, пахнущими родным дымом. Там он был на своем месте, среди своих.

Вечером у камина ему вспоминалась ненастная осень. Мокрыми волчьими шкурами плыли над стойбищем серые тучи. «Духи неба гневаются», — говорили старые охотники. Духи то сеяли мелкий дождик, то швыряли вниз холодные и острые копья ливней. Маленький Сан грелся в такие вечера в своей землянке. Тяжелые капли стучали по оленьей шкуре, закрывшей наглухо вход. За ней в осенней тишине слышался холодный плеск реки, глухой шорох мокрых ветвей, и от этого в землянке, у раскаленных камней очага, становилось особенно тепло и уютно. «Туда бы сейчас», — вздохнул Сан.

Утром, перед отправкой в «Хронос», он спросил:

— Дядя Ван, я часто вижу на хроноэкране свое племя. Можно мне вернуться туда?

— Куда, дурачок? — с горькой нежностью спросил Иван. — Куда? В пасть тигра? Ты же знаешь, что история, уготовив тебе гибель… Что она сделала?

— Вычеркнула меня из той реальности, — заученно ответил Сан.

— Правильно. И в той ушедшей реальности нет ни одной щелочки, куда бы мы могли втиснуть тебя, не нарушив причинно-следственной связи. К тому же мы могли бы вернуть тебя только в натуральное время. А по натуральному времени прошло почти два года, как мы тебя спасли. Но ведь и в каменном веке прошло столько же — день в день, минута в минуту.

— Понимаю. Многое изменилось в жизни племени за это время. Некоторых уже нет. Мать свою не вижу…

— Считают, что в племени пронеслась эпидемия. И мать твою похоронили ночью. Это заметили хрононаблюдатели в инфракрасных лучах.

— А сестренка Лала живет сейчас в землянке Гуры.

— Верно. Бездетная Гура приютила твою сестру. Так что нет у тебя сейчас родной землянки. Ты такой же сирота, как и я. Ты знаешь, что родители мои погибли на далеком Плутоне во время опасного эксперимента. Мы оба сироты… Но мы не лишние здесь. Слышишь? Ты не лишний — ты мой брат! Разница в двадцать лет — сущий пустяк. И больше не зови меня дядей. Колдуном можешь звать. Даже Урхом! Но дядей ни в коем случае. Обижусь. Хочешь быть моим братом?

Сан улыбнулся: еще бы — иметь такого брата!

Однако разговор о сиротстве не прошел бесследно. Ночью мальчик метался во сне, плакал и стонал. Иван разбудил его и, гладя по голове, спрашивал:

— Братишка, что с тобой? Приснилось что-то?

— Мать вижу… На берегу реки, иногда в землянке… Она смотрит на меня и все плачет. Мне страшно…

Иван кое-как успокоил мальчика. Сан заснул. Но сон был беспокойным — видения древней родины звали к себе.

А Иван так и не мог уснуть. В голову навязчиво лезла фраза: «Мы больше растения, чем думаем». Где он ее вычитал? Кажется, в «Дворянском гнезде» Тургенева. И сказал эти слова герой романа, который долгие годы жил в Париже, тоскуя по России.

Растения… С этим словом у Яснова был связан один случай из детства. Как потешались тогда над ним мальчишки, его одногодки! Что поделаешь — мальчишки всегда мальчишки. Они называли Ваню неженкой и даже девчонкой. Это сейчас, после долгих лет самовоспитания, он стал «каменным Иваном», волевым командиром легендарного «Призрака». А тогда?

Не любил Иван вспоминать тот эпизод. Было в нем что-то стыдное, сентиментальное. Но сейчас он возник перед ним со всеми подробностями, как будто это было вчера.

Одиннадцатилетний Ваня Яснов приметил за городом простенький полевой цветок. Он рос на пригорке и сиротливо качался на холодном ветру, почему-то вызывая у мальчика щемящую жалость. Со всеми предосторожностями он выкопал растеньице и перенес под окно своей комнаты. Ухаживал за ним, поливая питательными растворами. Но то ли почва оказалась неподходящей, то ли Ваня повредил корни — цветок медленно увядал и наконец засох совсем. Для мальчика это было первое горе в жизни — погибло что-то живое, бесконечно ему дорогое. Ваня чуть не заплакал, глядя на побуревшие лепестки и жалко поникшие стебли.

Растения… С этим словом у Яснова был связан один случай из детства. Как потешались тогда над ним мальчишки, его одногодки! Что поделаешь — мальчишки всегда мальчишки. Они называли Ваню неженкой и даже девчонкой. Это сейчас, после долгих лет самовоспитания, он стал «каменным Иваном», волевым командиром легендарного «Призрака». А тогда?

Не любил Иван вспоминать тот эпизод. Было в нем что-то стыдное, сентиментальное. Но сейчас он возник перед ним со всеми подробностями, как будто это было вчера.

Одиннадцатилетний Ваня Яснов приметил за городом простенький полевой цветок. Он рос на пригорке и сиротливо качался на холодном ветру, почему-то вызывая у мальчика щемящую жалость. Со всеми предосторожностями он выкопал растеньице и перенес под окно своей комнаты. Ухаживал за ним, поливая питательными растворами. Но то ли почва оказалась неподходящей, то ли Ваня повредил корни — цветок медленно увядал и наконец засох совсем. Для мальчика это было первое горе в жизни — погибло что-то живое, бесконечно ему дорогое. Ваня чуть не заплакал, глядя на побуревшие лепестки и жалко поникшие стебли.

«А мы что сделали с Саном? — спрашивал сейчас себя Яснов. — Вырвали из родной почвы! Но корни, незримые душевные корни остались там. А что, если мальчик зачахнет, как тот цветок?» От таких мыслей Ивану стало не по себе. Утром он отправился не на космодром, а в «Хронос», к Жану Виардо. Недолюбливал его Иван, очень не хотелось ему встречаться с Виардо — человеком, который отлично знал о той глубоко запрятанной чувствительности, ранимости, которой Иван стыдился в себе. Жан будто видел его насквозь… Но встретиться с ним надо — Виардо был главным психологом «Хроноса».

Иван застал его в одной из лабораторий. Виардо стоял перед стеной-экраном и поочередно смотрел то на голографический портрет какого-то сотрудника «Хроноса», то на извивающиеся синусоиды и световые всплески.

«Занимается вивисекцией душ», — с иронией отметил Иван.

Психолог отвернулся и вопросительно взглянул на гостя.

— Мальчик тоскует… — начал Иван.

— Знаю, — остановил его Виардо и жестом пригласил сесть. — Многим казалось, что наш приемыш — натура простенькая, первобытная и что он легко, безболезненно войдет в нашу жизнь. Его, дескать только накорми, и он будет доволен.

— Я так не думал, — нахмурился Иван.

— Думал, — возразил Виардо. — Многие так думали. Между тем мальчик попал к нам в любопытнейшем возрасте, когда психика еще гибка, подвижна, пластична. Хуже было бы, если бы у нас оказался первобытный охотник с окостеневшими рефлексами и представлениями, с застывшими нейронными связями. А Сан еще не успел огрубеть, затвердеть душой в своем суровом мире, этом царстве необходимости. И вот он попадает к нам — в царство свободы. Здесь-то и начинает формироваться интересный и сложный характер. Многих смущает, что Сан плохо усваивает абстрактные науки. Что поделаешь, вырос он в стихии конкретного мифологического мышления. В этом его известный недостаток, но в этом же его преимущество. Величайшее! Сан знает не меньше наших детей. Только его знания другие. Он умеет пользоваться дротиком и идти по следу зверя; он понимает пение птиц и чувствует движение соков в стеблях трав. Информацию о внешнем мире он воспринимал иначе, чем наши дети. Он ее впитывал. Сан с малых лет жил жизнью стихий, вдыхал их запахи, окунался в травы и росы, в туманы и звездный блеск.

— Изящно сказано!

— Не ехидничай. Знаю, что недолюбливаешь меня… Но вернемся к Сану. В своем веке он прошел суровую, но неоценимую жизненную школу. Пульсы и ритм природы он чувствует, как собственный пульс. И у нас он пройдет хорошую школу. Думаю, что Сан найдет у нас свое место, совмещая в себе мудрость двух эпох.

— Мудрость двух эпох? — усмехнулся Иван. — Ну уж загнул!

— Если и загнул, то незначительно, — стоял на своем Виардо. — Рядом с тобой живет сын Октавиана — Антон. Наш сегодняшний мальчишка. Никогда не знал лишений, страданий, тоски по утраченной родине. Это хорошо или плохо? Коварнейший вопрос, однозначного ответа никто не даст. Антон, конечно, многого добьется, ибо у него спокойный, рассудительный, целеустремленный характер. Но если хочешь знать, тоскующий, мятущийся Сан мне симпатичнее.

— Мне тоже.

— Так чего же ты хочешь? — удивился Виардо.

— Мальчик страдает. Ведь вы, психологи, как-то можете приглушить воспоминания, даже отсечь их.

— Отсечь! — Виардо в негодовании всплеснул руками и вскочил на ноги. — Да ты понимаешь, что предлагаешь? Хирургическое вмешательство в психику! Предлагаешь лепить психику по своему произволу, лишать людей индивидуальности, превращать их в роботов. Это же фашизм!

«Ну, разошелся», — с неудовольствием подумал Иван. Но психолог быстро взял себя в руки, сел и спокойным, даже учтивым тоном продолжал:

— Да, технически нам многое доступно. Но согласись, что лечить человека от тоски по родине так же нелепо, как лечить, например от безответной любви, от переживаний вообще. За мальчиком мы, конечно, наблюдаем, но не будем грубо вмешиваться в естественное развитие души. А она у него уже необратимо переросла каменный век. Правда, иногда он кажется себе слишком «первобытным». В такие минуты посматривает в зеркало на свои зубы. Ты замечал? Но это со временем пройдет, ибо зубы у него нормальные. Только поострее, чем у нас… А вообще Сан склонен к сильным колебаниям настроений. Амплитуда колебаний великовата, но в общем в пределах нормы. У кого не бывает порой беспричинных переходов от печали к радости и наоборот? У кого не бывает своих недостатков? Разве что у роботов! Но даже роботы перенимают мелкие человеческие слабости, чтобы больше походить на живых людей… Еще в старину понимали: недостатки людей — продолжение их достоинств. Я, например вспыльчив, легко взрываюсь. Твой друг, глава нашего института, Октавиан Красс иногда нерешителен в острых ситуациях. Но хирургически срезав у Октавиана нерешительность, мы тем самым задели бы другие душевные струны и лишились бы, вероятно, одареннейшего ученого, обладающего редкой способностью выбирать из веера многочисленных вариантов одно-единственное верное решение. Или возьмем тебя.

Иван поморщился: начинается!

— В космофлоте ты славишься холодным самообладанием, твердой волей. Иной раз становишься несколько неуживчивым, как, например, сейчас, обрастаешь этакой колючей иронией, — Виардо мягко улыбался. — Однако члены твоего экипажа не только уважают, но и любят, тянутся к тебе. Почему? Да потому, что за жесткой требовательностью, за твоими колючими репликами они чувствуют беспредельную доброту, даже нежность и ранимость.

Иван снова поморщился.

— Кстати, ты этих глубоко затаенных качеств почему-то стыдишься, считаешь сентиментальностью. Но, ты знаток старинной поэзии, ты должен помнить, что Маяковский не стыдился, когда сравнивал себя с нежным облаком. Его поэма так и называется «Облако».

— «Облако в штанах», — поправил Иван.

— Верно! Вот ты и есть доброе облако в штанах, — улыбнулся психолог. — И в то же время ты кремень, гранит. Редкое сочетание! Вот потому мы и выбрали тебя для первого рейда в прошлое, хотя кандидатов было хоть отбавляй. И не ошиблись! В древней саванне воля твоя справилась с чудовищной силы хроношоком. А с первобытным мальчиком ты быстро и естественно наладил контакт. Сан сразу же доверился тебе, почувствовал в незнакомце человека бесконечно доброго…

— Меня тревожит, чем все это кончится.

— Положись на время. Мальчик вживется в нашу эпоху. Как выражается Октавиан, психологически состыкуется.

…Весной предположение это начало как будто сбываться. Случайно Иван стал однажды свидетелем такой сцены: Сан стоял перед зеркалом и вдруг шаловливо показал своему отражению язык. Наверняка он увидел в зеркале вполне «гравитонного» мальчика с приятным лицом. Маятник настроений качнулся у него, видимо, в лучшую сторону. Этому способствовало и весеннее солнце. В саду перед завтраком Сан подолгу глядел на встающее светило и улыбался. Что он видел там, в дымном блеске утренней зари? Ивана радовало, что Сан спит спокойно, прилежно учится в «Хроносе», снова стал проявлять интерес к книгам. «Вживется», — решил Иван.

Однако в середине июня случилось неожиданное — Сан исчез.

Побег

В тот день, рано утром, Сану захотелось немного полетать на «лебеде».

— Пусть прогуляется, — сказал Октавиан. — Часа через два я вернусь домой, и мы вместе отправимся в «Хронос».

Но через два часа дома мальчика не оказалось. По-настоящему Яснов и Октавиан встревожились уже после полудня, когда на посадочной площадке увидели «личную» аэрояхту Сана. «Лебедь» вернулся без пассажира. Несчастный случай на такой машине был совершенно исключен. Неужели сбежал?

Но куда? Вместе с Лианой Павловной и школьниками — своими одногодками — Сан не раз путешествовал на летающей платформе — учебном географическом классе. Он видел сверху земные ландшафты и приземлялся во многих странах. Сильное впечатление произвела на него африканская саванна.

Решили искать Сана именно там, а также в северо-американских прериях и южноамериканских пампасах — в тех местах, которые больше всего напоминали мальчику родные просторы.

…Сану и в самом деле почудилось, что он неожиданно оказался «дома», в своем веке. Однако приземлился он сравнительно недалеко от города, к северу от Байкала, там, где река Лена, выйдя из горных сумеречных трясин, медлительно текла по малолесным равнинам.

«Лебедь» важно расхаживал на своих длинных лапах вдоль берега, а Сан, не выходя из кабины,

вертел головой и не мог наглядеться. Что-то щемяще знакомое виделось ему в плавных извивах реки, в прибрежных кустах и густой осоке, в ласточках и чайках, носившихся над водой. У Сана вдруг пересеклось дыхание: это же Большая река!

Мальчик выпрыгнул из кабины и помчался по поляне, до головокружения напоминавшей его любимый древний луг. Сан все узнавал! Со всеми травами и кустами он встречался будто после долгой разлуки. Он почувствовал себя птицей, вырвавшейся на свободу.

Берега реки, заросшие бледным камышом, были топкими. Но Сан вскоре обнаружил среди кустов уютный заливчик с сухой песчаной отмелью. Он присел и быстро начертил на песке круг с расходящимися лучами. «Огненный Еж», — заулыбался Сан, следя, как искристые волны постепенно смывают рисунок. Долго сидел он так, ни о чем не думая, счастливо растворяясь в тихом плеске реки, ленивом колыхании света и тени.

Но радость, переполнявшая Сана, перехлестывала через край. Она требовала движений. Мальчик снова выбежал на поляну, где желтыми огоньками горели купавки и лютики. Прыгал и, вскидывая руки, кричал:

— У-о-ха! У-о-ха!

Случайный взгляд его упал на огромную белоснежную птицу. В ожидании пассажира «лебедь» все так же важно, величаво вышагивал вдоль берега. Наверно, пора возвращаться?

Мальчик еще раз огляделся вокруг и замер: Гора Духов! Как он ее раньше не заметил? С плавными склонами, покрытыми кустами и редколесьем, она, как две капли воды, походила на священную гору Ленивого Фао.

— Фао! — засмеялся Сан. — Ленивый Фао!

Мальчик снова взглянул на большую седую птицу и у него возникла озорная мысль.

— Лети! — махнул он рукой.

«Лебедь» повернул голову и посмотрел на мальчика, как бы спрашивая: «Куда? С кем?»

— Лети обратно! Без меня!

Птица легко оттолкнулась ногами, взмахнула крыльями и с лебединым кличем поднялась над лугом. Летела сначала низко, потом круто взмыла вверх и, набрав скорость, исчезла в густой синеве.

Минуту спустя Сан, продираясь сквозь кустарник, взбирался на гору. На вершине остановился: перед ним высились почти такие же каменные изваяния, как на Горе Духов. Сан вскинул руки и закричал:

— Ленивый Фао! Где ты? Где твои духи?

Грозных духов Фао не было. Вместо них Сан видел другие, вышедшие из книг и воплотившиеся в камне образы: затейливо изогнутый гранитный столб смахивал на древнеримского легионера в шлеме и со щитом, а тянувшиеся рядом каменные палатки — на пиратскую шхуну. Сан тут же дал ей название: «Альбатрос».

Цепляясь за каменные карнизы и выемки, Сан взобрался на палубу «Альбатроса» и увидел, что

Topreading.ru

шхуна давно брошена экипажем. Поперек «палубы» лежал поваленный ветром ствол сосны — рухнувшая бизань-мачта. Кругом валялись ржавые сучья-сабли и похожие на ножи щепки — следы абордажной схватки.

Сначала Сан бегал по палубе. Потом сел на бизань-мачту и замер: внизу перед ним колыхалось бескрайнее зеленое море — море свежих ветров и приключений.

Незаметно подкрался вечер. И уже другой вид поднимался перед Саном: красное солнце, словно корабль, вплывало в синие тучи и роняло вниз свои золотые якоря.

Сан глядел в тихий закат, и неясная легкая грусть томила его. Потом понял, в чем дело: светлых и добрых духов огня, увы, уже не было. Вместо пляски веселых духов он видел в струистом пламени заката иные образы — скачущую боевую конницу с развернутыми красными знаменами, голубые лагуны, алые паруса…

В конце концов Сан примирился и с таким закатом — он стал нравиться ему даже больше вечерних зорь.

Закат погас. Сан спустился вниз и под каменной шхуной развел костер. Он глядел в извивающиеся космы пламени и видел родной огонь — живой и вольный, не закованный в каменные своды камина.

Закат погас. Сан спустился вниз и под каменной шхуной развел костер. Он глядел в извивающиеся космы пламени и видел родной огонь — живой и вольный, не закованный в каменные своды камина.

Мальчик нашел прямую палку, конец ее обжег в пламени и заточил на камне. Получилось что-то похожее на дротик. Сан лег на траву лицом к огню. Сжимая дротик в правой руке, левую он подсунул под голову, и сон, легкий и приятный, охватил его. Уснул так крепко, как не спал уже давно.

Проснулся от утренних лучей, коснувшихся закрытых век. Вскочил и, сжимая палку-дротик, испуганно оглянулся. Вспомнив, что находится не в древнем своем, полном опасностей мире, успокоился. Здесь и хищников, наверное, нет, а людей бояться и подавно нечего.

Подул слабый ветер. Вставало теплое, дымное солнце, и Сан загляделся на него. В короне желтых лучей утреннее светило показалось ему живым существом — мыслящим и добрым, похожим на лик златокудрого античного бога. Как его звали? Аполлон или Феб?

Сану так и не удалось вспомнить имя лучезарного обитателя древнегреческого Олимпа. Исподволь, незаметно, закрадывалась тревога. Если вчера безлюдье радовало, то сейчас оно начинало тяготить. Хотелось встретить кого-нибудь и узнать, как вернуться домой. Вольная жизнь, понял Сан, хороша до поры до времени. Вспомнились уют каминного огня, книги, смешной и услужливый Афанасий. И, конечно же, брат. Добрый и веселый старший брат.

А тут еще голод стал допекать. Сан спустился с горы. Небольшая, залитая солнцем поляна у подножия так и светилась красными брызгами земляники. Но ягоды только распалили голод. После них есть захотелось просто нестерпимо.

Поляну обступал со всех сторон густой лес. Сан, держа наготове дротик, углубился в чащу. И заговорили, зазвенели в крови древние инстинкты. Он почувствовал себя охотником. Шел пригнувшись, ступая мягко и бесшумно. На первой же облитой солнцем лесной прогалине увидел лося. Тот стоял боком к нему и задумчиво жевал ветви.

Сан изготовился для броска, но тут же сообразил, что таким «дротиком» горло не проткнуть. Да и сил у него явно не хватит повалить крупного зверя.

Лось повернул голову и посмотрел на Сана. Мальчик уставился на него, ничего не понимая: зверь не убежал! Не испугался человека! Более того, лесной великан словно понял, что охотник перед ним никудышный. Он приблизился к Сану, с минуту постоял на своих мосластых ногах-ходулях. Затем, мотнув головой, презрительно фыркнул и неторопливо ушел в глубину чащи.

Мальчик с досады швырнул палку в куст и вернулся на поляну. Встал на колено, чтобы набрать ягод, и тут увидел выскочившего из леса зайца. Вот такой зверь как раз по его силам. Сан хотел кинуться за ним, но спохватился: не догнать!

— Зайчик! — окликнул он.

Заяц замер, поводя длинными ушами.

— Сюда, зайчик! — манил рукой Сан, хотя и понимал, конечно нелепость своих слов. — Иди ко мне!

И тут Сан вытаращил глаза: заяц запрыгал в его сторону. Еще один прыжок — и пушистый комочек в руках у пораженного мальчика. «Сумасшедший какой-то заяц», — мелькнула мысль. Сан нащупал теплую шейку — и придушил…

На гору он вбежал в один миг. Костер еще не погас, на оранжевых углях скакали голубые огоньки. Сан навалил сухих веток, и заплясало, загудело пламя.

Мальчик отстегнул от пояса металлическую пряжку и заточил ее на камне. Забыл он, что эта пряжка особенная, с ее помощью можно связаться с любой точкой земного шара. Сан воспользовался пряжкой как ножом, освежевал тушку и зажарил на костре.

Через час он спускался с гор сытый и повеселевший.

— Сумасшедший заяц, — не переставал удивляться мальчик.

Вспомнился такой же удивительный лось, странные непуганые птицы, и в душу начало заползать глухое беспокойство. Решив проверить смутную догадку, от которой вдруг заныло в груди, он стал подкрадываться к сосне: на ее нижней ветке сидела белка.

Увидев его, рыжая непоседа взмахнула хвостом и затихла. Сан подошел и погладил хвост — пушистый и яркий, как огонь. В тот же миг словно от ожога отдернул руку и с криком бросился в сторону.

Он все понял! Звери и птицы потому так доверчивы, что привыкли видеть в человеке своего друга и защитника.

«Что я наделал, — в ужасе заметался Сан. — Зайчика съел… Своего младшего друга. Дикарь я. Дикарь!»

Чувствуя себя чуть ли не людоедом, Сан упал на траву и завыл.

Саня

Ночь Сан провел на горе около костра. Спал плохо. Снились страшные сны: десятки, сотни зайцев доверчиво скакали перед Саном, а он хватал их и глотал живьем.

Мальчик вскрикивал, просыпался. Сунув в костер веток, снова засыпал. Проснулся с восходом солнца. Однако и оно сейчас Сана не радовало.

Он спустился с гор и зашагал на восток. Шел без мыслей и без желаний, в смутном настроении. Давно кончилась чащоба, где Сан встретился с лосем. Открылась степь, окаймленная по горизонту лесистыми горами. Недалеко справа кудрявилась березовая роща, наполненная птичьими звонами. Вверху, словно подгоняемые солнечными лучами, плыли на запад белые паруса облаков.

В густой синеве неба сверкнули под солнцем две стремительно летевшие пушинки.

Это были «лебеди». Сан укрылся под раскидистой, одиноко росшей сосной. Не хотел он, чтоб его увидели люди. Стыдно ему было перед ними.

Когда «лебеди» скрылись за зелеными холмами, Сан вышел из-под сосны и прислушался. Его встревожил топот и чей-то звонкий голос. Вскоре из-за рощи выскочила великолепная черная лошадь с белыми ниже колен ногами. У Сана от восхищения загорелись глаза: лошадь мчалась легко и красиво, как на крыльях. Лошадь-птица! На ней, пригнувшись, сидела девочка лет двенадцати в коричневых шароварах и белой блузке, облаком вздувшейся на спине.

— Стой, Белоножка! Стой! — крикнула она и соскочила с лошади. — Ты откуда, мальчик?

Сан вздрогнул и завертел головой в поисках какого-нибудь укрытия.

— Ты чего испугался? Вот смешной!

Девочка внимательно вгляделась и воскликнула:

— Так это же Саня! Санечка! Нашелся наконец! Тебя же ищут! И где? В прериях и пампасах… А он здесь!

Девочка решительно схватила Сана за руку.

— Идем! Ты, наверное, проголодался? Конечно, проголодался! Ну, идем же! Белоножка, за мной!

Лошадь послушно пошла за девочкой. Да и Сан не мог устоять перед таким напором. «Ну и ну, — подумал он. — Не девчонка, а вихрь какой-то».

— Меня зовут Зина. Запомнил? Зина! А тебя как? — и рассмеялась. — Что это я? Ты же Саня! Санечка! А еще ты похож на Буратино, особенно твой нос. Помнишь сказку про золотой ключик?

Она осмотрела его закопченный костюм, обгоревшие рукава. И восхитилась:

— Дым! Как приятно пахнет от тебя дымом. Ночевал у костра? Завидую тебе!

Смеясь, беспрерывно задавая вопросы и сама же отвечая на них, Зина привела мальчика в березовую рощу. Спиной к ним на небольшой поляне сидел черноволосый с проседью человек. Рядом матово белел невысокий, почти вровень с травой, стол. Сан однажды уже видел подобный столик, сотканный из каких-то неведомых ему полей и умещающийся в свернутом

состоянии в сжатом кулаке. Создан он был, видимо, по тому же принципу, что и «лебедь». На столе лежали какие-то яства, остро ударившие в нос. Сан проглотил слюну.

Человек оглянулся и с удивлением посмотрел на Сана.

— Знакомься, это Буратино, мальчик из сказки, — с серьезным и торжественным видом представила Зина. — Да что ты, папа? Не узнаешь? Это же Саня! Саня нашелся!

— Саня? — человек улыбнулся и жестом пригласил присесть. — Ты неплохо осовременила ему имя. Саня! То есть Александр! — он протянул мальчику руку. — Будем знакомы, тезка. Александр Грант. А это моя дочь. Придвигайся к столу, если есть хочешь.

— Если есть хочешь! — Зина в притворном возмущении всплеснула руками. — Да ты что, пап? Посмотри на него. Он голоден, как сто волков. Да он мою Белоножку съест.

У Сана оборвалось что-то в груди. Мигом вспомнился съеденный зайчик. Он вскочил на ноги, оглянулся по сторонам и тут же устыдился своего намерения бежать. Надо признаться во всем. Но как трудно это сделать! Сан сел на траву с опущенной головой. Лицо его жалко сморщилось, на глазах выступили слезы.

— Ты чем-то расстроен? — спросил Грант.

— Я… — начал было Саня, но губы его задрожали, и он замолк.

— Что стряслось? Да говори же! — торопила Зина.

— А я… Я зайчика съел.

— Кого? — не понял Грант.

Саня, торопясь и запинаясь, рассказал о своем вчерашнем пиршестве.

— Он сам виноват, — оправдывался мальчик. — Я только поманил его рукой, а он… Сам бросился в руки.

— Съел? Ну и что? — искренне изумился Александр Грант. — Из-за этого ты так ужасно переживаешь?

Отец и дочь взглянули друг на друга и рассмеялись. Если отец смеялся чуточку нарочито, то Зина хохотала так безудержно и громко, что лошадь, щипавшая неподалеку траву, всхрапнула и посмотрела на свою хозяйку.

На губах Сана робко проглянула улыбка. Вина его, видимо, не так уж велика…

— Саня! Ха-ха-ха! До чего смешной! Зайчика съел! — не унималась Зина. — Съел прямо у костра? С дымом? Представляю себе!

— Видишь ли Саня, — посерьезнев, стал объяснять Грант, зайчиков у нас давным-давно никто не ест. Сотни лет люди не охотятся на птиц и животных, не обижают их. Вот они и привыкли к человеку.

— Я понял, — кивнул Саня. — Еще вчера.

— Тогда давай завтракать.

Саня набросился на паштет. Приготовленный из искусственного мяса, он казался ему вкуснее и ароматнее вчерашней зайчатины.

Грант воткнул в землю небольшой стержень с решетчатой антенной.

— Установлю связь с нашей квартирой, — пояснил он Сане. — Пусть домашние посмотрят на нас да и на тебя тоже.

— Весть о тебе тут же разнесется по всему миру, — смеялась Зина. — Ты же событие!

Она рассказала, что живут они в Австралии, но в Сибири бывают часто. Папа ее — цветовод. Сейчас он изучает высокогорную растительность Сибири, а потом будет разводить ее на Марсе.

— Здесь я подружилась с Белоножкой. Лесник разрешает мне кататься на ней. После завтрака я отведу ее обратно в табун, и мы пойдем пешком. А ты будешь нашим проводником.

Далеко на северо-западе взметнулся в небо ослепительный шар. Он повис с минуту, меняя цвета, потом опустился и погас.

— Вот кто по-настоящему ходит пешком, — с завистью проговорила Зина. — Это они.

— Романтики, — усмехнулся Грант.

— Не смейся, папа. Они молодцы.

Зина объяснила недоумевающему мальчику, что в их сторону из района Подкаменной Тунгуски идут сотрудники «Гелиоса» — космической лаборатории Солнца. По пути они запускают зонды, имитирующие своим излучением искусственное солнце. Его они собираются зажечь в Приполярье. В экспедиции в основном экологи и биологи, они изучают, какие излучения наиболее благоприятны для растительного и животного мира Сибири.

— Романтики, — Грант иронически хмыкнул, подзадоривая дочь. — Выдумывают дополнительные трудности. Подражают экспедициям древних времен.

— Правильно делают, — возражала Зина. — Некоторые изнеженные любители природы путешествуют с целой свитой роботов. А они не такие! Все несут на своих плечах. Не признают никаких карманных летательных машин, никакой техники, кроме видеоприемника и пульсатора для разжигания костров... Представляешь, — обратилась она к Сане. — Ночуют они под открытым небом у костров. Пищу готовят сами на огне. Не то что мы со своим свертывающимся столом.

После завтрака Грант попросил Саню показать гору, на которой тот ночевал.

— Ты же знаток здешних мест, — прокомментировала Зина. — Веди нас.

Шли медленно, останавливаясь чуть ли не у каждого кустика цветов. Саня слушал Гранта, раскрыв рот. О любой, даже самой невзрачной травинке тот говорил с нежностью, рассказывал о ее жизни, полной удивительных приключений, о ее связи с земными ливнями и соками, с лучиком самой далекой звезды. И мир, красота его открывались перед Саней с удивительной стороны. Разглядывая какой-нибудь цветок, он видел теперь в нем синее небо, а с его ароматами вдыхал запахи Вселенной.

Topreading.ru

— Здорово? — шепнула Зина мальчику. — Смеется над романтиками. А сам кто?

Саня привел отца и дочь на «свою» гору. Грант нашел россыпь каких-то редких цветов и углубился в их изучение, расстелив вокруг странные извивающиеся хоботки-анализаторы. Зина бегала вокруг погасшего костра и ворошила уголь. Потом, встав на колени, понюхала еще теплый пепел и завидовала Сане, проведшему ночь у «первобытного огня».

Около полудня Грант сказал:

— Нам пора, Саня. По пути доставим тебя домой. Ждут тебя.

Мальчик погрустнел. Жаль было расставаться с новыми друзьями, хотелось еще побыть в лесах, напоенных солнцем и птичьими песнями, побродить по полям.

Но Сане в этот день определенно везло. Внизу, под горой, послышались голоса, и вскоре на плоскую вершину, раздвигая ветви кустарника, вышли странные молодые люди в болотных сапогах, с внушительными рюкзаками на спинах. Это и были сотрудники «Гелиоса».

— Ребята! — воскликнул кто-то из них. — Саня!

Молодые люди уже знали из последних известий, что мальчик из каменного века уже нашелся и что он где-то здесь. Они обступили Саню и, знакомясь, пожимали ему руку. Услышав, что отец с дочерью хотят доставить мальчика домой, молодые люди возмутились:

Молодые люди уже знали из последних известий, что мальчик из каменного века уже нашелся и что он где-то здесь. Они обступили Саню и, знакомясь, пожимали ему руку. Услышав, что отец с дочерью хотят доставить мальчика домой, молодые люди возмутились:

— Не отпустим! Вы отправляйтесь домой, а Саню оставьте. Он теперь наш!

Вершина с причудливыми каменными палатками понравилась сотрудникам «Гелиоса», и они решили устроить здесь привал.

Все хозяйственные дела взяла в свои руки тонкая и хрупкая, но, видимо, с решительным характером девушка. Звали ее Анна-Луиза. Саня глядел на нее во все глаза, удивляясь, как несла она на своих узких плечах такой увесистый рюкзак.

Девушка легко сбросила его на землю и объявила:

— Сегодня на первое у нас картофельный суп. Нет только воды.

— Я знаю, где вода, — живо откликнулся Саня. — Под горой река. Песчаный берег.

— Идем туда вместе, — предложил Юджин Вест.

Это был самый молодой участник экспедиции, невысокий крепыш с огромным рюкзаком на спине. Юджин подмигнул мальчику, и тот, догадавшись, помог снять ношу с крутых плеч. Из развязавшегося рюкзака посыпалась картошка. К удивлению Сани в рюкзаке оказался самый простой и сильно закопченный котел, набитый, к еще большему изумлению мальчика, обыкновенными камнями.

— Для веса. Чтобы тяжелее было, — с усмешкой пояснил Юджин и кивнул в сторону своих попутчиков. — Это они придумали. Вот эти изверги.

Почему «изверги», Саня узнал по пути к реке.

— В лаборатории Солнца я работаю художником, — говорил Юджин. — Мое участие в экспедиции не обязательно. Но меня нарочно взяли и заставили нести самые большие тяжести. Для моей же пользы, сказали они, чтобы воспитать у меня твердый характер и выбить лень. Ну разве я похож на лентяя?

Саня внимательно посмотрел на своего попутчика и словно увидел перед собой старшего брата. Почти такой же крутой лоб, крепкой подбородок, твердые, мужественные черты лица. Вот только какая-то изнеженность в глубине глаз…

— Так похож я на лентяя или нет? — допытывался Юджин.

— Не знаю, — замялся Саня.

— Эх ты, — Юджин потрепал мальчика по плечу и со вздохом добавил: — И ты, Брут!

Саня рассмеялся. Его развеселила не только шутка. Его радовало, что может вести разговор на равных. Он знает, кто такой Брут! Он знает многое из того, что знают его новые знакомые.

На гору Юджин и Саня поднялись, уже подружившись. Весело переговариваясь, поставили котел на землю. Потом огляделись, не понимая, почему их встретили хмурым молчанием.

— Напрасно старались, — послышался чей-то голос.

— Почему? — спросил Юджин.

— Посмотрите вот на этого растяпу, — Анна-Луиза сурово кивнула в сторону рыжеволосого парня.

Тот сидел перед кучей сухого хвороста и держал в руках два камня. Виновато опустив голову, он внимательно и грустно рассматривал их.

— А что он натворил?

— Потерял где-то пульсатор. Теперь нечем разжечь костер. Не будет у нас горячего супа. Вообще ничего не будет.

— С голоду будем грызть сырую картошку, — невесело пошутил кто-то.

Юджин смекнул, что дело видно не в пульсаторе, что вся эта сцена разыграна специально для Сани. С какой целью? Об этом Юджин тоже начал догадываться.

— Ребята! — воскликнул он. — А что будем делать с раззявой?

— Бить, — послышался мрачный голос.

— Предложение толковое, — согласился Юджин. — Но смотрите! Он, кажется, сам пытается исправить свою оплошность.

Рыжеволосый сунул в хворост сухих листьев и начал старательно бить камнем о камень, пытаясь, видимо, высечь искру.

К нему подскочил Саня и весело закричал:

Topreading.ru

— Не получится! Не получится! Разве так надо?

Мальчик взял из рук парня камень, осмотрел его и отбросил в сторону.

Забраковал он и второй камень.

— Не все ли равно, какие камни, — буркнул рыжеволосый.

— Молчал бы уж, — зашикали на него ребята, внимательно наблюдавшие за Саней.

А тот посмотрел вокруг и нашел камень, которым пользовался еще вчера.

— Медный колчедан, — определил кто-то не очень уверенным голосом.

Саня отыскал второй камень и присел к куче хвороста. Рыжеволосый, неохотно уступая место, ворчал:

— Ничего не выйдет…

Но его оттеснили в сторону. Саня несильно стукнул камень о камень. Веером брызнули искры и впились в сухой мох. Вот он слегка задымился, потом скакнули язычки пламени. Мальчик осторожно сунул туда желтые хвоинки. Молодые люди, боясь дохнуть на робкий огонек, помогали подкладывать сухие листья, тонкие былинки.

Минуты через две уже пылал большой костер.

Сотрудники «Гелиоса», способные зажечь искусственное солнце, радовались первобытному огню, как дети.

— Молодец, Саня! Выручил! Качать Саню! Качать!

Радость мальчика перехлестнула через край: он оказался нужен людям! Да еще как нужен! Если бы его сейчас попросили ради общего блага прыгнуть в огонь, он сделал бы это не раздумывая.

Как знать, быть может, именно в эти минуты окончательно установились душевные связи с новыми для мальчика людьми, произошла та «психологическая состыковка» с эпохой, которой так долго добивались воспитатели в «Хроносе», а Иван Яснов дома. Мальчик почувствовал себя не воспитанником, не опекаемым приемышем, а по-настоящему равным… И даже имя у него теперь чуточку другое: Сан превратился в Саню, в Александра.

Обед прошел очень весело. Рыжеволосый парень, переживавший свою неудачу, нерешительно топтался поодаль. Наконец ему разрешили присесть к костру и отведать супа. К радости Сани, рыжеволосый к концу обеда был прощен окончательно.

После еды молодые люди располагались на отдых. Некоторые сели перед видеоэкраном послушать музыку и последние известия. Анна-Луиза с подругой тихонько запели. Юджин Вест хотел было вздремнуть в тени под кустом, но его с хохотом вытащили оттуда.

— Не позволим! Мы будем отдыхать, а ты работай!

Юджин недовольно пожал плечами и шепнул Сане:

— Говорил же тебе. Изверги!

Саня сочувственно улыбнулся. А Юджин, вздохнув, вытащил из кармана небольшой кубик, который стал развертываться в походный этюдник. К таким фокусам гравитехники Саня давно привык. Они уже не производили на него впечатления. Дальше он был вообще раздосадован: оказывается, рисовали здесь не какими-нибудь цветными лучами, а обыкновенной кисточкой. Но сам этюдник ему понравился. Под синтетическим полотном, заменившим старинный холст, тянулась многоцветная клавиатура. Нажмешь зеленую клавишу — и внизу, в углублении, всплывает зеленая краска, слева, такая же зеленая, но объемная. А справа появляется совсем уж удивительная краска — слегка светящаяся.

Саня внимательно следил, как художник накладывал на холст краски. Скалы и деревья у него получились как живые, и даже красивее настоящих. Но вот это красивость, видимо, смущала Юджина. Он хмурился, исправлял отдельные детали и наконец проговорил:

— Не то.

Юджин нажал на кнопку, и краски, как дождевые потоки на стеклах окна, заструились и поползли вниз. Холст очистился.

— Хочешь попробовать?

Саня, боясь опозориться, заколебался, хотя руки его так и тянулись к кисточке.

Она напоминала ему расщепленную палочку, которой он пользовался давным-давно.

— Для начала одной краской, хотя бы контуры, — уговаривал Юджин.

Саня закрыл глаза, вспоминая свой рисунок на камне, который остался в далеком прошлом, на берегу Большой реки. И тут возникла в его воображении наездница Зина.

Он взял кисточку. Руки и пальцы, не натруженные грубой работой, оказались к радости Сани, еще более ловкими, чем прежде. Они ничего не забыли! Уверенно и быстро мальчик восстановил на полотне свой давний любимый рисунок.

Сотрудники «Гелиоса» столпились за Саниной спиной.

— Вот это да! — прошептал кто-то. — Не лошадь, а ветер.

— Выразительно, — одобрил Юджин.

Внутри Сани все пело. Но дальше его ждал конфуз: всадник получился никудышный.

— Поза напряженная, ноги слишком коротки и скрючены, — объяснял Юджин. — Нам с тобой еще надо учиться и учиться. Но глаз у тебя верный. Глаз художника. Хочешь попросимся в ученики к Денису Кольцову?

Сане не раз показывали картины Дениса Кольцова — одного из старейших художников Солнечной системы. Учиться в его знаменитой «студии талантов» удавалось редким счастливцам.

— Примет, — подмигнул Юджин мальчику. — С тобой и меня примет. Учиться живописи можно, конечно, в художественной школе и даже дома. Но живое общение с таким талантом, как Денис Кольцов, — совсем другое дело. Одно его замечание заменяет целую лекцию по эстетике.

Topreading.ru

Через два дня на одной из лесных станций гравипланов молодые люди в последний раз поужинали вместе, а потом разлетелись по домам. От экспедиции в памяти у Сани остались запахи костров, песни парней и девушек, напоенные птичьими звонами леса. В груди долго не угасала праздничное настроение.

В Байкалград Саня и Юджин прибыли поздним вечером.

— Вот наш дом, — показал Саня. — Окно моей комнаты светится. Кто бы это… А брат, как всегда, в своем звездном кабинете. Видишь, его окно мерцает?

— Брат у тебя строгий, слышал я о нем, — сказал Юджин. — Предстоит, видимо, головомойка. Но ты крепись.

Он ободряюще подмигнул, пожал мальчику руку и сказал:

— Встретимся завтра.

На эскалаторе Юджин спустился вниз и растаял в темноте. Жил он на нижнем витке улицы.

Саня подошел к окну своей комнаты и остановился под тополем-великаном. В его многочисленных дуплах и гнездах еще возились и попискивали птицы, уютно устраиваясь на ночь. Уютом веяло и из комнаты. Саня увидел камин с тлеющими головешками, сидевшего в кресле Афанасия с книгой и почувствовал себя дома.

Однако в звездный кабинет мальчик вошел робко и тихо. Иван хмуро взглянул на него.

— Явился…

В суровом голосе брата Саня уловил знакомые и добрые нотки. Он уже готов был броситься к Ивану, но тот с недовольным видом повернулся спиной, уставился в свой театральный космос и светящимся пунктиром начал прокладывать среди звезд какую-то трассу. О мальчике он будто забыл.

Саня вздохнул и начал разглаживать свою одежду. Была она, увы, не только помята. Правая штанина разорвана, рукава обгорели. И вообще Саня выглядел не очень представительно. Особенно, после вчерашнего дня, когда он вместе со всеми продирался сквозь колючий болотный кустарник. На лбу красовался синяк, а на правой щеке и подбородке тянулись царапины. На губах мальчика чернела сажа: час назад он ел у костра печеную картошку.

Иван обернулся, смерил мальчика критическим взглядом и мрачно поздравил:

— Отлично выглядишь! Любой разбойник позавидует.

Рассмеялся и, притянув мальчика за плечи, зашептал в ухо:

— Если надумаешь еще раз сбежать, прихвати и меня. Прогуляться хочу, засиделся я. Договорились?

— Договорились!

Однако времени для походов у Ивана не оставалось ни капельки. Подготовка экспедиции к Полярной звезде шла полным ходом. С космодрома Иван часто прилетал совсем поздно. А потом часами не выходил из своего кабинета, «проигрывая» на звездной сфере варианты маршрута.

Саню целиком захватила другая жизнь. В «Хроносе» его отпустили на каникулы, но мальчик часто бывал там и рассказывал Лиане Павловне о своих новых друзьях. По утрам Саня торопился к Юджину Весту, в котором теперь души не чаял.

«Золотое кольцо»

— Слетаем в «Золотое кольцо», — однажды предложил Юджин.

Саня знал — так называли гигантскую Солнечную галерею. Там было собрано лучшее, что создали художники за всю историю человечества.

«Золотое кольцо» — одно из красивейших сооружений века — висело над волнами Тихого океана, южнее Гавайских островов. До них друзья долетели на быстрых гравипланах и увидели сверху Солнечную галерею — огромное, диаметром пять километров, кольцо, отлитое из золотистого металла. Сверкавшее ярким огнем кольцо разделялось серебряными ободками на секторы.

Юджин и Саня побывали сначала в секторе первобытного искусства. Мальчик с волнением рассматривал наскальные рисунки своих прежних современников. Рисунков Хромого Гуна, к сожалению, не нашел.

Минуя другие отделы, друзья сразу перебрались в секторы гравитонного века. Юджин рассказывал:

— Быть навечно представленным в «золотом кольце» для художника нашего века — большая честь. Художник получает при этом высшую премию и звание лауреата «Золотого кольца». Такой чести трижды удостоился Денис Кольцов. Трижды!

Однако визит к трижды лауреату «Золотого кольца» Юджин откладывал. Чувствовалось, что он трусил.

— Выгнал меня из своей студии за лень, — вздыхая, говорил Юджин. — Ну какой же я лентяй? Трудился как раб.

Наконец он собрался с духом и вместе с мальчиком предстал перед великим художником. Перед входом в студию он еще раз напомнил:

— Кольцов, конечно, гигант живописи, но свиреп невероятно.

Такие напутствия не очень воодушевляли Саню. Но отступать было уже поздно. Входя в куполообразную светлую комнату, он боялся увидеть сердитого великана с насупленными густыми бровями. И опасения его как будто сбывались.

Саня, открыв рот, немигающе смотрел на сидящего в кресле пожилого человека с крупной головой, покрытой густой, как туча, шевелюрой. Выглядел живописец таким внушительным и массивным, что Сане почему-то вспомнилась недавно виденная гора Эверест. Но вот гора улыбнулась и жестом подозвала мальчика к себе.

Саня, открыв рот, немигающе смотрел на сидящего в кресле пожилого человека с крупной головой, покрытой густой, как туча, шевелюрой. Выглядел живописец таким внушительным и массивным, что Сане почему-то вспомнилась недавно виденная гора Эверест. Но вот гора

улыбнулась и жестом подозвала мальчика к себе.

— Покажи.

Саня робко протянул пластиковые свитки с рисунками. Кольцов развернул их, внимательно вгляделся, и на лице его появилась такая добродушнейшая улыбка с веером морщинок вокруг глаз, что у Сани отлегло от сердца. Он же добрый!

— Рисовал раньше? Там, у себя? — спросил живописец и при этом ткнул пальцем вниз, словно в глубину веков.

Мальчик кивнул.

— Так что же ты молчал? Надо было давно ко мне!

Он взглянул на смиренно стоявшего поодаль Юджина, и глаза его под густыми, опаленными сединой бровями насмешливо сощурились.

— А с тобой что делать, одареннейший байбак? Ладно, беру обоих, но учтите, искусство — не забава, а тяжкий труд. Будете лениться, оба вылетите в два счета.

Саня занимался в самой младшей группе с десятью такими же, как он, мальчиками и девочками. Подолгу рисовали с натуры шары, кубики, цилиндры. Сначала карандашом. Постепенно привыкали к краскам. Учитель был если не свиреп, как обещал Юджин, то требователен до беспощадности. Одни и те же наброски заставлял переделывать по многу раз.

Но Саня не жаловался. Для него наступила удивительная своей новизной пора. Все ностальгические зовы и муки древнего ветра забылись. Спал он теперь хорошо. Вставал с солнцем и с солнечным ощущением жизни. Выходил в сад, где перекликались птицы и сверкала роса, дули с Байкала синие радостные ветры. Здесь мальчик старательно выполнял задания учителя, заканчивал наброски, начатые в студии.

Наступал яркий день, брызжущий красками и светом. Саня расставлял под тополем этюдник и старался перенести на полотно переливы этого света. Втайне от учителя он уже много дней работал над этюдом под названием «Поющая листва».

Когда этюд был готов, Саня отошел от полотна, долго разглядывал его и остался доволен. Листья тополя получились живыми и объемными. Они будто шевелились, стучали и звенели под ветром. Отдельные, пронизанные солнцем листочки горели как зеленые фонарики.

Однако учитель отнесся к этюду более чем прохладно.

— Пестро, нарядно, крикливо. Злоупотребляешь объемными и светящимися красками. Но техника! Здесь ты обгоняешь своих сверстников.

Саня был рад и такой оценке. Если бы знал учитель, каких трудов стоило ему проникнуть в тайну светящихся и объемных красок!..

А время шло. Миновал август. Золотой птицей пролетела осень, отшелестели падающие листья. И к середине октября у Сани была готова картина «Осенний вальс». Мальчик задался дерзкой целью. Он хотел, чтобы картина звучала, чтобы в кружении осенней листвы слышалась мелодия грустного вальса.

Долго мучился Саня над своим первым полотном. Но картина оставалась немой. Осень была, а вальса — нет, не было.

Однако Ивану картина понравилась. «Творец», — с улыбкой подумал он, не придавая, впрочем, увлечению мальчика серьезного значения.

В конце ноября начали порхать редкие сухие снежинки. Саня несколько дней оставался в «Хроносе» — участвовал в ежегодном семинаре по проблемам наблюдений в ареале. А когда вернулся, увидел на крыше дома две смыкающиеся полусферы. Одна из них была прозрачной.

— Твоя мастерская, — пояснил Иван. — Подарок от города — по моим чертежам… Идем посмотрим.

По лестнице братья поднялись наверх. Купол и стены непрозрачной полусферы были отделаны под малахит и мрамор. Здесь находились Санины эскизы, наброски, этюды. За бархатным занавесом стояло в подрамнике большое чистое полотно — хоть сейчас принимайся писать картину.

Но еще лучше была прозрачная полусфера. Органическое стекло защищало от холодных ветров и осадков, но пропускало солнечные лучи, звуки и даже запахи. Здесь художник мог чувствовать себя как летом под открытым небом.

Саня носился по мастерской из одной полусферы в другую. Остановился перед братом, но от радости не мог вымолвить ни слова.

— А название! — наконец воскликнул он. — Как мы ее назовем?

— Я уже придумал, — улыбнулся Иван.

— Какое?

— Вспомни, где писал картины твой самый первый учитель.

— Понял! — ликовал Саня. — Мы ее назовем пещерой Хромого Гуна.

Иван пригласил Дениса Кольцова показать необычную мастерскую и заодно похвалиться первой Саниной картиной. «Пещера» великому художнику понравилась, но «Осенний вальс» он разнес в пух и прах.

— Рисунок груб, композиция разваливается. А название! Какое-то пошло-красивенькое… И все здесь выдержано в духе этого названия. Краски по-прежнему ярки и аляповаты. Рано еще браться за такие полотна.

Увидев в мастерской бюст, он дал задание срисовать его карандашом.

— Не торопись. Приноси мне частями — ухо, глаз, подбородок, а потом уж бюст целиком.

В студии занятия шли своим чередом: упражнения в композиции, рисунок с натуры, анатомия, свет, перспектива. Это еще не само искусство, понимал Саня, но необходимые подступы к нему. И он не гнушался черновой работы.

Дома Саня проводил все свободные часы в «пещере Хромого Гуна». С заходом солнца располагался в непрозрачной полусфере и под искусственным светом продолжал овладевать азбукой живописи. Глаз, например, он рисовал так старательно, что тот, казалось, как живой

весело глядел на своего творца: дескать, молодец, Саня, продолжай в том же духе.

Иван видел, с каким ожесточением работал мальчик. И это начало его тревожить.

Однажды он ворвался в мастерскую, выхватил из рук Сани начатый набросок и изорвал его в клочья. Изображая гнев, Иван топал ногами и кричал:

— Это что? Средневековое аутодафе?! Самосожжение на костре вдохновения?! Не позволю. В добрые старые времена таких розгами пороли!

Афанасий испуганно вытянулся в струнку, держа руки по швам. Но Саня понимал брата. Подумал, что на месте Ивана он, пожалуй, тоже тревожился бы не меньше.

Утихнув, Иван ворчливо заметил:

— Хватит. С завтрашнего дня будешь жить по моему расписанию.

С тех пор, прежде чем засесть за свои расчеты, Иван шумно влетал в святилище начинающего художника и с порога кричал:

— Эй, фанатик! Кончай самоизбиение. Отправляемся в тайгу, в дебри, в глухомань.

Часа по два носились братья по заснеженной тайге. Иногда к ним присоединялись Антон и Юджин Вест. Сибирский лес открывался Сане с новой стороны.

В своей мастерской, опять втайне от учителя, он начал писать большую картину под названием, увы, снова весьма банальным — «Зимняя сказка».

В своей мастерской, опять втайне от учителя, он начал писать большую картину под названием, увы, снова весьма банальным — «Зимняя сказка».

В конце зимы Саня решил навестить Зину. Справочная служба дала ему австралийский адрес биолога Александра Гранта. Саня окутался облаком видеосвязи, назвал индекс. Когда облако рассеялось, мальчик решил, что попал в какую-то оранжерею — так много было кругом невиданных цветов. Они росли на подоконниках, на полу, свисали с потолка наподобие люстры.

Зину он тоже сначала не узнал. За оргафоном — овальным музыкальным инструментом — сидела незнакомая печальная девочка. И звуки, которые она извлекала из оргафона, были такими же задумчивыми и печальными.

Девочка подняла голову и увидела видеопосетителя.

— Зайчик! — вскочила она и завертелась вокруг возникшего из тумана гостя. — Буратино! Какой ты умница, Саня, что догадался посетить нас. А ну, выкладывай новости!

«Вихрь», — улыбался Саня. Он рад был видеть прежнюю ураганно-веселую Зину. Но вот она снова села за оргафон, чтобы сыграть понравившуюся ему музыкальную пьесу. И снова Саня поразился. Зина ли это? Лицо девочки затуманилось, стало незнакомо строгим и печальным. От грустных, скорбно-протяжных переливов у Сани тревожно и сладко защипало в груди.

Взглянув на гостя, девочка рассмеялась.

— Нет, не буду тебе играть. У тебя такой грустный вид. Лучше поговорим. Слышал? Это наш молодой композитор, известен пока лишь на нашем континенте.

— А это? — Саня показал на потолок. — Как они растут?

— Вниз головой? Это папа получил новый вид. Они растут во всех направлениях. Цветы пригодятся на космических объектах в условиях невесомости. Я тоже буду цветоводом. А ты?

«Художником», — хотел сказать Саня, но почему-то застеснялся и промолчал.

— Приходи в гости, — пригласил он и торопливо попрощался.

Зина не стала «включаться» в Санину комнату по видеооблаку. Она явилась лично.

Картины Зина одобрила, еще больше ей понравился камин. И уж в совершеннейший восторг привел ее Афанасий.

В тот день к нему пришел Спиридон — кибер одного из коллекционеров. По заданию своего хозяина он принес для обмена томик Лукреция. Обмен состоялся честь по чести. Однако Спиридон не удержался и, уходя, прихватил с полки еще одну книгу. Афанасий это заметил и устроил шумную сцену.

— Что они там не поделили? — спросил Иван, входя в комнату Сани.

Распахнулась дверь библиотеки.

— Какой позор! — вопил Афанасий, за шиворот вытаскивая оттуда Спиридона. — Стащил. Книгу стащил!

— Гнусная клевета! — возмущался Спиридон, высвобождаясь из цепких лап своего собрата. — Ничего я не брал.

— Не брал? А это что! — Афанасий ловко запустил руку под комбинезон Спиридона и выхватил оттуда книгу. — Вот она!

— Не понимаю… Случайно попала… — глупо оправдывался Спиридон.

Афанасий в шею вытолкал проворовавшегося собрата, но еще долго не мог успокоиться.

Зина хохотала, глядя на кибера, кипевшего благородным негодованием. А Саня поражался, как бесподобно копировал Афанасий хозяина! В своем бутафорском гневе он так же потрясал кулаками, топал ногами и кричал:

— Жулик! Ворюга! В добрые старые времена таких розгами пороли!

Иван погрозил Афанасию пальцем: не передразнивай.

— Какой милый, — прошептала Зина и предложила братьям: — Давайте меняться киберами. У нас тоже забавный. Но какой-то тихий. Вообразил себя поэтом и все время пишет стихи. Такие смешные и глупые.

Нет, меняться Саня не хотел. К Афанасию он привязался. Тот даже помогал ему, вдохновлял, на все лады расхваливая начатую «Зимнюю сказку». Мальчик, конечно, понимал, что кибер в искусстве не смыслит и может лишь имитировать восприятие прекрасного. Но Саня старался не думать об этом. Ему приятно было чувствовать за спиной пусть электронного, но доброжелательного зрителя. Афанасий, посматривая, как продвигается работа, то и дело прищелкивал языком и восхищенно восклицал:

— Красиво!

К середине лета картина была готова, и Сане казалось, что Афанасий прав.

Получилось и в самом деле красиво. Просто здорово получилось! На заснеженных кустах и деревьях блещут хрустали, а морозный воздух вышел таким ощутимым и стеклянно-прозрачным, что так и чудится: вот-вот зазвенит.

У Дениса Кольцова картина вызвала восторг. Но такой, что Саня готов был сквозь землю провалиться.

— Как красиво! Какая пышная, ослепительная красота! И название… Такое же яркое и оригинальное.

Взглянув на убитого Саню, художник постарался смягчить удар:

— Прости, малыш. Ты же сам понимаешь, что это не красота, а красивость.

Саня кивнул. Сейчас он с беспощадной ясностью видел это.

— Твоя картина похожа на снимок. На цветной голографический снимок. А в чем задача художника?

— Увидеть мир таким, каким его еще никто не видел.

— Вот и ищи свой взгляд на мир, воплощай свои настроения.

Саня притронулся к кнопке на краю мольберта. Если нажать ее — краски тут же разбегутся по своим местам.

— Ни в коем случае! — остановил его Кольцов. — Картину не смывай, краски зафиксируй. Не обращай внимания на старого ворчуна. Картина хорошая. Да, да! Хорошая. Но только в техническом отношении. Мы ее сохраним в учебных целях. Пусть твои товарищи посмотрят, как надо владеть кистью.

Такая похвала уже не радовала Саню. Он и сам знал, что владеет кистью хорошо. Но от этого художниками не становятся.

Саня был так подавлен неудачей, что работа валилась у него из рук. Он все чаще покидал мастерскую и на «лебеде» отправлялся за город.

Мальчик бродил по лесам и лугам и размышлял: в чем же оно заключается, необычное, художническое видение мира? «Ищи свой взгляд…» — вспомнил он слова учителя. Легко сказать — ищи!..

Как-то ранним утром Саня забрел в сосновый лес с небольшими, поросшими вереском полянами. Чуткий, полусумеречный лесной покой нарушался струнной перекличкой синиц, изредка вливались флейтовые посвисты иволги. А над всеми пернатыми оркестрантами царил барабанщик-дятел.

Но вот солнце коснулось макушек сосен. Полумгла дрогнула и отступила. И полилась другая, беззвучная музыка. Солнечные лучи сначала пробивались сквозь густые ветви острыми иголочками, тянулись по земле сверкающими паутинками, потом стали осторожно переливаться через кроны деревьев. Хлынул настоящий солнечный водопад.

Саня следил, как мягкий, скользящий свет нежно лепит объемы, создает перспективу и настроение…

Долго наблюдал мальчик игру солнечных лучей. Неясные мысли бродили в его голове. Вдруг, осененный внезапной догадкой, он вскочил на «лебедя». Вернулся в мастерскую и торопливо набросал на полотне контуры композиции.

Долго наблюдал мальчик игру солнечных лучей. Неясные мысли бродили в его голове. Вдруг, осененный внезапной догадкой, он вскочил на «лебедя». Вернулся в мастерскую и торопливо набросал на полотне контуры композиции.

Картина настолько сложилась в воображении, что Саня начал писать ее с легкостью, удивившей его самого. Будто кто-то другой водил его кистью. Но легкость была кажущейся. Добиваясь отточенной чистоты мазка, одну и ту же деталь мальчик переделывал много раз. Картина постепенно оживала, приобретала глубину и объем.

Саня трудился всю осень, зиму и весну. Работал втайне от всех, даже от брата. Афанасию он запретил появляться в мастерской. Однажды кибер все же проник туда и тихонько пристроился за спиной мальчика. Еще не разобравшись толком, Афанасий с восхищением прищелкнул языком:

— Красиво!

— Иди, иди! — смеялся Саня, выпроваживая робота. — В живописи ты разбираешься еще меньше меня.

К середине лета, когда Сане исполнилось четырнадцать лет, картина была готова. Мальчик хотел назвать ее «Симфония света». Но, решив, что звучит это слишком красиво («во вкусе Афанасия»), оставил картину без названия.

Саня любовался своим полотном, но что-то в картине смущало, даже тревожило его. Но что — он так и не мог понять. Наконец решился показать свою работу брату и Денису Кольцову.

Иван долго смотрел на полотно, а потом чуть наклонился (мальчик почти догнал его ростом) и шепнул:

— Молодец! Это что-то настоящее.

Денис Кольцов взглянул на картину сначала с профессиональной точки зрения и увидел искусство контрастной светотени, выразительное и драматическое. На холсте шла как будто непримиримая борьба. Ранние солнечные лучи острыми шпагами протыкали глубокую тень. Свет переливался через кроны деревьев и широкими сверкающими клинками рубил, рассекал уползающую в чащобу мглу. Но и мгла не казалась олицетворением зла и поражения. Она цепко сопротивлялась, обхватывая клинки света своими щупальцами, сознавая, что придет черед — и она снова вернется. И снова начнется борьба двух вечных стихий, одушевленных и почти разумных начал.

Старый учитель поцеловал своего ученика.

— Изумительно! Талантливо! Картина открывает людям глаза! Я теперь по-иному буду смотреть на свет и тьму, ты помог мне увидеть в них великую и живую тайну, которая вечно ускользает от нас… А как мы назовем картину? Давай пока просто — «Свет и тьма». На ней, словно живые, борются боги света и тьмы.

«Боги! — Настроение у Сани мигом упало. — Вот что, оказывается, смущало меня. Только не боги — древние духи. Дикие суеверия колдунов…»

— Ты чем-то недоволен? — спросил учитель. — Или название не нравится?

— Название хорошее.

— И картина отличная! Я знал, что художник ты самобытный.

«Не самобытный, а первобытный», — хмуро думал Саня.

Оставшись один, он долго не отходил от холста. Учитель все же прав: картина удалась. Саня опять залюбовался игрой света на холсте и вдруг вспомнил закат в родной саванне, представил себя одетым в звериные шкуры, сидящим в сумерках на травянистом холме. В закатном пожарище он видел тогда пляску веселых и добрых духов огня.

«Почти то же самое и сейчас не холсте…» — мелькнуло у Сани. Остро вдруг кольнули где-то читанные слова: «первобытный мифологизм».

«Нет, так не годится, — решил Саня. — Надо писать картины гравитонного века, а не каменного».

Он притронулся к кнопке на мольберте, чтобы смыть краски. Но, взглянув на полотно, отдернул руку. Уничтожать такую картину показалось святотатством.

Несколько дней боролся с собой мальчик и все-таки решился — нажал кнопку. Холст очистился.

Дениса Кольцова этот поступок возмутил до глубины души.

— Варварство! — гневно кричал он. — Истребление культурных ценностей. Вандализм!

Старый учитель несколько дней не разговаривал с мальчиком. Саня страшно переживал, но твердо стоял на своем: в творчестве не отставать от века! Писать как все!

— Зачем ты сделал это? — хмурясь, выговаривал брату Иван.

— На картине духи света и тьмы. Но ведь в действительности никаких духов нет!

— Ну и дурак же ты, Александр! — в сердцах воскликнул Иван. — И не духи в твоей картине, а душа природы светится. Вернее, светилась… Эх, поговорил бы я с тобой, да не хочется ссориться на прощание…

— Уже? — губы мальчика дрогнули.

— Уже, Саня, — вздохнул Иван, глядя на погрустневшего брата. — Наш «Призрак» готов к отлету… Не переживай, ты ведь почти взрослый. Скоро я вернусь. А с тобой всегда остаются друзья — Антон, Юджин, Зина… И еще — Афанасий!

Иван улыбнулся, хотя ему было совсем не весело.

Месяц спустя не космодроме Ивана Яснова провожали самые близкие друзья и брат Александр.

После долгой разлуки

«Призрак» вернулся через два с половиной года.

На космодроме среди встречавших Иван с трудом узнал младшего брата.

— Саня! Ты ли это? Ну и вымахал же!

Они крепко обнялись.

— Ого, и усы намечаются! — весело изумлялся Иван. — Прямо жених!

От него не укрылось, что Санины щеки чуть порозовели при этих словах. «А что, может, уже и влюбился. Не мальчик — семнадцать скоро…»

Торжественное заседание во Дворце космоса транслировалось на всю Солнечную систему. Но доклады участников экспедиции Саня слушал не очень внимательно: самое главное Иван рассказал ему еще там, на космодроме, в первые часы после встречи. О чудовищных пространственно-временных вихрях и водоворотах, едва не поглотивших «Призрак». О неистово пылающих безднах Полярной звезды, где безвозвратно сгинули все запущенные зонды. О диковинных планетах, самую загадочную из которых нарекли Надеждой — так звали любимую Ивана, погибшую в звездном рейсе за полтора года до того, как первобытный мальчик Сан очутился в гравитонном веке…

В Байкалград братья прилетели ранним утром. Над знакомым водоемом еще стлался туман, и роса осколками звезд блестела на траве. Цвела черемуха, тополь-великан окутался, словно зеленым дымом, молодыми и клейкими листьями и звенел весенними птичьими голосами. «Дома! — счастливо вздыхал Иван. — Наконец я дома!» Стоявший у порога Афанасий сделал замысловатый старинный реверанс, чуть не упав при этом, и напыщенно произнес:

— Рыцарю дальних странствий мой почтительный поклон.

— Ну и Афанасий! — качал головой Иван. — Где ты этого нахватался? Опять же в средневековых романах? Смотри, свихнешься на них.

Кабинет хозяина Афанасий содержал в отличном состоянии. На столе лежала стопка добытых им редких книг. Среди них самым ценным приобретением была «Божественная комедия» Данте. Иван листал книгу и был счастлив, как ребенок, получивший новую игрушку. Потом посмотрел на Афанасия и строго спросил:

Кабинет хозяина Афанасий содержал в отличном состоянии. На столе лежала стопка добытых им редких книг. Среди них самым ценным приобретением была «Божественная комедия» Данте. Иван листал книгу и был счастлив, как ребенок, получивший новую игрушку. Потом посмотрел на Афанасия и строго спросил:

— Не украл?

— Никак нет! — с достоинством ответил кибер и прищелкнул каблуками. — Обменял у библиофила из Варшавы Виктора Ситковского.

— Сейчас проверю. Помнится, ты как-то стащил у него две книги.

Иван связался с Варшавой и выяснил, что на этот раз состоялся честный обмен.

После завтрака братья поднялись в мастерскую.

— Вижу, ты не сидел сложа руки, — одобрил Иван, разглядывая многочисленные этюды и картины. Особенно ему нравилась «Наездница».

— Кто это верхом на лихом коне? — заинтересовался он. — О, да это же хохотунья Зина!

«Не такая уж хохотунья», — хотел сказать Саня, но промолчал. Он чувствовал, что всадница не получилась. Даже конь у него мыслящий. А психологический портрет человека — плоский, однозначный. Как ни бился художник, не удавалось ему передать текучесть и неуловимость Зининых настроений.

Временами — и это было для Сани необъяснимым — девушка казалась веселой и грустной, доброй и гневной, нежной и строгой. И все это одновременно! Все это сливалось в ней в единое целое, как цвета в радуге или краски в закатном небе.

Зина догадывалась: юноша влюблен в нее. Это льстило девушке, радовало ее и в то же время… забавляло! Она поддразнивала Саню, прикидываясь кроткой и нежной. И вдруг взрывалась звонким смехом, способным ужалить и не такое легкоранимое самолюбие, как у Сани. Смешное, неуклюжее в нем она умела подметить удивительно метко. Но долго обижаться Саня не мог. Обида проходила и он снова смотрел на Зину с восхищением — так прекрасны были ее смеющиеся глаза, ее летящие черные брови…

Иван решил устроить себе нечто вроде каникул и полностью доверился Сане, желавшему показать звездному скитальцу «неведомую планету».

— Такой планеты ты не найдешь и за миллионы световых лет отсюда, — говорил Саня.

Каждый день они отправлялись по новому маршруту, и Иван не узнавал порой знакомых мест — так многое изменилось за два с половиной года.

Однажды приземлились в густой роще. Иван не знал даже, на каком они материке: кабину гравиплана юноша так зашторил, что старший брат не мог видеть проносившиеся внизу ландшафты.

Иван вышел из рощи и очутился на берегу тихой реки. За ней открывались щемящие, повитые голубизной дали. Под косыми лучами восходящего солнца сверкали луга, в чистом небе плыли алые голубые облака.

— Куда же ты меня затащил? — воскликнул Иван. — В какую райскую страну?

— Догадайся. Может, тебе подскажет вот этот пока единственный в своем роде город. Он не висит на месте, а передвигается на волнах тяготения, как на морских волнах.

На аквамариновом горизонте, меж кучевых белобоких облаков, Иван разглядел сказочный воздушный город, издали похожий на старинный морской корабль с туго надутыми парусами-секторами и бушпритом-энергоприемником. Даже транспортные эстакады между секторами и зеленоватым корпусом тянулись наподобие мачт и такелажных снастей. Удивительный город почти не отбрасывал тени: «днище» его светилось голубизной, сливаясь с красками неба.

Иван морщил лоб: где он видел это чудо гравитонного градостроительства?

— Вспомнил! Это же Рязань! Но когда успели?! Я же видел все это в макете…

— Пока вы там проделывали всякие штучки со временем, люди не теряли его даром, — улыбнулся Саня.

Не раз после этого прилетали братья в лесостепь, где шумели травы с медовыми запахами, где по синему горизонту плыл, соперничая белизной с облаками, многопарусный дивный город-бригантина с двухмиллионным экипажем. Они ходили по лугам, отдыхали в прохладных рощах. Иван с удивлением узнавал в младшем брате другого человека. От детской «первобытности» не осталось и следа. Перед ним был современный юноша, немного, правда, застенчивый и с грустинкой в глазах, но с ясным и счастливым ощущением жизни.

Однако что-то в нем осталось и от прежнего Сана. Что-то очень редкое и ценное, помогавшее ему видеть и воспринимать мир иначе, чем другие люди, — глубже, своеобразней, одухотворенней. «Мудрость двух эпох», — вспомнились Ивану слова психолога.

И слушать младшего брата было интересно. Было в его словах что-то свое, какие-то искорки и соки образной речи.

— Постой! — осенило Ивана. — Уж не пишешь ли ты стихи?

Саня смущенно признался: есть такой грех.

— Покажешь?

— Не знаю...

Однажды они сидели на зеленом холме и долго, до хрипоты, спорили об искусстве, о музыке. Иван был задет за живое: он почувствовал, что в этой области порядком поотстал от Сани.

Спор закончился весьма неожиданно. На весь этот день синоптики запланировали в среднерусской полосе сухую, солнечную погоду. Но в их небесном механизме, в этом хитром переплетении силовых полей, внезапно что-то разладилось. Какой-то циклон вырвался из-под контроля и пошел гулять по степи, как Соловей Разбойник. Он свистел ливнями, встряхивал землю громами, полосовал небо сабельными взмахами.

Братья вскочили на ноги и ошарашенно глядели на обступившую весь небосклон тучу, исчерканную ветвистыми молниями. Потом все поняли и расхохотались. Разгоряченные и потные, они запрокидывали лица навстречу освежающему дождю, ловили ртом тугие струи.

В разрывы туч глянуло солнце. Но ливень от этого только разъярился. Он гудел, ликующе барабаня по траве. Веселились и братья. Они скакали по лужам, как малыши. Взметывая брызги, что-то кричали друг другу, ничего не слыша и почти ничего не видя, — все исчезло в серебряном кипении ливня, клекоте воды и сиянии брызг.

Ливень прекратился так же внезапно, как и начинался. Синоптики прекратили циклон, усмиренная туча сконфуженно уползала за горизонт. И снова в небе ни облачка. Один лишь город-бригантина сверкал в синеве своими парусами.

— До чего хорошо, черт побери! — восклицал освеженный дождевым душем Иван.

День этот надолго запомнился братьям.

В августе их вылазки на природу прекратились. В «Космосе» — гигантском сооружении, повисшем между Землей и Луной, — создали лабораторию искусственных коллапсаров, и

Topreading.ru

Яснов стал ее руководителем. Дома он опять засиживался в своем звездном кабинете до глубокого вечера.

Работа приносила Ивану радость. Но брату своему он все же чуточку завидовал. «Саня, — говорил он себе, — познал высшее счастье — счастье художественного творчества…»

Осенью юноша начал новое полотно «Бригантина», где задумал в необычном освещении изобразить город-парусник. Город этот волновал воображение Сани, казался символом великого века, бережно хранящего связи с прошлым.

— Наконец-то! — радовался Денис Кольцов, посетивший мастерскую ученика. — Наконец-то ты повернул от суховатого реализма к парусам романтики. Сколько раз говорил тебе, что романтизм — твоя стихия. А это кто? — спросил он, разглядывая стоявший рядом с неоконченной «Бригантиной» портрет. — О, это же Юджин Вест, твой коллега!.. Однако ты его не пощадил!

С картины, казалось, глядел волевой человек с лицом твердым и решительным. Но в ленивом прищуре глаз, в из глубине угадывалось нечто сибаритское, изнеженное.

— Мужественный, волевой лентяй! — с жесткой усмешкой подытожил свои впечатления учитель. — Да, не пощадил ты своего друга, не пощадил.

Во второй полусфере мастерской Денис Кольцов увидел дымчатый занавес. За ним угадывалась какая-то картина.

— Новый пейзаж? — спросил художник.

— Да.

— Пока секрет?

Саня кивнул и с грустью подумал, что секретом картина останется, видимо, навсегда. Секретом для всех, а для него самого — загадкой.

Работал он над ней уже два года. Работал упорно, не щадя себя, и в то же время словно отдыхал над ней, отводя душу. Однажды — это случилось год назад — почувствовал, что картина ускользает из-под его власти, не подчиняется его разуму. Она будто сама водила его кистью. Но самое удивительное: это воспринималось не как рабство, а как высшая свобода. Такую же раскованность Саня ощущал, когда писал «Свет и тьму». Вот это его и настораживало: нет ли здесь опять какого-нибудь «первобытного» подвоха?

Странная получалась картина, очень странная… Непонятная для самого художника, будет ли она понятна другим? Не раз порывался Саня смыть краски, очистить полотно. Но рука не поднималась. Вот и сейчас он стоял перед покрывалом и не знал, что делать.

Денис Кольцов подошел к юноше.

— Готовься, Саня, к выставке. Могут, конечно, и поругать. Но на люди выходить пора. Предложим «Наездницу», два-три пейзажа и портреты. Жаль, что «Бригантина» не закончена.

Выставка художников Азиатского континента открылась в Бомбее. Саня дважды побывал там и увидел немало хороших картин. Но и свои полотна, особенно пейзажи, считал достойными приза.

Засыпая накануне знаменательного дня — дня присуждения призов, Саня представлял, как его картины, одобренные в Бомбее, уже летят в Венецию — на выставку всемирную. А там глядишь… В разгулявшемся воображении возникло заветное «Золотое кольцо». Стать лауреатом «Золотого кольца»! Эта мысль показалась такой несбыточной и сумасбродной, что Саня рассмеялся. Заснул он с улыбкой: в успех на выставке зональной он, во всяком случае, верил.

В день присуждения призов они сели перед экраном и подключились к Бомбею. На специальной платформе за круглым столом уже расположились члены жюри — искусствоведы и художники, накануне подробно обсудившие между собой все полотна.

Денис Кольцов отсутствовал, так как среди участников выставки было немало его учеников.

Платформа плыла из одного зала в другой, останавливаясь перед полотнами, достойными внимания.

К удивлению Ивана, Юджин Вест, работавший куда меньше Сани, получил почетный приз. Телезрителям показали этот приз — бюст Леонардо да Винчи из меркурита — редчайшего минерала, найденного пока лишь на Меркурии.

Саня повернулся к брату. «Ай да Юджин!» — говорил его взгляд. Но вот юноша снова взглянул на экран, и улыбка мигом сбежала с его лица: платформа вплывала в зал, где находились его картины.

Члены жюри начали, казалось бы, с похвал, отметив зрелое мастерство юного художника, его высокую технику. «Далась им эта техника», — с неудовольствием подумал Саня. Говорилось и о таланте, заметном в отдельных деталях. Кто-то из членов жюри уточнил: «Талант, закованный в цепи подражательности». Его поддержали, заговорили о вторичности не только в манере письма, но и в самом видении мира. И уж совсем холодом обдали чьи-то слова: «Заданность замысла, спокойствие дисциплинированного мастерства…» О чем еще говорилось? Саня плохо слышал и почти ничего не видел. Словно туман опустился на глаза, уши заложило ватой. Понял лишь, что ни одна картина не удостоилась приза…

— Крепись, малыш, — услышал он голос брата. — У тебя еще все впереди.

— Я что… Я ничего, — вяло ответил Саня и ушел в свою комнату.

Сел, глядя в камин. Перед ним вдруг открылась беспощадная правда о своем творчестве. «Вторичность… цепи подражательности…» — эти жестокие, но верные слова не выходили из головы. Так было с красивенькой «Зимней сказкой», так и теперь… «Меня просто жалели. Из жалости говорили о таланте. Вот Юджину все дается легко, потому что он действительно талантлив. А я бездарность. Трудолюбивая бездарность».

Вспомнилось детство, когда он вот так же сидел перед камином и думал: «Зачем я здесь?» В душу снова заползала мысль о своей ненужности, «первобытности». Шесть лет он занимается живописью. А чего добился? Научился красиво, «технично» копировать натуру. Но с этим справится и Афанасий, если его как следует поднатаскать…

Правда, в мастерской, за дымчатым покрывалом, стоит еще одна картина. Ее пока никто не видел. «И хорошо, что не видел», — подумал Саня. Сейчас она представилась не только странной, но и сумбурной. В лучшем случае — банальный пейзаж.

Утром Иван, взглянув на осунувшееся лицо брата, предложил:

— Ты пока отдохни от картин.

— Я к ним больше вообще не прикоснусь.

— То есть как это не прикоснешься? Ты же художник по натуре. Другое дело, что отдохнуть, конечно, надо. Давай-ка возобновим наши походы, поговорим о живописи, о музыке, о стихах. Кстати, покажешь мне когда-нибудь хоть одно свое стихотворение?

Он взял неохотно протянутый Саней лист с чуть светящимися буквами, отпечатанными на светографе, и прочитал:

Когда в лесу — глухом, угрюмом —
Костер впервые запылал,
Далекий пращур и не думал,
Что первым космос штурмовал.
Колумб межзвездных поколений!
В полете смелом меж светил
Ты вспомни тех, кто сумрак древний
Огнем впервые осветил.

— А мысль не дурна! — воскликнул Иван. — Но вот по форме… — он чуть замялся. — Стихи мне кажутся несколько старомодными. Они неплохо выглядели бы где-то в веке двадцатом, даже девятнадцатом.

— В моем веке, — Саня опустил голову. — В каменном.

— Тоже мне максималист нашелся! — Иван рассердился не на шутку. — Или все ему подавайте, или ничего! Или Цезарь, или никто! А до Цезаря в живописи надо трудиться и трудиться. Искать себя, рвать цепи зависимости и подражательности. И не переживай ты так свою временную неудачу. У кого их не бывает? А стихи, конечно, пиши, хотя, на мой взгляд, ты все-таки не поэт, а художник.

— Тоже мне максималист нашелся! — Иван рассердился не на шутку. — Или все ему подавайте, или ничего! Или Цезарь, или никто! А до Цезаря в живописи надо трудиться и трудиться. Искать себя, рвать цепи зависимости и подражательности. И не переживай ты так свою временную неудачу. У кого их не бывает? А стихи, конечно, пиши, хотя, на мой взгляд, ты все-таки не поэт, а художник.

«Не поэт и не художник», — уныло думал Саня, оставшись один в своей комнате. Он сидел перед камином и бесцельно ворошил пылающие головешки. Лист с красиво напечатанными стихами бросил в огонь. Пластиковая бумага долго сопротивлялась.

Чернела, шевелилась, корежилась и наконец вспыхнула. «Вот и все, — подумал Саня. — Так бы и с картинами…» И вдруг холодным потом прошибло: он же давал стихи Зине!

— О, да ты еще и поэт! — удивилась девушка. Но, прочитав, ничего не сказала, видать не хотела огорчать… Только улыбнулась, показав свои ровные и красивые, как у Антона, зубы.

Мысль о зубах окончательно доконала Саню. Он вспомнил, как стоял тогда перед Зиной и широко ухмылялся, — этакий зубастый дикарь, довольный своими бездарными древнекаменными виршами…

От этого воспоминания Сане стало так больно, что он застонал. Собственная жизнь в гравитонном веке показалась ему не только никчемной, но и постыдной. Первобытный! Нелепый обломок прошлого!.. Его жизнь жалка и бессмысленна в этом мире, где заняты все своим делом.

Все ли? За эту мысль Саня поначалу ухватился, как утопающий за соломинку. Он вспомнил о так называемых «вечных туристах»… Не о тех, кто после упорных трудов и напряженных творческих поисков уходил в леса и луга или совершал турне по планетам Солнечной системы. «Вечными туристами» называли людей, ни к чему не прикипевших душой, работавших с прохладцей — лишь бы выполнить необременительный трудовой минимум. Много времени они проводили в развлечениях — путешествовали по континентам Земли, по городам Марса, Ганимеда, Венеры, охотились на искусственных зверей в густо разросшихся джунглях Луны. Таких людей было немного, и обузой для общества они не являлись, хотя частенько и становились мишенью юмористов и сатириков.

Саня знал: как выходец из далекой эпохи, он мог бы стать пожизненным, «вечным туристом», не вызывая обидных усмешек. К нему отнеслись бы с пониманием. Но жить «просто так», не отдавая себя людям? Жить впустую?.. Этого Сан и представить не мог. «Вечный» туризм представился ему засасывающей дырой, черной ямой… Так где же выход?

На другой день после завтрака Саня сказал:

— Слетаю в «Хронос».

— Конечно! — согласился Иван. — Посидишь у хроноэкрана, развлечешься.

Для сотрудников «Хроноса» Саня всегда был желанным гостем. Посидев у хроноэкрана, понаблюдав за жизнью в ареале, за перелетами птиц и поведением зверей, он обычно прилетал домой к обеду или вечером.

Но в этот вечер в кабинете Яснова из видеооблака возник Октавиан и спросил:

— А где наш питомец? Что-то давно его не видно.

— Как? — удивился Иван. — Он не был у вас? Но ведь он полетел в «Хронос»! — Его охватило беспокойство.

Не вернулся Саня и на другой день. Неужели опять сбежал? Объявлять розыск было неловко — не мальчик, семнадцать уже парню. А если что-то случилось?

Подождав до полудня, Яснов обратился в Спасательную службу. Попросил начать поиски.

«Полонез»

Ожидая сообщений от поисковых групп, Иван не находил себе места. Бесцельно бродил по саду. Прохладный сентябрьский ветер гнал по земле опавшие листья. «В ареале сейчас все наоборот, — подумал Иван. — По натуральному времени начинается весна».

Мысль об ареале вызывала почему-то тревожные предчувствия, и он повернул к дому.

Зашел в Санину комнату. Она казалась пустой и холодной, несмотря на то, что увлекшийся Афанасий развел в камине слишком жаркий огонь.

Иван поднялся в мастерскую и от неожиданности остановился у порога. Рядом с картинами, вернувшимися с выставки, он увидел… давно уничтоженное полотно «Свет и тьма». Мистика!

— Откуда это? — спросил Иван у кибера.

— Это я! — Афанасий хвастливо ткнул себя пальцем в грудь. — Я видел, как Саня собирался и долго не решался смыть краски. И я раздобыл редкий аппарат — нейтронный молекулятор. С его помощью можно до последнего атома скопировать любую вещь.

— И ты успел снять молекулярную копию? Ай да молодчина!

— Здесь еще одна картина, — сказал польщенный Афанасий. — Саня никого к ней не подпускал. Но я все же заглянул… Красиво! Показать?

Кибер притронулся к стене — и дымчатый бархат покрывала заструился, поднялся вверх и растворился в потолке. Большое полотно открылось глазам Ивана.

Холмик на переднем плане, поросший овсюгом и клевером, был как будто знаком. Совсем недавно они отдыхали с Саней здесь, в тени редких берез, а за холмом парил в небе причудливый город-парусник. На картине города не было, но почему-то ясно угадывалось, что он там, за спиной. А впереди распахивалась странная, волнующая бесконечность. Современная среднерусская лесостепь как-то незаметно и плавно, окутываясь сиреневой дымкой, переходила в древнюю саванну с густыми травами и редкими деревьями. Словно вся история открывалась перед Иваном, словно он видел мир глазами людей всех времен сразу. Связь времен подчеркивалась рекой, текущей из сиреневой дали, будто из глубины веков. Как и всякий художник, Саня запечатлел, конечно, всего лишь один миг. Но в этом миге ощущалось дыхание вечности.

— Удивительно, — шептал Иван, то отходя от полотна, то приближаясь.

Но дальше его ждали вещи еще более удивительные. Сначала все на картине — травы, деревья, сам воздух — выглядело застывшим в немой печали. Но чем больше Иван всматривался, тем больше казалось, что пейзаж что-то говорит, шепчет. Это ощущение исходило от шумящих трав и листьев, от таинственных перепадов света, от жаворонка. Сам он на картине не был виден. Но так и чудилось, что он висит в небе и сплетает серебристые узоры своих песен. И еще река… Ее ритмично чередующиеся извивы, усиливая впечатление бесконечности, напоминали грустно протяжную песню о чем-то безвозвратно утерянном, оставшемся там, в глубине тысячелетий — в этой повитой синью дали.

Иван встряхнул головой, пытаясь избавиться от слухового наваждения. Потом закрыл глаза и попытался трезво рассуждать. Да, своей необычностью и совершенством картина Сани создавала сильный и своеобразный эмоциональный настрой, воздействовала одновременно на центры зрительные и слуховые. Видимо, так. Но что же ему послышалось? Один из старинных вальсов?

Иван открыл глаза. И снова перед ним все заискрилось, наполнилось шелестом трав, напевами реки, музыкой степей. Нет, это не вальс… Тут что-то более глубокое и нежное, трогающее до глубины души, до слез. Но что?

И вдруг взгляд Ивана упал в затаенный угол картины, где светилась подпись-намек, подпись-подсказка: «Полонез».

Верно! Как он мог забыть? В старину полонезы писали Чайковский, Шопен и многие другие.

Но здесь слышался единственный в своем роде полонез, уже не одну сотню лет тревожащий души людей, — «Полонез» Огинского.

Иван глядел на картину и слышал бессмертную мелодию — невыразимо грустную и в то же время пронизанную солнцем и светлыми чувствами. В ней вылилась душа художника. В ней было все, что тревожило Саню: и тоска по утраченной родине, и радость приятия нового, и благоговение перед жизнью, и снова печаль.

— Или я совсем ничего не понимаю в искусстве, или это…

— Красиво! — торжественно возвестил Афанасий, закончив начатую Иваном фразу. При этом слуга поднял вверх указательный палец.

— Помалкивай, знаток, — оборвал его Иван и бросился вниз.

В своем кабинете он окутался облаком связи и отыскал Дениса Кольцова. Тот отдыхал, сидя в глубоком кресле. Увидев гостя, художник встал.

— Нашелся?

— Саня? Пока нет… Но я нашел нечто удивительное. Очень прошу ко мне…

Старый художник проявил расторопность и минут через десять был в мастерской.

— Воскресла? — остановился он в изумлении перед «Светом и тьмой».

— Это кибер постарался. Успел снять молекулярную копию. Но я не за этим звал. — Иван кивнул в сторону покрывала и, похлопав сияющего Афанасия по плечу, сказал: — Открой.

Старый художник, как и всегда в подобных случаях, взглянул на полотно как профессионал и холодный аналитик. Он заговорил о таинственных ритмах света, о законах простоты и античного лаконизма форм. Это огорчило Ивана. «Видно, ошибся я в своей оценке», — подумал он.

Но Кольцов внезапно смолк. Глаза его изумленно расширились. «Пробрало», — торжествовал Иван. Он чувствовал: старый мастер увидел картину и «услышал» ее. Увидел полотно, где все трепетало и мерцало, воздух струился, а краски светились, взаимно проникали друг в друга и… говорили, пели, звучали.

Минуту или две художник находился целиком во власти картины. Потом взгляд его переместился в нижний угол, где чуть приметно светилась подпись.

— Верно, — прошептал он. — Поразительно верно.

Наконец Иван оторвался от полотна и повернулся к Ивану.

— Где мальчик? А ну подай мне его сюда! Ах да, сбежал… Найти! Немедленно найти!

— Ищут.

— Да ты понимаешь, что это такое? Редчайшее явление! Связать в одно целое живопись с музыкой, искусство пространственное с искусством временным удалось пока лишь одному Ришару.

— Я слышал эту легенду, — кивнул Иван.

— Ришар — не легенда! Я ведь стар, как библейский Мафусаил, и лет сто назад, в дни юности, был знаком с Ришаром — астролетчиком и художником исключительной и трагичной судьбы. А талант — это судьба и богатство чувств… В распоряжении Ришара оказались только что изобретенные тогда объемные и светящиеся краски. И он сотворил живописно-музыкальное чудо. Но картина и ее творец погибли во время извержения венерианского сверхвулкана. А нейтронных молекуляторов тогда еще не было… У нашего Сани тоже исключительная судьба. И все, что он пережил, передумал, нашло выражение в «Полонезе». Да, талант — не только природное дарование, это прежде всего судьба, сама жизнь! Не такая, конечно, как у Юджина Веста. Этот одареннейший байбак душевно пассивен, готов всю жизнь пролежать на боку…

— Ты несправедлив. Юджин много работает.

— «Работает»… — усмехнулся Кольцов и показал на картину Сани. — Работать надо вот т а к! А про Юджина мне только что сообщили: отправился в длительный туристский круиз. Того и гляди, станет «вечным туристом»…

«Полонез» старый художник решил взять с собой. Заодно прихватил «Свет и тьму».

— Жюри еще не закончило работу, — пояснил он. — И мы вместе подумаем, что делать.

Этот грузный и обычно медлительный пожилой человек удивил Ивана своей напористостью и расторопностью. Вечером того же дня Яснов увидел его возникшим из облака связи.

— Удача! — возгласил Кольцов. — «Свет и тьма» уже в пути на всемирную выставку, а «Полонез» в виде исключения сразу отправляется в Солнечную галерею. Так что можешь поздравить Саню с почетнейшим званием лауреата «Золотого кольца».

Иван вяло поблагодарил. Тревожные мысли, мелькнувшие еще утром, в саду, с новой силой завладели им. А тут еще Зина подлила масла в огонь. Едва успел Денис Кольцов «раствориться», как облако связи вновь заструилось.

— Я боюсь! — Зина едва сдерживала слезы. — Саня уже не мальчик, чтоб прятаться в лесу. Тут что-то другое…

Опасения Зины и недобрые предчувствия Ивана сбылись. Утром из облака связи явился Октавиан Красс. Вид у «бога вечности» был весьма бледный.

— Саня… — начал он и замолк.

— Что — Саня? Говори же!

— Его искали не там… Он прятался у нас, в «Хроносе, в металлический лесах энергосистемы.

— А сейчас?

— Сбежал… В свою эпоху.

Октавиан сжато и отрывисто рассказал, как все произошло. Сане удалось погасить роботов, охранявших «Скалу». Сбежал он не в мягком комбинезоне, а в полускафандре с жестким корпусом…

— Сейчас я буду у вас, — коротко бросил Иван и кинулся на стартовую площадку.

Из «ласточки» он выжал предельную скорость и через семь минут был у хроноэкрана.

Здесь собралось около десятка сотрудников «Хроноса».

— Скоро «Скала» реализуется на Горе Духов, — говорил Октавиан. — Хроношока у Сани не будет, ведь он абориген той эпохи.

Хроноглаз отфокусировался и нацелился в сторону Горы Духов. Кроны деревьев уже окутались в зеленый, полупрозрачный весенний бархат. На гибких ветвях появились клейкие листья, слышался их влажный лепет. Стоило, казалось, протянуть руку — и пальцы коснутся верхушки ближайшей березы.

Между стволами виднелись ярко освещенные солнцем одиночные островерхие скалы, отороченные внизу яркой майской травой. Внезапно, как гриб с острой шляпкой, выросла еще одна скала, ничем, казалось, не отличающаяся от своих сестер.

Трещина в камне разошлась, превратилась во вход. Оттуда, из капсул времени, высунулась голова — точнее, непрозрачный колпак полускафандра.

Секунду-другую Саня колебался, потом осторожно ступил на поляну перед «Скалой», откинул колпак и огляделся по сторонам.

— А «Скалу» забыл закрыть, — прошептал кто-то.

— А «Скалу» забыл закрыть, — прошептал кто-то.

— Он вернется, — с надеждой сказал Октавиан.

Надеждам этим как будто суждено было сбыться. Саня взглянул вверх и наверняка увидел звездочку — хроноглаз. На лице юноши отразилась растерянность. Тревожное мигание звездочки он, конечно же, понял как приказ вернуться. Не спуская с него завороженного взгляда, Саня попятился, нащупал за спиной неровные края входа в «пещеру» и наполовину скрылся в ней. Еще полшага, и вход закроется, капсула автоматически начнет обратный бег во времени.

Затаив дыхание, все ждали этого полушага. Но Саня, в нерешительности постояв, вдруг кинулся прочь от «Скалы». Ее зев остался открытым… Юноша миновал седловину и вскоре показался на вершине. Остановился перед затейливо изогнутыми скалами — «духами Фао». Потом зашел под крону березы с раздвоившимся снизу стволом. Ее почки только начинали распускаться. Сквозь мелкую листву, как сквозь зеленую кисею, видно было, что делал Саня. Он сел на камень — излюбленное место колдуна, взял палку и поворошил еще не погасшие угли.

Горькая жалость пронзила Ивана. О чем думал сейчас Саня? Может быть, вспоминал свою встречу с «колдуном Ваном» и ночь, проведенную у костра?

— Посидит, подумает и — вернется, — Октавиан еще хотел надеяться на благополучный исход.

Однако Саня, как видно, возвращаться не собирался. Он встал и начал спускаться с горы по тропинке, протоптанной Ленивым Фао.

— Что он делает? — разволновался Октавиан. — Скоро на тропинке появится колдун.

Он уже где-то у подножия. Они столкнутся!

Но Саня недаром провел много часов у хроноэкрана. Он запомнил, как будет протекать жизнь племени в ближайшем будущем. Юноша остановился, накинул на голову колпак и свернул с тропинки в кустарник.

Вскоре на хроноэкране показался Ленивый Фао. Немощный и дряхлый, он сильно горбился, брел медленно, часто останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

Склоны горы так густо поросли высоким кустарником, что трудно было сказать, наблюдает ли Саня за колдуном или спускается вниз. Иногда казалось, что спускается, — ветви на склонах колыхались. Но раскачивать их мог и налетавший порывами ветер.

Внимание сотрудников «Хроноса» было приковано сейчас к колдуну. Нет ли в его поведении странностей? Не заметил ли он что-нибудь подозрительное?

Включили боковой экран. На нем жила и шумела листвой та же Гора Духов, но зафиксированная в визуальном, наблюдаемом времени — времени, протекавшем по своим вековечным законам, без «вмешательства» Сани. Раздвоения событий никто не заметил. На обоих экранах Ленивый Фао вел себя одинаково. Он медленно приблизился к кострищу, потоптался, потом сел на камень и почесал спину о ствол березы. Колдун поеживался, кутаясь в рваные шкуры, но те, видимо, плохо согревали старые кости. Фао разгреб кострище и навалил на горящие угли сухих веток.

Загорелся костер, обхватывая колдуна приятным жаром. Фао с наслаждением прислонился к березе и закрыл глаза.

— Так он продремлет часа полтора, — сказал Октавиан шепотом, словно опасаясь, что его услышит колдун.

— А Саня! — забеспокоился кто-то. — Где он?

Дремлющего колдуна оставили в покое. Хроноглаз фокусировался в поисках беглеца.

Он то выхватывал отдельные холмы и ложбинки, то с трехкилометровой высоты окидывал взглядом весь ареал.

Лишь через час далеко в саванне отыскался Саня. Он вынырнул из густых трав и быстрым шагом приближался к озеру Круглому, к тому берегу, где почти восемь лет назад произошла его встреча с «колдуном Ваном». Берег этот был охвачен кустарником, над которым царственно высились два тополя. Свежие листья их шелестели от набегавшего ветра и серебрились под солнцем.

— Что он делает! — встревожился Октавиан. — Ему несдобровать, скоро здесь появится носорог…

Никто не заметил, как побелели губы Ивана. Никто не мог слышать его немого крика: «Остановись, Саня!.. Вернись!» Но тут же Иван с кривой усмешкой подумал, что похож на колдуна, произносящего бессмысленные заклинания. Остановить ход событий уже было нельзя…

— Носорог! — послышалось рядом. — Вон он, идет к водопою… Но Саня успеет скрыться в кустарнике.

Однако Саня и не думал укрываться. Как только из-за холма выплыла горбатая спина зверя, он сделал несколько шагов навстречу.

Носорог на миг замер. Потом кинулся вперед, нацелив на юношу свой страшный рог, способный проткнуть ствол дуба.

В последний момент Саня, видимо, испугался. Он стремительно нырнул в кустарник.

Но зверь не отставал. Ослепленный яростью, он ворвался в заросли, как танк. Его серая спина скрылась в высоком ивняке, ветви которого трещали и качались как во время урагана.

— Только бы Саня успел залезть на дерево. Там он спасется… — услышал Иван чей-то напряженный голос.

Вскочить на тополь Саня, видимо, не успел. Из кустарника выбежал носорог. На своей бугристой морде он нес обмякшее в скафандре тело юноши. Удар зверя был так силен, что его крепкий и острый, как штык, рог проткнул полускафандр насквозь.

— Убит, — глухо прошептал Октавиан.

Носорог сбросил скафандр на землю, и тот почти скрылся в густой высокой траве. Но зверь не оставил его в покое. Кипя яростью, он начал топтать скафандр своими чудовищными лапами. Послышался хруст пластикового каркаса… Этот жуткий звук будто ударил Ивана по голове. Сознание на миг помутилось. Когда туман рассеялся, он заметил, что сотрудники «Хроноса» уже переместили хроноглаз на Гору Духов.

— События совпадают.

Сказал это Иван. Не из желания сообщить что-то новое — все и без него видели, — а для того, чтобы хоть как-то отвлечься, подавить свою боль.

На хроноэкране и на боковом экране события совпадали: синхронно, в такт, раскачивались под ветром макушки деревьев, с ветки на ветку перелетали те же птицы и пели одинаковыми голосами.

— Это сейчас совпадают, — проворчал Октавиан. — Но как поведет себя дальше чертов колдун?

Ленивый Фао натурального, текущего времени пока в точности повторял все движения Ленивого Фао на боковом экране, где прокручивалась пленка, запечатлевшая события, исторически сложившиеся, — какими они должны быть. Вот он встал и пошел к седловине горы в поисках топлива для костра. Наклоняясь, Фао на обоих экранах одинаково постанывал от болей в пояснице, подбирал те же сухие ветки.

Около кривой сосны Ленивый Фао остановился. Это было видно на обоих экранах. И вдруг началось расщепление событий. На боковом экране колдун, как и положено, повернулся и пошел к костру, а на хроноэкране Фао натурального времени застыл на месте, уставившись на «Скалу». Не сама скала привлекла его внимание, а зиявшая в ней глубокая пещера, пещера, которой — колдун отлично это помнил — здесь никогда раньше не было.

Октавиан забеспокоился.

— Еще ничего страшного не случилось, — успокаивал сидевший рядом Жан Виардо. — Постоит

да вернется к костру греться. Человеческая история от этого не пострадает.

Однако колдун пошел в сторону, противоположную той, которая была предписана ему историей. Крадучись он медленно приближался к «Скале».

— Черт бы его побрал! — выругался Октавиан.

Ленивый Фао подступил к самому входу и заглянул внутрь. Увидел ли колдун в темноте пульт, осталось неизвестным, но он отшатнулся и выронил хворост. Постоял немного, испуганно озираясь по сторонам и принюхиваясь. Любопытство все же взяло верх. Фао вошел в «пещеру» — и вход за ним замкнулся. Биополе включило автоматику. «Скала» растаяла.

Октавиан схватился за голову. Натыкаясь на кресла, он бегал вдоль хроноэкрана и бормотал:

— Браконьеры истории! Такое проглядеть!.. Убить нас мало! Разогнать весь «Хронос»!..

— Перестань суетиться!

Металлические нотки в голосе Ивана отрезвили «повелителя времени». Он остановился и воскликнул:

— Надо что-то делать!

— Сначала встретим гостя, а потом решим, что делать, — сказал Иван. — С ним и с этой дыркой в истории.

— А дырка получилась порядочная, — заметил кто-то.

У хроноэкрана остались лишь дежурные. Остальные через минуту были на холме, имитирующем Гору Духов. Здесь находились и подоспевшие медики.

— Уверяю вас, — заявил один из них. — Колдун стар и немощен, он просто умрет в капсуле от потрясения и страха.

Врач оказался прав. Из пучин времени выплыла «Скала», ее зев раскрылся, и оттуда вывалилась груда грязных шкур. Бесцветные глаза колдуна, широко раскрытые от застывшего ужаса, немигающе глядели на яркое искусственное солнце «Хроноса».

— Мертв... — констатировал врач. — Оживить не удастся.

— Но там, — Октавиан побледнел. — Колдун должен работать на историю еще три дня. И под конец спасти мальчика. Очень важного мальчика!

Октавиан вдруг остановился. В голову ему пришла спасительная мысль.

— Иван! — воскликнул он, умоляюще глядя на своего друга. — Больше некому... Заменить колдуна больше некому!

— Понимаю, — кивнул Иван и подумал, что лучшей кандидатуры и в самом деле не найти. Он уже побывал в каменном веке, адаптировался, и хроношока не будет.

— Ты знаешь язык, — продолжал Октавиан. — Знаешь жизнь племени, обладаешь актерскими способностями. Рост почти тот же. Колдун, правда, обрюзг и расплылся. Но мы наклеим пластиковый жирок и на нем, кстати, нанесем тот самый шрам, которым колдун так гордится.

Шкуры дадим чуть почище.

— А глаза? У меня карие, а у колдуна серые, почти бесцветные.

— Ты что? Забыл? — повеселевшим голосом откликнулся Октавиан. — Иные наши модницы частенько меняют цвет глаз. Один пигментный укол — и на три дня у тебя будут другие глаза. Времени для подготовки достаточно…

Времени, однако, оставалось, не так уж много. К вечеру, еще засветло, колдун должен спуститься с гор и войти в стойбище.

А пока Гора Духов пустовала, Иван перед хроноэкраном готовился принять сан колдуна.

— Давай, Ваня! Спасай историю! — посмеивались гримеры.

А Яснову было не до шуток: перед глазами стоял Саня… Не мог, не хотел он верить, что брат погиб. Не поверит, пока не убедится воочию!..

На боковом экране снова и снова прокручивались кадры, показывающие, как в недалеком от натурального момента времени должна протекать жизнь племени. Иван запоминал каждое слово, каждый жест Ленивого Фао, кое-что тут же отрепетировал.

Запоминать, к счастью, пришлось, не так уж много. Колдуну оставалось жить семьдесят пять часов. И трое суток он мало бывал на людях. Почти все время спал в землянке или дремал на священной горе.

Не успело весеннее солнце уйти за бескрайнее болото Урха, как на Горе Духов бесшумно возникла «Скала». Створки ее разошлись, и на землю каменного века бесшумно ступил новый колдун. Он тщательно закрыл вход в пещеру-капсулу и с этого момента старался ничем не отличаться от своего предшественника.

Кряхтя и постанывая, лже-Фао нагнулся, подобрал хворост, оброненный прежним колдуном, и не торопясь зашагал по седловине. С частыми передышками взобрался на вершину, где темнели каменные «духи Фао», оживил огонь под березой.

Ленивый Фао грелся около костра минут пятнадцать. В стойбище он вошел в точно назначенное историей время, когда длинные вечерние тени растворялись в сгущающихся сумерках.

И вот прошли три дня, внешне бездеятельных, но мучительных, потребовавших от Ивана немалых нервных усилий. Подходит к концу и последняя ночь. Чтобы отдохнуть, Яснов в эту ночь расслабился, отдался воспоминаниям. Но в целом роль Ленивого Фао он исполнил, кажется, хорошо, без срывов и отклонений. Завтра старый колдун должен уйти из мира, утонуть в пенистом водовороте реки…

Иван взглянул на часы. Нет, не завтра, а уже сегодня. До рассвета осталось полчаса.

Утро выдалось тихое и безоблачное. Ленивый Фао выполз из землянки, когда Огненный Еж уже выкатился из-за дальних холмов и вовсю припекал землю горячими лучами. Добрые духи, говорили в такие дни старые люди, несут на своих крыльях тепло и удачу.

Удача и в самом деле сопутствовала охотникам племени. Только уселся колдун под березкой, чтобы погреться на солнышке, как в дальнем конце стойбища послышались крики, радостные

детские взвизгивания. Подслеповато щуря глаза, Фао долго смотрел в ту сторону и наконец увидел: охотники принесли из саванны тушу еще одного оленя. Тут же, у крайней землянки, разожгли костер. К нему спешили люди.

С противоположного берега реки торопился Гзум — тот самый «важный мальчик», которого в интересах истории необходимо было во что бы то ни стало спасти. И сделать это мог только колдун.

Привычно хватаясь за высохшие, а в иных местах и полусгнившие сучья, мальчик шел по бревнам, перекинутым через поток. На него из-под насупленных бровей посматривал лже-колдун, знавший наперед каждое движение мальчика, каждый его будущий шаг.

Шагах в десяти от землянки колдуна кипел водоворот, грохотали камни. Здесь Гзум поскользнулся и упал. Одной рукой он успел ухватиться за ветку, и вереща от страха, пытался подтянуться к бревну. Но тугие спирали водоворота крутили его, тащили в глубину. Рука Гзума слабела, ветка гнулась.

Толпившиеся у костра люди повернули головы в ту сторону, где сквозь шум воды прорывались отчаянные вопли. Один из охотников бросился на выручку. Но вряд ли успел бы он спасти мальчика. Было слишком далеко.

И тут Ленивый Фао удивил всех. Видно, охотничья сноровка не совсем еще забылась и не вся его сила угасла в его мышцах. В три-четыре прыжка он подскочил к бревну, на четвереньках подполз к мальчику и схватил его за руку в тот миг, когда ветка обломилась.

Толпившиеся у костра люди повернули головы в ту сторону, где сквозь шум воды прорывались отчаянные вопли. Один из охотников бросился на выручку. Но вряд ли успел бы он спасти мальчика. Было слишком далеко.

И тут Ленивый Фао удивил всех. Видно, охотничья сноровка не совсем еще забылась и не вся его сила угасла в его мышцах. В три-четыре прыжка он подскочил к бревну, на четвереньках подполз к мальчику и схватил его за руку в тот миг, когда ветка обломилась.

Вытащив Гзума на бревно, Фао сердито заворчал и дал такого пинка, что мальчик перевернулся в воздухе и упал в неглубоком месте.

Ленивый Фао спас Гзума, но сам не удержал равновесия, покачнулся и грузно плюхнулся в воду. Рухнул без вскрика, без единого звука. Видимо, он потерял сознание. Еще какое-то мгновение сухие шкуры крутились на поверхности. Но вот и они, намокнув, скрылись в пенистых струях водоворота.

Снова в саванне

У самого дна Иван уцепился за каменистый выступ, нащупал в шкурах кислородную маску и натянул ее на лицо. Чтобы не всплыть на поверхность, сунул за пояс под шкуры увесистый камень. По песчаному, в мелких камешках дну прополз несколько шагов, перевернулся на спину и пытался рассмотреть, что делается вверху. Сквозь взбаламученную воду ничего не увидел, кроме размытого диска солнца.

Подгоняемый упругим течением, Иван наискось пополз к другому берегу. Там, в излучине, образовался уютный заливчик со стоячей водой. С песчаного дна в вязкий ил Иван вполз с

предосторожностями, побаиваясь водяных крыс и пиявок. Их здесь, к счастью, не оказалось. Из водорослей выскакивали воздушные пузырьки. Приятно щекоча руки и ноги, они стайками бежали вверх.

Раздвинув головой слой ряски, Иван всплыл и очутился в тихой заводи с редкими кочками. На широких глянцевитых листьях кувшинок сидели любопытные лягушки и таращили на него глаза. Иван замер и прислушался. Еле слышно шуршали камыши. Одна из лягушек, приняв его голову за кочку, прыгнула на самую макушку. Чертыхнувшись, Иван сбросил ее и стал подбираться к краю зарослей. Здесь он осторожно раздвинул камыши и выглянул.

На противоположном берегу стояли охотники и смотрели на водоворот, поглотивший колдуна. Женщины и дети, крича и размахивая руками, бегали вдоль берега. Слов Иван разобрать не мог. Но все движения людей, все их жесты были в точности такими, какими и должны быть по естественному, ненарушенному ходу времени. Все это он не раз видел на хроноэкране.

Бывший колдун усмехнулся и поздравил себя с успешным завершением исторической миссии. Последний эпизод он сработал особенно четко и филигранно.

Теперь надо убраться подальше от стойбища. Иван нырнул и погрузился в водоросли. Отыскал брошенный камень и сунул его за шкуры. Из отвратительно липкого ила и тины выполз на песчаное дно с таким облегчением, как будто выбрался на асфальтированную дорогу. По дну «зашагал» на четвереньках.

Через полчаса он вышел на берег. Только сейчас, на холодном ветру, почувствовал, что промерз. Руки посинели и покрылись гусиной кожей, зубы мелко стучали.

Стараясь вытряхнуть воду из ушей и одновременно согреться, Иван отчаянно запрыгал. Потом отжал шкуры, бороду и помчался к Горе Духов. Видели бы охотники, как лихо бегает воскресший колдун! Но людей поблизости не было и не могло быть.

На горе слегка дымилось вчерашнее кострище. Но разжигать огонь уже нельзя. «Исторический» колдун погиб, и долго еще над Горой Духов не будет виться дым. Иван лишь разгреб кострище, сел на камень и вытянул закоченевшие ноги над горячими углями. Вспомнив, что в кабине имеется кое-что получше, быстрым шагом направился к «Скале», нажал кнопку и, не заходя в раскрывшуюся кабину, дотянулся до пульта, переключив капсулу на ручное управление. Теперь можно войти, не опасаясь, что биополе включит автоматику… Закрыв кабину, Яснов скинул амуницию колдуна — шкуры, ожерелье, амулеты. С трудом отодрал бороду, парик и биопластиковые наклейки, раствором смыл грим. Голый сел в кресло и включил массажеобогрев.

Вокруг Ивана закружились вихри теплого воздуха. Сверху брызнул волновой душ, встряхивающий каждую клетку организма. Иван ворочался в кресле, вздыхая и постанывая от наслаждения. Не хватит, казалось, никаких сил вырваться из этих теплых объятий, из убаюкивающих волн. Но через минуту он приказал себе: «Довольно нежиться!» Оделся в костюм, плотно облегающий тело, напялил комбинезон, сунул в карман пару галет и вышел наружу.

С горы спускался уже давно знакомыми склонами. Наверх, в небо, старался не смотреть, знал, что в «Хроносе» с тревогой и недоумением следят за каждым его шагом. У подножия все же задрал голову и увидел, как тихо тлевшая искорка тревожно замигала. В ответ Иван лишь досадливо махнул рукой: дескать, ничего страшного с вашей историей не случится. Ни о каком возвращении не может быть и речи, пока он не узнает о судьбе Сани, пока своими глазами не

увидит, что произошло…

Солнце все выше поднималось к зениту и уже припекало вовсю, жгло почти по-летнему. От земли и сочных трав поднимались горячие испарения, дрожал воздух. Все реже слышались птичьи песни — саванна готовилась к полуденному зною.

Вспотевший от быстрой ходьбы Иван выбрался из низины с негустым ивняком и поднялся на сухой пригорок, чтобы передохнуть и осмотреться. И вздрогнул: совсем близко, в сотне шагов, увидел то самое место, где три дня назад буйствовал носорог. Страшась узнать правду, Иван медлил. Стал думать почему-то о полускафандре, который был на Сане.

От полускафандра, конечно, мало что осталось. Лишившись биополя живого организма, он быстро истлевал, распадался на составляющие его элементы — так было запрограммировано. Ничего, никаких следов будущего не должно сохраниться в древней степи. Но сам человеческий организм на это не запрограммирован…

Встряхнув головой, Иван побежал. Вот и та самая ложбинка. Раздвигая упругие стебли конопли, овсюга и других злаковых трав, внимательно всматривался под ноги. Вот один дотлевающий кусок полускафандра, в метре от него еще три клочка, а под самыми ногами почти целиком сохранившийся пояс и… больше ничего! Как ни всматривался — вокруг ничего больше не было. Никаких костей!

На Ивана вдруг нахлынуло такое облегчение, что, разом обессилев, он сел на траву: жив! Хруст, который он слышал с хроноэкрана, не был хрустом костей! Трещал каркас полускафандра!.. Иван пошарил вокруг и нашел еще не распавшиеся куски полускафандра.

Вслед за облегчением поднималось какое-то странное радостно-мстительное чувство. Иван даже потер руки от злого удовольствия: ну подожди, милый братишка, я тебе задам взбучку! Ты у меня попляшешь! Но тут же оборвал себя. Как смеет он радоваться, когда еще не известно, что с Саней! Да, носорог его не растоптал, но мало ли опасностей в саванне…

Сначала Иван решил исследовать заросли ивняка и вербы, охватившие берег озера. В плотную стену кустарника, под его полутемный шатер, проник по следам носорога. Тот прошелся здесь, как вездеход, проложив широкий коридор. Кое-где сохранились наполненные водой вмятины — следы чудовищных лап. Особенно много следов вокруг тополя. Иван осмотрел его могучий старый ствол с многочисленными дуплами и наростами. По такому стволу нетрудно добраться до ветвей даже в полускафандре, что и сделал, вероятно, Саня. Оттуда, как догадывался Иван, он и сбросил полускафандр на растерзание рассвирепевшему зверю. Сейчас там Сани, конечно, нет. На всякий случай, Иван обошел вокруг дерева, глядя вверх. Сквозь шелестящую листву пробивались тоненькие лезвия солнечных лучей, кое-где темнели гнезда с горластыми птенцами.

Из кустарника Иван вышел уже на другом берегу Круглого озера. И здесь ему сразу повезло: на небольшой песчаной отмели обнаружил рубчатые следы эйлоновых кед — мягкой, но прочной обогревающей обуви космопроходцев. На Иване сейчас под комбинезоном были точно такие же кеды.

Следы вели в сторону Дубовой рощи, зеленевшей в полукилометре от озера. По характеру следов можно догадаться — Саня не шел, а бежал, стараясь поскорее проскочить открытое пространство и укрыться от всевидящего хроноглаза в высоких травах. Так и есть! В густых травянистых зарослях, этих джунглях мелких зверьков и насекомых, Иван обнаружил коридорчик примятых стеблей. Видимо, Саня почти ползком добирался до рощи.

В «Хроносе» рощу окрестили Дубовой, хотя здесь можно было встретить и березу, ясень, клен, сосну. Роща — отличное укрытие от крупных хищников и людей, она опоясалась болотистыми низинами с труднопроходимым ельником и колючим кустарником. Восемь лет назад Иван уже бродил в этих зарослях, приходя в себя после хроношока. Но тогда здесь царила осенняя тишина, а сейчас стоило Ивану войти, как встревоженные птицы подняли невообразимый гвалт. То и дело он натыкался на гнезда с попискивающими птенцами.

«Чем же эти дни мог питаться Саня? — размышлял Иван. — Неоперившимися птенцами? Вряд ли. После того случая с зайчиком стал до щепетильности бережно относиться к животному и птичьему миру. Впрочем, голод не тетка… А может, питался травами? Известными ему с детства стеблями и клубнями?»

Иван с трудом выбрался из цепких зарослей, миновал редкий кустарник и ступил на поляну с низкорослой травой и царственным дубом посередине. Взглянул вверх, в могучую крону, и ничего не заметил в зеленом океане листвы. Но внизу — еле приметные следы кед. Здесь же — сорванные сочные стебли, кучка продолговатых листьев какой-то съедобной травы. Иван пожевал их и ощутил приятно-кисловатый вкус. Щавель! Ничего себе, еда…

Вверху послышался шорох, треск сучьев. Иван спрятался за кустом. Из ветвей высунулись кеды, потом показался сам Саня. Цепляясь за бугорчатые наросты, он спустился вниз и прислонился к стволу. Увидел выступившего из-за куста Ивана и бросился к нему.

— Ваня! Я знал… знал!.. — голос Сани дрогнул.

— Ну и отощал же ты, Александр, — обнимая брата, проворчал Иван.

И тут же отстранился, чтобы не расчувствоваться. Протянул Сане тонизирующую галету.

— Сначала подкрепись, а потом я устрою тебе сцену под дубом.

Саня откусил большой кусок и пытался проглотить его целиком. Поперхнувшись, закашлялся.

— Не торопись!

Саня начал старательно пережевывать галету. На его исхудавших щеках задвигались желваки.

«Мальчишка. Совсем еще мальчишка», — с остро кольнувшей жалостью подумал Иван. Однако всякие нежности считал пока неуместными. Когда младший брат проглотил последний кусок, Иван, усмехнувшись, спросил:

— Хорошо здесь устроился? Как думаешь дальше жить-поживать?

Саня понурил голову и сбивчиво заговорил:

— Хотел погибнуть, чтоб все видели и не искали… А потом… Потом страшно стало. Не помню, как очутился на дереве. Вынырнул из скафандра, бросил его прямо на рог… С дерева видел, как носорог топчет его в траве. Думал, что искать меня не станут. Все же видели сверху, как погиб… Испугался я в последний момент. Понимаешь? Испугался… — Глядя на старшего брата, ожидая его ответа как приговора, тихо спросил: — Я трус?

— В основном ты дурак, — хмуро заверил Иван.

На губах Сани невольно дрогнула улыбка.

— Не ухмыляйся! — повысил голос Иван. — Вернемся, я уже ругать не буду. Бить буду! Вот только вернемся домой.

— Домой? — Саня заметался на поляне. — Нет мне там места… Нигде нет!

— Прекрати истерику!

Голос Ивана зазвенел такой жесткой силой, что Саня послушно сел на траву, глядя на старшего брата. Таким он Ивана еще не видел. А тот сел напротив и заговорил резко, без предисловий:

— Ну и дурак же ты, Александр. Дома ему, видите ли, места нет. Тоже мне — талант, одолеваемый комплексами неполноценности… Но о таланте позже. Сначала о трусости. Пожалуй, что и трус… Жалкий и постыдный. И вот почему.

Иван рассказал, как тяжело переживает Санин побег Зина.

— По-моему, она питает к тебе чувства более нежные, чем дружба. Да и ты, как я заметил, не равнодушен к ней. И вот этот галантный кавалер, — Иван усмехнулся, — вместо того, чтобы объясниться, трусливо сбежал. Позор!

Саня смутился. Чтобы переменить тему, спросил:

— А Юджин?

— Юджина я не видел. Говорят, он отправился в какой-то длительный туристский круиз. Чуть ли не годовой.

— Годовой! — воскликнул Саня. — С его-то характером…

Мысленно он вдруг отчетливо увидел уютный салон транспланетного лайнера. Увидел и Юджина, мягко развалившегося в кресле. Он ведет ленивый разговор с попутчиками, предвкушая беззаботное времяпрепровождение в отелях Марса и Ганимеда, охотничьи приключения в джунглях Луны…

— Нельзя Юджину в такие круизы! — замотал головой Саня. — Засосет… Сам не заметит, как станет «вечным туристом»… Спасать его надо!

— Надо, — согласился Иван. — А кто спасать будет? Я? Не имею с ним профессиональных контактов. Денис Кольцов? У того и своих забот хватает, да и стар он… Вот и получается, что ты трус и предатель, сбежавший от своих обязанностей перед друзьями! Да, да! Не смотри на меня так!..

Иван понимал, что хватил через край. Но остановиться уже не мог и с каким-то мстительным наслаждением рубил с плеча. Саня затравленно глядел на брата.

— Наконец о главном, — Иван несколько смягчился, заговорил спокойней. — О долге перед людьми. Талант твой — не только твоя собственность, это достояние всего общества, воспитавшего тебя. А у тебя подлинный талант, в чем никто не сомневается, кроме самого художника. Доказательства? Да хотя бы успех на всемирной выставке картины «Свет и тьма»!

— Наконец о главном, — Иван несколько смягчился, заговорил спокойней. — О долге перед людьми. Талант твой — не только твоя собственность, это достояние всего общества,

воспитавшего тебя. А у тебя подлинный талант, в чем никто не сомневается, кроме самого художника. Доказательства? Да хотя бы успех на всемирной выставке картины «Свет и тьма»!

— «Свет и тьма»?! — изумился Саня. — На выставке в Венеции?! Да откуда она взялась?

— Афанасий успел снять молекулярную копию… Как видишь, даже он оказался умнее тебя. Он же показал мне твою лучшую картину. Ты почему скрывал «Полонез»? Ах, не придавал значения! Считал непонятной! И даже претенциозной!.. Да в уме ли ты? Знаешь ли ты, какое впечатление она произвела на Дениса Кольцова, на живописцев, на весь художественный совет? В порядке редкого исключения она сразу же отправлена в Солнечную галерею, в «Золотое кольцо». Ты лауреат «Золотого кольца»!

Саня был потрясен. Первые секунды он не мог выговорить ни слова. Потом тихо спросил:

— Это правда?

— Лгуном считаешь? — проворчал Иван.

— Да я теперь… — С засиявшими глазами Саня вскочил и заметался, забегал по поляне, размахивая руками. — Я все силы… Вот увидишь… — Остановился и выкрикнул совсем уж мальчишеское: — Я еще не такие картины напишу!

— Это где же? — насмешливо спросил Иван и ткнул пальцем в густую крону. — Там, что ли? В логове из дубовых листьев? Уютное местечко. Самое подходящее для лауреата!

Но Саня, казалось, не обращал внимания на иронические уколы брата.

— Я понял свою ошибку! — восклицал он. — Понял, может быть, только сейчас! Я действительно болван. Сдерживал себя, топтал свое… Старался писать, как все…

— Невероятно! — Иван театрально всплеснул руками. — Поумнел! Надо же — поумнел!

Лишь короткая улыбка мелькнула в глазах Сани.

— Я задумал еще одну картину, — в возбуждении говорил он. — Она будет вызывать в памяти симфонию Анри Лорана. Будет называться «Тревога»…

— Ладно, Саня. О картинах поговорим в другом месте. Мы и так загостились. Идем, нас там ждут, — Иван показал пальцем в небо. — А то, может, раздумал? Останешься?

— Не ехидничай. У тебя сегодня что-то плохо получается… Идем!

Братья зашагали в сторону Круглого озера. Прокладывая дорогу, впереди шел Иван.

В густом, ощетинившемся колючками, кустарнике ему пришлось накинуть на голову прозрачный гермошлем. И вовремя: оберегая свои гнезда, какие-то крупные хищные птицы с кривыми и острыми клювами атаковали братьев. Налетая, долбили по колпаку гермошлема, царапали когтями комбинезон… Легко одетому Сане пришлось бы совсем худо, если бы не брат, отгонявший пернатых налетчиков.

На опушке Саня, обладающий куда более тонким слухом, предостерегающе поднял палец.

— Слышишь топот? Это табун лошадей. В этом году они поздно вернулись с юга.

— Нам нельзя туда, — тихо сказал Иван.

— Пойдем левее. Там никого не спугнем…

Слева от озера крупных животных не встретили. Но дорога оказалась не из приятных. Братья обходили наполненные водой ямы и овраги. Под болотистой низиной остановились.

— Я-то в комбинезоне, пройду, — сказал Иван. — А тебя придется посадить на плечи. Превращусь в Урха, доброго духа болот.

— Добрых Урхов не бывает, — весело возразил Саня, однако на крутые и сильные плечи брата уселся охотно.

За болотом до самой Горы Духов простиралась сравнительно сухая равнина с шелковистой травой, редкими рощицами и одинокими деревьями. В тени шумного, говорливого под ветром тополя братья на минуту остановились передохнуть. Сзади доносился еле слышный плеск воды, всхрапывание лошадей.

— Саванна оживает, — тихо говорил Саня. — Скоро вернутся бизоны, сайгаки. У охотников будет богатая добыча.

Пока шли к горе, Саня поведал о том, каких страхов натерпелся в Дубовой роще. Сбежал он, конечно, по-глупому, сгоряча, не подумав. Нападение носорога отрезвило — охватил ужас… Двое суток Саня прятался на дубе и с высоты видел ночами костры охотников в саванне. На душе было так безнадежно тоскливо, что хотел даже вернуться в племя. Но какая бы паника поднялась тогда в стойбище! Нет, места в этой эпохе ему уже нет… Наконец он, преодолев страх и стыд, решил днем выйти на открытое место и знаками показать хроноглазу, что он жив и нуждается в помощи. Но тут, к счастью, подоспел Иван.

— Ты вторично спас меня, — сжал Саня руку брата.

Через полчаса, уже километрах в двух от Горы Духов, Иван и Саня разговаривали во весь голос, громко смеялись, подталкивали друг друга. Догадывались, что хроноглаз сейчас отчаянно мигает, призывая к порядку разгулявшихся странников времени, а разгневанный бог «Хроноса» Октавиан, наверное, мечет в их адрес громы и молнии…

Однако, взглянув, наконец на небо, братья увидели, что искорка хроноглаза горит тихо, спокойно и даже приветливо. Октавиан, видимо, доволен был исходом вылазки Ивана и смотрел на неуместные шалости снисходительно.

— Слушай, Урх! Нет ли у тебя за пазухой еще одной галеты? — с улыбкой спросил Саня.

— Проголодался? — весело откликнулся Иван. — Есть у меня за пазухой галета. Но мы ее поделим пополам. Я ведь тоже наголодался, пока был…

Чуть было не сказал «колдуном», но спохватился. «Еще переживать будет… Из-за него же я подвергся такому нелегкому испытанию. Потом узнает…»

Братья сели на пригорок, спугнув стайку гревшихся на солнце мышей. Поели. Саня, поглядывая на Гору Духов, сказал:

— Опустела гора. Все же жаль старого колдуна. Кто бы мог подумать, что Ленивый Фао способен на такую прыть? Пожертвовал собой, спасая Гзума…

«Знал бы ты, кто был Ленивым Фао», — усмехнулся Иван, но вслух сказал:

— А ты, оказывается, неплохо изучил ход событий, прежде чем улепетнуть сюда.

Саванна, милая сердцу Сани родная степь, незаметно меняла свой облик. Только что она знойно дремала. Недвижные травы источали горячие ароматы, с басовитым гулом перелетали с цветка на цветок шмели, упоенно трещали кузнечики. И вдруг насекомые, мгновенно исчезнув куда-то, притихли. Что-то невидимое пронеслось над равниной. С легким вздохом шевельнулись верхушки трав, поднялся упругий ветер, и саванна зашелестела, заколыхалась зелеными валами.

— Гроза, — прошептал Саня. — Скоро будет майская гроза.

Наслаждаясь прохладой, Иван закрыл глаза. Шум трав, плескавшихся у подножия холма, казался ему гулом морского прибоя. Вспомнив, какую неизъяснимо пугающую, мучительную власть имел ветер над Саней, он открыл глаза и осторожно скосил их на брата. Но нет, не муку выражало лицо юноши, а радость. Однако странную, задумчиво печальную и даже горькую радость.

«Эолова арфа», — подумал Иван. Ветер, догадывался он, проникает в глубь души Сани, шевеля ее самые затаенные и нежные струны. «А у меня эти струны спят...»

На прощание Саня вдыхал родную ширь, впитывал ее звуки, запахи, жил ее жизнью. Но прощание затягивалось, и это начинало тревожить Ивана.

— Здесь хорошо, — проговорил он. — Однако пора. Идем.

Саня послушно шел рядом с братом. Был он задумчив и малоразговорчив. На горе, уже вблизи «Скалы», смущенно признался:

— Боязно... Как теперь людям в глаза смотреть?

— Чудак же ты все-таки! Закрой глаза и представь, как встретят тебя. Представил? Ну и что подсказывает твое тощенькое воображение? Да все только рады будут! Никто не осудит тебя не только словом, но и в мыслях своих!

— Давай постоим еще немного, — попросил Саня.

— Постоим, — согласился Иван.

Незаметно подкралась лохматая черная туча и обложила все небо. Стало темно, как в вечерних сумерках, и тревожно тихо — не шелохнется ни одна травинка. Дождя все не было.

В туче сверкнула кривая, как ятаган, упругая молния и с треском впилась в сосну, в ее давно пожелтевшие ветки. Ствол сосны медленно обволакивался спиралями дыма. И вдруг дерево вспыхнуло, как факел, разбрызгивая искры и горящие ветки. Послышался гул пламени, на притихших холмах и низко висевшей туче заплясали отсветы.

— Здорово! — шепнул Саня. — Прощальная иллюминация...

Но вот по листьям берез защелкали крупные, ртутно-тяжелые капли дождя, и братья укрылись в распахнувшемся зеве кабины. «Скала» вновь закрылась и растаяла.

Topreading.ru

Ветер тысячелетий

Встретили их, как считал Саня, не по заслугам пышно. Едва братья вышли из капсулы, как лифт поднял их на крышу «Хроноса», и там они снова увидели иллюминацию — на этот раз небесную. Беззвучным фейерверком взрывались бутафорские звезды, вращались многоцветные спирали галактик. Так торжественно встречали обычно звездолеты, возвращающиеся из дальних рейсов.

Иллюминация погасла. И тут же, на черном бархате неба, засверкали огненные слова светогазеты. Большими буквами пламенел заголовок: БРАТЬЯ ЯСНОВЫ УСПЕШНО ЗАВЕРШИЛИ РЕЙД В ПРОШЛОЕ. Саня с облегчением вздохнул: его побег выглядел в этом сообщении как важный научный эксперимент. «А может, так и вышло на самом деле?..» — думал он.

Уплывая в космос, в бесконечность, светогазета уменьшалась и наконец исчезла совсем. Вместо нее в небе возник дружеский шарж: братья Ясновы с забавными жестами и ужимками прыгают через овраги и ущелья тысячелетий.

Шумная встреча в «Хроносе» незаметно перешла в научный диспут. Он был непродолжительным, и в тот же день братья вернулись домой, в Байкалград.

Здесь их тоже ждал торжественный прием.

Стоявший у входа Афанасий сделал замысловатый реверанс, вычитанный из старинных романов, и начал напыщенное приветствие:

— Рыцарям дальних странствий…

Комнаты сияли чистотой, а камине горел огонь. Однако в отсутствие хозяев кибер допустил вопиющую вольность: черную кошку, чтобы та не перебегала ему дорогу, он упрятал в силовую клетку. Кошка металась и, натыкаясь на невидимую решетку, жалобно мяукала.

Иван так сурово отчитал Афанасия, что тот даже сгорбился. Сане стало его жалко. Желая доставить киберу удовольствие, он сказал:

— У тебя наверняка припрятана какая-нибудь одежда из твоего любимого средневековья. Так ведь?

— Так точно! — повеселевший Афанасий лихо прищелкнул каблуками. — Показать?

Вскоре кибер щеголял в странном костюме, напоминающем не то ливрею кучера, не то форму адмирала. Афанасий уверял, что так одевались слуги герцога Анжуйского.

Провести вечер братья решили в кругу самых близких друзей. Афанасий рассылал по почте шутливо-официальные приглашения, встречал гостей у входа и спрашивал, как они желают доложить о себе. Кибер с самодовольным видом исполнял роль средневекового слуги.

— Повелитель времени Октавиан Красс! — гулко звучал в гостиной его голос.

Октавиан, пожав братьям руки и, кивнув в сторону Афанасия, усмехнулся:

— Живете прямо как средневековые бароны.

Следом пришла жена Октавиана с Антоном. Затем однокашники Сани по студии — Юний и Граций.

— Трижды лауреат «Золотого кольца» Денис Кольцов! — доложил Афанасий.

Увидев Саню, старый художник чуть не прослезился. Он обнял юношу, поцеловал и лишь после этого приветствовал остальных.

Гостей собралась уже целая дюжина, а Зины все не было. С волнением Саня ждал ее и гадал: какой она явится? Тихой и задумчивой? Или строгой, рассудительной? Больше всего ему хотелось видеть ее сейчас веселой и шумной, как вихрь.

В дверях показался сияющий Афанасий и поднял руку, призывая к тишине. Необычайно торжественным голосом он провозгласил:

— К нам пожаловала королева Испании Изабелла.

Гости переглянулись. Иван подозрительно покосился на кибера: уж не свихнулся ли?

— В свое время мудрая Изабелла не оценила заслуг великого Колумба, — продолжал Афанасий. — И вот королева явилась из своего шестнадцатого века, чтобы исправить историческую несправедливость и одарить своим монаршим вниманием великих времяплавателей нашей эпохи.

Афанасий отступил в сторону и учтиво расшаркался.

В дверях возникла дама в ослепительном наряде, высокой башенкой-прической на гордо посаженной головке. «Зина», — вздрогнул Саня, и глаза его засветились восхищением: до того ошеломляюще красивой была девушка в длинном платье королевы.

Она не шла, а шествовала. Сверкали бриллианты, царственно шелестели шелка. Гости, оценив игру Зины и ее наряд, заулыбались, кто-то захлопал в ладоши. Но королева величественно повела взглядом, и неуместные аплодисменты смолкли.

— Магеллану космоса и первому времяплавателю Ивану Яснову, — сказала она, протянув руку.

Иван склонился и поцеловал длинные с золотыми перстнями пальцы.

Королева подошла к Сане.

— Колумбу «Хроноса»… — начала она.

Саня не сдержался и фыркнул. Но королева метнула такой гневный и надменный взгляд, что он моментально притих и приник к монаршей руке.

Тут вся царственность слетела с Зины. Она взорвалась веселым смехом, стала тормошить Саню.

— Расскажи, как гулял по своим любимым пампасам. А ночевал у костра? Представляю: черная мгла, звезды и пляшущие отблески огня… Как я завидую тебе!

«Вихрь», — улыбался Саня. Но улыбка тут же слетела. Саня увидел вмиг преобразившееся, ставшее грозным лицо Зины. Звенящим шепотом, не предвещавшим ничего хорошего, она спросила:

«Вихрь», — улыбался Саня. Но улыбка тут же слетела. Саня увидел вмиг преобразившееся, ставшее грозным лицо Зины. Звенящим шепотом, не предвещавшим ничего хорошего, она спросила:

— А ты там зайчика не съел?

И звонко расхохоталась.

— Какие там зайчики, — смеялся Иван. — Он в своих пампасах одну лишь травку пощипывал. Кстати, не пора ли за стол?

Все уже садились, когда Афанасий доложил:

— Гость, прибывший срочным рейсом с планеты Ганимед.

«Кто бы это?» — недоумевал Иван. Но Саня сразу догадался: Юджин!

Вошел молодой художник и смущенно поздоровался, стараясь не встречаться взглядами с Денисом Кольцовым.

— А-а, — насмешливо протянул старый мастер. — Выдающийся турист...

Афанасий разносил блюда и напитки. Но Зина на этот раз была недовольна им.

— Не туда ставишь, — то и дело поправляла она. — А Юджину принеси сначала апельсиновый сок. Ты что, не знаешь его вкусы?

Кончилось тем, что девушка совсем отстранила Афанасия. Королева Испании сама взялась обслуживать гостей.

Отдохнув недельку дома, Саня отправился на Меркурий, где работал теперь Юджин. Под исполинским куполом, защищавшим от испепеляющих лучей близкого Солнца, на Меркурии шло строительство нового комплекса института «Гелиос». Саня помогал Юджину в планировке садов и парков, в художественном оформлении жилых помещений и лабораторий. Работа увлекала. Но вскоре Саня почувствовал такую тоску по Земле, по ее тихим зорям и шумным ветрам, что Юджин сжалился и отпустил друга, пообещав навещать его.

— С туризмом покончено, — заверил он.

На Земле потянулись обычные будни — учеба в «Хроносе», встречи с Денисом Кольцовым в студии. По просьбе старого мастера Саня помогал ему учить самых маленьких студийцев — десятилетних мальчиков и девочек.

За ужином братья обменивались новостями, спорили, подтрунивали друг над другом и сообща над Афанасием. Тот не оставался в долгу: научился отвечать обидчикам вычитанными в романах колкостями и афоризмами. Получалось иногда довольно метко, но чаще всего невпопад.

После ужина Саня с полчаса простаивал за спиной брата в звездном кабинете. Потом поднимался наверх, нажимом кнопки убирал прозрачный купол своей мастерской, и та превращалась в веранду. За перилами ее шелестели верхушки деревьев сада, а с высоты открывались прибайкальские дали. Саня садился за стол и вызывал светокнигу. Читая, то и дело посматривал на горизонт: а вдруг сегодня повезет? И в один из вечеров дождался своего

часа — на западе развертывался изумительный по красоте закат, именно такой, о каком он мечтал…

«Начинается, — с неудовольствием подумал Иван. — Заснет теперь под утро». Но вмешиваться не стал. Он чувствовал: у брата вдохновение, и его нельзя расплескать. Не знал, конечно, Иван что закат этот для молодого художника не только праздник освобожденных красок. Сюда, на веранду, вместе с ветром и гаснущими лучами солнца врывалось дыхание ушедших веков…

Солнце, покрываясь тускнеющей окалиной, уходило в туман, за зубчатую стену леса. Уходил вместе с ним и Саня, уходил в дальние времена. Странные образы и видения проносились перед ним. В цепочке мелких кучевых облаков он узнавал паруса средневековых каравелл, в темных изломах туч — шлемы римских воинов и пики древнегреческой фаланги.

Закатный костер гас, уплывая за горизонт, и звал Саню еще дальше, в глубь тысячелетий. Мучительно-сладкое чувство кольнуло сердце — юноша узнал вдруг костры родного стойбища. Но вот уплыли и они, и вместе с тускнеющей зарей Саня уходил в еще более немыслимые дали, в давно угасшие времена…

Зябко поеживаясь от ночной прохлады, юноша убегал под другой, непрозрачный купол мастерской. Включив свет и приплясывая от нетерпения, хватался за кисть. Как изобразить на холсте небывалую игру красок и обрывки видений, только что уловленных им в пурпуре вечерней зари? Как воплотить на картине дыхание угасших, как закат, веков?

Дни шли, но решение не приходило. Саня улетал на «лебеде» в лесостепь, бродил в одиночестве по лугам, и голова у него кружилась от шалфейных, медовых запахов и от наплыва невиданных образов и замыслов. Картины одна заманчивей другой возникали перед ним, а из головы не выходило почему-то четверостишие старинного поэта:

Поделись живыми снами,
Говори душе моей,
Что не выскажешь словами, —
Звуком на душу навей.

Но не навевало, не выстраивалось…

Однажды Сане показалось, что из зыбкого строя видений, из этой радужной пены тумана выплывает нечто такое, что не выразить ни рисунком, ни формой, ни словом, а действительно можно лишь намекнуть звуком, неясной музыкой. Что-то степное служило этому толчком и началом. Но что? Не запахи же? И вдруг, вздрогнув, понял: ветер!

Саня садился на пригорок спиной к городу-паруснику и смотрел, как травы, набегая друг на друга, катились шелковистыми валами. Потом закрывал глаза и слушал. Как и раньше, ветер бередил душу, вызывая образы потонувшей в веках, но неугасимой в памяти родины. Но тот же древний ветер нес теперь Сане и отраду. Странную, мучительно-зыбкую, наполняющую беспокойством отраду. Чувство более властное, чем тоска по родине, овладевало им — тоска по прекрасному, по невиданной, неуловимой красоте.

В шуме ветра Саня слышал теперь не только шорохи родной саванны, но и гул ушедших веков — звон мечей в битве на Каталаунских полях, топот конницы Буденного и многое другое. Что-то емкое, огромное вставало перед ним. Это огромное хотелось воплотить в одном образе, в одной картине и назвать ее… «Ветер времени».

Саня даже вскочил на ноги от волнения, от предчувствия дерзновенного замысла.

Домой он вернулся счастливо оживленным. Иван же, наоборот, встретил брата хмурым молчанием: обижался, что не берет его Саня с собой, не делится настроениями и мыслями.

Саня видел, что старший брат опять становится «колючим Иваном». Будет теперь дуться, иронизировать, сыпать язвительными замечаниями. «Еж»… — улыбался Саня. Желая загладить свою вину, он через несколько дней за завтраком пригласил брата в «пампасы гравитонного века».

— Я вчера облюбовал это удивительное место. Мы там откроем филиал студии Кольцова… Кроме учителя, меня и Юджина будут Зина с отцом, Граций и Юний, еще кое-кто из студийцев. Хочешь вместе с нами провести весь день?

— Некогда, — угрюмо отговаривался Иван.

— Ты не разгибаешь спины над своими вычислениями, — не отставал Саня и в отместку за прежние колкости съязвил: — В математической пустыне ты высох и скрючился как знак интеграла.

Иван хмуро отмахивался, но в конце концов сдался.

— Ладно… Разве что посмотреть твои пампасы…

Через час братья приземлились на зеленом пригорке, где их уже ждали Зина, Юджин, Денис Кольцов и его шумные ученики. В первые минуты, обмениваясь рукопожатиями, знакомясь с юными питомцами Кольцова, Иван не мог как следует оглядеться. Но вот Саня отвел его в сторону и показал рукой: смотри.

Давным-давно, когда еще не знали синтеза белка, здесь, видимо, волнами колыхалась пшеница. А сейчас — безбрежное холмистое море васильков с белопенными, как буруны, островками ромашек. Вдали, заштрихованные знойным маревом, голубели рощи.

— Ну как? — спросил Саня.

— Красиво, как сказал бы наш Афанасий.

— Не туда смотришь! — улыбнулся Саня. — Взгляни сначала налево, на юг, а потом направо.

Слева парил в голубизне неба город Калуга. Он сливался с окружающим пейзажем, придавая ему странное очарование. Справа, далеко на севере, высился еще один город. Он походил на исполинскую триумфальную арку, сотканную из мерцающего света. Иван много раз бывал в этом двадцатимиллионном городе, семицветной дугой раскинувшемся над своим историческим центром. Но не предполагал, что Москва, это чудо гравитехники, так удивительно выглядит со стороны.

«Как радуга иди северное сияние, — подумал Иван и, взглянув на вольно раскинувшиеся внизу луга и рощи, не мог не согласиться с Саней: — И в самом деле пампасы гравитонного века…»

— Самое замечательное в том, — говорил Саня, словно угадав мысли брата, — что вся гравитехника, не нарушая гармонии, вписывается в древние степи и леса. Москва меж грозовых туч, наверное, не отличается от редкого по красоте погодного явления. Она и сейчас смотрится как картина Куинджи «Радуга». Или взгляни в небо! Не сразу скажешь, летят ли

там настоящие, живые лебеди или это группа отдыхающих на летательных аппаратах. Вот эту естественность и гармонию нашего века мне хотелось бы передать в новой картине. А назову ее…

Саня вдруг замолк, осененный какой-то догадкой. Потом, размахивая руками, заговорил с возрастающим воодушевлением:

— Нашел!.. Я кажется нашел зримую основу будущей картины. Назову — «Ветры времени», а еще лучше — «Ветер тысячелетий»… На полотне, предположим, ты увидишь всего лишь эту степь. В ней то печет солнце, то гуляют веселые грозы и свистящие ливни…

— Изящно говоришь. Вот бы Афанасий восхитился!

— Не перебивай и не язви, — шутливо толкнул его плечом Саня. — Да, ты увидишь природу, не подавленную человеком, а эстетически им облагороженную. Это «лебеди», летящие в чистом небе, города-парусники и семицветные радуги будут ее естественным и гармоничным продолжением. Но это лишь видимая, зримая основа. Главное в картине — ветер, его музыка. Как передать его? Через бег облаков? Или в шорохе трав, в мерцании города-радуги? Еще не знаю… Скорее всего через особое настроение зрителя. Он должен услышать в ветре дыхание отшумевших веков — голоса рабов, строящих Парфенон, звон битв, звон скифских повозок, грохот танков… Труд и жертвы предков лежат в фундаменте нашего века. Пампасы гравитонного века — это венец предшествующей истории. Зритель должен почувствовать это. Он будет видеть на картине города-радуги и нетронутые луга, а слышать во всем этом песни древнего ветра, дующего из-за горизонта, и гул тысячелетий…

— Задумано здорово, — одобрил Иван. — Дело за картиной!

— Я ее как следует еще не вижу, — помолчав, проговорил Саня. — А главное — плохо слышу…

Ему не хотелось больше говорить о картине, и он поспешил переменить тему разговора.

После обеда Иван наблюдал, как действует «полевой филиал» студии Кольцова. По заданию учителя юные художники рисовали портрет Зины.

«До чего хитер», — восхищался Иван старым мастером, выбравшим в натурщицы именно Зину. Посмеиваясь над художниками, она смотрела на них, и выражение ее лица все время менялось. То оно было лукавым и насмешливым, то становилось серьезным. Девушка задумчиво смотрела в степь, грусть затуманивала ее глаза. Но грусть вдруг исчезла, и легкая улыбка вновь трогала губы. Вот и попробуй уловить отблески чувств и переливы настроений!

Художники хмурились и, вытирая пот со лба, поругивали Зину, говорили, что натурщица она никудышная. На это старый учитель с усмешкой возражал, что никудышных натурщиц не бывает, а бывают никудышные художники.

Понаблюдав немного за работой Сани, Иван решил прогуляться. Переходя вброд речку, заметил широкую излучину. Там величаво плавали гигантские птицы — «лебеди». Увидев человека, они дружно повернули головы в ожидании команды.

На другом берегу Иван выбрался из зарослей черемухи и зашагал в синие васильковые просторы. Шел долго, ни о чем не думая, прислушиваясь к шорохам трав и пению жаворонков. На одном из холмов оглянулся и увидел, что художники разбрелись кто куда.

Долго не мог Иван отыскать брата. Наконец далеко в стороне заметил его белокурую голову.

Саня шагал по траве навстречу ветру и, наверное размышлял над своей будущей картиной.

Ивана кольнула легкая зависть. Ему казалось, что Саня все дальше уходит от него, погружаясь в свою сладкую творческую жизнь, в мир прекрасного вымысла. Но тут же мысленно возразил: нет, милый братишка, сладенькой жизни не жди! Впереди у тебя радость и горе, взлеты и падения… Да и что такое счастье? Исполнение всех желаний? Нет, как ни парадоксально, но счастье — это и мука, постоянное недовольство собой и вечная тревога. И не будь этой тревоги — история человечества пришла бы к своему концу.

Иван накинул на нос пенсне-бинокуляр, чтобы разглядеть лицо брата. Саня шагал в степь, где пели птиц, где между облаков неугасимой радугой светился город. Он шел и улыбался. Его волосы развевались, под ногами колыхались и шелестели травы — древние и вечно юные травы… Сейчас Саня, наверное, слушал. Только слушал. И что-то далекое, радостное и мучительное теснило ему грудь, сжимало сердце — ветер тысячелетий пел в его ушах…

ЕВГЕНИЙ НАУМОВ

Племя Мудрого Ро

Повесть

Два жарких костра пылали в центре поляны, вырывая из ночной тьмы мохнатые лапы деревьев. В неровных отблесках огня лесные великаны казались хищными существами, собравшимися на пир и плотной стеной окружившими свои жертвы. Пять маленьких фигур молча замерли в напряженном ожидании.

Дым стелился по ветвям, тянулся к небу, и свет звезд не доходил сюда. Гудело яростное пламя, огненные языки взмывали ввысь, выстреливая снопами искр. Огонь притягивал к себе, гипнотизировал и ослеплял, казалось, тени становятся гуще и плотней смыкаются вокруг поляны.

Пять застывших, как изваяния, фигур являли собой странное зрелище. Можно было подумать, что они одеты в помятые и ржавые доспехи средневековых латников. Лишь тот, что стоял поодаль от остальных, между кострами, мог похвастать новизной одеяния. Блики огня играли на металлических пластинах и накладках, сочленения из пластика отливали матовой белизной. Он был нетерпеливее своих соплеменников и уже несколько раз переступил с ноги на ногу. Юноша знал, что все собрались здесь ради него и ради него пылают эти костры. Он был самым молодым в племени и ни разу еще не видел Мудрейшего. Но приближалась минута, от которой зависела его судьба: вот-вот должен был появиться вождь, чтобы сказать свое слово.

Послышалась возня, сопровождаемая металлическим бренчанием и поскрипыванием. Затем более отчетливы стали тяжелые, грузные шаги, треск ломающихся сучьев. Из тьмы в ярко освещенный круг вышли двое. С большой натугой, угадывавшейся в их замедленных и неловких движениях, они осторожно, как великое сокровище, несли странное, скрюченное существо. Октавус не сдержался и издал глухой возглас изумления, поняв, что это и есть Мудрый Ро.

Старика принесли из шалаша, где он коротал свои дни, спасаясь от непогоды. Он не мог ни стоять, ни лежать, мог только сидеть. Жизнь еле теплилась в нем. Но он был нужен племени, и его оберегали. Лишь благодаря ему они выстояли в борьбе со свирепыми ованго. Это он, Мудрый Ро, убедил их: чтобы выжить, племя должно научиться создавать себе подобных.

Topreading.ru

И вот они создали Октавуса, вместо того чтобы залечивать старые раны. Ро снова и снова внушал им: Октавус — это только начало нового пути, по которому они пойдут. Этот путь приведет их к победе над смертью, над всемогущим временем. Ведь они все так стары и изношены, что не способны по-настоящему постоять за себя. Но теперь у них есть Октавус! Вот он стоит в бликах яркого пламени, молодой, сильный, сияющий. Их детище, их сын, их надежда. И не жаль тех усилий, которые они приложили, не жаль жертв, на которые пришлось пойти. Ненго стал немым, чтобы мог говорить Октавус. Ухето отдал часть своей оболочки, покрыв себя безобразными заплатами, зато Октавус блистает, и на его корпусе нет ни единой вмятины или царапины. Янато лишился одной руки, чтобы у Октавуса их было две… Да, Октавус рожден в муках, но зато он должен сделать то, что не по силам никому другому, и будущее отныне не будет столь мрачным, и безысходным, каким представлялось раньше.

Мамбуса и Кало усадили старика на камень в нескольких шагах от костра. Октавус оказался прямо против вождя, с боков встали остальные, с каждой стороны по трое. Это было все их племя. Раньше их было в несколько раз больше. Но сегодня впервые их численность увеличилась, прежде она лишь уменьшалась.

Октавус с любопытством разглядывал вождя и не мог найти в его облике ничего, что выделяло бы его среди соплеменников. Вождь был таким же помятым, как и остальные. Но Октавус знал, что каким-то чудом Ро сумел сохранить свой мозг. Правда, блоки памяти с первоначальной информацией и программой поведения были расстроены, но в редкие минуты искры воспоминаний проскальзывали в его голове, и тогда Ро рассказывал удивительные вещи: оказывается, раньше их племя вело совсем иную жизнь, не было беспощадной борьбы с ованго, скитаний в дремучих и мрачных лесах, не было страха и отчаяния… Однако воспоминания Ро представляли собой разрозненные обрывки, все в них было смутно и неопределенно. Несомненным оставалось лишь одно: Ро хранит в себе великую тайну, разгадка которой, быть может, даст им надежду на спасение.

Откровения его не ограничивались видениями прошлого, многие практические советы вождя носили на себе печать тайного знания. Так, по крайней мере, казалось его соплеменникам. Он представлялся им колдуном и чревовещателем, каких много было у людей ованго.

Ованго постоянно громили их базы. Вместе с другим оборудованием гибли программные и записывающие устройства, которые приходилось изготовлять вновь и вновь. Постепенно эти устройства становились все более и более примитивными. И не только потому, что оскудевали технические возможности племени. Сам круг вопросов, волновавших роботов, сужался, замыкаясь на военных хитростях ованго, их нравах и обычаях, на опасностях, подстерегавших племя в лесах и болотах, на том, что было связано с залечиванием ран, с изготовлением вышедших из строя механизмов, на проблеме обеспечения энергией. А прошлое уходило все дальше и представлялось все менее существенным…

Жизненная программа была продиктована повседневным опытом, поэтому всякий раз, когда приходилось заменять поврежденные блоки и ставить запасные, «чистые», в них вносилась лишь та информация, что теперь считалась важной. Все оставшиеся в живых роботы, за исключением Ро, перенесли на своем веку не одну операцию с заменой блоков, и это привело к тому, что в их сознании исчезло главное — смысл и конечная цель напряженной каждодневной борьбы.

Ро не сразу стал вождем, первое время никто всерьез не принимал его откровений. Однако пришла пора, когда запасы были исчерпаны, племя оказалось на грани гибели. И тут именно Ро нашел выход: он призвал оставить базы, взять все, что можно, и уйти в глухие леса, недоступные для ованго. Его послушали, и он стал вождем. Правда, угроза гибели не

миновала, она лишь отступила. Но теперь все уповали на вождя, ибо он сумел доказать, что способен вести их за собой.

Не только для Октавуса, но и для остальных роботов эта ночь, озаренная пламенем костров, была исполнена высокого смысла. Все с нетерпением ждали, что скажет вождь. И Ро наконец заговорил. Его сухой, слегка надтреснутый голос звучал ровно и монотонно, но так говорили все в их племени.

— Я приветствую тебя, Октавус, — начал старик. — Твое рождение — большое событие для всех нас. У тебя необычное имя, и ты должен знать, что оно дано тебе на языке, который мы давно утратили. Нам приходится говорить на языке ованго, и сами мы носим их имена. Но у тебя настоящее имя! Это залог того, что рано или поздно мы вновь обретем наш древний язык. А значит, и утраченные знания. Когда мне сказали, что ты встал на ноги, я очень обрадовался. Я подумал: «Вот появился восьмой среди нас!» И тотчас в голове пронеслось слово «Октавус»! Да, твое имя означает «Восьмой». Ты рожден под знаком откровения.

Старик умолк. Роботы заволновались.

— Может быть, Ро, ты хочешь отдохнуть? — спросил Ухето.

— Нет, — встрепенулся вождь, — я буду говорить, я должен вам многое сказать. Я упомянул об ованго, они отняли у нас все, хотя многие из них нашли смерть от наших копий. Но ованго бессмертны, потому что владеют тайной воспроизводства. В этом их сила. Сегодня и мы сделали первый шаг. Однако спасение не придет само собой. Нам нужны десятки новых воинов, но мы исчерпали все запасы, создавая Октавуса. Нам нужна хорошо оснащенная база. Нам нужны готовые блоки для мозга и электронная аппаратура. Но ничего этого у нас нет. Здесь, в лесу, мы не выживем…

— Нет, — встрепенулся вождь, — я буду говорить, я должен вам многое сказать. Я упомянул об ованго, они отняли у нас все, хотя многие из них нашли смерть от наших копий. Но ованго бессмертны, потому что владеют тайной воспроизводства. В этом их сила. Сегодня и мы сделали первый шаг. Однако спасение не придет само собой. Нам нужны десятки новых воинов, но мы исчерпали все запасы, создавая Октавуса. Нам нужна хорошо оснащенная база. Нам нужны готовые блоки для мозга и электронная аппаратура. Но ничего этого у нас нет. Здесь, в лесу, мы не выживем…

— Как же так, Ро? — перебил вождя Янато. — Ты сам привел нас сюда. Нам казалось, что ты нашел выход. Мы надеялись на Октавуса. Зачем же тогда я отдал свою руку?

— Не горячись, Янато, пусть Ро говорит дальше, — остановил соплеменника Кало. Он и Мамбуса сохранились лучше других и считались главными воинами племени. Собственно, лишь на них и можно было всерьез рассчитывать в случае нападения ованго.

— Но электронная аппаратура есть на холмах, на нашей первой базе, — все тем же ровным голосом продолжал старик. — Там есть и приборы, при помощи которых Ненго сумел бы найти и устранить неисправности в моем блоке памяти.

Послышался приглушенный ропот: теперь и остальные не понимали вождя. Все знали, что первая база — в руках ованго. Даже когда роботов было гораздо больше, никто из них не осмеливался появляться в тех краях. Прямо на базе ованго устроили свои капища и зорко их охраняли…

— Я понимаю, чем вы обеспокоены, — сказал Ро, — но иного выхода у нас нет. Нам необходима

аппаратура.

Об Октавусе как будто забыли. Он переминался с ноги на ногу. Встреча с Мудрым Ро, начавшаяся столь торжественно, вдруг стала тягостной. Октавус видел, как поникли его соплеменники, и его молодая сила теперь показалась ему ненужной и даже преступной. Получалось, что он обокрал и без того покалеченных стариков. Им самим пригодились бы детали, которые пошли на его изготовление. Недаром Янато попрекнул рукой… Выходит, ни он сам, ни Мудрый Ро не оправдали надежд, которые возлагало на них племя. Гнетущее молчание роботов было тому подтверждением.

Первым обрел дар речи Ухето:

— Если я правильно понял, Ро, ты собираешься вести нас к нашей первой базе. Но это же совершенно нереально!

— Я останусь здесь. И ты тоже не пойдешь туда, Ухето. Пойдет Октавус.

— Как? Один?! — вырвалось у Янато.

Октавуса обдала волна гордости. Нет, Мудрый Ро не забыл о нем, все, что он говорил раньше, было лишь предисловием. И какие бы трудности ни ждали его, Октавуса, он их преодолеет!

— Да, Октавус пойдет один, — подтвердил вождь. — Одному легче проникнуть незаметно в логово ованго. На первое время нам хватит того, что он принесет.

Костры догорали, голубые язычки пламени лениво плясали на багровых углях, пышущих жаром. Тьма сгустилась, но никто не обращал на это внимания, все были заняты обдумыванием того, что сказал Ро. Его план уже никому не казался нелепым: ничего другого просто не оставалось.

— А если Октавус погибнет? — спросил Ухето.

— Значит, погибнем и мы, — ответил старик.

— Нет! — горячо воскликнул Октавус. — Я должен достать аппаратуру, и я ее достану. Я отплачу за руку Янато и за все остальное!

— Эх, Октавус, — сказал Янато, тронутый его словами. — Ты очень молод и не знаешь, какая это трудная задача!

— Но вы же отдали мне все лучшее, что у вас было! Вы готовили меня для большого…

Когда огонь погас и угли покрылись бурым пеплом, стало совсем темно и над поляной засияли звезды. Роботы затянули песню. Они переняли ее у ованго и сделали своим гимном. Роботы не знали своих предков, у них не было легенд и сказаний, которые могли бы поведать об их происхождении. Собственное существование представлялось им бесконечной чередой стычек с врагами и подготовкой к новым стычкам. Но племя ощущало потребность в чем-то, что сделало бы его борьбу осмысленной. Вольно или невольно оно заимствовало многие обычаи ованго, надеясь, что это поможет племени стать сильнее.

Закончив песню, Кало и Мамбуса бросили по охапке хвороста в костры и разворошили угли. Вверх взлетел золотой дождь искр, и яркое пламя вновь осветило бесстрастные лица и неуклюжие фигуры.

Роботы жгли костры до рассвета, а когда рассвело, приступили к испытанию Октавуса: по силам ли ему сложная задача, которую на него возложил Ро? Принесли несколько копий с металлическими и кремневыми наконечниками, пращу для метания камней, ядра из галечника.

— Выбери себе оружие, — сказал Ухето. — Нам доставалось и от того, и от другого.

Октавус вонзил в дерево два копья с широкими и плоскими, как нож, наконечниками и издал возглас восхищения. Кремневые наконечники ему не понравились: они не втыкались в дерево, хотя и оставляли в нем глубокие вмятины.

— Я возьму с собой эти, — указал Октавус на древки, торчавшие в стволе.

— У оранго не было раньше металла, — заметил Ро. — Они его воровали у нас. Но они первые догадались использовать его для изготовления оружия. Это лишний раз говорит, насколько плохо мы были приспособлены к войне… Многие из нас погибли, прежде чем мы научились воевать.

— Да, Октавус, — подтвердил Ухето, — мы всего-навсего ученики оранго и, чтобы победить, должны превзойти их. Раньше у нас были знания, но не было опыта, теперь есть опыт, но утрачены знания. Если ты принесешь приборы и Ро вновь обретет память, мы сумеем одолеть оранго.

Затем Октавус упражнялся в метании камней из пращи, и у него это получалось. Роботы остались довольны результатами.

В поход Октавус взял лишь самое необходимое: оружие, веревку, инструмент для устранения мелких неисправностей. Кало и Мамбуса провели его через лес и остались у подножия холмов, где обещали ждать. Октавусу следовало идти все время на восход, вверх по руслу неширокой, вьющейся среди лугов и перелесков реки.

По расчетам вождя, Октавус должен был добраться до места за четыре дня. Но уже на третий он почувствовал смутное беспокойство. Наверно, это вызвано было тем, что он вступил во владения оранго и то и дело натыкался на следы их присутствия. Видел кострища, заброшенные хижины и шалаши, кучи раздробленных костей диких животных. Однажды ночью он услышал гортанные крики и барабанную дробь и внутренне напрягся, готовясь к схватке. Но ничего не произошло.

На четвертый день утром Октавус заметил вдалеке облако пыли и почувствовал, как задрожала земля под ногами. Мудрый Ро ничего не говорил о подобных вещах. А между тем необычный для лесной глуши гул стремительно нарастал. В вихрях клубящейся пыли какая-то сплошная бурая масса с ревом, визгом и топотом летела прямо на Октавуса. Робот сообразил, что ему не отразить копьем живую лавину, и рванулся к спасительному островку леса. Забившись в самую чащу, он уже слышал, как трещат кусты и деревья, и решил, что наступил его последний миг. Но он остался цел. Огромное стадо рогатых животных пронеслось мимо, скрылось в облаке пыли.

Выбравшись из перелеска, Октавус прибавил шагу, стремясь покинуть опасное место, и тут вдруг увидел картину, повергнувшую его в смятение. Волосатые двуногие существа, полунагие, лишь слегка прикрывшие кусками шкур свои бронзовые тела, с копьями и дубинами в руках загнали в узкую падь стадо рогачей и оцепили его плотной стеной. Октавус застал самый

разгар схватки. Теснимые со всех сторон, разъяренные быки, вожаки стада, с налитыми кровью глазами и вздыбленными загривками, ревели, раздувая ноздри и расшвыривая копытами землю. Их прямые острые рога были нацелены на двуногих врагов. Молодняк и самки испуганно сбились кучей и жались друг к другу в центре живого кольца. Чтобы пробиться к ним, надо было смять строй самцов, исполненных грозной решимости стоять до конца. И нападавшие хорошо сознавали это.

То, что двуногие существа были ованго, Октавус понял сразу, но поначалу он и представить себе не мог, что могучие животные в панике спасались именно от них. Однако теперь это не вызывало сомнений, и робот пристально следил за схваткой, еще надеясь, что победа не достанется ованго. В какой-то момент его надежда, казалось, стала оправдываться. Из строя вырвался крупный самец с одним-единственным рогом — второй был сломан под корень в неведомо каких сражениях — и стремительно, как камень, пущенный из пращи, помчался на охотников. Те дрогнули и отпрянули, но было уже поздно. В воздух взлетело поддетое острым рогом тело одного из охотников и безжизненно рухнуло на землю. Однако ованго не растерялись и смело бросились вперед. Сразу несколько копий вонзились в бока и шею животного. Бык взревел и, повалившись, покатился по траве. Захрустели древки копий. Радостный вопль охотников тут же смолк. Бык встал на ноги, но продолжать борьбу он уже не мог. Мутная кровавая пелена застилала ему глаза, бурая пена шла из ноздрей. В бессильной ярости бык повел головой, закачался и рухнул на колени. Осмелевшие ованго подскочили к нему и добили.

И тут охотники все разом с громкими криками ринулись на стадо. Финал был коротким и неотвратимым. Копья ованго без промаха разили одного быка за другим. Обезумевшие животные нарушили строй и бестолково носились из стороны в сторону, подставляя под удар бока. Было ясно, что не спасут их ни мощные копыта, ни острые рога… Правда, быкам удалось зацепить двух или трех охотников, но это было слабым утешением. Октавус только сейчас по-настоящему понял, с кем ему предстоит иметь дело. Он много слышал об отваге и бесстрашии ованго, но совсем не одно и то же слышать и видеть своими глазами.

После охоты ованго принялись разделывать туши. Самок и молодых бычков они захватили живыми и связали веревками. Появились женщины и дети с вязанками хвороста, загорелись десятки костров. Октавус, не покидая своего убежища в густых зарослях, наблюдал за странными поступками людей. Они жарили мясо и ели его, дети кидали друг в друга кости и смеялись. Затем началось всеобщее веселье, песни, танцы, которые в основном имитировали охоту. Одни из ованго подражали быкам и гонялись за теми, кто изображал охотников. Последние ловко увертывались и поражали преследователей воображаемыми копьями.

Все это несколько отвлекло Октавуса от мрачных мыслей. Глядя на пылающие костры, он вспомнил лесную поляну, вспомнил до мелочей ночь посвящения. Чуть слышно запел он боевой гимн и, постепенно избавившись от неуверенности, решил идти дальше, невзирая на то, что надвигалась ночь. Октавуса охватило нетерпение, он чувствовал, что цель близка, и не хотел больше медлить.

На рассвете он увидел узкий серебристый столб, возвышающийся над холмами. Его остроконечную вершину уже осветили первые лучи Тохо, и она ослепительно сверкала. Октавус мог поручиться, что это не природное образование, но, с другой стороны, Мудрый Ро ничего не говорил ему о подобном столбе. Кто воздвиг его здесь? Зачем? Робот остановился в нерешительности. Может, он сбился с пути? Однако рядом, всего в нескольких шагах, протекала река, и утренний туман клубился над ней, поднимаясь все выше… Нет, Октавус знал твердо: с пути он не сбился.

Скоро он заметил другие сооружения. Это были полуразрушенные строения с ободранной обшивкой. От некоторых остались лишь голые скелеты металлических конструкций, изъеденных ржавчиной. Под их сводами располагались капища ованго — вокруг плоских жертвенных камней стояли деревянные идолы, украшенные побрякушками и всяким хламом, который ованго скорей всего насобирали здесь же. Блестящие железки, стекляшки, кольца, трубки, пружины — во всем этом Октавус узнавал детали от приборов и механизмов, некогда принадлежавших роботам.

Спрятавшись в кустах, Октавус не предпринимал никаких действий, он наблюдал. За целый день в храме, среди развалин, была принесена всего одна жертва. Однако по некоторым признакам Октавус догадался, что готовится большое жертвоприношение по случаю удачной охоты. Ованго носили дрова и складывали в поленницы у алтарей, тащили спутанных веревками, ревущих и брыкающихся животных, захваченных на холмах.

К вечеру стали собираться те, для кого предназначалось празднество. Охотники пришли без женщин и детей и были вооружены. Сперва это насторожило Октавуса. Но потом он подумал: ованго вооружены, они все в сборе и прекрасно сознают, что никто не рискнет напасть на них сегодня, а потому они скорей всего вообще сняли внешнюю охрану. Зачем нужна охрана, когда здесь целое войско?

Как и предполагал Октавус, едва опустились сумерки, ованго разожгли костры. Окрестности огласились предсмертным ревом животных, которых тащили на заклание. Вот у ближайшего жертвенника заметался в исступленной пляске дряхлый жрец с впалой грудью и выпирающими ребрами. Ожерелье из клыков болталось у него на шее, развевались бычьи хвосты, привязанные к поясу. Два десятка охотников, столпившись вокруг жреца, раскачивались из стороны в сторону и притопывали ногами. У других алтарей происходило то же самое. Минута была благоприятной, и Октавус, выбравшись из кустов, пригнулся и побежал к развалинам.

Никто его не заметил: празднество шло своим чередом. Дорогу среди развалин, где вперемешку со всевозможным хламом насыпаны были кучи золы и полуобгоревших костей, хотя и скудно, все же освещали отблески костров. Однако чем дальше, тем становилось темней. Октавус включил фонарик, вмонтированный в корпус, и замер от неожиданности: впереди зиял овальной формы провал. Исследовав отверстие, Октавус понял, что это ход в подземелье. Неужели склад?.. Крышка люка была сорвана и, по-видимому, утащена ованго для своих надобностей.

Октавус стал осторожно спускаться по узкой каменной лестнице. Мимо него шныряли небольшие рыжие зверьки с острой мордочкой и длинными тонкими хвостами.

Октавус стал осторожно спускаться по узкой каменной лестнице. Мимо него шныряли небольшие рыжие зверьки с острой мордочкой и длинными тонкими хвостами.

Под толщей земли царило такое же запустение, что и среди развалин, но здесь не было золы и костей. Лишь вековая пыль, помет вездесущих зверюшек, ржавчина и хлам. Разбитые ящики, исковерканные приборы и оборудование. Но Октавуса интересовали лишь контейнеры определенной формы. Только в них могла храниться аппаратура, за которой его послал Ро.

Вдоль просторного центрального коридора располагались складские помещения с провалами вывороченных дверей. В одном из них Октавус обнаружил крышку от нужного контейнера. Никакой пользы от крышки не было, но сам факт приободрил его. Он принялся за дальнейшие поиски и вскоре дошел до новой лестницы. Спустившись еще ниже, Октавус оказался в таком

же точно коридоре, и здесь ему сразу повезло. В первом же помещении он наткнулся на контейнеры, которые искал. Однако радость была преждевременной: все они были разломаны, аппаратура валялась в пыли и помете, разбитая, ржавая, ни к чему не пригодная. Октавус переходил из одного помещения в другое и всюду видел одно и то же.

С горечью, переходящей уже в безразличие, он направил луч фонарика в последнюю на этом этаже комнату, и глазам его предстала знакомая картина. С той лишь разницей, что здесь кишмя кишели рыжие зверьки. Их было тут гораздо больше, чем в других помещениях. Быть может, именно это обстоятельство заставило Октавуса задержаться в комнате чуть дольше обычного. Расплата последовала мгновенно: зверьки атаковали его все разом. Они отчаянно пищали, носились по контейнерам, прыгали на робота, бессильные причинить ему хоть какой-нибудь вред. Без сомнения, они хотели изгнать его из своих владений. Но почему именно отсюда?

Объяснение пришло очень скоро. Среди множества рыжих тварей, снующих вокруг него, Октавус заметил особей белого цвета. Они были намного крупней и держались поодаль, не принимая участия в атаках. Октавус сообразил, что в иерархии звериного царства эти белые играют, видимо, весьма важную роль, их-то и защищают рыжие. Вслед за этой догадкой мелькнула другая. Октавус решил, что искать уцелевшие контейнеры надо именно тут. Для ованго рыжие зверьки должны представлять серьезную опасность, охотники ведь состоят не из железа и пластика! Поэтому ованго не могли основательно похозяйничать в этом складе… И, не обращая внимания на ярость зубастого воинства, Октавус шагнул вперед.

Прав ли он оказался в своих рассуждениях или по какой-то иной причине, но нижние ряды контейнеров, до которых он кое-как добрался, были расставлены в строгом порядке. Стало ясно, что ованго их не трогали. Однако у них был еще один враг — время. Запоры, крышки и корпуса проржавели, в некоторых местах образовались дыры, судя по всему, не без помощи вездесущих зверьков, которые устраивали внутри свои гнезда. Но в конце концов терпение Октавуса было вознаграждено. В самом нижнем ряду он нашел первый уцелевший контейнер, правда, с ржавыми отметинами по бокам. Потом дело пошло лучше. Октавус выбрал два самых прочных на вид контейнера; перевязав веревкой, взвалил их на себя и двинулся в обратный путь.

Если сам он почти не пострадал от зубов рыжих тварей, отделавшись легкими царапинами, то древки его копий были изгрызены настолько, что сломились бы после первого же удара. Поэтому Октавус обломал один наконечник, решив им пользоваться как ножом, и отправился на разведку. Контейнеры он оставил у выхода из подземелья.

Уже рассвело, лучи Тохо заливали все вокруг ярким утренним светом. После мрака подвала сияние утра представлялось каким-то празднеством, пышным и красочным. Но неожиданно сзади раздался испуганный возглас:

— Смотри, смотри, робот!

Октавус оглянулся и увидел двух ованго с плетеными корзинами. Сжав наконечник копья, он приготовился к схватке, однако ованго побросали корзины и убежали. Сейчас они поднимут тревогу, и начнется облава. Шансы на то, что ему удастся пробиться, ничтожны, он неминуемо погибнет в неравном бою… Октавус подумал о соплеменниках, с нетерпением ожидающих его возвращения. Разве для сражений с ованго послали его сюда?.. Нет, он должен перехитрить врагов!

Октавус спустился вниз, взвалил на себя контейнеры и отправился в тот самый склад, который

недавно покинул. Там он забрался в угол, закрылся с головой всем, что только попалось под руку, и стал ждать.

Обитатели подземелья вскоре как будто примирились с присутствием чужака. Но послышался отдаленный шум, и зверьки опять всполошились, забегали, издавая пронзительные свистящие звуки.

Шум становился все сильней. И вот сквозь щели между контейнерами Октавус увидел, что хранилище, где он затаился, озарилось багровым светом факелов. «Конец», — подумал робот. Но в тот же миг воинство рыжих грызунов атаковало факельщиков. Столь дружного напора те явно не ожидали. Завязалась настоящая битва. Ованго швыряли факелы, размахивали дубинами, били, топтали проворных зверьков, но и те не оставались в долгу. Десятками они набрасывались на каждого из чужаков, и среди ованго оставалось все меньше тех, кому удалось избежать острых зубов. Неожиданно один из ованго упал, товарищи едва успели вытащить раненого из свалки. Это послужило сигналом к отступлению.

— Назад! Назад!.. Здесь их тьма!.. Бросайте в них факелы, и бежим!..

Брошенные ованго факелы еще долго горели на полу, освещая следы побоища. Победа досталась зверькам дорогой ценой, обгоревшие тела их валялись даже в коридоре.

Дождавшись ночи на верхнем этаже, где грызунов было меньше, Октавус решился наконец выйти наружу. Он опасался засады, но ованго, вероятно, искали его где-то в другом месте… Небо было усеяно крупными звездами. Миновав развалины. Октавус почувствовал себя уверенней, хотя продвигаться в темноте было нелегко. Сделав большой крюк, он наконец вышел к реке. Впереди лежали знакомые места, но все-таки Октавус решил дождаться утра в зарослях на берегу.

С первыми лучами он пошел дальше. Когда огненный шар Тохо выкатился из-за холмов, робот в последний раз оглянулся на святилище ованго. И снова его поразил узкий, остроконечный столб, блистающий в лучах Тохо и возвышающийся как исполин над ободранными скелетами древних строений.

Как и договаривались, Кало и Мамбуса ждали его на границе леса. Они не надеялись, что Октавус вернется так быстро, и не только целый и невредимый, но еще и с двумя тяжелыми контейнерами. Если бы не это веское доказательство, они не поверили бы, что он побывал в стане врагов.

Старый вождь, когда ему сообщили о возвращении Октавуса, словно пробудился от спячки. Все эти дни он находился в каком-то оцепенении и ни с кем не разговаривал. Ставка на Октавуса была последней. В случае проигрыша племя ждал неизбежный и скорый конец. И вот юноша вернулся с долгожданной добычей.

Как и договаривались, Кало и Мамбуса ждали его на границе леса. Они не надеялись, что Октавус вернется так быстро, и не только целый и невредимый, но еще и с двумя тяжелыми контейнерами. Если бы не это веское доказательство, они не поверили бы, что он побывал в стане врагов.

Старый вождь, когда ему сообщили о возвращении Октавуса, словно пробудился от спячки. Все эти дни он находился в каком-то оцепенении и ни с кем не разговаривал. Ставка на Октавуса была последней. В случае проигрыша племя ждал неизбежный и скорый конец. И вот юноша

вернулся с долгожданной добычей.

Сначала вскрыли контейнеры и осмотрели бесценный груз. Приборы и электронные блоки выглядели как новые, ни влага, ни пыль не проникли внутрь. И на другой же день все дружно взялись за работу. В ремонте нуждался каждый робот. И скоро уже Янато обзавелся недостающей рукой, Ненго обрел дар речи, Чако, который свалился в яму и покалечился, перестал и вспоминать об этом, а корпус Ухето выглядел не хуже, чем у Октавуса.

Но самое главное благодаря новым приборам Ненго удалось найти неисправность в блоке, управлявшем координацией движений Ро. Вождь наконец излечился от паралича, скрутившего его много лет назад. Однако память к нему так и не вернулась. После первых неудачных попыток Ненго почувствовал неуверенность: работа была слишком сложной и опасной, и он боялся совершить роковую ошибку. Племя могло остаться без вождя, поэтому на общем совете было решено до поры до времени воздержаться от риска.

Покончив с собственными неполадками, роботы приступили к созданию новичков, подобных Октавусу. Некоторые детали и механизмы изготовили сами, кое-что нашлось на разгромленных и брошенных ованго базах. Кроме того, Мудрый Ро вспомнил, что в давние времена погибших в боях воинов закапывали в землю, предварительно покрыв смазкой и обернув специальной тканью, — таков был обряд, заимствованный у ованго. От него вскоре отказались: ряды роботов быстро таяли, приходилось бороться за жизнь каждого, невзирая на затраты средств и энергии. Да и не верили роботы в загробную жизнь… Но теперь этот нелепый, казалось бы, обряд первых лет принес немалую пользу. Часть захоронений удалось отыскать; извлеченные из земли роботы сохранились настолько хорошо, будто погребены были только вчера. Правда, повреждения у всех оказались весьма серьезными, но теперь все это было поправимо, — и скоро еще десять надежно отлаженных, блистающих доспехами воинов пополнили ряды племени.

И вновь, как при рождении Октавуса, на поляне, окруженной могучими лесными исполинами, запылали костры. Но как много изменилось с тех пор, когда был сделан первый шаг к возрождению! В эту ночь были зажжены уже не два костра, а сразу двадцать…

После приветственной речи вождя был исполнен боевой гимн. Затем Октавус рассказал о походе на холмы, подробно повторив то, что поведал после возвращения. Но когда он уже подходил к концу и описал, как при восходе Тохо в последний раз оглянулся на святилище, вождь неожиданно дал знак замолчать.

— Я попросил тебя остановиться, — проговорил старик, — не потому, что твой рассказ был скучен. Но ты сегодня дважды упомянул об узком остроконечном столбе, который возвышается над холмами. Почему раньше ты не говорил о нем?

— Я не думал, что это имеет какое-то значение, — ответил Октавус. — И сперва просто забыл упомянуть о нем, хотя на меня столб произвел большое впечатление.

Все ждали, что скажет Ро, но он погрузился в долгое молчание. Тогда заговорил Ухето:

— Я смутно припоминаю, что когда-то это сооружение было нашим. Там были какие-то очень важные лаборатории и склады. Это я слышал от роботов, которые погибли.

— Ты прав, Ухето, — подтвердил вождь, — я тоже помню такие разговоры. Но это было очень давно. Однако перебил я Октавуса не из-за этого… Услышав о столбе, я почувствовал странное беспокойство и уже не мог думать ни о чем другом. Когда же Октавус второй раз сказал о нем, в моем мозгу вдруг отчетливо возникло необычное слово «Корабль». Потом из глубин памяти

всплыло воспоминание о том, что корабль — это устройство, предназначенное для полета на большие расстояния. В нем можно укрыться и жить. Там должно быть все необходимое для существования… Но тут цепь ассоциаций оборвалась. Больше мне нечего сказать.

— Это самое ценное твое воспоминание, Ро! — воскликнул Ухето. — Если корабль был нашим домом и там есть все необходимое для жизни, то мы должны вернуть его. Лес враждебен нам, мы здесь все равно погибнем. А если мы захватим корабль, мы улетим в безопасное место и навсегда избавимся от преследований ованго.

— Да, Ухето, ты прав! — горячо произнес Янато. — Корабль — это наше жилище! Теперь все ясно! Мы забыли о главном!

Октавус вспомнил запустение и хаос, царившие на складах.

— Корабль, вероятно, вышел из строя и уже не поможет нам, — усомнился он.

— Это будет видно, когда мы захватим его, — возразил Янато. — Он ведь не рухнул от ветхости, и обшивка на нем цела и блестит, как новая. Ты же сам это утверждал.

— Теперь у нас есть силы, — поддержал его Мамбуса, — и мы должны захватить его.

— Я рад, что вы полны решимости сразиться с ованго, — проговорил вождь. — Но сейчас у нас другая задача. Мы ничего не знаем о корабле. Как будем им управлять? Как вдохнем в него жизнь? Именно сейчас наступило время всерьез заняться моим блоком памяти. Без этого не стоит и мечтать о корабле.

Воцарилось молчание. Роботы размышляли.

— Нет, Ро, — тряхнул головой Ухето, — мы не должны рисковать. Ты для нас важней, чем корабль и даже чем твоя память.

— Но если ко мне вернется память, мы навсегда покончим с бессмысленным и жалким существованием. Корабль перестанет быть загадкой, у нас появится ясная цель.

— А если Ненго не справится с задачей?

— Тогда вам придется все решать самим. В конце концов, Ухето, я ведь не бессмертен. Любая случайность может привести к моей гибели. Сегодня, завтра или через несколько дней. А вместе со мной погибнет и надежда на корабль…

Операция производилась под просторным навесом, защищавшим от дождя и лучей Тохо. Хотя операция подобного рода ни для кого не была в новинку, все притихли при виде вскрытого корпуса старого Ро, из которого извлекли блоки мозга.

Особенно подавленными выглядели молодые роботы. Сбившись тесной кучкой, они растерянно оглядывались по сторонам, переминались с ноги на ногу. Для новичков старик был кумиром, хранителем древних тайн племени. Они не мыслили себе жизни без него, ибо слишком много горьких истин довелось им услышать в ночь посвящения.

Спокойней, чем другие, отнесся к операции Октавус. У него была своя маленькая тайна, которая всецело его занимала, не оставляя времени для переживаний. Тайной этой было

Topreading.ru

изобретенное им новое, невиданное оружие — лук, к которому Октавус приладил механизм, способный натянуть тетиву. Изготовив первый образец, напоминавший средневековый арбалет, он отправился в лес, чтобы испытать его.

Сперва Октавуса постигла неудача: он вспугнул стадо крупных животных с целым веером рогов на голове. Пришлось вести себя осторожней. Подкравшись поближе, робот пустил стрелу. Она вонзилась в шею лесного красавца. Животное замертво рухнуло на землю, ломая кусты.

Октавус приблизился к жертве и тут услышал в кустах шорох. На поляну вышли Ухето и Мамбуса. Они с недоумением уставились на Октавуса.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Ухето. — Мы ищем тебя с самого утра. Что это у тебя в руках?

— Самострел, — не без гордости пояснил Октавус.

— И из него ты убил животное? Ты что же, подобно оранго решил заняться охотой? Зачем тебе это?

— Я испытывал самострел.

— А где ты его взял?

— Я сделал его сам. Это мой подарок Мудрому Ро.

— Как? Ты уже знаешь, что он вновь с нами? — удивился Мамбуса. — Ведь тебя не было с утра. Для того мы и искали тебя, чтобы сообщить эту радостную весть.

— И он обрел память?

— Да, Ненго прекрасно справился с задачей, — кивнул Ухето.

— Идемте скорей, я хочу сам увидеть Ро, — обрадовался Октавус. — Теперь мы отобьем у оранго корабль! Мы будем разить их издалека, а сами останемся в безопасности… Значит, Ро все вспомнил? И может объяснить все загадки? Он сказал вам, что такое корабль?

— Ты нетерпелив, — заметил Ухето. — Ро нам еще ничего не говорил. На него обрушился целый поток забытой информации, и он старается привести ее в порядок. Нельзя сейчас отвлекать его вопросами. Мы ждали долго, и ничего не случится, если подождем еще.

— Вообще-то он ведет себя как-то странно, — проговорил Мамбуса. — В его первых словах не было радости. Заметно, что он обеспокоен чем-то. А чем — не говорит. Тут поневоле задумаешься…

Когда Октавус в сопровождении Ухето и Мамбусы появился на базе со своим самострелом, никто не обратил внимания на диковинный аппарат. Все были заняты обсуждением перемен, происшедших с вождем, и наседали на Ненго, надеясь узнать от него что-то новое. Ведь он первый беседовал со стариком. Но ничего определенного Ненго сказать не мог. Сам же вождь уединился в шалаше и потребовал, чтобы его не беспокоили.

Шло время, а Ро все не появлялся. Это не на шутку встревожило племя, и Кало вызвался пойти на разведку. Вернувшись, он рассказал, что старик сидит в шалаше и читает книгу, которую

бережно хранил с давних пор, несмотря на все злоключения кочевой жизни.

— Значит, он вспомнил древний язык! — обрадованно воскликнул Янато. — Ведь он не раз говорил, что эта книга откроет нам глаза, и потому берег ее, хотя не мог прочесть ни единого слова.

— Но почему он не может прочесть книгу всем нам? — засомневался Чако. — Почему прячется от нас?

— Пусть скажет правду! Нам нужна правда! — проговорил Мамбуса возбужденно. — Или ему нечего нам сказать?

В этот момент вождь появился на поляне, где собрались роботы.

— Ты ошибаешься, Мамбуса, мне очень многое надо вам сказать, — заговорил он. — Но прежде чем начать разговор, я должен был разобраться во всем сам. Да, память вернулась ко мне, Ненго оправдал наши надежды. Однако мало вспомнить прошлое, необходимо понять его… Вы слишком нетерпеливы, я не успел прочитать книгу до конца и еще многое не понимаю сам. Но и то, что я уже знаю, заслуживает вашего внимания.

Роботы сбились тесной толпой вокруг старика и жадно ловили каждое его слово.

— Теперь мне известны первоначальная информация, заложенная в нас, и прежняя программа, — продолжал Ро. — А это меняет ситуацию. Чтобы спастись, мы не должны воевать с ованго. Нам следует заключить с ними мир.

Роботы переглянулись. Разве ованго согласятся на мир? Нет, они сами начали войну и не успокоятся, пока не покончат с гонимым племенем…

Октавуса волновали совсем другие мысли.

— Как же так? — воскликнул он. — Я изобрел новое оружие, оно сделает нас непобедимыми! Я могу показать вам, как действует самострел, тогда вы поймете.

— Не спеши, Октавус, — произнес Ухето. — Ро еще не кончил говорить.

— Он хочет, чтобы мы стали охотниками, как ованго, — сказал Мамбуса. — Чтобы гонялись за лесными зверями.

— Мы будем воевать не со зверями, а с ованго! — горячился Октавус. — В лесу я только испытывал самострел.

Ро жестом остановил перепалку.

— Я не видел в действии твоего оружия, Октавус, — проговорил он, — но охотно верю, что оно обладает большими достоинствами. В делах войны ованго были нашими учителями, и теперь, надо думать, мы их превзошли. Однако программа, которая помогла нам выжить, безнадежно устарела. Мы должны от нее отказаться. Мы не будем больше воевать с ованго. С нами опять наше прошлое: мы не дикари, а роботы, которые не имеют права убивать людей.

— Не понимаю тебя, Ро, — произнес Мамбуса. — Ты хочешь, чтобы ованго поскорей уничтожили нас? Или, по-твоему, они решили оставить нас в покое?

— Они по-прежнему относятся к нам враждебно.

— Тогда почему мы не вправе постоять за себя? Я согласен, война нам не нужна, но мы обязаны обороняться, чтобы выжить.

— Я еще не все разъяснил вам. Я не сказал о корабле. Ухето был отчасти прав, когда вспомнил, что корабль некогда принадлежал нам. Да, мы прилетели сюда на нем и встретили ованго. Но мы были не одни, вместе с нами прибыли люди с Земли.

— Кто такие люди с Земли? — Недоверие к людям, укоренившееся в долгих войнах с ованго, прозвучало в вопросе Мамбусы.

— Они очень похожи на ованго, но в то же время совсем не такие. Это они построили корабль.

— Построили для нас? — усомнился Кало. — Куда же они делись? Или они покинули нас в беде и ушли к ованго?

— Они давно все погибли, — ответил Ро. — Книга, которую я читал, это дневник экспедиции. К тому же я многое вспомнил сам… Смерть пришла к ним внезапно, они умирали один за другим. И никто не знал причины. По крайней мере, мы, роботы, ничего не знали… Меня тогда не было на корабле, я находился на дальней базе, а когда вернулся, все было кончено. Мы остались одни. И вскоре начались наши стычки с ованго. Мы очень зависели от людей, наша самостоятельность была сильно ограничена, поэтому мы растерялись, оставшись без поддержки. А ованго этим воспользовались. И мы потеряли корабль, а потом и все базы.

— Надо было улетать сразу, пока корабль оставался в наших руках, — сказал Октавус.

— Теперь и мне ясно, что мы должны были поступить именно так. Но ведь никто не предполагал, что ованго нападут на нас. Мы решили сперва демонтировать наши базы, так как не хотели бросать оборудование и машины. Нам хотелось спасти хотя бы технику. Мы прилетели сюда с Земли, с далекой планеты, затерянной среди миллионов звезд. И там до сих пор ждут известий о пропавшей экспедиции.

— Кому же принадлежит Земля? Роботам или людям? — спросил Мамбуса. — Если людям, то стоит ли туда лететь?

— Люди с Земли вооружены могучими знаниями, — отозвался Ро. — Они создали корабль и всех нас. Мы их дети, и мы обязаны завершить экспедицию. Люди с Земли рассчитывали на нас, это было их последним желанием. Так сказано в дневнике. Кстати, они никогда не применяли оружие против ованго… Ованго — дикари. Они неразумны, хотя не столь уж плохи, как нам кажется. Когда-нибудь они тоже научатся строить корабли и поймут многое из того, чего не понимают сейчас. Они считают, что землян погубили именно мы, и поэтому мстят нам. Принимают нас за колдунов и оборотней, ибо не представляют, как мы можем жить, не охотясь на диких зверей. Нет, мы не должны трогать ованго. Нам следует помириться с ними.

— Но мы уничтожили уже многих ованго, — проговорил Чако. — Люди с Земли могут не простить нам этого.

— Тогда у нас не было другого выхода. Да мы и сами были неразумны…

— Если из землян никто не остался в живых, то как же мы будем управлять кораблем? — спросил Октавус.

— В свое время многие роботы были пилотами и умели водить космические корабли, — ответил Ро. — И я надеюсь, что на «Сфинксе», так называется наш корабль, есть программные

устройства, которые вернут нам утраченные знания.

— Ованго не пустят нас туда! — покачал головой Янато. — Почему они должны изменить свое отношение к нам?

— Мы попробуем вести с ними переговоры. Попробуем убедить, что не хотим им зла. Корабль им не нужен, так что им незачем упорствовать. Ованго не могли проникнуть на корабль: он оснащен надежными защитными устройствами…

С наступлением темноты Ро ушел дочитывать дневник экспедиции. Он знал, что без него роботы будут чувствовать себя свободней и если вынесут какое-нибудь решение, то оно будет добровольным и единодушным. Ро не хотел навязывать племени свою волю.

Вся ночь прошла в бурных спорах. Роботы понимали, что перед ними открылись перспективы, еще совсем недавно немыслимые. Путешествие к звездам, на далекую планету, которая, по утверждениям Ро, является их настоящей родиной. Кто бы мог подумать об этом! Но звезды, Земля, люди, создавшие корабль, — все это было столь чуждо и непонятно, что у многих возникали сомнения. Как могло случиться, что все они напрочь забыли о таких важных вещах и ни у кого в памяти не осталось ни малейшей зацепки, которая подтверждала бы достоверность рассказов вождя?

На другой день, когда вождь появился на поляне, Мамбуса вышел ему навстречу и сказал:

— Мы пришли к единому мнению, Ро, и мы верим тебе. Но все равно остается много непонятного. Ты сам говорил, что ованго обвиняют нас в гибели землян. Можешь ли ты доказать, что мы неповинны в их смерти? Не придется ли нам вести войну и на Земле?

— Дневник экспедиции свидетельствует, что земляне умерли от какой-то странной болезни, — ответил Ро. — Она была вызвана земными бактериями, которые в новых условиях изменились и стали опасными. Лекарства оказались бессильны. На теле землян появлялись кровоточащие, незаживающие язвы, поэтому и возникла легенда у ованго, будто мы питались кровью своих спутников.

— Но ованго ведь тоже люди! Почему эта болезнь не затронула их?

— Этого я не знаю. В дневнике много записей об ованго. Там сказано, что хотя они и похожи на людей с Земли, но все-таки сильно от них отличаются. Может быть, бактерии с Земли оказались опасными только для землян?.. Наша задача — спасти материалы экспедиции. И мы должны рассказать о несчастье, постигшем людей с Земли, чтобы такого больше не повторилось. Так написано в дневнике. Это писал один из последних землян. Смертельно больной, он проводил исследования, стараясь выявить причину заболевания, но не успел довести работу до конца.

— Что ж, Ро, теперь все ясно… Но как мы проникнем на корабль, если нам нельзя воевать с ованго? Они не пропустят нас!

— Действительно, — подтвердил Октавус, — у нас ведь нет пленников, и мы не можем устроить обмен.

— Я понимаю тебя, Октавус, — ответил старик. — Ты сожалеешь, что мы отвергли твое изобретение. Но я думаю, ты не напрасно потратил время. У нас нет пленников, зато есть твой

самострел. Сделаем еще несколько таких же и предложим их ованго. Если им понравится, они пропустят нас к кораблю. Твое оружие пригодится им в нелегкой борьбе за жизнь.

— Нет, нет! — запротестовал Октавус. — Лучше я его уничтожу! Они обманут нас и всех перебьют..

— В тебе говорит предубежденность, Октавус! Люди с Земли называли ованго братьями и не делали им зла. Теперь, когда мы прошли долгий путь и стали мудрее, мы должны думать не только о себе.

— Но они нас просто обманут, — упрямился Октавус. — Мы вооружим их против самих себя. А вдруг «Сфинкс» окажется негодным для полета и нам придется остаться здесь?

— Тогда ты создашь нам еще более мощное оружие. Или уже не веришь в свои силы?

— Верю, но ведь потребуется время!..

— Об этом не беспокойся. Если возникнет необходимость, мы все будем работать над новым оружием.

Продолжать спор было бесполезно, и Октавусу пришлось уступить. В конце концов его утешала мысль, что труд не пропал даром. Кроме того, Ро предложил, чтобы на переговоры с ованго Ухето пошел вместе с Октавусом, и у изобретателя появилась надежда, что если не роботы, то хотя бы ованго по достоинству оценят его самострел.

Через несколько дней, захватив с собой добрую сотню стрел и два арбалета, Ухето и Октавус отправились в путь. На холмах, на берегу реки, вдоль которой Октавус совсем недавно пробирался во владения ованго, они развели три больших костра. К небу взметнулись клубящиеся столбы дыма. Это был знак мира.

Полдня роботы подбрасывали в огонь траву и зеленые ветки, чтобы дыма было побольше, и наконец увидели вдали ответный сигнал. Он означал, что ованго приняли предложение и готовы к переговорам. Возможно, они думали, что роботы захватили пленников и хотят их обменять.

Скоро на противоположном берегу реки появились послы под охраной вооруженного отряда. Увидев роботов, они спустили на воду легкий челнок из коры, который принесли с собой. В него забрались шесть воинов. Оттолкнувшись длинными шестами, они направили челнок к роботам. Но на берег вышли лишь двое ованго, другие остались в лодке.

По внешнему виду можно было понять, что эти двое — не рядовые воины: из общей массы их выделяли пятнистые шкуры на плечах и металлические браслеты на руках и ногах. У обоих были короткие рыжие бородки, на сильно выступающих скулах и щеках нанесен краской тонкий затейливый узор, волосы на голове стянуты сзади узлом. У того, что постарше, в мочках ушей торчали костяные палочки.

Ухето приветствовал гостей и произнес заранее подготовленную речь. Суть ее сводилась к тому, чтобы ованго согласились пропустить роботов через свои владения в обмен на новое, невиданное оружие, которое сделает племя охотников непобедимым. Когда Ухето кончил говорить, Октавус, не теряя времени, принялся стрелять из своего самострела по мишеням, изготовленным из досок и кусков жести. Каждый выстрел вызывал восхищение зрителей, — стрелы не только попадали в цель, но и пробивали толстые доски, обитые жестью.

Как-то незаметно воины из охраны оставили лодку и подошли ближе. Потом потянулись любопытные с другого берега, одни переходили реку вброд, другие переплывали на челноках. Самые азартные попробовали было посостязаться с Октавусом и стали метать копья, но не смогли даже добросить их до мишеней. А когда роботу удалось подстрелить пролетавшую птицу, крики восторга огласили окрестности. Октавус уже не опасался дикарей. Напротив, он поражался их доверчивости и верил теперь, что если ованго согласятся их пропустить, то сдержат свое слово.

Но Ухето был опытней и не терял бдительности. Убедившись, что необходимый эффект произведен, он сделал послам знак, чтобы воины отошли в сторону. Никто, однако, уже не перебирался на противоположный берег, этого Ухето и не требовал. Он сказал:

— Мы показали вам наше оружие и научим с ним обращаться. Это нетрудно. Каждый из вас потом сумеет сделать себе самострел.

— Когда племя роботов хочет отправиться в путь? — спросил старший из послов.

— Мы спешим, — ответил Ухето. — Мы уйдем навсегда из ваших владений и покончим с враждой.

— Но куда вы пойдете?

— Туда, где рождается Тохо.

Решено было прямо не говорить ованго о корабле, так как он, хотя и находился в стороне от святилища, все же мог оказаться предметом культа, а это осложнило бы переговоры.

— В той стороне живут другие племена, и вам придется воевать с ними, — предупредил посол.

— Мы уйдем в страну своих предков. Нам предстоит далекий путь, и мы готовы к испытаниям.

— Ованго пропустят вас, если совет вождей так решит. Мы должны рассказать им о вашем оружии.

— Когда ждать ответ? — спросил Октавус.

— Когда Тохо родится в седьмой раз.

С хорошими вестями вернулись Ухето и Октавус на базу. Никто не сомневался, что совет вождей примет предложение: слишком велико было желание ованго овладеть новым оружием. И роботы стали готовиться к походу. На всякий случай решили идти налегке, оставив на базе все приборы и оборудование.

Накануне условленного дня роботы пришли к реке. Рано утром, едва Тохо позолотило своими лучами каменистые гряды далеких холмов, три столба дыма известили о приближении посольства ованго. На сей раз послы явились с большим войском, но, увидев перед собой жалкую кучку роботов, остановились и стали совещаться. В конце концов войско разделилось, и большая его часть повернула обратно. Вслед за этим послы переправились через реку. Они сообщили, что совет вождей согласился пропустить роботов, если те не будут нарушать договора.

— А разве остальные роботы не желают уйти в страну предков? — неожиданно спросил посол с костяными палочками в ушах.

Наивная хитрость лишь позабавила Ухето, и он ответил:

— Это все наше племя. Мы пережили трудные времена, и нас осталось мало.

Обговорив все условия и поклявшись свято их соблюдать, роботы отправились в путь. Вновь Октавус шел знакомой дорогой, и в его памяти всплывали подробности первого похода. Он подвел своих спутников к перелеску, где скрывался от стада обезумевших животных, едва не растоптавших его, показал место схватки ованго с быками, потом указал на далекий холм, с которого впервые увидел остроконечный корпус корабля.

Первым поднявшись на вершину холма, Мамбуса воскликнул в восторге:

— Корабль! Он блестит как новый!

— Он огромен, как скала! — произнес Янато. — И сияет ярче Тохо!

Видя ликование маленького племени, ованго решили, что таинственная башня, которую они считали творением богов, священна для роботов. Сами они тоже не были к ней равнодушны, но их чувства носили иной характер. Башня была для них воплощением непонятной силы, злой и враждебной. Корпус блестел так ярко, что у них укоренилось убеждение: тот, кто задержит взгляд на корабле, лишится зрения. И хотя корабль царил над окрестными холмами и святилищем, ованго предпочитали держаться подальше от него.

Корабль всегда оставался для ованго загадкой, с ним было связано множество легенд. В одних говорилось, что в древние времена в башне жили люди неба, существа добрые и безобидные, но потом там поселились злые духи, и с тех пор башня стала проклятием для ованго. Другие легенды прямо связывали роботов с башней. Будто бы те поклонялись ей, а после их изгнания боги прогневались на ованго и не позволяли смотреть на башню.

Теперь они, конечно, вспомнили эту легенду, но ни Мудрый Ро, ни Ухето не подозревали, насколько она упростила дело. Когда роботы сказали, что хотят подойти к кораблю и провести около него ночь, ованго восприняли это как должное и дали согласие. Лишь небольшой отряд самых отважных воинов сопровождал роботов, но и они не рискнули приблизиться к кораблю и остановились на ночлег в отдалении. Ованго поставили единственное условие — чтобы роботы покинули это место до рассвета.

Наступила решительная минута. Если не удастся войти в корабль, все надежды рухнут. Ованго уже не разрешат вернуться на базу — придется пробиваться с боем… Однако Ро был спокоен. Он сразу заметил, что грузовые и пассажирские люки задраены наглухо, а это ясно указывало, что ованго не сумели проникнуть внутрь. С тех пор как к вождю вернулась память, ему стали известны все тайны корабля. Теперь для него не представляло труда открыть люки, оснащенные системой электронных запоров. Собственно, в корпусе каждого робота были вмонтированы особые микродатчики, посредством которых электронные сторожа узнавали «своих». Но никто, кроме Ро, об этом не догадывался… Вождь, однако, не спешил, он ждал, когда в стане ованго успокоятся.

А там ничего не подозревали. Расположившись у костров, воины готовили себе ужин. Ованго было не столь уж много, но они не боялись роботов, ибо в любой момент могли рассчитывать на помощь. К тому же обе стороны связывали себя клятвой, и нарушителя ждала кара богов. У воинов ованго было превосходное настроение. Еще два дневных перехода — и роботы покинут их владения. Одним врагом станет меньше. А главное, племя получит новое грозное оружие.

А там ничего не подозревали. Расположившись у костров, воины готовили себе ужин. Ованго

было не столь уж много, но они не боялись роботов, ибо в любой момент могли рассчитывать на помощь. К тому же обе стороны связывали себя клятвой, и нарушителя ждала кара богов. У воинов ованго было превосходное настроение. Еще два дневных перехода — и роботы покинут их владения. Одним врагом станет меньше. А главное, племя получит новое грозное оружие.

Между тем Ро решил, что пора действовать. Он приблизился к одной из опорных штанг, на которых стоял корабль, и стал производить манипуляции, загадочные и непонятные для непосвященных. Роботы сгрудились около него и терпеливо ждали. Казалось, вождь колдовал на манер жрецов ованго. Вот он вложил раскрытую ладонь в углубление на штанге, подождал минуту, затем вложил вторую ладонь. Снова сделал паузу и легко повернул рычаг, который еще мгновение назад как будто составлял единое целое с броней. Послышалось мерное гудение. Корабль оживал. Роботы сбились теснее. Неожиданно, глухо скрипнув, откинулась броневая заслонка, и заблестело никелированными рукоятками кодовое устройство. Вождь уверенно набрал шифр, и сразу же плита, закрывавшая люк, бесшумно сдвинулась в сторону. Из образовавшегося отверстия струился мягкий, матовый свет. Ро обернулся к соплеменникам и проговорил:

— Ну вот, теперь мы спасены.

Роботы боязливо толпились у люка, с недоверием и опаской заглядывали внутрь. Все притихли. Неизвестность манила и в то же время пугала.

— Иди первый, Октавус, — сказал Ро. — Теперь мы оправдаем надежды людей Земли и доведем экспедицию до конца.

Привлеченные светом, струящимся из открытого люка, ованго, пересилив страх, подошли ближе. Свет был необычный и не походил на отблески костра. Это смущало воинов. Они держались на почтительном расстоянии, сжимая в руках древки копий.

Ро взял приготовленные арбалеты со стрелами и отнес их ованго.

— Мы покидаем вас навсегда, — проговорил он. — Люди неба ждут нас. Взгляните на звезды, там страна наших предков.

Вождь вернулся назад, и роботы один за другим скрылись в шлюзовой камере. Ро вошел последним и закрыл за собой люк.

Несколько дней ованго кружили неподалеку от корабля, приближаясь к нему только по ночам. Они ждали, не появятся ли роботы снова. Но вот тишину ночи разорвали раскаты грома. Задрожала земля. Из дюз корабля вырвалось ослепительное пламя. Ованго бросились бежать, пораженные ужасом. Раздался пронзительный гул, нараставший с каждой минутой, и таинственная башня исчезла, огненным столбом взметнувшись в небо.

ВИКТОР КАТАЕВ

Захотеть...

Рассказ

Topreading.ru

— Сейчас возрастает значение гармонической взаимосвязи архитектуры и природы, вплоть до строительства «солнечных» домов и целых городов. Это будут прекрасные города! — Славин разгорячился, раскраснелся, он говорил все громче и все сильнее размахивал руками. — В крышах и стенах — солнечные батареи. Дома из блоков самых разных форм, и жители сами, как из детских кубиков, выстраивают свое жилище. И много воздуха, цветов, зелени. Мы забыли парковое искусство… А главное, транспорт — под землю! Чтобы весь город людям. И обязательно около моря. Или озера…

— На все города морей не хватит, — скептически заметил Лешка и, махнув рукой, пошел к своему столу.

А вслед за ним и остальные отошли от Олега Славина. Лешка всегда уходил первым. Ему было уже далеко за тридцать, но никто не видел у него ни одного интересного проекта — все его проекты были сухи и трусливы. И сам он был тихоньким человечком — полненьким, розовеньким, с вечно болящими зубами и постоянно смущенным видом, будто нашкодил и стесняется признаться. Несмотря на возраст, все звали его — Лешка.

— Не выйдет у тебя ничего, Олег, — Лешка взял в руку линейку, слишком большую для его толстеньких коротких пальцев. — Не выйдет. И нечего… от работы отрывать, — сказал он, заметив входящего Сергея Петровича.

— Опять? — строго спросил Сергей Петрович. — Опять треп, Славин? Ты расчеты по детскому комбинату сделал? — он потер рукой лоб, поморщился.

— Почти, — ответил Олег, — почти сделал. Немного осталось, Сергей Петрович.

— Эх, Славин, — вздохнул Сергей Петрович. — И когда ты наконец повзрослеешь? Все прожекты в голове…

— Но Сергей Петрович! — Славин подошел к начальнику. — Нельзя же без мечты! Если построить нам такие города, ведь люди же все как один счастливыми будут!

— Отойди, Славин! У меня и так голова раскалывается.

Олег внимательно посмотрел на Сергея Петровича, почувствовал, как у него самого болезненно екнула жилка на виске. Он вернулся к столу, сел за расчеты.

А начальник прислушался к себе и улыбнулся.

— Вот видишь, Славин, только ты сел за работу — и голова у меня перестала болеть. — Сергей Петрович обвел всех повеселевшими глазами и вышел.

Славин улыбнулся чему-то, придвинул к себе машинку, начал считать.

— А мне нравится, — вдруг послышалось из угла. — Хороший у тебя получается город. И люди друг к другу ближе будут…

Олег поднял голову — на него смотрела Оля Кашкина. Славин жалел Олю: природа сильно ее обидела. Оля была маленькая, сухонькая, остроносенькая и вообще некрасивая. И она знала это и давно смирилась — не красилась, не делала себе причесок. Да и вряд ли из ее сереньких, жиденьких волосенок что-нибудь могло выйти. Никто не обращал на Олю внимания, тем более что она почти все время молчала. А тут — глядите-ка!..

Topreading.ru

Все с удивлением глядели на Кашкину. Она покраснела, смутилась, уткнулась в свои бумаги.

— И дома — на любой вкус! — опять загорелся Славин. — И высотные, с огромными окнами, и маленькие домики. Где хочешь, там и живи!

— Ну да, — проскрипел Лешка, — а кто тебе понастроит таких домов? Это же знаешь…

— К зубному тебе давно пора сходить, — сказал Славин и ткнул пальцем в клавишу счетной машинки.

— Чего вдруг?

— Зубы лечить, — усмехнулся Славин. Он надолго замолчал: погрузился в расчеты.

На обед разбежались очень быстро. В комнате остались только Славин да Кашкина. И когда он зачехлил машинку и собирался встать, Оля подошла к его столу.

— Олег, — тихо спросила она, — ты кто?

— Я? Да как тебе сказать… Учился на архитектора, но сижу в этой конторе, можно сказать, как бухгалтер. Считаю…

— Да я не про это! — отмахнулась Кашкина. — Я же чувствую…

— Что? — Славин насторожился.

— Ничего. — Кашкина пошла к дверям, но оглянулась. — Только наверняка у Лешки сегодня зуб заболит.

— Что? — Славин насторожился.

— Ничего. — Кашкина пошла к дверям, но оглянулась. — Только наверняка у Лешки сегодня зуб заболит.

Олег поглядел ей вслед, послушал, как стучат ее каблучки по коридору. Жалко ее. Она ведь хороший человек. Но одной хорошести для счастья маловато.

Он представил себе, как входит Оля в комнату, стройная, красивая, уверенная…

Славин быстро вскочил и почти побежал по коридору. Ему захотелось догнать Кашкину, сказать что-нибудь хорошее. Догнал ее только у дверей кафе, распахнул их перед ней, вошел следом.

— Ты чего, Олег? — удивленно спросила Кашкина. — Что ты?

Славин молча помотал головой и подал ей поднос.

Взяв обед, он подсел к Лешке, который самозабвенно заливал какой-то девице, не слушавшей его, о своем давно вынашиваемом проекте кинотеатра, совмещенного с сауной.

А Олег думал про Кашкину. Вспомнил, как глядела она на него — украдкой вскидывала глаза и тут же отворачивалась, когда их взгляды встречались, краснела. Он, конечно, все это замечал, но как-то не придавал значения. Почему-то мы вообще нечасто обращаем друг на друга внимание… Кашкиной не хватает уверенности, веры в себя.

Topreading.ru

Славин отнес посуду, выскочил на улицу и забежал за угол — в цветочный магазин.

Он успел вернуться вовремя — Кашкина как раз выходила из кафе. Олег быстро, чтобы не передумать, подошел к ней и протянул букетик душистого горошка.

Кашкина замерла, задохнулась, потом медленно подняла на него глаза. В них были смятение и страх, недоверие и надежда…

— Ты хороший человек, Оля Кашкина, — пробормотал Славин. — Ты очень хорошая, и я хочу… Я хочу, чтобы ты… — Он окончательно растерялся, сунул букетик ей в руки, повернулся и быстро пошел прочь.

После обеда все уже собрались в комнате, работали. Только Лешка сидел и тихо постанывал — у него заболел зуб.

— Ну, Славин, — бормотал он, — ну, удружил… Я тебе этого никогда не забуду: накаркал, ворона!

— Сам виноват, давно надо было к врачу идти.

— Нет, это ты виноват, — стонал Лешка. — Ты… — И вдруг замер на полслове.

Славин поднял голову и увидел Кашкину. Она вошла в комнату, прижимая к груди букетик. Глаза ее сияли. Она, казалось, и ростом стала выше. Чуть улыбаясь, выпрямив спину, Оля прошла к своему месту. По комнате пронесся аромат душистого горошка. Все молча глядели на Кашкину. А Лешка, забыв про свой больной зуб, встал с места и растерянно потоптался в проходе.

— Оля… — сказал он.

Кашкина подняла на него синие огромные глаза.

— Что? — спросила она, чуть повернув к нему голову.

— Ничего, — сказал Лешка и сел обратно.

В комнату заглянул Сергей Петрович, увидел Кашкину, хотел ей что-то сказать, но так и застыл с открытым ртом. Потом перевел глаза на Славина, зачем-то погрозил ему пальцем и скрылся.

— О-о-о! — застонал Лешка и схватился рукой за щеку.

— Олег, — тихонько попросила Кашкина. — Помог бы человеку. Ты же можешь…

Славин взглянул на Кашкину, и она не смутилась, не опустила глаз.

Он подошел к Лешке и улыбнулся ему.

Лешка откинулся на спинку кресла, обалдело глядя на Славина.

— Болит?

— Нет, — Лешка моргнул. — А как ты это?..

Topreading.ru

Славин пожал плечами.

— Заходи, Славин, заходи. — Сергей Петрович придвинул Олегу стул. — Будем считать, что эксперимент удался? — Он повернулся к полному пожилому мужчине, нервно поглаживающему большой лоб.

— Не будем спешить с выводами, — сдержанно проговорил гость. — Дайте-ка сюда активатор.

Олег вынул из кармана прибор — Активатор Биоэлектрических Потенциалов, сделанный в виде авторучки.

— А где же блок питания? — удивился толстяк.

— Какой блок питания?

— Вот здесь был такой блестящий наконечник.

— Не было, — пробормотал Славин растерянно. — Я не видел… Да не было никакого наконечника!

— Как же так, Славин? — Сергей Петрович разволновался. — Как же так? Ты, наверно, обронил…

— Постойте! Но если не было блока питания, значит, наш прибор… — гость удивленно взглянул на Славина. — Как же у вас тогда получилось?

— Не знаю… — Славин растерялся. — Я думал, что прибор работает… — Но вы же сами тогда говорили: АБП только усиливает. Главное — захотеть, очень захотеть помочь…

МИХАИЛ НЕМЧЕНКО

Ультиматум

Рассказ

«Проще всего было бы сразу прижать его к стенке, — подумал агент службы безопасности, разглядывая сидящее перед ним неуклюжее, длиннорукое существо с короткой толстой шеей, узким лбом и глубоко сидящими маленькими глазками. — Но для пользы дела лучше нагнетать психологическое напряжение постепенно».

— Итак, господин Чич… — начал он, нарочно запнувшись.

— Чичерс, — поправил длиннорукий со всей поспешностью, на какую был способен.

— О, прошу прощения… — Агент вежливо улыбнулся. — Итак, господин Чичерс, может быть, вы хотите мне что-нибудь рассказать, не ожидая моих вопросов? Быть может, вы до сих пор что-то скрывали от общества?

— Право, шеф, мне нечего скрывать, — проговорил длиннорукий, тяжело двигая занимавшими добрых две трети лица челюстями, которые словно разжевывали каждое слово. — Я всю жизнь

Topreading.ru

хорошо веду себя, шеф.

— Так ли уж хорошо? — Агент испытующе посмотрел на собеседника. — А вот соседи по дому утверждают, что в вашем мусорном ведре ежедневно можно обнаружить не менее двух тюбиков из-под крема «Обаяние». Он употребляется для борьбы с чрезмерной волосатостью, не так ли?

— Но, шеф, многие достойные люди потребляют…

— Да, но не в таких чудовищных количествах, — произнес агент, с удовлетворением отмечая, что длиннорукий проявляет явные признаки беспокойства. — Ну хорошо, оставим это… Насколько мне известно, вы считаетесь хорошим пожарником, господин Чичерс.

— Я стараюсь, шеф…

— Правда, брандмейстер говорит, что вы так и не выучились ни читать, ни писать и словарный запас у вас крайне незначителен, но…

— Не пришлось учиться, шеф… — Челюсти длиннорукого задвигались быстрее обычного, делая его речь еще менее членораздельной. — Ни отца, ни матери, шеф… И туп, шеф…

— …Но лазаете вы на пожарах лучше всех в команде, — продолжал агент. — Брандмейстер считает, что в соревнованиях по скоростному лазанию по деревьям вы легко могли бы стать чемпионом округа, а возможно, и всей страны. Но самое странное, что вы каждый раз наотрез отказываетесь участвовать в этих состязаниях.

— Колючие ветки, шеф… — пробормотал длиннорукий, тщетно пытаясь скрыть свое замешательство. — Боязно за глаза, шеф…

— И однако, нам известен случай, когда вы пересилили свою «боязнь», — с подчеркнутой иронией сказал агент. — Когда теща бакалейщика Турнье престарелая госпожа Кикс вообразила себя аистом и взобралась на верхушку дуба, именно вы сняли ее оттуда. Очевидно, вы были уверены, что никто не увидит вас за этим занятием. Но, увы, свидетели нашлись. И они в один голос утверждают, что вы добрались до вершины в считанные секунды, перемахивая с ветки на ветку буквально, как… — Агент сделал хорошо рассчитанную паузу, так и вонзившись глазами в зрачки допрашиваемого: — Как обезьяна.

Воцарилось тягостное молчание. Длиннорукий сидел, опустив голову, щеки его пылали.

— Ну хорошо, оставим это… — проговорил наконец агент, насладившись эффектом. — Скажите, господин Чичерс, с какой целью вы покупаете каждую субботу большое количество различных сладостей?

— Я одинок, шеф… — пролепетал длиннорукий, глядя куда-то в пол. — Не пью и не курю, шеф… И единственная отрада в жизни, шеф…

— Уж не хотите ли вы сказать, что съели все те двадцать пять фунтов конфет, орехов и мармелада, которые вы закупили в прошлую субботу, переходя с целью маскировки из магазина в магазин? — Агент бросил на свою жертву насмешливый взгляд. — Нет, любезный Чичерс, по нашим наблюдениям, лично вы съели из этого количества никак не больше двух фунтов. А остальное пошло совсем по другому адресу… Закончив обход магазинов, вы сели на автобус и отправились в Дальбертский зоопарк, где в течение почти полутора часов кормили своими конфетами и орехами обезьян, отдавая явное предпочтение шимпанзе и орангутангам.

После чего поехали на электричке в Лартон и проделали в тамошнем зоопарке то же самое… И нам хорошо известно, господин Чичерс, что подобные путешествия вы совершаете с железной регулярностью каждую неделю. Служители говорят, что обезьяны начинают радостно визжать в своих клетках, едва завидят вас вдалеке.

— Ах, шеф… — В глазах длиннорукого стояли слезы. — Так жалко их, шеф… Такие умные лица, шеф, ничуть не хуже, чем у людей… И как подумаешь, что они сидят там в клетках, в то время как я… как мы здесь, шеф…

— О, мне хорошо понятны ваши чувства, — многозначительно кивнул агент. — Но вот что странно, развозя свои гостинцы по всем зоопаркам округа в радиусе более двухсот километров, вы упорно объезжаете стороной один из них. Я имею в виду зоопарк в Рилле, порога которого вы ни разу не переступили за все эти годы. Чем объясняется такая дискриминация, господин Чичерс? Разве обезьяны из Рилля меньше других заслуживают сочувствия и сладостей?

Длиннорукий убито молчал, дрожа мелкой дрожью, и агент натренированным чутьем почувствовал, что пришло время нанести последний, завершающий удар.

— Ладно, парень, хватит играть в прятки, — рубанул он, рывком поднимаясь из-за стола. — Нам хорошо известно, почему ты боишься показываться в Рилле. Дело в том, что шестнадцать лет назад из тамошнего зоопарка совершила побег одна довольно дошлая обезьяна мутант по кличке Чич. И как раз в это самое время — только подумай, какое совпадение! — в нашем городе появился так называемый «господин Чичерс». Почти не владевшее членораздельной речью существо, знаками и междометиями предложившее пожарной команде свои услуги…

Безмолвие длилось, казалось, целую вечность.

— Но ведь я очеловечился, шеф… — не поднимая головы, заговорил длиннорукий таким глухим, хриплым голосом, что слова можно было разобрать только с большим трудом. — Разве сравнишь с тем, что было, шеф… Послушать только, как говорю… Честное слово, шеф, я теперь все равно что человек…

— Я не отрицаю, Чич, что имела место определенная эволюция. — Агент сделал вид, что смягчился. — Многолетнее общение с пожарниками, безусловно, оказало на вас благотворное влияние. И тем не менее мы вынуждены будем отправить вас обратно в обезьянник, как злостного самозванца и фальсификатора анкетных данных, если только… Вы, конечно, знаете о нашей борьбе с партизанами в одной жаркой стране. Так вот, есть план сформировать специальные подразделения, которые бы, передвигаясь по верхушкам деревьев, могли, как гром среди ясного неба, обрушиваться на голову противника. А для этого армии срочно нужен инструктор по обучению новобранцев передовым приемам лазанья с помощью всех четырех конечностей. Сержант-инструктор Чичерс — неплохо звучит, а? — Агент дружелюбно улыбнулся и заключил: — Короче говоря, Чич, мы согласны официально признать вас человеком лишь при одном условии. Если вы во имя торжества наших высоких идеалов поможете нашим солдатам, так сказать, немного обобезьяниться… Ну как, по лапам?

МИХАИЛ НЕМЧЕНКО

Рука

Рассказ

Густой туман, склеивший море и небо. Человек на мостике, будто парящий в белесом облаке над смутными очертаниями палубы. Он еще не знает, этот хмурый, зябко поеживающийся в своей отсыревшей куртке моряк, что через несколько мгновений станет первым землянином, который увидит…

И мгновение настает. Пелена тумана, как сдернутое рывком покрывало, внезапно исчезает, и, ошеломленно запрокинув голову, человек на мостике видит там, высоко в утреннем небе, Руку. Огромную красноватую Руку, протянутую с небес к океану. Линии локтя растворяются в голубизне, а кисть с непривычно длинными, сужающимися на концах пальцами четко рисуется на высоте километров четырех. И пальцев — шесть!

Наверно, никогда еще на этом сейнере, мирно ловившем рыбу в Беринговом море, вахтенные не орали так истошно. И никогда еще люди, выскочившие на палубу, не застывали так вкопанно, как в этот миг, наткнувшись взглядом на Руку, занявшую полнеба…

Утренний Токио под моросящими тучами. Утробно ревущие реки машин, стремнины скоростных эстакад в сизой пене бензиновой гари. Зонтики, зонтики, зонтики, как кровяные шарики, плывущие напряженно пульсирующими сосудами улиц. И вдруг невидимый тромб разом закупоривает все сосуды: в сказочно распахнувшейся сини над городом возникает Рука. Оборванно глохнет машинный рев. Порывом ветра пробегает по улицам глухой, сдавленный звук — вдох изумления и шуршание миллионов опадающих зонтиков.

Минуты оцепенелого безмолвия… Потом кто-то сигналит, кто-то требует дать дорогу. Но тщетно: город остается замершим весь этот час, пока Рука простерта над Японией и над всем часовым поясом от Ледовитого океана до Австралии. И везде — в тундре у моря Лаптевых, на причалах Находки, в пальмовых чащах Ириана — люди видят ее протянутой прямо над головой, из центра небосвода.

Плывет вечным своим руслом солнце, и вслед за ним над новыми землями и морями возносится Рука. Встает властным и загадочным небесным знамением, чтобы через час так же необъяснимо исчезнуть, возникнув дальше к западу.

Плывет вечным своим руслом солнце, и вслед за ним над новыми землями и морями возносится Рука. Встает властным и загадочным небесным знамением, чтобы через час так же необъяснимо исчезнуть, возникнув дальше к западу.

И всюду одно и то же: безмолвные толпы, остановившиеся поезда, притихшие базары, опустевшие цехи, пассажиры у самолетов, не посмевших взлететь. Птицы, испуганными хлопьями сыплющиеся с неба, неведомо как чуя неладное. Ошеломленный Шанхай. Онемевшая Калькутта. Потрясенный Новосибирск. Миллиарды зрачков, прикованных к небесной Длани, — зрачков, расширенных одним смятением, одной тревогой и надеждой.

Бритоголовые монахи в желтых одеждах, молящиеся в горных монастырях Гималаев о спасении мира. Не успевшие еще разгореться погребальные костры на берегу Ганга — их торопливо и испуганно гасят, чтобы дым не осквернил чуда, рожденного небом. Паломники в белом, застывшие у спуска к воде, не решаясь в этот миг небывалого совершить долгожданное омовение в священной реке. Прокаженные, с мольбой об исцелении тянущие к небу изуродованные кисти. И где-то среди сожженных засухой полей бредущая в горячей пыли босая женщина в выгоревшем сари, прижимая к отвисшей пустой груди скелетно-ссохшееся тельце, выкрикивает безумными, посинелыми губами: «Почему ты пустая, Рука?! Почему ты пустая?!»

Нетерпеливо ждущая, не сомкнувшая глаз Европа, еще перед полночью взбурленная телевестью о неслыханном, надвигающемся с востока. Улицы и крыши, поля и дороги, застланные сплошным человеческим ковром, — словно страны и народы выстроились на некий вселенский смотр. И вздрагивает ковер, от горизонта до горизонта колыхнувшись навстречу протянувшейся с неба Деснице.

Антенны радиотелескопов, нацеленные в зенит, туда, где размыто тают очертания исполинского локтя. Операторы за пультами локаторов, прощупывающие Руку потоками излучений, снова и снова убеждаясь, что она бесплотна. Колокольный звон и коленопреклоненные толпы перед соборами. Проповедники, призывающие покаяться в преддверии Страшного суда, и студенты на площади, назло и наперекор аплодирующие небу. Тысячи тысяч объективов, неотрывно и завороженно впитывающих каждую черточку шестипалой Длани, и шныряющие вокруг карманники, не теряющие времени даром… Длинноволосый парень на набережной Гамбурга, бросающий в воду какой-то пакет, — может, то взрывчатка, которую он должен был подложить этим утром?.. Школьный оркестр в подмосковном поселке, дерзко, во всю мочь играющий «Звездный марш» под растерянными, осуждающими взглядами учителей. Гондольеры, застывшие с веслами в руках на каналах Венеции. И миллионногорлый вскрик нильской долины — вскрик смятения, восторга и суеверного ужаса: там на рассекшей небо ладони на короткий миг возникает отчетливый силуэт пирамиды…

Рука над Сахарой.

Рука над Гренландией.

Рука над Атлантикой.

Замершие причалы Квебека. Жаркие пляжи Рио, забитые народом так спрессованно-плотно, что если бы даже кто-нибудь захотел в то утро купаться, все равно не смог бы войти в воду. Неподвижные фигуры индейцев где-то высоко в Андах. Завернувшись в одеяла, они глядят на вознесшееся над горами чудо, а рядом невозмутимо пасутся ламы.

Опустевшие автострады Штатов, наверно, впервые за столетие остановивших бег своих каров. Нью-Йорк, где предприимчивые люди успели за неполных пятнадцать часов провернуть все, что надо, и теперь, в момент появления Руки, продавцы в дверях универмагов уже предлагают рубашки и майки с ее изображением. Но нет, желающих не находится: то, что открывается взору в вышине, в прорезях синевы между небоскребами, — разом отрешает от суеты. И даже экстренные выпуски газет, заполненные интервью с учеными и фантастами, даже их, протягиваемых продирающимися сквозь толпы мальчишками-газетчиками, почти никто не покупает. И никто не обращает внимания на плакат в витрине магазина: «А если нашествие? Ты запасся необходимым?» А вон и сам хозяин — глядит из выступа своей витрины на освещенные утренними лучами красноватые пальцы в небе, и на бледном, застывшем его лице ясно читается: он и сам не знает, что может оказаться необходимым на случай нашествия…

Негромкое жужжание проектора оборвалось, экран погас, и тут же поднялись шторы, впустив в класс весеннее солнце. Ребята зажмурились от яркого света.

— Сегодня мы начинаем новый раздел истории, — сказал учитель. — Ну-ка, кто расскажет, почему во всех школах мира его начинают вот этим документальным фильмом?

Все двенадцать кристалликов на учительском столе загорелись зеленым.

— Ну давай ты, Ванда.

— Этот фильм… — Поднялась из-за парты смуглая рослая девочка, — это произошло на другой день после того, как на Земле была превращена в топливо последняя ядерная боеголовка. Наши звездные братья протянули нам руку. Его-то они и ждали, этого дня…

АЛЕКСАНДР ЧУМАНОВ

Горыня

Рассказ

Старый Федул отродясь не зорил птичьих гнезд. Но тут не устоял. Неизвестная птица, вспорхнув прямо из-под ног старика, затаилась где-то в зарослях, а одно-единственное яйцо удивительно голубого цвета осталось лежать в траве. Оно было какое-то невероятно тяжелое и угловатое.

Чуть не бегом Федул возвратился домой с яйцом за пазухой. Он торопливо согнал с гнезда испуганную наседку, ни секунды не колеблясь, выкинул несколько куриных яиц, освободив место, и на цыпочках вышел из курятника.

Дни ожидания тянулись невыносимо. По нескольку раз на дню, проклиная себя за нетерпение, старик пробирался в курятник, осматривал яйцо через мутную, исцарапанную лупу, осторожно скоблил желтым ногтем скорлупу, обнюхивал. А потом мучился от мысли, что своим вмешательством повредил будущему птенцу.

Однажды ночью его разбудил истошный куриный крик и лай забившегося под избу Полкана. «Неужели лиса?» — с тревогой подумал старик, с грохотом врываясь в курятник и волоча по земле белые вязки от кальсон. В воздухе плавали перья.

Федул осветил фонариком гнездо и оторопел. Шесть желтых глаз смотрели на него не мигая. В гнезде что-то шевелилось, поблескивая, в свете фонаря. Федул перекрестился и потянулся за топором.

— Уа! — Голосами человеческих младенцев запищали три пасти, усеянные мелкими зубами.

И топор остался на месте. Страх исчез, и старик увидел, что вылупившееся только что существо мокрое и дрожит от холода. Оно неумело замахало голыми прозрачными крылышками и доверчиво потянулось к нему всеми тремя головами.

Старик взял корзину с гнездом под мышку и понес в избу. Тщательно завесив окна, он включил свет. В корзине, опираясь на две когтистые лапы и толстый покрытый чешуей хвост, стоял Змей Горыныч. Вернее, совсем маленький, беспомощный змееныш. Три склоненные набок головки смотрели на старого Федула доверчиво и по-детски.

— Ах ты, сердешные! — изумленно проговорил сроду не имевший детей Федул.

Он оторвал кусок белого, приготовленного на смерть полотна, согрел воды в тазике и просто, как будто ничего удивительного не происходит, позвал: «Горыня, иди сюда!» И, чуть посомневавшись, добавил: «Цып-цып!»

Птенец неуверенно вышагнул из корзины и, переваливаясь, падая на крашеном полу, пошел на

зов.

Манная каша пришлась Горыне по вкусу.

На другой день Федул отправился за двенадцать верст в сельпо. Он уже давно получал колхозную пенсию, был последним жителем опустевшей деревни, на центральной усадьбе ему выстроили домик, куда Федул собирался переселиться осенью.

Набрав кучу продуктов, он зашел в правление, молча подал мятую бумажку секретарше и поспешно вышел. На бумажке было нацарапано: «Переезжать отказуюсь». Председатель удивился и рассердился, хотел тотчас же ехать узнавать, в чем дело, да заела текучка.

…Через месяц Горыне стало тесно во дворе. Просунув хвост в подворотню, он клал головы на конек крыши и терпеливо глядел вдаль, поджидая Федула. Вечерами старик выгуливал своего питомца. Горыня любил лакомиться верхушками сосен, но при этом не опустошал окрестные леса, а щипал деревья понемножку, чтобы они не погибли. С оглушительным ревом, так, что дрожали стекла в избе, он разбегался, пытаясь взлететь. Из пастей вылетали языки пламени, из ноздрей валил густой, черный дым. «Не балуй с огнем, выпорю!» — покрикивал Федул.

Часами запыхавшийся старик бегал по поляне, рыча и маша руками, показывая, как, по его мнению, следует летать. Он обзывал Горыню «олухом царя небесного», кричал: «В кого ты только такой уродился?!»

И однажды Горыня взлетел. Неуклюже покачиваясь в воздухе, он долго тянул на бреющем и, когда старик, задравший голову, уже почти потерял надежду на удачу, — сделал невероятное усилие и, заложив глубокий вираж, срезав крылом несколько сосен на опушке леса, набрал высоту.

И на выселках был праздник. Федул, выпив три стакана бражки, врал, что был в войну летчиком, а Горыня сидел на улице и, засунув головы в распахнутые окна, глядел на старика преданными глазами.

Целыми днями и ночами Горыня теперь летал. Он научился изменять геометрию крыла и стартовал почти с места. Черной точкой он скрывался в тучах, чтобы потом с леденящим кровь свистом и ревом спикировать вниз и выровняться у самой земли. Он сам придумал «мертвую петлю», «бочку» и другие фигуры высшего пилотажа.

— Покатал бы старика, Горыня… — заикнулся как-то Федул и тотчас испугался, но было уже поздно.

С тех пор они летали вместе. Старик приспособил старое кресло в пасти средней головы, купил защитные очки и мотошлем. Он командовал сам себе: «Не курить! Пристегнуть ремни!» И они летели.

Однажды они увидели большой самолет. И поняли, что самолет падает.

— Жми, Горыня! — закричал Федул.

Никогда еще они не неслись с такой скоростью. Тонкие перепонки крыльев вибрировали, грозя вот-вот лопнуть. И все-таки Горыня успел — подставил широкую спину под фюзеляж.

Ему не хватило сил погасить скорость самолета. Он смог только задержать падение и выбрать подходящую поляну.

Самолет накренился, зацепился крылом за деревья и мягко осел. Взрыва не произошло.

Люди выбирались из салона, помогая друг другу, еще не веря, что все обошлось, и в первый момент даже не замечали под ногами что-то мягкое, подрагивающее, раздавленное самолетом. Люди нервно смеялись, приходя в себя, и не понимали, почему плачет неведомо откуда взявшийся худой старик в мотошлеме.

АЛЕКСАНДР ЧУМАНОВ

Коленчатый вал

Рассказ

«А пришельцы-то влипли капитально», — сразу догадался Гешка.

Он остановил мерина, выхватил из чехла топор и соскочил с телеги. Мелкие березки, осинки полетели в болото. Гешка натянул бродни по самый пах и ступил на хлипкую гать.

Пришельцы, похоже, пытались сами вытащить свой корабль из трясины, да, видать, плоховато знали они Землю. Их аппарат уже до половины увяз в болоте, он стоял накренившись и продолжал медленно погружаться. Вылезших из люка пришельцев, похожих на больших лягушек, болото уже давно бы засосало, если бы они не держались за свою посудину. Без Гешки им оставалось жить минут пять, не больше.

Вонючая жижа заливалась в сапоги, когда Гешка, нагрузив на себя пришельцев, трудно выдирая ноги, побрел к берегу. Там он разгрузился, взял веревку и снова полез в топь. Ему пришлось окунуться с головой, чтобы привязать конец веревки за выступ на корпусе корабля.

Гешка вылез из болота, привязал второй конец к телеге, тронул вожжи. Старый мерин ронял пену на траву, ноги его скользили. Гешка навалился всей силой на телегу, грязные маленькие пришельцы уцепились за спицы колес. И странная, покрытая тиной блестящая машина тихонько пошла из плотоядно чавкающей трясины.

Вечерело. С болота потянуло прохладой. Пришельцы — их было пятеро, — сбившись в кучку, что-то лопотали по-своему, тряслись от холода. Гешка почувствовал, что тоже продрог. Он жестом показал пришельцам на телегу, подождал, пока они, помогая друг другу, взберутся на нее, сел сам и негромко чмокнул. Дорогу на кордон мерин знал хорошо. Корабль, у которого обнаружилось что-то вроде колесиков, тихонько позвякивая на ухабах, катился сзади. Когда странная процессия въехала во двор, стало уже совсем темно.

Гешка третий год работал лесником и жил один-одинешенек. После армии жизнь у него пошла наперекосяк. К тридцати годам он успел жениться и развестись, побичевать в Салехарде, отсидеть за драку, в которую непонятно как встрял, и обрел наконец покой здесь, в тайге. Гешка оказался надежным, заботливым хранителем леса, начальство его хвалило. И в то же время лесник он был не вредный, не въедливый, и мужики в основном на него не обижались. Два года назад Гешка поступил учиться в лесной техникум. Учеба шла туго, отнимала много сил и времени, поэтому одиночество не тяготило, скучать было некогда.

Гешка распряг мерина и пригласил пришельцев в избу. Натаскал воды, дров, расшуровал печку. «Как бы не заболели эти лягушата, — переживал он, — а то никакой профессор не поможет».

Когда в доме стало жарко, Гешка достал оцинкованное корыто, налил в него воды, потрогав ее локтем, как это делала жена, купая маленькую дочку. Он натянул занавеску через всю комнату, бросил на табуретку возле корыта чистые полотенца.

Двое пришельцев, те, что поменьше, отправились за занавеску, остальные трое остались сидеть на лавке. «Тоже своих баб вперед пропускают», — с уважением подумал Гешка. Сам он то и дело сновал за занавеску, меняя воду в корыте, подбрасывая в печку дров. Его не стеснялись, и он тайком посматривал на оживших в тепле гостей и краснел, когда они замечали его взгляды. Сам он вымылся после всех по пояс.

Двое пришельцев, те, что поменьше, отправились за занавеску, остальные трое остались сидеть на лавке. «Тоже своих баб вперед пропускают», — с уважением подумал Гешка. Сам он то и дело сновал за занавеску, меняя воду в корыте, подбрасывая в печку дров. Его не стеснялись, и он тайком посматривал на оживших в тепле гостей и краснел, когда они замечали его взгляды. Сам он вымылся после всех по пояс.

Гешка поставил на стол чугунок с картошкой, миску с груздями, жареных карасей. Потом, поколебавшись, вынул бутылку, которая с незапамятных времен стояла непочатой в шкафчике.

Через час в доме царило веселье. Захмелевшие пришельцы клали на грудь Гешке маленькие четырехпалые ручки, заглядывали в глаза, щебетали что-то. Гешка тоже выпил две стопки и опьянел, потому что уже давно не брал в рот ни капли. Ему казалось, что он все-все в их щебете понимает и они его тоже понимают.

— Ну, что же вы, ребята, — говорил Гешка, — все летаете, наблюдаете нас. А тем временем гонка вооружений идет, всякое загрязнение среды... Посоветовали бы что-нибудь, а?

Пришельцы на это молча вздыхали.

Потом Гешка запел «Из-за острова на стрежень...», и гости тоненькими голосами дружно подхватили припев.

За ночь Гешка выстирал и высушил костюмы пришельцев, очистил от грязи их корабль. Утром, наскоро позавтракав, гости принялись за ремонт. Гешка, как мог, помогал. Через два часа неисправность была найдена. Пришельцы печально стояли вокруг искореженной детали, восстановить которую нечего было и думать.

А Гешка вдруг узнал эту деталь. Волнуясь, схватил ее, заперся в сарае, оставив ничего не понявших пришельцев на улице. Гешка снял с полки аккуратно завернутую в тряпку бензопилу и начал быстро ее разбирать. Вынул коленчатый вал, взял штангенциркуль, проверил размеры. Все совпадало.

Эта «Дружба» давала солидную прибавку к зарплате лесника. А зарплату свою Гешка почти целиком отсылал бывшей жене, чтобы подраставшей дочке жилось не хуже, чем другим детям...

Скоро корабль был готов к отлету. Пришельцы выстроились во дворе. И самый главный из них, пожав Гешке руку, сказал, с трудом выговаривая: «Спаусьибо». Было видно, что он хочет что-то добавить, но слов больше не нашлось.

Дрогнула земля. Маленький корабль окутался туманом, стал терять очертания и скоро исчез совсем. Без следа.

С тех пор прошло много лет. Гешка стал лесничим Геннадием Васильевичем и получил квартиру в райцентре. Дочь приезжает к нему на каникулы, они на целую неделю отправляются в лес, живут в палатке на заболоченном берегу озера. По вечерам у них долго-долго горит костер. Они молча сидят на траве, глядят на болото, слушают кваканье лягушек, перекличку ночных птиц.

И ждут.

ИРИНА КОБЛОВА

Астра

Рассказ

Серая предрассветная муть размывала очертания деревьев, шелестел ржавник. Лор сел, морщась от боли, снял защитный шлем. Вроде еще живой… Засыпая, он каждый раз смертельно рисковал. Спать было нельзя — могли съесть, но не спать тоже было нельзя: тогда не хватит сил идти. Болела нога, по которой ударил копытом оборотень. Лор встал, сделал несколько шагов — ничего, хуже не стало… К нему потянулся бледный, с красноватыми присосочками побег древососа — он едва успел отскочить. Вчера он видел оборотня, которого оплели древососы — оборотень визжал, закатывая белые глаза, а древососы потемнели, наливаясь кровью, дрожали от вожделения. Как ни омерзительны были оборотни, у Лора при виде этой картинки волосы на голове зашевелились… Жутко здесь одному. Выходили втроем — он, Владис и Юртана, а теперь он остался один.

…Его затягивало в субпространственный «коридор», но он об этом не подозревал; он довольно сильно отклонился от курса и только хотел сделать коррекцию траектории, как приборы словно сбесились. «Тор-27», что случилось? — спрашивал сухой голос диспетчера-автомата. — Пилот, почему не отвечаете?» Лор отвечал, только там его, видимо, не слышали, а потом голос диспетчера перешел в пронзительный визг, оборвавшийся на самой высокой ноте, и страшная перегрузка вдавила Лора в кресло — кажется, на какое-то время он потерял сознание, — и экран стал мутно-серым, звезды пропали. Через несколько минут они появились снова, и перегрузка кончилась, но что-то было не так, а когда Лор понял, ч т о и м е н н о не так, его пронзил ледяной, беспомощный страх: это были не те звезды, он находился где-то на другом конце Галактики…

Впереди, на холме, росли, черные астрианские ели, жирная земля была словно вспахана. То тут, то там торчали бледные, ноздреватые грибы, в круглых лунках стояла какая-то жижа, белая и теплая, как парное молоко. Лор остановился. Древососов в ельниках не было, но там всегда можно было нарваться на логово оборотней. Да и вспаханная земля ему не понравилась… Идти в обход тоже не хотелось: справа был непроходимый кустарник, усыпанный сизыми шариками русалочьей сыпи, слева — какие-то замшелые коряги. Лор поглядел на кусты и вздохнул. Эх, будь у него бластер, а не допотопный револьвер… Поколебавшись, он полез через бурелом. Кое-где к корягам лепилось что-то, похожее на черную икру. Лор такие места обходил стороной. Было душно, стоял сладковатый запах гнили. Часа через два он вышел к болоту: заросли ржавника, зеленые топи, желтые плавуницы на длинных тонких стеблях. Чернели озерки, в одном из них плавал болотный выр — студенистая

розовая масса с короткими щупальцами. Лор хмуро глядел на болото — ему конца не было видно…

Около столетия назад в «коридор» угодил гигантский звездолет-комплекс «Астра-2», на борту которого находилось около пяти тысяч человек. На Земле их считали погибшими, и многие действительно погибли при посадке, но остальным повезло: система, куда они попали, была очень похожа на Солнечную, и вторая ее планета оказалась планетой земного типа. Правда, было на этой планете много жуткого: пугающие миражи, которые возникали обычно в серые, пасмурные летние дни; змееплато — песчаные пустоши, откуда никто не возвращался живым; похожие на чертей мохнатые твари, хитрые и злобные, нападающие всегда внезапно — с чьей-то легкой руки их стали называть оборотнями; ямы — обширные, большей частью заболоченные области, где водилась всякая нечисть. Жить, однако, было можно, и люди жили.

«ТОР-27» — это Лор узнал уже потом — приземлился на территории Стороны Метелей. Так называлась обжитая область на севере материка. Лор посадил корабль в каменистой котловине и неделю добирался до человеческого жилья по весеннему лесу, едва не погибнув в топях. Но это-то его и спасло… Когда оборванный и полуживой он дотащился до научно-исследовательской станции ямы С-3 (в просторечии — базы) и ввалился в комнату, где сидели люди, в притолку над его головой ударила пуля — сторож спьяну решил, что в дом лезет оборотень. Последнее, что Лор запомнил, — красный ковер, качнувшийся ему навстречу…

Было уже за полдень, когда болото кончилось и снова начался лес. Лор умирал от жажды. Пить затхлую, темную воду, в которой плещутся холодные студенистые выры и кишмя кишат плоские черные пиявки, он так и не рискнул. Не имел права рисковать — слишком многое поставлено на карту. Он должен во что бы то ни стало дойти до корабля и стартовать; должен найти, нащупать по спрятанным за пазухой расчетам Владиса вход в «коридор» и вернуться в Солнечную систему… «Коридор» не мог быть анизотропным — Владису удалось это доказать. Правда, только теоретически…

В небе послышался какой-то стрекот. Лор поднял голову и обмер: вертолет. Значит, ищут… Сорвав с головы предательски красный шлем, он бросился ничком на траву. Комбинезон зеленый, пятнистый, авось и пронесет… Вертолет снизился, завис над лесом, потом снова набрал высоту и улетел на север. Не заметили… Лор сел, вытер со лба холодный пот. Выходит, там все-таки раскусили, что он из космоса, с Земли, — не из добрых же побуждений вертолет послали. А если на корабль наткнутся? Тогда все пропало… Но как они могли узнать?

Весной, когда Лор набрел на базу, там было всего три человека: сторож, чуть его не убивший, заливающий спиртом обиду на людей и на оборотней, Вентор — один из Правящих Стороны Метелей, и Владис, опальный астрофизик. У Лора не было с собой ничего, что могло бы навести на мысль о его земном происхождении, если не считать нашивки на комбинезоне, но Владис, первым заметивший нашивку, тут же отодрал ее и спрятал. Потом Лор месяц валялся в горячке, без памяти. Вероятно, хороший врач мог бы что-нибудь заподозрить, но тот, что его лечил, оказался медиком весьма бестолковым. А когда Лор очнулся, Юртана сразу же стала учить его астрианскому диалекту, и он довольно быстро освоился, хотя иногда, забывшись, путал слова и ловил на себе удивленные взгляды.

Впрочем, Правящие-то ведь тоже не дураки. Умные мерзавцы вроде Вентора или Котиса вполне могли догадаться… Недаром за ним все время следили…

Комбинезон лип к телу, по лицу струился пот. Тогда, весной, было холодно, можно было есть снег. Не то что теперь… Лор увидел впереди лужу и прибавил шагу. Подошел и остановился. Со дна, из серого ила, тянулись вверх мохнатые белые стебельки с черными бусинками на концах, они тихо шевелились, извивались, по воде шли пузыри. Лор бессильно опустился на землю. Пить поостерегся, только зачерпнул немножко воды ладонью и смочил лоб и губы. Он должен дойти, должен… На Земле о субпространстве еще только догадываются, а у него есть расчеты «коридора» и теория субпространственных переходов, созданная Владисом. Эх, жить бы Владису на Земле, а не на Астре… Погиб так нелепо — болотная змея укусила. Впрочем, в змее ли дело? То, что убило Владиса, захлестнуло целую планету, оно убивает самых лучших. «Мы пропадаем», — сказала Юртана.

Лор очнулся теплым и серым вечером в пустой светлой комнате с пестрым паласом на полу. Кроме него в комнате были двое: худощавый черноволосый молодой человек с бледным, нервным лицом и рослая рыжая девушка с раскосыми зелеными глазами — Владис и Юртана. Они сидели на подоконнике и вполголоса разговаривали. Лору врезалась в память эта картинка; уже потом, когда они погибли в этом чертовом лесу, в сознании часто всплывало: пустая комната и они, живые, сидят на подоконнике… От них Лор узнал, что находится он на Астре, а потом они посоветовали ему помалкивать, что прилетел из космоса, иначе он может плохо кончить. «Почему?» — спросил Лор. «Увидишь почему», — сказал Владис, и Лор, взглянув на него, подумал, что это, должно быть, человек смертельно усталый, сломанный. «Вам здесь плохо?» — спросил Лор.

«Мы сыты, — ответила Юртана. — И у нас есть все необходимое. Но мы пропадаем…»

На стене висела репродукция с офорта Гойи — спящий человек, кругом какая-то нечисть — и надпись готическим шрифтом: «Сон разума рождает чудовищ».

…Он смотрел в окно, и вдруг над улицей заклубился белый туман, а потом, из тумана стали появляться огромные черные рыбы, изъеденные червями, какие-то скользкие студнеобразные твари, кровянисто-белесые, полупрозрачные; воздух стал мутным и зеленым, тихо шевелились осклизлые водоросли, и выглядывало из них что-то серое, бесформенное, жуткое… Через минуту промчался по улице грузовик, и все пропало, остались только клубы белого пара.

Лор был потрясен, хотя его уже предупреждали о миражах. Чтобы рассеяться, он включил телевизор. Там выступал молодящийся старик, одетый в новый, с иголочки, черный костюм. Это был Армил, член Триумвирата Правящих.

— Астрогуманизм — вот наша вера! За старый, земной гуманизм пусть держится всякая гниль, а мы его отметем! Верно я говорю? — недобро сверкая глазами, спрашивал он.

У Лора мурашки по спине поползли, но тут экран потемнел, как болотная вода, — видимо, пропал ток.

За окном, приникая к земле, кричала мокрая трава.

Однажды посмотреть на Лора заявились здешние хозяева: Вентор, а с ним еще двое — Котис и Фарда. Все трое были в черных комбинезонах, при оружии. Вентор и Котис, вежливо поздоровавшись, прошли в комнату и сели; Фарда, здоровенный бритоголовый парень, что-то буркнул и остался стоять у порога, привалившись спиной к стенке. К нему стал ластиться пушистый белый кот — Фарда отпихнул его ногой.

Лор со скрытой настороженностью смотрел на пришедших: Вентор — плечистый, стройный, тонкие губы изломаны улыбкой, а глаза светлые, беспощадные, Котис — белобрысый, с блуждающей ухмылкой, но неожиданно умным, проницательным взглядом. Фарда казался полнейшим дубом. Лор ждал, что сейчас начнется что-то вроде допроса, однако вместо этого Вентор и Котис заговорили о большой облаве на оборотней, которая была недавно на севере. При этом они старались втянуть Лора в разговор, а он, чувствуя, что это опаснее любого допроса, отмалчивался. Потом появился Марк, тот самый врач, который лечил Лора весной. Заглянул в комнату и сразу же отпрянул, захлопнул дверь. Котис, пожав плечами, снисходительно усмехнулся. Внезапно в комнате заклубился белый пар, как в натопленной бане, — кот, ощерившись, зашипел — и из клубов появились ядовито-синие медузы с гибкими бледными щупальцами, какие-то черные нити, живые, извивающиеся, покрытые тонкими, как иглы, шипами, разбухшие мутные амёбы. Вся эта пакость плавала над головами, Лору было не по себе, но все делали вид, что ничего не замечают.

— Вам действуют на нервы миражи? — спросил Вентор, наблюдая за Лором с какой-то недоброй улыбкой.

— А вам — нет? — спросил Лор.

— Я к ним привык…

— Наше прошлое — наша святыня, — встрял вдруг в разговор Фарда. — Когда астрогуманизм рождался, всю дряблую гниль без разговоров ставили к стенке, не то что сейчас…

— Вам действуют на нервы миражи? — спросил Вентор, наблюдая за Лором с какой-то недоброй улыбкой.

— А вам — нет? — спросил Лор.

— Я к ним привык…

— Наше прошлое — наша святыня, — встрял вдруг в разговор Фарда. — Когда астрогуманизм рождался, всю дряблую гниль без разговоров ставили к стенке, не то что сейчас…

Должно быть, Лор смотрел на него с открытым ртом, потому что Вентор мягко спросил:

— Вы чем-то удивлены?

— Что вы, — поспешно проговорил Лор. — Я ничем не удивлен.

— Можно подумать, что вы никогда не видели миражей и не знаете, что такое астрогуманизм, — с издевкой, как показалось Лору, заметил Вентор.

Потом ухмыляющийся Котис заговорил о современном искусстве. Лор сказал, что его современное искусство не интересует. Тогда Котис заметил, что сначала Лор показался ему человеком, не лишенным духовных запросов. Вентор насмешливо улыбался.

В конце концов они ушли. Лор так и не понял, разоблачили его или нет. Может, они и так все знают, а сейчас просто развлекаются?

Вошла Юртана.

— По нему петля давно плачет, — сказала она. — Знаешь, сколько у него на совести?

— Ты про кого? — спросил Лор.

— Про Вентора… А в сущности все они друг друга стоят. Они подчинили себе всю нашу жизнь и беспощадно отсекают все, что им неугодно, в чем видят угрозу своей власти. Им все дозволено.

— И никто не сопротивляется?

— Некоторые пытаются… Только они долго не живут. Тут тебе не Земля, тут Астра…

Потом Лор узнал, что такое «астрогуманизм».

— Когда они захватили власть, они много убивали, — рассказывала Юртана. — Это надо было как-то оправдать, тогда и появился «астрогуманизм». Или «биологический гуманизм», но этим термином пользоваться не принято. Суть «учения» в том, что на Астре, дескать, сама враждебность природы диктует: выживать должны лишь лучшие — те, кто «полезней для общества». Сильные, умные, сумевшие приспособиться… — Юртана криво усмехнулась. — Они называли это «естественным отбором в условиях чуждого мира». И убивали всех «дряблых» — тех, кто сопротивлялся насилию, кто хотел жить по законам Земли. Ставили к стенке и без всяких причин — избавлялись от «лишних»: ведь запасы продовольствия и медикаментов были ограничены, это только сейчас более или менее наладилось… В общем, если отбросить всю демагогию, «лучшие» — это те, кто захватил и удерживает власть.

За окном колыхалась бесформенная водянисто-серая масса — не то чье-то ухмыляющееся рыло, не то медуза с рыхлыми, скользкими щупальцами. «Бежать надо, — подумал Лор. — Как они до этого докатились?»

Юртана показала ему наброски своей работы об астрогуманизме — крамольной работы, которая не увидит света. Теперь уже наверняка не увидит, потому что Юртану утащили оборотни.

…Это был «ледник»: глубокий овраг, на дне — затянутое толстым слоем льда озерцо. Скользкий зеленоватый лед не таял, посредине светлым оком глядела на Лора небольшая прорубь. По склонам оврага росла холодянка — безлистые кусты с мутными белыми ягодами, странно холодными на ощупь. Цепляясь за ветки, Лор спустился в овраг — за глоток воды он отдал бы сейчас все на свете. Вода в проруби была совсем прозрачная, а под водой мельтешили розовые пупырчатые щупальца… Лор отшатнулся. Вытащив револьвер, он дрожащими пальцами взвел курок и не целясь выстрелил в прорубь — щупальца замельтешили быстрее, а вода медленно окрасилась кровью.

Лор стоял и тупо смотрел, потом, словно очнувшись, провел рукой по лицу. Чем ему помешало это существо, вероятно, совсем безобидное? Да ведь здесь не Земля, здесь мерки другие… Они,

наверно, тоже с этого начинали: «Мы не на Земле, убивай, пока ОНО само тебя не убило», а потом очередь дошла до людей: «пусть подыхают», «да здравствует астрогуманизм!..» Бледные, дряблые щупальца плавали в мутной красной воде. Лор хотел швырнуть туда револьвер, но вовремя опомнился: без оружия ему в этом лесу крышка. А если те, на вертолете, настигнут, тогда вообще пиши пропало… «За что я убил его? — подумал Лор. — Не от страха ведь даже — от злости. И вода теперь с кровью, нельзя ее пить… Они начинали с этого…»

Теперь он ясно представлял, как это начиналось… Катастрофа. Никакой надежды на связь с Землей. Чуждый, враждебный мир, где все надо было начинать с нуля, где приходилось идти на жертвы, отказывать себе во всем, чтобы помочь выжить тем, кто слабее. И нашлись такие, кого это не устраивало…

С корнем выдирая кустики холодянки, Лор выбрался из оврага. «Родник надо найти…» Он шел как пьяный, налетел на дерево. Перед глазами поплыли красные круги.

Там, на базе, он долго ломал голову над программой «астрогуманистов», а потом вдруг понял, что никакой программы не существует — есть только циничная, наглая игра. Он вспомнил насмешливые лица Вентора и Котиса. В мутной воде, так сказать… Они берут от жизни все, что только можно взять, тешатся с живыми игрушками, а их «программа», местами смахивающая на злую пародию, настолько они уверены в своей безнаказанности, — всего лишь личина…

«Как просто»… — стискивая зубы, подумал Лор.

Он все-таки вышел к воде. Пил долго и жадно, как собака. Потом расстелил на земле карту ямы С-3. Белые пятна покрывали ее, как оспины. Вообще говоря, это была карта окрестностей базы. Волосатое озеро — серое, бездонное, полное холодных, скользких водорослей. Мраморное болото — называлось оно так потому, что там, посреди топи, торчали белые глыбы, похожие на мрамор, и водица вокруг была какая-то белесая. Голодная Грязь — мрачное место, где росли, лепясь к корягам, медузообразные грибы, отравляющие все живое своими ядовитыми испарениями, а в самой грязи водились всеядные черные жабы. Рассказывали, что прошлым летом туда забрел Вентор, не боявшийся шататься в одиночку по лесу в окрестностях базы, — он тогда еле выбрался. Еще на карте были отмечены Кабаньи Заросли. Там нашли голову свиньи, которая за месяц перед тем сбесилась и убежала в лес; Кошачье Око — чащоба с прозрачным желтым озером, откуда по ночам доносились душераздирающие звуки, похожие на вопли мартовских кошек; Стикс — небольшая речка с темной и холодной, как лед, водой, которая зимой никогда не замерзала… Все это, однако, уже осталось позади, а там, где Лор сейчас находился, зияла на карте сплошная белая пустота. Вздохнув, он спрятал карту в рюкзак. Толку от нее никакого, остается идти по компасу и по солнцу… Тихо было, как в омуте. «Странно, что до сих пор жив», — как будто удивляясь, подумал Лор, лежа на спине и глядя в блекло-голубое астрианское небо.

Вечером, когда небо стало водянисто-зеленым и в лесу хором завыли оборотни, снова появился вертолет. Лор залег в кустах, но, похоже, его все-таки успели заметить. Вертолет сел на поляне, из него выбрались Котис и Фарда. Стояли и озирались — отходить от вертолета им, видать, не хотелось. У Котиса на шее висел автомат.

Вечером, когда небо стало водянисто-зеленым и в лесу хором завыли оборотни, снова появился вертолет. Лор залег в кустах, но, похоже, его все-таки успели заметить. Вертолет сел на

поляне, из него выбрались Котис и Фарда. Стояли и озирались — отходить от вертолета им, видать, не хотелось. У Котиса на шее висел автомат.

— Я видел сверху вроде как красное, — упрямо твердил Фарда. — Шлемы красные.

— Хорошо бы сцапать их, — мечтательно вздохнул Котис. — Фарда, кусты надо осмотреть.

— Пусть он идет, — Фарда кивнул на пилота.

— Ты что, в кусты пойти боишься? — зловещим шепотом спросил Котис. — Погоди, вот вернется Вен-тор — он тебя опять мордой о стол, как в прошлый раз… как только у тебя зубы целы остались!.. И поделом!

Фарда покраснел и молча двинулся к кустам.

— Их, наверно, давно съели, — флегматично заметил пилот.

Фарда подошел к кустам и, вытянув шею, стал смотреть вперед, потом напролом полез в заросли. Минут пять его не было видно, затем он появился весь ободранный.

— Нет никого!

— Дурак ты, — скептически оглядев его, заметил Котис.

— Все кусты все равно не обшаришь, — сказал пилот.

— А ну, выходи! — мрачно на него глядя, велел Фарда. — Прячешься за нашими спинами, и не каплет над тобой… Выходи наружу!

— Не выйду, — сказал пилот.

Рассвирепевший Фарда схватил было пилота за грудки и потащил из кабины, но тут Котис ударил его ребром ладони по бицепсу.

— Только и умеешь, дубина, людей зря калечить, — процедил он сквозь зубы. — Сходи вон там посмотри!

Фарда, неохотно подчинившись, опять полез в кусты.

— Не выдержу я тут, — сказал Котису пилот. — Оборотни чуть ли не в двери лезут, трава не своим голосом орет. И еще Фарда…

— Ерунда, — сказал Котис. — Человек ко всему привыкает.

Фарда еще некоторое время рыскал в зарослях. В конце концов он выбрался оттуда и заявил, что красное ему, наверно, померещилось.

— Летим на базу, — сказал воспрянувший пилот.

Вертолет поднялся и полетел туда, где выли оборотни.

На другой день Лор увидел впереди небольшое змееплато — серые пески, ровные, как

Topreading.ru

скатерть, без единого кустика. Лор не удержался от соблазна швырнуть туда камень — в песке тут же образовалась воронка, раскрылась, как голодная пасть. Лор увидел в воронке змей — черные, блестящие, они словно бы росли пучком из песка и, жадно извиваясь, тянулись к небу.

Лор вспомнил слышанные на базе гипотезы относительно того, что представляет собой змееплато. Одни считали, что это огромная живая туша, находящаяся под песком, а змеи — выходящие наружу ее щупальца; другие — что это хищное растение и змеи — ответвления от единого подземного корневища.

«Какой чужой мир…» — подумал Лор.

Около человеческого жилья это чувствовалось не так сильно, притуплялось, а здесь ощущалось с первозданной остротой. Каково им, людям с «Астры-2», было очутиться на этой планете… И многих она добила, — добила своими миражами, своими метелями, всей своей нечистью. Добила тех, в ком не было достаточной прочности… Лор опять вспомнил «ледник», прорубь, вспомнил, что трава здесь кричит во время дождя. Должно быть, этому странному, чуждому миру тоже от них досталось. Еще как досталось… И вдруг Лор подумал, что дело даже не в «астрогуманизме» — любую идею можно превратить в ширму, за которой кроется произвол. Люди… Все зависит только от них. Если они хотят, чтобы их мир стал другим, они должны стать другими. Именно в этом Земля должна им помочь.

«Тор-27» высился посреди каменистой котловины, весь оплетенный вьющимися растениями. Наверно, потому и не заметили… Холодный ветер гнал по небу серые курчавые облака. Лор шел к кораблю на подгибающихся ногах — сейчас, у самой цели, он почувствовал смертельную усталость. «Один пришел, — подумал Лор, глядя на опутанный зелеными стеблями корпус звездолета. — А хотели втроем…»

Где-то рыскал над лесом вертолет, где-то плавали между небом и землей миражи, где-то там осталась прорубь с покрасневшей водой… Лор знал, что теперь все это будет с ним до конца, до последней минуты. Он знал, что вернется сюда.

СЕРГЕЙ ДРУГАЛЬ

Возвращение в колыбель

Рассказ

НТР, НТР… Триста лет слышу о научно-технической революции, а что изменилось? Нет, я понимаю, не слепой. Техника меняет и стиль, и образ жизни. Но техника — это техника. Я лично полагаю, что любую машину в конце концов кто-нибудь сделает. В одиночку или коллективом. Но вот это:

В небесах торжественно и чудно,
спит земля в сиянье голубом…

Это, прошу простить, ни один самый слаженный коллектив не придумает…

Сейчас многие лепсируют, а я предпочитаю книгу. Листаешь страницы, думаешь,

вспоминаешь. Бараньи дрожжи полезны, не спорю. Но хлорелла — это вещь, что бы там ни говорили. Сменный пейзаж за окном? Зачем мне сменный, пусть за окном будет то, что есть. Управляемая погода? А вы под неожиданный дождик не попадали? Придется — не уклоняйтесь. Ну да, силовые мостовые и туфли на магнитной подушке, но кто сейчас обувь носит?

НТР, а последние сто лет как был радикулит, так и остался. Мучает. Периодически. Не утешайте, разве это здоровье? Ну завязал дубок узлом, так ведь двумя руками.

Дистанционные сборища друзей, каждый маячит в своем сфероиде? А я вот предпочитаю непосредственное общение, как у нас с Васей. Чтобы руку на плечо положить можно было.

Безэкранное объемное телевидение? Моя Клемма недавно заявила: или я, или енотовидная собака. У меня, говорит, от животного запаха тиристоры пробивает. Хотел я ей загрубить запаховые сенсоры — обиделась. Ты, говорит, хочешь мои восприятия обеднить. Я, говорит, лучше вообще замкнусь накоротко. Э, да что там, у каждого своя Клемма…

С этой собакой вообще неприятно получилось. Она застряла у меня в кабинете после передачи «В мире животных», далеко пахла и гнусно скалилась на Клемму. Спасибо, в тот раз Вася Рамодин остался у меня ночевать — у него роза завяла. Я как прихворну, он меня проведывает. Так он дематериализовал собаку. Вася что сделал: он уменьшил масштаб собаки вдвое, потом еще вдвое и так далее, а потом переключил программу, и все. Кстати, этот случай описан в его статье «Остаточные явления при трансляции голографических изображений. Действительность и мифы». Не читали? Странно. В благодарность мой впечатленец вырастил для Васи черную розу: ему непривычно без цветка на людях появляться. Видели бы вы, как он утром бежал от меня, шлепая по лужам и с розой в зубах. Как всегда, опаздывал на заседание президиума Академии наук, но положенной по рангу леталкой не воспользовался из принципа. За ним, помню, увязался наш домовый гепард. Видимо, чуял хорошего человека. Клемма задумчиво смотрела им вслед из окна, а потом сказала:

— Нет, все-таки хвост — это красиво.

Мы с Васей иногда ходим смотреть на памятник нам. Ну не нам двоим — всей ломерейской звездной. Впечатляет это — игла, уходящая в небо, пронзает причудливо изогнутые плоскости, символизирующие пространство. Наивный такой символ, очевидный. А потом Вася обнаружил, что скульптор то ли по наитию, то ли из любви к топологии изобразил эти плоскости в виде одной поверхности Мебиуса. Следуй вдоль нее и в ту же точку вернешься. А это уже символ с подтекстом. Нет, гитару у подножия монумента уже потом положили, когда мы с Теоры вернулись…

Летели мы туда в прежнем составе, только осьминог Невсос М-да не поладил с Васей из-за шахмат, вспылил и остался на Земле. В этом он, я полагаю, сразу раскаялся, ибо когда мы были уже на орбите, он в последний момент вышел на видеосвязь и долго таращился на всех нас, непрерывно меняя расцветку. Вася говорил, что он при этом плакал, но вряд ли. Невсос очень волевое существо. Ссора у них вышла какая-то несерьезная. В турнире на первенство звездолета — это уж по возвращении с Ломереи — Невсос занял пятое место, обозлился и заявил, что плоские шахматы изжили себя, как игра сухопутная. Дескать, пора выйти в объем, и будущее за объемными шахматами, а от плоских останется только поверхностная фигура — ладья. Король, по его представлениям, должен быть один, не иметь четких очертаний и располагаться в центре объема в виде некой суспензии.

Вася, помню, назвал эту игру ахинеей, чем несказанно обидел Невсоса. Вообще психика

головоногих моллюсков крайне уязвима, и они остро реагируют на резкие выражения.

— Обойдемся, — сказал тогда Си Многомудрый. — С него толку как с козла молока. Все равно спит всю дорогу.

В полете на Теору трудностей не было. Стартовав с околоземной орбиты, наш звездолет словно растворился в пространстве для земного, естественно, наблюдателя.

Все было как должно быть. Ни одной ошибки в расчетах наших ученых, ни одного сбоя в работе систем навигации, регенерации и жизнеобеспечения. Задолго, еще когда до цели оставались месяцы полета, автоматы включили трансляторы, и корабль стал непрерывно излучать в космос специально подготовленные сообщения. Полагали, что, если есть на планете развитая цивилизация, поймут. И хотя вероятность не превышала тысячной доли процента — это предположение оправдалось.

Вскоре мы уловили сначала неясные, а потом все более четкие сигналы.

Настал день, когда мы услышали сказанное на великолепном линкосе:

— Привет вам, разумные. Мы ждем вас на орбите пятой от звезды планеты. Ваш путь свободен, пространство перед вами чисто. Не бойтесь ошибки. Если понадобится, мы примем вас в колыбель.

Эта самая колыбель на наших экранах схематически изображалась в виде гигантского сгустка вихревых электромагнитных полей: наш звездолет должен был завязнуть в них, как муха в паутине.

— Мы как-нибудь сами, — пробормотал капитан.

На меня, космобиолога, эта схема впечатления не произвела, но бортинженер впал в этакий экстатический восторг.

— Нет, каков уровень техники! — разглагольствовал он в кают-компании. — Источники энергии на внешних планетах, видимо, необитаемых. Излучения взаимодействуют, создавая нечто вроде колоссального соленоида. Чудо инженерного искусства. Мы на Земле не знаем ничего подобного! Уже ради этого стоило лететь!

Между нами — лететь всегда стоит. Хотя и в нашей Солнечной системе дел полно. Не решен, в частности, давно назревший вопрос о перемещении Марса на Фаэтонскую орбиту, а без этого его обводнение не имеет смысла. Затянулось дело с изменением климата и атмосферы Венеры. Да мало ли в системе найдется работ по мелочам и по-крупному…

Нас, постаревших на год, хотя на Земле прошло три десятка лет, встретили на Теоре великолепно: оркестры, речи, приемы, карнавалы. Особенно запомнилась первая встреча.

Мы прибыли на катере, оставив корабль на орбите. Едва мы сошли по трапу и поднялись на возвышение, как из толпы встречающих, затопившей необозримое поле теорианского космодрома, вышел седобородый старец. По белой ковровой дорожке он подошел к микрофону и… запел. Запел, аккомпанируя себе на странном инструменте, помеси там-тама и баяна.

Мы стояли и улыбались, хотя нам было не до улыбок: свои приветствия мы заготовили в прозе. Естественно, мы тут же поняли, что все публичные выступления на Теоре не говорятся, а поются. Теориане утверждают, что такая манера сокращает время совещаний, планерок,

пятиминуток и симпозиумов. Я иногда склонен думать, что они правы…

Пока дед (а он был ученым секретарем теорианского совета космонавтики) приятным баритоном на добротном линкосе выпевал приветственную речь, нам все более становилось не по себе, поскольку никто из нас петь не умел ни с микрофоном, ни без.

— Что будем делать, капитан? — спросил побледневший Вася Рамодин.

А дед между тем заливался соловьем, выводя странную, непривычную земному слуху мелодию. Отдельные музыкальные фразы миллионноголосым хором повторяла толпа встречающих.

Капитан поправил воротник куртки — в него была вшита миниатюрная рация.

— Лев, — сказал он вполголоса. — Ты слышишь?

— Слышу, капитан, — ответил дежурный, оставшийся на катере. — Такое орево и не услышать.

— Немедленно разыщи в багаже подарочную гитару и беги сюда. Петь будешь.

Это был выход. Лев Матюшин, известный на Земле специалист по теории вероятностей, а в экипаже корабельный статистик, в свое время лечился от заикания пением. Только он и мог выручить нас.

— Как петь? — спросил Лев. — Не б-буду я петь.

— Б-будешь, — шепотом закричал капитан, — Еще как будешь! Это приказ.

— Есть, капитан!

Здесь мне хочется прерваться. Хочется сказать, что каждый член нашей экспедиции обладал высокоразвитым чувством долга и заслуживает отдельного описания. Но это уже сделано в серии «Жизнь замечательных людей».

Короче, когда старец закруглился, Лев уже стоял с гитарой и заглатывал микрофон. Речь его, пропетая на мотив древней частушки «Подружка моя», произвела на теорианцев неизгладимое впечатление. На нас тоже. В дальнейшем местные композиторы аранжировали ее для сводных симфонических оркестров, и, транслируемая по всем каналам, эта окаянная мелодия преследовала нас все время нашего пребывания на Теоре. Вообще Теора заселена меломанами.

После торжественной встречи начался всепланетный праздник. Еще бы, ведь мы были первыми людьми, посетившими Теору. Ранее сюда прилетали какие-то пушистые многоглазы, но общего языка с ними теорианцы не нашли. С нами — да, с нами нашли.

После торжественной встречи начался всепланетный праздник. Еще бы, ведь мы были первыми людьми, посетившими Теору. Ранее сюда прилетали какие-то пушистые многоглазы, но общего языка с ними теорианцы не нашли. С нами — да, с нами нашли.

Праздник длился больше месяца и продолжался бы до сих пор, когда б не капитан. Однажды он созвал нас по тревоге в свой дворец на берегу голубой лагуны. В самой лагуне поселился Си Многомудрый. Усадил нас капитан на террасе в кружок, окинул взором наши позеленевшие от банкетов лица и сказал:

— Мы что, сюда пить-есть прилетели?

— Капитан, — говорю я после надлежащей паузы. — Неужто мы дисциплины не знаем? Люди приглашают — как откажешься? Но мы ж на фруктовые соки налегаем. В основном.

Капитан придавил пальцем левую бровь, она у него дергаться начала.

— Соки, они тоже разные бывают. А мы, между прочим, сюда работать прилетели, а не лезгинку плясать и не на гитаре вытребенькивать. Ставлю в известность: я просил правительство Теоры с завтрашнего дня праздники упразднить. Переходим к рабочим будням. Жить будем у меня, здесь всем места хватит. Ваши персональные дворцы освободить. Что, спрашиваю, за это время сделано? Молчите?

Тут с преобразователем речи, надетым на голову, высунулся из лагуны Си Многомудрый и разрядил обстановку.

— Я исследовал прибрежные воды, — заявил он.

— Вот, — обрадовался капитан. — Вот с кого берите пример! Я всегда говорил, что дельфины нас не подведут. Сейчас Многомудрый расскажет нам, что он обнаружил.

— Ни черта интересного, капитан. Море как море…

Прозорливость нашего капитана общеизвестна — он первым понял, что в нас клокочет энергия, накопленная за время вынужденного безделья в этом благополучном, безаварийном рейсе.

Разве смог бы я трое суток подряд плясать на карнавале? Не смог бы, но энергия рвалась наружу. Разве прорезался бы у Левы лирический тенор? Не прорезался бы, но энергия выпирала из нас. Разве смог бы Вася, будучи вратарем нашей футбольной команды, забить гол ударом от своих ворот через все поле во время товарищеской встречи со сборной Теоры? Впрочем, Вася смог бы. Еще при нас этот стадион был объявлен заповедным. Отлитая из темно-вишневой сорзы фигура Васи, небрежно, со скрещенными на груди руками опирающегося спиной о стойку ворот, будет вечно украшать это священное для болельщиков место…

Мы принялись за работу с весельем и неутомимостью, так поразившей народ Теоры во время праздников. Теорианцы тут же организовали НИИ по передаче информации нам, землянам. Их радушие было ни с чем не сравнимым, а комиссия по предупреждению желаний землян была в ту пору наиболее авторитетным органом власти на Теоре. Стоило, например, мне обмолвиться о моем интересе к теории старения наследственного вещества, как через час энергичные парни уже укладывали у трапа катера гору ящиков с информкристаллами. Мы набивали корабль чертежами и действующими моделями машин. Мы привезли тонны семян молочных кактусов и мясных деревьев с корой в виде пушистой шкуры под норку. Разве под соболя? Что вы меня путаете — под норку.

А криогенный луч с температурой всего на два градуса выше абсолютного нуля — идеальная линия передачи электроэнергии? Мы радовались как дети, предвкушая невиданный расцвет земной науки и техники. А способы образования вихревых полей в пространстве? Не перечислить и тысячной доли всего, что мы везли с Теоры…

Когда мы отправлялись обратно, наш перегруженный звездолет разогнали теориане. Три их корабля буксировали нас чуть не половину пути. Никаких запасов горючего не хватило бы, чтобы придать должное ускорение нашему кораблю, масса которого увеличилась вдвое. Восемь тысяч тонн одних только документов везли мы с собой, восемь тысяч тонн спрессованной

информации! Мы с трудом передвигались по тесным проходам между стеллажами и ящиками. Даже в аквариуме Си Многомудрого вместо песка были насыпаны информкристаллы.

Перед стартом нас завалили подарками, но брать их уже было некуда. Лишь по просьбе всего экипажа капитан взял себе теорианского двухголосого поющего котенка (Клемма их терпеть не может), который действительно видит в темноте: одним глазом освещает, а другим смотрит. Я его иногда вместо фонарика использовал, для создания уюта. Напевает себе тихонько дуэтом и светит на страницу, а за стенкой приборы пощелкивают, а ты лежишь у себя в каюте на ящиках, на надувном матрасе, крытом норковым покрывалом, и спускается на тебя покой от сознания выполненного долга…

Так о чем это я? Ах да, о подарках. Лева Матюшин заслужил репутацию великого композитора (упомянутая «Подружка моя», а также «Эй, ухнем», «Ревела буря», «Распрягайте, хлопцы, кони» — это все его), так ему пришлось взять — как откажешься? — сборник мелодий Теоры, напетых различными ораторами на встречах, симпозиумах и семинарах. Кто сейчас не знает эту поразительную по эмоциональному воздействию музыку.

Настал день, когда мы поднялись на трап катера, — все было погружено, уложено и упаковано. Это был последний рейс. И снова поле космодрома затоплено народом. Не было только детей до 16 лет — они могли не выдержать скорби расставания.

Прощальный доклад исполнил хор сотрудников комиссии по предупреждению желаний. Дедуля прибыть не смог и дирижировал хором заочно. Мы держались.

Потом микрофон взял наш капитан. Он не стал петь. Он сказал:

— Спасибо вам, люди. За радушие, за доверие, за вашу доброту. Мы не говорим — прощайте. Мы говорим — до свидания. Прилетайте к нам тоже за песнями…

Ах уж этот капитан! Он всегда знал, что сказать и о чем промолчать, провидец. Он поднял руки, и над космодромом зазвучала Лунная соната — наш прощальный подарок Теоре.

Мы постарели еще на год, а на Земле прошло еще тридцать лет. Задолго, когда до Солнца оставались месяцы полета, автоматы включили трансляторы, и наш звездолет стал непрерывно излучать в пространство два слова: «Мы возвращаемся. Мы возвращаемся». И вскоре мы услышали земное:

— Привет вам, родные наши! Мы ждем вас на орбите Плутона. Ваш путь свободен, пространство перед вами чисто. Не бойтесь ошибки. Если понадобится — мы примем вас в колыбель.

Эта самая колыбель на наших экранах схематически изображалась в виде гигантского сгустка вихревых электромагнитных полей…

— Мы как-нибудь сами, — пробормотал капитан.

А Лева Матюшин расчехлил гитару и раскрыл сборник теорианских мелодий, с которыми не расставался.

ВИТАЛИЙ БУГРОВ, ИГОРЬ ХАЛЫМБАДЖА

Topreading.ru

— Мы как-нибудь сами, — пробормотал капитан.

А Лева Матюшин расчехлил гитару и раскрыл сборник теорианских мелодий, с которыми не расставался.

ВИТАЛИЙ БУГРОВ, ИГОРЬ ХАЛЫМБАДЖА

Фантастика в дореволюционной русской литературе

Опыт биобиблиографии

Вместо предисловия

Долгое время принято было считать, что в дореволюционной России почти не существовало научной фантастики. Действительно, фантастов такого масштаба, как Жюль Верн или Уэллс, русская литература не выдвинула. Но, во-первых, фантастическая проза имеет множество разновидностей, включающих, иногда в полусказочной форме, социальные и технические идеи, обращенные к будущему, а во-вторых, школярское разграничение жанров заведомо сужает представление о месте и роли фантастики в общем литературном процессе. Исследования последних лет (работы А. Бритикова, В. Ревича, И. Семибратовой и др.) со всей очевидностью показали, что русская дореволюционная фантастика была куда более разветвленной и многоликой, чем утверждали иные литературоведы и критики, не вдаваясь в детальное изучение фактов.

Сегодня с уверенностью можно сказать: советских фантастов связывает с предшественниками двоякая преемственность. С одной стороны, творения классиков, корифеев русского реализма, отнюдь не избегавших условности, гротеска, гиперболы, иносказаний, символики — всех тех приемов, без которых не существует фантастики (Гоголь, Тургенев, Лесков, Достоевский, Салтыков-Щедрин), а с другой — произведения писателей, создавших отечественную традицию научно-фантастической прозы. Традицию пусть и не очень богатую, но достаточно прочную и действенную.

У истоков русской научной фантастики, развивавшейся, как и в других странах, в симбиозе с утопией, — два значительных имени: современник Пушкина, разносторонне образованный литератор В. Ф. Одоевский и революционный демократ Н. Г. Чернышевский. И тот и другой по-разному рисовали облик грядущего, но не мыслили себе будущего России в отрыве от просвещения и научного прогресса. От дальновидных прогнозов Одоевского, высказанных в незаконченном утопическом романе «4338-й год. Петербургские письма» (1840), можно провести пунктирную линию к дерзновенным техническим фантазиям русских ученых (В. Н. Чиколев, К. Э. Циолковский и др.), а затем и к собственно научной фантастике; от романа Чернышевского «Что делать?» (1863) с его яркими образами «новых людей», стремящихся, насколько возможно, приблизить к своему времени будущую преображенную, свободную, социалистическую Россию, — к замечательной в своем роде «марсианской» утопии «Красная звезда» (1908) А. А. Богданова, открывающей новую главу в истории русской фантастики. И подобно тому, как идеи «патриарха звездоплавания» Циолковского и его же фантастические рассказы и очерки («На Луне», «Грезы о Земле и небе», «Вне Земли») проторили путь для космической темы в советской НФ, так и роман Богданова прокладывал

дорогу фантастике социально-прогностической.

Впрочем, обе темы переплетаются. Мечты Циолковского устремлялись в поистине бесконечную даль. Уже на склоне лет, в 1929 году, он высказал удивительно смелую мысль, получившую впоследствии художественное воплощение в «Туманности Андромеды» И. Ефремова. «Каждая планета, — писал Циолковский, — с течением времени объединяется, устраняет все несовершенное, достигает высшего могущества и прекрасного общественного устройства… Объединяются также ближайшие группы солнц, млечные пути, эфирные острова…»

В предреволюционные годы фантастика утверждалась в русской литературе в широком тематическом и жанровом спектре — от привычных романов приключений с обоснованием инженерных гипотез до различных социальных утопий; от «реконструкции» воображаемых высоких цивилизаций далекого прошлого, в том числе Атлантиды, до развлекательной, нередко с мистическим налетом, беллетристики. Двойственность научно-технического прогресса определяет проблематику серьезных произведений, особенно перед первой мировой войной (например, «Жидкое солнце» А. И. Куприна).

Известный поэт Валерий Брюсов еще в 1907 году опубликовал свой первый прозаический сборник «Земная ось», куда входят наряду с фантастическими рассказами драматические сцены «Земля» — своеобразная фантастико-философская мистерия безотрадной машинной цивилизации будущего. Но это не помешало поэту воспевать далеких потомков, которые установят связь с обитателями звездных миров и даже научатся управлять движением планет (вспомним брюсовские циклы космических стихов). Продолжая в послеоктябрьские годы отдавать дань фантастике как поэт и прозаик, Брюсов написал в 1918 году сатирический рассказ «Не воскрешайте меня!», направленный против дегуманизации научных исследований.

Не пресекалась и линия русской фантастической сказки, содержащей предчувствия будущих взлетов и прозрений в познании космических сил природы и неведомого еще «космоса», скрытого в самом человеке. Замечательный писатель-романтик Александр Грин какими-то гранями своего дореволюционного творчества и произведений 20-х годов сближается с научной фантастикой.

Вопреки вульгарным нигилистическим теориям Пролеткульта, требовавшим все начинать с нуля, советская научная фантастика вырастала на уже подготовленной почве, критически осмысливая наследие прошлого, но вовсе не пренебрегая им, впитывая все лучшее и плодотворное, что оставила старая русская фантастика, запечатлевшая и глубинные течения общественной мысли, и чаяния социального обновления.

Чтобы уяснить себе сегодня, чем располагала русская литература в этой области творчества, что бесповоротно отжило, а что продолжает или может жить как несправедливо забытое, необходимо собрать и свести воедино обширный разрозненный материал. Тут и приходят на помощь библиографы, дающие в руки исследователям и любителям фантастики необходимые ключевые сведения: кем, когда и что было опубликовано; кто есть кто из многочисленных авторов.

Этот нелегкий труд возложили на себя В. Бугров и И. Халымбаджа — составители биобиблиографического обозрения дореволюционной русской фантастики. Труд, казалось бы, не очень благодарный, требующий долговременных изысканий, постепенного отбора и накопления записей после предварительного просмотра или изучения по источникам сотен и сотен книг, журнальных публикаций, альманахов и сборников, всевозможных редких изданий, которые не всегда сохранились даже в крупнейших библиотеках. К тому же приходилось

выявлять и так называемую «скрытую фантастику», ибо далеко не все писатели обозначают на титульном листе или выносят в подзаголовок жанр своего произведения.

Составители назвали свой труд «опытом биобиблиографии», оговорив принципы отбора материала, который в рабочих картотеках представлен в значительно большем объеме. Любой отбор предполагает элемент субъективности, и эрудиты могут упрекнуть составителей за сознательный или непредумышленный пропуск тех или иных произведений и авторов либо, наоборот, за те или иные «излишества». Но следует помнить, что это именно «опыт», который тем не менее делает достоянием читателей массу новых, прочно забытых или вовсе неизвестных сведений.

Предлагаемый обзор является, по существу, первой серьезной попыткой библиографического описания дореволюционной русской фантастики: самое большее, что в этом плане доводилось прежде встречать в печатных источниках, — это список из 38 названий в библиографическом обзоре Б. В. Ляпунова, опубликованном в виде приложения в монографии А. Ф. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман» (Л.: Наука, 1970). В обзор же В. Бугрова и И. Халымбаджи включено 250 произведений (романы, повести, рассказы, пьесы), принадлежащих перу более чем 120 авторов.

Чтобы выполнить такую работу, нужна особая приверженность к избранной теме, горячая любовь к фантастике, огромная начитанность. Этими качествами в полной мере обладают оба составителя. Виталий Бугров известен как вдумчивый исследователь и собиратель интересных фактов. Он автор получившей признание книги «В поисках завтрашнего дня» (Свердловск, 1981) и многочисленных публикаций в «Уральском следопыте», где ведет отдел фантастики. Ему же принадлежат и библиографические работы: «Советская фантастика: книги 1917—1975 гг.» и «Погребенные в периодике. 1945—1975 гг.», напечатанные в сборнике «Собеседник» (вып. 4 и 5, Новосибирск, 1979, 1980). Библиография дореволюционной русской фантастики составлена им в сотрудничестве со свердловским геологом и книголюбом Игорем Халымбаджой, ревностным собирателем-коллекционером, знатоком фантастической книги, без помощи и эрудиции которого работа вряд ли была бы выполнена.

«Опыт биобиблиографии» Виталия Бугрова и Игоря Халымбаджи окажет практическую помощь как специалистам-исследователям, так и многочисленным книголюбам, помогая ориентироваться в книжном фонде нашей дореволюционной фантастики, библиографически наименее разработанном участке творчества русских литераторов.

Евг. БРАНДИС

От составителей

Читательский интерес к нашей старой фантастике в последние годы заметно возрос, и для удовлетворения этого интереса немало делается. Назовем прежде всего два сборника, выпущенных издательством «Молодая гвардия» («Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века». М., 1977, 336 с.; «Вечное солнце. Русская социальная утопия и научная фантастика. Вторая половина XIX — начало XX века». М., 1979, 431 с.). Добавим к этому ряд статей в периодике, а также небольшую по объему, но очень емкую, предельно насыщенную конкретным материалом работу В. А. Ревича «Не быль, но и не выдумка. Фантастика в русской дореволюционной литературе» (М.: Знание, 1979, 64 с.). Наш обзор следует в русле этих начинаний. Его цель — ознакомление широкого круга любителей

фантастики с незаслуженно забытым прошлым, с той питательной средой, без которой едва ли оказался бы возможным бурный рост советской фантастики после Октября.

Несколько необходимых замечаний.

Деление обзора на три раздела (1. Фантастика XVIII века; 2. Фантастика XIX века; 3. Фантастика конца XIX — начала XX века) носит в большой степени условный характер и продиктовано стремлением избежать не слишком уместного соседства современников и даже предшественников А. С. Пушкина с авторами, продолжавшими писать и в годы Советской власти.

Возникновение фантастики обычно связывается с появлением утопических романов, и мы включили их в наш обзор (в первую его часть). С другой стороны, генеалогию русской фантастики выводят подчас из романтических повестей А. С. Пушкина («Пиковая дама»), Н. В. Гоголя («Нос», «Портрет» и др.), М. Ю. Лермонтова («Штосс») и т. д. Мы, однако, не включили в обзор эти и подобные произведения из опасения растворить предмет рассмотрения в беспредельности слишком широко трактуемого понятия фантастического. Из тех же соображений «обойдены» нами гиперболическая сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина, аллегории И. С. Тургенева, Л. Н. Андреева и некоторых других русских писателей, пародийная юмористика А. П. Чехова (как и почти вся юмористика конца прошлого — начала нынешнего века), — словом, многое из того, что может быть рассматриваемо применительно к НФ в специальных исследованиях, но кажется не очень уместным в сжатом библиографическом обзоре.

Перелистывая страницы обзора, видишь, какой ощутимый вклад в развитие отечественной фантастики (в достаточно широком ее понимании) внесли важными гранями своего творчества известные деятели революционного движения. Эта цепочка протянулась от А. Н. Радищева и В. К. Кюхельбекера через книги Н. Г. Чернышевского, М. Л. Михайлова, Н. А. Морозова к А. А. Богданову, А. В. Луначарскому. Однако фантастику в России писали не только прогрессивно настроенные авторы. Сохранив в обзоре, для полноты картины, ряд характерных произведении, написанных литераторами консервативного направления, и всякий раз специально оговаривая это, мы безжалостно отсекали многочисленные (особенно в начале нашего века) неприкрыто-мистические сочинения, образчики чисто развлекательной беллетристики, на поверку не содержавшие в себе ничего, что роднило бы их с подлинной фантастикой, всевозможные лубочные поделки, нередкие в прошлом веке подражания «Мельмоту-скитальцу» и «Агасферу». Отметим, кстати, что сопоставление различных моделей будущего помогает наглядней увидеть, как посмеялась жизнь над авторами верноподданнических прогнозов.

В обзор сознательно не включалась поэзия (научно-фантастические мотивы в творчестве русских поэтов — от М. В. Ломоносова до В. Я. Брюсова и С. А. Есенина — заслуживают отдельной большой работы), не вошел сюда и ряд произведений, написанных до революции, но изданных лишь в советское время («Плутония» В. А. Обручева, «Страна Гонгури» В. А. Итина и др.). Крайне скупо вводилась в обзор очерковая фантастика и фантастика сказочного плана, за рамками библиографии осталась фантастика в литературах братских народов нашей страны. Все это опять-таки может явиться предметом специальных исследований, представляя подчас и для составителей почти сплошные белые пятна. Белых пятен вообще много в прошлом русской фантастики (таковы, к примеру, 60—70-е годы минувшего века), ведь литературоведческий поиск здесь только-только начинается. Мы надеемся в связи с этим на самое активное участие любителей фантастики в устранении этих пятен с родословной карты нашей НФ — карты, которую мы лишь попытались оконтурить в самом первом приближении.

Читатель заметит, что в работе остались нераскрытыми два-три псевдонима, отсутствуют биографические данные у ряда авторов, не отражено содержание (иной раз даже и выходные данные) отдельных произведений, — подобное было неизбежно в первом опыте биобиблиографии. Хотя просмотрены, проштудированы поистине необъятные горы книг и периодики, оказалось невозможно охватить все и вся.

У ряда известных писателей в целях экономии места мы сочли возможным опустить биографические справки (читатель при желании легко найдет их в любом справочнике, а иной раз и в школьном учебнике). Опущены и упоминания о переиздании их произведений (эти последние, если дело касается классиков, выходят достаточно регулярно и, во всяком случае, включаются в собрания сочинений). Когда же речь идет о литераторах малоизвестных или вообще забытых, мы, наоборот, старались дать те, как правило, весьма скупые биографические и библиографические сведения, которые удалось отыскать (издания по возможности указывались — первое и последнее).

Наша первая и потому далеко не идеальная библиография дореволюционной русской фантастики, потребовавшая немалых усилий и затрат времени, была бы вообще немыслимой без активной помощи многих любителей фантастики. Выражая искреннюю признательность всем им за содействие, советы и поддержку, мы с благодарностью примем любые замечания и дополнения к данному обзору.

I

XVIII век

ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ Федор Иванович (1728—1790)

Историк, поэт, переводчик.

Соч.: Дворянин-философ: Аллегория. М., 1769. — То же. 2-е изд. Смоленск, 1796.

Сатирическая утопия, герой которой моделирует в своем поместье Вселенную и наблюдает за эволюцией каждого из миров.

ЗАХАРЬИН Петр Михайлович (1750—1800)

Из однодворцев. Автор ряда научных и беллетристических сочинений.

Соч.: Арфаксад: Халдейская вымышленная повесть. М., 1793—1796. — То же. 2-е изд. Николаев, 1798.

Патриархальный быт как олицетворение свободы и равенства сословий.

ЛЕВШИН Василий Алексеевич (1746—1826)

В молодости находился на военной службе. Позднее — сотрудник известного просветителя Н. И. Новикова. Написал и перевел около 160 книг, в основном на хозяйственно-экономические темы.

Topreading.ru

Соч.: Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве. — Собеседник любителей российского слова, 1784. Ч. 13—16; Отрывки в кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 71—90.

Первое в отечественной литературе описание путешествия на Луну на аппарате с машущими крыльями.

ЛЬВОВ Павел Юрьевич (1770—1825)

Член Российской академии и «Беседы любителей русского слова». Автор ряда романов, исторических повестей и др. сочинений.

Соч.: Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки. СПб., 1794. Ч. 1, 2.

Во 2-й части романа — картины благоденствующего общества, где все дела вершит народное собрание; описание страны, где царит золотой век и не известно понятие собственности.

РАДИЩЕВ Александр Николаевич (1749—1802)

Выдающийся мыслитель-революционер, писатель, главной своей книгой — «Путешествие из Петербурга в Москву» — оказавший большое влияние на развитие революционных идей в России

Соч.: Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790. 455 с.

Главы «Хотилов» и «Выдропуск» написаны от лица «идеального» монарха как «проекты в будущем», их содержание (освобождение земледельцев «сверху», уничтожение придворных чинов) отнюдь не тождественно идеалам автора, убежденного в необходимости завоевания свободы «снизу», самим угнетенным народом. «Не мечта сие… я зрю сквозь целое столетие».

ХЕРАСКОВ Михаил Матвеевич (1733—1807)

Писатель, крупнейший представитель русского классицизма. Автор эпических поэм, драматург, романист.

Соч.: Нума, или Процветающий Рим. М., 1768 180 с. — То же. 3-е изд. М., 1800; Кадм и Гармония: Древнее повествование. М., 1786. Ч. 1, 2. — То же. 5-е изд. М., 1806; Полидор, сын Кадма и Гармонии. М., 1794. Ч. 1—3. — То же. 3-е изд. М., 1806.

Картины жизни идеальных государств с царями-философами на троне сменяются в третьем романе негативным отношением напуганного французской революцией автора к «вольнодумцам».

ЧУЛКОВ Михаил Дмитриевич (1744?—1792)

Писатель, историк, этнограф, экономист; издавал сатирические журналы.

Topreading.ru

Соч.: Пересмешник, или Славенские сказки. М., 1789. Ч. 5.

Лунные жители, у которых «все было общим», и страна «дулебов», где земледельцы особенно трудолюбивы, дворяне отличаются «благородным поведением», а судьи — правдолюбием.

ЩЕРБАТОВ Михаил Михайлович (1733—1790)

Писатель, историк, экономист, философ. Автор первой русской статистики, 7-томной «Истории Российской» и др. сочинений. В политическом плане либерал, но отнюдь не сторонник равенства сословий. Таков он и в своей утопии, которая не была им окончена и при жизни автора не издавалась.

Соч.: Путешествие в землю Офирскую г-на С..., шведского дворянина. Соч. СПб., 1896, т. 1, с. 749—1060; Отрывки в кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 22—68.

В Офирии отсутствуют самовластие «деспотичества», беззаконие и леность, роскошь и мотовство, иноземная торговля; регулярные войска заменены военными поселениями.

ЭМИН Федор Александрович (1735—1770)

Писатель и журналист, автор семи романов и нескольких сочинений исторического характера, издатель сатирического журнала «Адская почта» (1769), в котором обличались жестокость крепостников, произвол в суде, пороки духовенства и др.

Соч.: Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда. СПб., 1763. Ч. 1—3. — То же. 3-е изд. СПб., 1792; Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философские, физические и военные его с сыном разговоры. СПб., 1763. 20. 360 с — То же. 2-е изд. М., 1781. 14. 312 с; Письма Ернеста и Доравры. СПб., 1766. Ч. 1—4.

Философско-утопические романы, назначение которых — отвращение от зла, проповедь необходимости труда, пользы просвещения и образованности.

II

XIX век

(до конца 80-х годов)

АХШАРУМОВ Николай Дмитриевич (1819—1893)

Писатель. Окончил Царскосельский лицей, до 1845 г. состоял на военной службе. С 1850 г. занимался литературной работой.

Соч.: Двойник: Роман. — Отечественные записки, 1850; Собр. соч. СПб.: М. К. Ремезова, 1895, т. 5, с. 3—84; Игрок: Роман. — Отечественные записки, 1858; Собр. соч. СПб., 1895, т. 5, с. 85—287; Граждане леса: Роман-сказка. — Всемирный труд, 1867, № 4—7; СПб.: Н. Ф. Мертц, 1895. 200 с.

II

XIX век

(до конца 80-х годов)

АХШАРУМОВ Николай Дмитриевич (1819—1893)

Писатель. Окончил Царскосельский лицей, до 1845 г. состоял на военной службе. С 1850 г. занимался литературной работой.

Соч.: Двойник: Роман. — Отечественные записки, 1850; Собр. соч. СПб.: М. К. Ремезова, 1895, т. 5, с. 3—84; Игрок: Роман. — Отечественные записки, 1858; Собр. соч. СПб., 1895, т. 5, с. 85—287; Граждане леса: Роман-сказка. — Всемирный труд, 1867, № 4—7; СПб.: Н. Ф. Мертц, 1895. 200 с.

Герои Ахшарумова «научным путем» создают двойников, попадают в «шахматный мир», находят общий язык с животными.

БРУСИЛОВ Николай Петрович (1782—1849)

Писатель. Член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В 1805 г. издавал в Петербурге либеральный «Журнал российской словесности».

Соч.: Мое путешествие: Приключения одного дня. СПб., 1803. 166 с; Путешествие на остров Подлецов. — Журнал российской словесности, 1805, № 4; Путешествие в храм вкуса. — Журнал российской словесности, 1805.

Путешествия по времени, в космос, на утопические острова служат автору для критики крепостничества, защиты прав человека.

БУЛГАРИН Фаддей Венедиктович (1789—1859)

Журналист и писатель. До 1825 г. сотрудничал в «Полярной звезде» К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева, позднее превратился в крайнего реакционера. Был осведомителем политической полиции, писал доносы на писателей.

Соч.: Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке. — Литературные листки, 1824, № 17—20, 23—24; Собр. соч. СПб.: М. Д. Ольхин, 1843, т. 6, с. 85—110; Похождения Митрофанушки в Луне. — Северная пчела, 1837, № 133—139; Собр. соч. СПб., 1843, т. 4; Путешествие к антиподам на Целебный остров. — Сб. Комары. Всякая всячина. СПб., 1842, кн. 1, с. 119—154; Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли. — Собр. соч. СПб., 1843, т. 7, с. 17—30; Сцена из частной жизни в 2028 году. — Собр. соч. СПб., 1843, т. 7, с. 63—69; Предок и потомки: Сатирич. повесть. — Собр. соч. СПб., 1843, т. 7, с. 201—220.

Любопытные детали будущего («воздушные дилижансы» с крыльями и паровой машиной, парашюты, водолазы, снабженные мешками с воздухом, фермы на дне моря и т. д.) не мешают Булгарину и через 100, и через 1000 лет сохранить королей, принцев, вельмож, купцов,

Topreading.ru

помещиков и т. п.

ВЕЛЬТМАН Александр Фомич (1800—1870)

Писатель и ученый. Помимо археологических и исторических трудов написал немало художественных произведений, центральное место среди которых занимает цикл романов «Приключения, почерпнутые из моря житейского».

Соч.: MMMCDXLVIII год: Рукопись Мартына Задеки. М.: изд. А. С. Ширяева. 1833. Т. 1, 179 с. Т. 2, 198 с.; Т. 3, 204 с.; Предки Калимероса: Александр Филиппович Македонский. М., 1836. Т. 1, 2.

Действие первого из романов перенесено в 3448 год, герой второго совершает на машине времени («гиппогрифе») путешествие в глубокую древность.

ДАНИЛЕВСКИЙ Григорий Петрович (1829—1890)

Писатель, известный и сегодня историческими романами «Мирович», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва» и др.

Соч.: Жизнь через сто лет. Рассказ. Полн. собр. соч. СПб.: А. Ф. Маркс, 1901, т. 19, с. 12—34.

Мир 1968 года: централизованное снабжение городов водой, электричеством и теплом; трансляция спектаклей по телефону; подземная железная дорога между Англией и Францией; искусственное море на месте Сахары и т. д. Рассказ написан в 1880 г.

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821—1881)

Знаменитый писатель нередко вводил в свои произведения элементы фантастического (повести и рассказы «Двойник», «Хозяйка», «Бобок», «Крокодил», разговор с чертом в «Братьях Карамазовых» и др.).

Соч.: Сон смешного человека: Фант. рассказ. — Дневник писателя, 1877, апрель; В кн.: Вечное солнце. М., 1979, с. 134—153.

Золотой век в мире, аналогичном земному, рушится, едва туда попадает герой рассказа — представитель растлевающего буржуазного общества.

ДЬЯЧКОВ Семен

Соч.: Путешествие на Луну в чудной машине с описанием тамошних стран, обычаев и разных редкостей: Забавный вымысел. Фант, повесть. М., 1844.

ЗОТОВ Рафаил Михайлович (1795—1871)

Романист, драматург, переводчик.

Соч.: Цын-Киу-Тонг, или Три добрые дела духа тьмы: Фант. роман. СПб.: И. Глазунов, 1840. Ч. 1, 408 с.; Ч. 2, 379 с.; Ч. 3, 333 с.; Ч. 4, 141 с.; М.: М. Смирнов, 1858. Ч. 1, 288 с.; Ч. 2, 261 с.; Ч. 3, 246 с.; Ч. 4, 100 с.

Пытаясь вершить добрые дела, «командированный» на Землю Цын-Киу-Тонг постоянно попадает впросак — типичные сложности контакта двух разнопланетных цивилизаций.

КЮХЕЛЬБЕКЕР Вильгельм Карлович (1797—1846)

Поэт, драматург, критик, переводчик. Декабрист.

Соч.: Европейские письма. — Невский зритель, 1820, № 2, 4; — Соревнователь просвещения и благотворения, 1820, № 9, 11; В кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 102—122; Земля безглавцев. — Мнемозина, 1824, кн. 2; В кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 123—127.

Взгляд из будущего (2519 год!) на события в Европе; полет на воздушном шаре к Луне с сатирическим описанием тамошнего общества.

МИХАЙЛОВ Михаил Ларионович (1829—1865)

Поэт, публицист, переводчик. Революционный демократ.

Соч.: За пределами истории (За миллионы лет). — Дело, 1869, № 3, 4; Соч. М.: Гослитиздат, 1958, т. 2, с. 458—520.

Одна из первых в мировой литературе попыток строго научного изображения жизни первобытного человека.

ОДОЕВСКИЙ Владимир Федорович (1803 или 1804—1869)

Писатель, философ, музыковед, общественный деятель. Наряду с реалистическими произведениями писал романтические «таинственные» повести («Сильфида», «Косморама», «Саламандра» и др.), в которых пытался с научных позиций исследовать тайны человеческой психики; в аллегорические «Пестрые сказки» включал повести сатирико-фантастического плана. Один из родоначальников НФ не только в русской, но и в мировой литературе.

Соч.: Два дни в жизни земного шара: Рассказ. — Московский вестник, 1828, ч. 9, № 14, с. 120—128; В кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 217—222; 4338-й год: Петербургские письма. — Альм. «Утренняя заря», СПб., 1840, с. 307—352; 1-е полн. изд.: М.: Огонек, 1926. 64 с.; В кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 240—274; Город без имени: Повесть. — Современник, 1839, кн. 1, с. 97—120; В кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 223—239; Последнее самоубийство: Рассказ. — Соч. СПб., 1844. Ч. 1; — Соч. М., 1981, т. 1, с. 87—93.

Встреча Земли с кометой; картины далекого будущего, в которых удивительные научно-технические предвидения сочетаются с незыблемостью социального устройства общества (просвещенная монархия); сатирическое осмеяние утилитаризма и мальтузианства.

Topreading.ru

СЕНКОВСКИЙ Осип Иванович (1800—1858)

Писатель, журналист, востоковед. С 1834 г. редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения», где печатал свои сочинения под псевдонимом Барон Брамбеус.

Соч.: Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. СПб.: Плюшар с сыном, 1833. 391 с.; Собр. соч. СПб.; Типогр. Академии наук, 1858, т. 2. 506 с. (Из сод.: Ученое путешествие на Медвежий Остров, с. 69—197. Сентиментальное путешествие на гору Этну, с. 198—280; первая из этих повестей вошла в кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 130—214).

Высокоразвитая цивилизация в Сибири, погибшая во времена потопа; подземный мир, где люди ходят «вниз головой».

СКОВРОНСКАЯ (БОГУСЛАВСКАЯ) Мария Савельевна

Писательница, редактор-издатель журнала «Друг женщин».

Соч.: 666/3: Фантазия в стиле каприччио. — Друг женщин, 1882.

Выпив «усыпительной жидкости», героиня повести просыпается в 3666 году в черством и бездушном машинном мире.

СОЛЛОГУБ Владимир Александрович (1813—1882)

Писатель, автор повестей из светской жизни, комедий, водевилей.

Соч.: Тарантас: Путевые впечатления. СПб., 1845 (не раз переиздавался); Глава 20-я. «Сон» — В кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 277—292; Ночь перед свадьбой, или Грузия через 1000 лет: Драматич. шутка. — Альм. «Зурна», Тбилиси, 1855.

Картина будущей России, где «нетрудящийся человек недостоин звания человека»; герой водевиля просыпается в 2853 году в стране всеобщего просвещения, равенства мужчин и женщин, высокой механизации и повсеместных железных дорог.

УЛЫБЫШЕВ Александр Дмитриевич (1794—1858)

Публицист, музыкальный критик, драматург. В 1819—1820 гг. участвовал в кружке «Зеленая лампа», близком к декабристскому движению. На тринадцатом заседании кружка была прочитана его утопия «Сон», найденная и опубликованная лишь в советское время.

Соч.: Сон: Утопия. — В кн.: Декабристы и их время. М., 1927, кн. 1, с. 53—56; В кн.: Взгляд сквозь столетия. М., 1977, с. 93—99.

Через 300 лет в России — парламент, нет священников и монахов (хотя религия осталась), нет регулярной армии, вместо казарм — общественные школы, академии и библиотеки, небывалый расцвет литературы и искусства.

Topreading.ru

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Николай Гаврилович (1828—1889)

Революционер-демократ, ученый, писатель, публицист.

Соч.: Что делать?: Из рассказов о новых людях. — Современник, 1863, № 3—5; 4 глава, 16 раздел «Четвертый сон Веры Павловны» с сокр. — В кн.: Вечное солнце. М., 1979, с. 122—131; Кормило Кормчему; Знамение на кровле: Рассказы. — Полн. собр. соч. СПб., 1906, т. 10; Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1953, т. 16 (дополнит.), с. 338—350, 351—356.

Роман Чернышевского — первая социалистическая утопия в русской литературе, всем своим содержанием, героями, их отношениями между собой утверждавшая необходимость новых жизненных основ. Опубликованные лишь в начале XX в. отрывки из задуманной писателем книги «Чтения в Белом Зале» (1870) рисуют двойственность научного прогресса (всесильная машина, придуманная неким Пожирателем Книг, из благодетельницы превращается в проклятие для народов).

III

Конец XIX — начало XX века

АВЕНАРИУС Василий Петрович (1839—1923)

Окончив Петербургский ун-т (1861), почти полвека прослужил чиновником, одновременно занимаясь литературным трудом. Писал в основном для детей и юношества.

Соч.: Необыкновенная история о воскресшем помпейце: Повесть. СПб.: Типогр. С. Добродеева, 1889. 100 с.; СПб.; П. В. Луковников, 1903. 106 с.

Оживленный ученым, древний помпеец чувствует себя чуждым новому миру, в котором царят меркантилизм и бездуховность.

АЗОВЕЦ (НИКИТИН) Н. В.

Журналист и писатель. Автор сборника рассказов «Подневольные» (1901), романа «Смутная пора» (1908) и др. книг.

Соч.: Вокруг Земли в 24 часа: Рассказ. — На суше и на море, 1914, № 3, с. 3—29.

Герой рассказа совершает «неподвижное» путешествие, повиснув на летательном аппарате над вращающейся планетой.

АМФИТЕАТРОВ Александр Валентинович (1862—1938)

Писатель. В 1902 г. за фельетон о царской семье был выслан в Минусинск, затем в Вологду. После 1920 г. эмигрировал.

Соч.: Жар-цвет: Фант. роман. СПб.: Просвещение, 1910. 386 с.; Берлин: Рус. универс. изд-во, 1922, 384 с.

Topreading.ru

Попытка показать, что все чудесное, сверхъестественное заключено не вне, а внутри человека.

АФАНАСЬЕВ Л. Б.

Соч.: Путешествие на Марс: Фант. повесть. — Ежемес. лит. прил. к ж. «Нива», СПб., 1901, II, стб. 275—330, III, стб. 483—534.

Межпланетная экспедиция стартует в центре Лондона, где «во дворе» и был построен корабль, работающий на электричестве.

АЧКАСОВ Алексей Николаевич (1870—?)

Журналист, поэт, беллетрист. Сотрудничал в киевских периодических изданиях (1908—1913).

Соч.: Путешествие эльфа по кровеносным сосудам человека: Рассказ. М.: П. Д. Ефимов, 1903, 35 с.; М., 1910.

Познавательная фантастика, знакомящая с анатомией человека.

БАРЧЕНКО Александр Васильевич (1877—1938)

Получил медицинское образование. Работу врача-невропатолога совмещал с литературной деятельностью. Сотрудничал в журналах «Природа и люди», «Вокруг света» и др.

Соч.: Доктор Черный: Роман из современной жизни. — Мир приключений, 1913, № 1—5; Из мрака: Роман. — Мир приключений, 1914, № 1—5.

Чудеса тибетской медицины автор дилогии объяснял остаточными знаниями, сохранившимися от древнейших цивилизаций.

БАРЯТИНСКИЙ Владимир Владимирович (1874—?)

Окончил Морское училище, плавал офицером. Выйдя в отставку, сотрудничал в газетах, писал пьесы.

Соч.: Письма с Марса. — Всемирный вестник, 1904, № 1, с. 115—123.

БАХМЕТЬЕВ Порфирий Иванович (1860—1913)

Физик и биолог, один из первых исследователей анабиоза. Родился в семье крестьянина, образование получил в Цюрихском ун-те. Был одним из основателей и профессором Софийского ун-та (1890—1907).

Соч.: Завещание миллиардера: Метод разработки естественных наук в будущем. Повесть. —

Topreading.ru

Естествознание и география, 1904, № 8, 9.

Предвосхищено создание больших исследовательских коллективов, с чем соседствует наивная вера в бескорыстное содействие капиталистов развитию науки.

БЕКНЕВ Сергей Александрович

Инженер, автор многих исследований в области авиации, сотрудник «Нового энциклопедического словаря» (1913).

Соч.: Гибель воздушного флота: Аэрофантазия. — В кн.: В мире новых ощущений. СПб.: Типогр. т-ва «Наш век», 1911, с. 123—141.

Соч.: Гибель воздушного флота: Аэрофантазия. — В кн.: В мире новых ощущений. СПб.: Типогр. т-ва «Наш век», 1911, с. 123—141.

Моделирование возможных аспектов военного применения авиации.

БЕЛОМОР (КАНКЕВИЧ) Александр Григорьевич

Морской офицер, дважды совершил кругосветное плавание. Выйдя в 1883 г. в отставку, продолжал плавать на торговых судах. Автор «Летописи крушений» (1874), сотрудничал в газетах и журналах.

Соч.: Крейсер «Русская Надежда»: Роман. СПб.: С. С. Любавин, 1887. 236 с. (под псевд. А. К.); Роковая война 18... года: Роман. СПб.: Типолитогр. Р. Голике, 1889. 115 с.; В его кн.: Рассказы и мечты старого моряка. СПб., 1894.

Сочинения о грядущих победах на море, призывавшие к созданию мощного быстроходного флота.

БЕЛЬСКИЙ (САВЧЕНКО) Симон Федорович

Журналист, сотрудник «Московских ведомостей», «Бюро русской печати» (1913) и др. изданий. Много ездил по стране.

Соч.: Под кометой: Записки очевидца о гибели и разрушении Земли. СПб.: Типогр. «Печатный труд», 1910. 127 с.; Куда ворон костей не заносил: Рассказы. СПб.: Типогр. т-ва «Общественная польза», 1914. 217 с. (Из сод.: Конец истории солнечного народа, с. 61—73; Особенный вкус страны, с. 87—133); У подножия Саян: Рассказ. — Мир приключений, 1916, № 7, с. 77—100; Между небом и землей: Повесть. — Нива, 1917, № 25, 26.

Произведения Бельского разнообразны по темам (историческая и этнографическая фантастика, атомная и экологическая катастрофы, межпланетные сообщения), нередко пронизаны ощущением близкой гибели, непрочности старого мира.

Topreading.ru

БИЛИБИН Виктор Викторович (1859—1908)

Прозаик и драматург. Юрист по образованию, много лет прослужил чиновником. Сотрудник редакции журнала «Осколки».

Соч.: Женщины на Марсе: Фант. фарс в 3-х действ. СПб., 1906. 34 с. («Б-ка театра и искусства». Кн. 4).

Герои пьесы обнаруживают на Марсе «домострой наоборот»: обществом управляют женщины, за ними же закреплено право на образование, а забитые и бесправные мужчины исполняют роль домохозяек.

БИТНЕР Вильгельм Вильгельмович (1865—1921)

Журналист, редактор ряда журналов. Получил военное образование, но уже в 80-х гг. начал выступать в жанре научной публицистики.

Соч.: Сон ученого: Рассказ. — Природа и люди. 1893, № 4, 5; Как я отыскал Андрэ у полюса: Рассказ. — Природа и люди, 1899, № 31—37.

Ученый, мечтающий цивилизовать обезьян, изучив их язык; попытка объяснить исчезновение шведской полярной экспедиции (1897).

БОГДАНОВ (МАЛИНОВСКИЙ) Александр Александрович (1873—1928)

Врач, философ, экономист, деятель революционного движения. Философские взгляды его (эмпириомонизм) критиковал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм». После революции Богданов возглавлял организованный им ин-т переливания крови, погиб при проведении эксперимента.

Соч.: Красная звезда: Утопия. СПб.: Т-во худож. Печати, 1908. 156 с. (не раз издавалась в 1918—1929 гг.); с некоторыми сокр. вошла в кн.: Вечное солнце. М., 1979, с. 250—379; Инженер Мэнни: Фант. роман. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1913. 148 с.; ряд изданий после революции, последнее: Л.: Красная газета, 1929. 141 с.; Праздник бессмертия. Рассказ. — Летучие альманахи. СПб., 1914, вып. 14, с. 51—70.

Картины грядущего социалистического общества; масса конкретных научно-технических предвидений (плановое управление хозяйством, использование вычислительной техники, эстетика на производстве, искусственный белок, стереокино, синтетические ткани и др.). Менее убедительно изображены автором человеческие отношения в мире будущего.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ Леонид А.

Журналист, сотрудничал в «Русском богатстве» (1903—1909), «Русских записках» (1915—1917) и др. изданиях.

Соч.: В новом мире: Роман. Киев: Г. К. Таценко, 1902. 207 с.; Киев, 1904. 207 с.

БРУСЯНИН Василий Васильевич (1867—1919)

Писатель и журналист, участник революции 1905—1907 гг.

Соч.: Тайна мертвого глаза: Рассказ. — Огонек, 1908, № 17, с. 2—7.

Раскрытие преступления с помощью изображения убийцы, запечатлевшегося на сетчатке глаза.

БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1873—1924).

Поэт, драматург, романист, критик, переводчик. Уже в гимназическом рукописном журнале опубликовал свой первый опыт в духе Ж. Верна — повесть «На Венеру». В 1894—1895 гг. написал роман о пребывании марсиан на Земле («Гора Звезды», опубликован в 1975 г.). Законченных фант. произведений у Брюсова немного, большинство набросков — «Восстание машин» (1908—1909), «Экспедиция на Марс» (1908—1909), «Мятеж машин» (1915) и др. — опубликовано только в 1970—1980-е гг.

Соч.: Республика Южного Креста: Из специального № «Северно-Европейского вечернего вестника». — Весы, 1905—1906, № 12—1, с. 25—46; Земля: Трагедия из будущих времен в 5 действ, и 9 карт. — Альм. «Северные цветы Ассирийские». М.: Скорпион, 1905, с. 149—196; Земная ось: Рассказы и драматические сцены. М.: Скорпион, 1907, 169 с. (Из сод.: Республика Южного Креста, с. 1—25; Последние мученики. Письмо, не дошедшее по адресу, с. 63—79; Земля, с. 115—166); — То же. М., 1910. 160 с.; — То же. М., 1911. 166 с.; Семь земных соблазнов: Отрывок из романа. — Альм. «Северные цветы». М.: Скорпион, 1911, кн. 5, с. 169—220.

Гибель регламентированного общества в циклопическом городе под стеклянной крышей, созданном в Антарктиде сталелитейным трестом; «хранители культуры», предающиеся разгулу страстей в своем храме, в ожидании последнего штурма неудержимой революции; трагедия цивилизации, запертой в подземных городах с иссякающими запасами воды.

БУДИЩЕВ Александр Николаевич (1867—1916)

Писатель из окружения А. И. Куприна. Автор более 30 книг прозы, стихов, драм.

Соч.: Тайна времен: Рассказ. — В его кн.: Тайна времен. СПб.: Освобождение, 1913, с. 5—16.

Геологические катаклизмы, способные погубить человечество.

ВА—СКИЙ А.

Укрывшийся под псевдонимом литератор демократического направления выдавал свой рассказ за «перевод подлинных дневников».

Соч.: Дневник Андрэ: Путешествие на воздушном шаре к Северному полюсу. СПб.: Л. В. Колотилов, 1897. Вып. 1. 32 с.

Последующие выпуски рассказа о счастливой республике «Северный полюс» не вышли из-за вмешательства цензуры.

ВАСИЛЕВСКИЙ Илья Маркович (1882—1938)

Журналист. В 1906—1908 гг. издавал газету «Свободные мысли», много раз менявшую название вследствие административных преследований.

Соч.: Житейское кабаре: Рассказы. СПб.: Освобождение, 1910. 194 с. (Из сод.: Юбилей будущего, с. 51—57; Наследники, с. 71—76; Делайте вашу игру, с. 85—92; Без смеха, с. 170—177).

Обыгрываются в юмористическом плане последствия создания искусственной протоплазмы, жизнь через полвека и др.

ГАСТЕВ Алексей Капитонович (1882—1941)

Поэт и ученый, активный участник революционного движения, большевик. В 1920—1938 гг. возглавлял организованный им Центральный ин-т труда. Писал полуритмическую прозу, пронизанную пафосом рабочего единства, социального и технического прогресса («Кран», «Рельсы», «Башня» и др.), составившую популярный в свое время сборник «Поэзия рабочего удара».

Соч.: Экспресс: Сибирская фантазия. — Сибирские записки, Красноярск, 1916, № 1 (под псевд. Н. Дозоров).

Будущее Сибири глазами пассажира транссибирского экспресса, мчащегося к Берингову проливу.

ГРИН (ГРИНЕВСКИЙ) Александр Степанович (1880—1932)

Писатель-романтик. Интерес к чудесному, необыкновенному, фантастическому характерен для всего его творчества.

Соч.: Происшествие в улице Пса. — Слово, 1909, 21 июня; Марионетка. — Новое слово, 1910, № 9, с. 57—60 (др. назв. «Дуэль»); Земля и вода. — Аргус, 1914, № 14, с. 129 — 140; Происшествие в квартире г-жи Сериз. — Аргус, 1914, № 22, с. 80—87; Черный хрусталь Сипая. — Двадцатый век, 1914, № 52, с. 13; Вечная пуля. — Двадцатый век, 1915, № 26, с. 5—6; Убийство романтика. — Северная звезда, 1915, № 6, с. 63—64; Путь. — Аргус, 1915, № 8, с. 30—35; Невозможное — но случилось. — Синий журнал, 1916, № 9, с. 4—6 (др. назв. «Огонь и вода»); Сказка далекого океана. — Огонек, 1916, № 36, с. 2 (др. назв. «Отравленный остров»); Восстание. — Вольность, 1917, 12 сентября; Шедевр. — Свободная Россия, 1917, 16 июня.

Исконно гриновские темы (истоки чудесного — в самом человеке, в его скрытых возможностях; антигуманность обывательской «философии», растлевающей личность) переплетаются в его рассказах с традиционными для фантастики приемами и сюжетами (перенос действия в будущее, видение на расстоянии, эликсир бессмертия, осовремененный вариант Калиостро,

взаимопроникающие пространства и др.).

ДЖУНКОВСКИЙ П.

Соч.: В глубь веков: Таинственные приключения европейцев сто тысяч лет тому назад. М.: Типолитогр. Ю. Венер, 1908. 203 с.

Современники автора попадают в каменный век, где наблюдают быт древнего человека.

ДИНГЕЛЬШТЕДТ Николай Федорович (1852—?)

Выйдя в отставку в чине гвардейского капитана, стал журналистом, редактировал журнал «Простак».

Соч.: Причуды жизни: Рассказы. СПб.: Типогр. В. Н. Чуйкова, 1907. 206 с. (Из сод.: Величайшее открытие XXI века, с. 93—109; Неосязаемый: Рассказ в жанре Уэллса, с. 113—140).

Тайны бессмертия; проблема невидимости.

ДОРОШЕВИЧ Влас Михайлович (1864—1922)

Журналист, театральный критик. Много путешествовал. Его очерки о Сахалине (1903) потрясли читателей правдивостью изображения царской каторги.

Соч.: Через сто лет после смерти: Рассказ. — В его кн.: Одесса, одесситы, одесситки... Одесса, 1895, с. 41—45; Премьер: Завтрашняя быль. Фантазия. — Русское слово, 1906, октябрь — ноябрь; М.: И. Д. Сытин, 1907. 144 с.; Двадцатый век; Война будущего, или Штука конторы Кука: Рассказы. — Собр. соч., М.: И. Д. Сытин, 1907., т. 6, с. 21—34, 99—108.

Разнообразные (чаще всего юмористические) ситуации, связанные с переносом действия в будущее.

ДРАВЕРТ Петр Людовикович (1879—1945)

Поэт и ученый. За участие в студенческом движении дважды высылался: в Пермскую губернию (1901) и в Якутию (1905), где открыл ряд месторождений полезных ископаемых. В 1918—1940 гг. преподавал в вузах Омска. Первую книгу стихов выпустил в 1904 г.

Соч.: Повесть о мамонте и ледниковом человеке: Совершенно фант. история. Якутск, 1909 (под псевд. Гектор Д.) — В его кн.: Незакатное вижу я солнце. Новосибирск, 1979, с. 163—180.

Незаконченная повесть об оживлении доисторического человека.

ДУБАС В.

Соч.: В царстве жар-птицы: Повесть. — На суше и на море, 1914, № 9, с. 3—26.

Русские путешественники попадают на остров, где некий ученый экспериментирует на обезьянах, пробуждая у них сознание.

ДУНИН А. А.

Сотрудник исторических журналов начала XX века.

Соч.: Тайна коллер-мейстера Брауна: Рассказ. — Ежемес. лит. прил. к ж. «Нива». СПб., 1915, IX, стб. 21—52.

Эликсир молодости, передающийся по наследству в роду скромного московского аптекаря.

ЖАКОВ Каллистрат Фалалеевич (1866—1926)

Сын крестьянина коми. Учился в Киевском и Петербургском унтах. Этнограф и философ, знаток коми фольклора, автор литературоведческих исследований.

Соч.: На другой земле: Фант. повесть. СПб., 1911.

ЖДАНОВ Лев Григорьевич (Гельман Лион Германович, 1864—1951)

Автор многочисленных исторических романов, пьес, рассказов.

Соч.: Два миллиона в год (Нищий-миллионер): Фант. роман. СПб.: Прометей, 1909. 342 с.; Конец войны (Последние дни мировой борьбы): Роман. Пг.: Посевы, 1915. 124 с.; Последний день Гогенцоллернов: Новелла. — В одноим. авт. книге. Пг., Молния, 1915, с. 3—52.

Перенося действие в ближайшее будущее, автор предрекал победу Антанты над Германией и ее союзниками.

ЖЕЛИХОВСКАЯ Вера Петровна (1835—1896)

Дочь писательницы Е. А. Ган. Получила домашнее образование. Писала преимущественно сентиментальные повести и рассказы для детей и юношества.

Соч.: Человек с приклеенной головой: Рассказ. — Природа и люди, 1891, № 10, 11; Дерево-людоед: Рассказ. — Природа и люди, 1894, № 2; Из стран полярных: Рассказ. — В ее кн.: Фант. рассказы. СПб.: А. С. Суворин, 1896, с. 243—267.

Развлекательные рассказы с использованием фант. сюжетов (пересадка частей тела, оживление умерших, деревья-хищники и т. п.).

Topreading.ru

ЗАРИН Андрей Ефимович (1863—1929)

Сын переводчика и публициста Е. Ф. Зарина. С 1888 г. полностью посвятил себя журналистике и литературе. Плодовитый беллетрист.

Соч.: Прибор д-ра Аренса: Рассказ. — Природа и люди, 1891, № 20—23; В его кн.: Под корень. СПб.: А. А. Каспари, 1895, с. 171—201; Мечты в действительности: Повесть. СПб.: Типогр. В. В. Комарова, 1896. 60 с.: Сон астронома под новый год: Рассказ. — Природа и люди, 1900, № 1; Дар сатаны: Повесть. — В одноим. авт. книге. СПб.: П. П. Сойкин, 1904, с. 3—83; Изобретатель и капиталист: Рассказ. — Природа и люди, 1904, № 2, с. 20—23; Расстроенный праздник: Совершенно невероятное событие. — Природа и люди, 1905, № 8, с. 119—124; Мое проклятье: Рассказ. — Пробуждение, 1909, № 3, с. 63—69; Термоген; Рассказ. — Мир приключений, 1915, № 10, стб. 5—24; Удивительная история: Рассказ. — Ежемес. лит. Прил. к ж. «Нива», Пг., 1916, I, стб. 73—96.

Помимо излюбленного автором чтения мыслей (при помощи приборов и без них) в его рассказах встречаются также лучи смерти, уничтожение тяготения, путешествие во времени и др.

ЗАРИН-НЕСВИЦКИЙ Федор Ефимович (1874—?)

Историк, поэт, драматург. Брат А. Е. Зарина.

Соч.: Тайны души: Рассказ. — Мир приключений, 1916, № 9, стб. 5—24; Тайна поповского сына: Повесть. М.: Т-во М. О. Вольф, Б. г. 318 с.

Телепатические способности человека; создание махолета.

ИВАНОВ А.

Соч.: Стереоскоп: Сумеречный рассказ. СПб.: Сириус, 1909. 81 с.; Пг., 1918. 81 с.

Путешествие в прошлое, застывшее и окаменевшее, в котором ничего нельзя изменить.

ИНФАНТЬЕВ Порфирий Павлович (1860—1913)

Окончив гимназию в Троицке, поступил в Казанский ун-т, затем перевелся в Петербургский. Активно участвовал в революционном движении, за что был арестован, отбывал тюремное заключение. Этнограф по профессии, автор более 40 книг, преимущественно о жизни народностей Сибири. Сотрудничал в демократической печати, редактировал журнал «Заветы».

Соч.: На другой планете: Повесть из жизни обитателей Марса. Новгород: Губ. Типогр., 1901. 142 с.

Картины демократического марсианского общества пришлись не по вкусу цензуре: книга зияет чистыми страницами — изымались целые главы.

КОЛЕСНИКОВ Н. В.

Topreading.ru

Офицер, автор книг по теории и практике военного дела.

Соч.: Тевтоны: Секрет военного министерства. Фант. роман. Казань: Центр. типогр., 1916. 55 с.

Анабиоз как средство «консервации» армии на период отсутствия боевых действий.

КОМАРОВ Николай Степанович (1886—?)

Инженер, специалист по холодильным установкам.

Соч.: Холодный город: Фантастика техники. М.: И. Д. Сытин, 1917. 80 с. (под псевд. Н. Кузнецов); М, 1917. 132 с.; М., 1927. 163 с.

В романе изображены возможная климатическая катастрофа и жизнь в искусственно поддерживаемых условиях.

КРАСНИЦКИЙ Александр Иванович (1866—1917)

Журналист и писатель. Автор многочисленных (преимущественно исторических) романов.

Соч.: За приподнятою завесой: Фант. повесть о делах будущего. СПб.: Я. Трей, 1900. 244 с.

Малоинтересная попытка заглянуть в будущее России: автору и через сто лет рисуется «процветающий» монархический строй.

КРАСНОГОРСКИЙ Борис

Соч.: По волнам эфира: Астрономич. роман. СПб.: Всходы, 1913. 254 с.; Острова эфирного океана: Астрономич. роман. Пг.: Всходы, 1914. 256 с. (в соавторстве с Д. Святским).

Строительство и эксплуатация космического корабля, движущегося за счет давления солнечных лучей.

КРЫЖАНОВСКАЯ (РОЧЕСТЕР) Вера Ивановна

Автор многочисленных псевдоисторических, оккультных, спиритических романов. Крайне поверхностно восприняла философские учения индуизма.

Соч.: Жизненный эликсир: Роман. СПб.: Типолитогр. В. В. Комарова, 1901. 372 с.; Маги (Посвящение): Роман. СПб.: Типолитогр. В. В. Комарова, 1902. 372 с.; Гнев божий: Роман. СПб.: Т-во «Свет», 1909. Ч. 1, 168 с.; 1910, ч. 2, 112 с.; Смерть планеты: Роман. СПб.: Типогр. Л. В. Гутмана, 1911. 288 с.; Законодатели: Роман. Пг.: Книгоизд. Т-во, 1916. 334 с.; На соседней планете: Роман. СПб.: Типолитогр. В. В. Комарова, 1903. 223 с.; В ином мире: Роман. СПб.: Типогр. Л. В. Гутмана, 1910. 318 с.

В перечисленных романах (первые пять из них составили пенталогию «Маги») внешне

Topreading.ru

соблюдена форма фант. произведении с переносом действия в будущее, с наукообразным объяснением технических устройств, с путешествиями на другие планеты и т. п. Однако и эти сочинения Крыжановской пронизаны мистическими мотивами, лицемерным морализаторством.

КУНЯЕВ А.

Соч.: В таинственном Тибете: Рассказ. — Вокруг света, 1910, № 9—11.

Русские путешественники вступают в борьбу с английским химиком, в глуши Тибета проводящим бесчеловечные эксперименты.

КУПРИН Александр Иванович (1870—1938)

Известный русский писатель использовал элементы фантастики в ряде своих произведений.

Соч.: Тост: Рассказ. — Сигналы. 1906, № 2; Пробуждение, 1907, № 28; Механическое правосудие: Рассказ. — Серый волк, 1907, № 3; Королевский парк: Фантазия. — Современный мир, 1911, № 3; Жидкое солнце: Повесть. — В сб.: Жатва. М., 1913, вып. 4, с. 265—335; Звезда Соломона (Каждое желание): Повесть. — В сб.: Земля. М., 1917, кн. 20, с. 271—370.

Фантастика научно-технического плана (использование магнитной силы Земли, консервация солнечной энергии) перемежается в творчестве Куприна с психологической сказочной фантастикой (исполнение любого желания по договоренности с нечистой силой), искренняя вера в торжество революции сменяется в годы реакции надеждой на добровольный отказ правителей от власти.

ЛЕВИДОВ Михаил Юльевич (1891—1942)

Журналист, критик, драматург. Сотрудничал в журнале М. Горького «Летопись». Основную свою книгу — о Джонатане Свифте — выпустил уже в советское время (1939).

Соч.: Рыцари тоски: Фант. рассказ о том, что было, есть и будет. — Наши дни. Пг., 1915, № 2, с. 8—11.

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875—1933)

Видный деятель Коммунистической партии. Писатель, критик. После революции в течение 12 лет был наркомом просвещения.

Соч.: Гости в одиночке: Драматич. фантазия. — В его кн.: Идеи в масках. М.: Заря, 1912, с. 220—221; Идеи в масках. 2-е изд. М.: Красная новь, 1924. 96 с. (В книгу вошли рассказы, написанные в основном в эмиграции; среди них: Крылья, с. 5—10; Мудрый Чарудатта, с. 20—26; Время, с. 54—59; Страх и надежда, с. 60—65.)

Леонардо, с помощью крылатого механизма взлетающий в небо; познание как сила, способная

победить мнимую неизбежность предопределения; размышления о природе времени; проблема подготовленности к встрече с иным разумом.

ЛЬВОВ А.

Соч.: Похождения авантюриста: Повесть. М.: И. Д. Сытин, 1906. 237 с.

Развлекательная фантастика: оживление ученым египетской мумии.

ЛЬДОВ (РОЗЕНБЛЮМ) Константин Николаевич (1862—?)

Поэт, романист, переводчик. Получил медицинское образование.

Соч.: Ретроскоп: Стихотворение в прозе. — Огонек, 1908, № 41, с. 7.

Прибор, позволяющий наблюдать за событиями прошлого.

ЛЯКИДЭ Ананий Гаврилович (1855—1895)

Педагог и писатель-популяризатор, переводчик с французского.

Соч.: В океане звезд: Астрономич. одиссея. СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1892. 272 с.; Два контраста: Рассказ. — Всемирный путешественник, 1895, № 6, 7.

Путешествие по планетам Солнечной системы; посещение Земли в прошлом обитателями Луны.

МАЗУРКЕВИЧ Владимир Александрович (1871—1942)

Поэт, прозаик, переводчик. Юрист по образованию. В 1905—1907 гг. выступал с сатирическими стихами в журналах «Шут», «Стрекоза» и др.

МАЗУРКЕВИЧ Владимир Александрович (1871—1942)

Поэт, прозаик, переводчик. Юрист по образованию. В 1905—1907 гг. выступал с сатирическими стихами в журналах «Шут», «Стрекоза» и др.

Соч.: Ложа правой пирамиды: Рассказ. — Мир приключений, 1914, № 2, стб. 5—46; Мотофозо: Рассказ. — Мир приключений, 1916, № 8, стб. 5—20.

Чтение чужих мыслей, гипноз, способность останавливать биение сердца и сообщать телу полную неподвижность.

МЕРЕЖКОВСКИЙ Константин Сергеевич (1855—1921)

Topreading.ru

Биолог, профессор Казанского ун-та, один из основоположников теории симбиогенеза.

Соч.: Рай земной, или Сон в зимнюю ночь: Сказка-утопия XXVII века. Берлин: изд. Ф. Готгейнера, 1903, 471 с.

Картины будущего, в котором путем искусственного отбора растянуто на 35—40 лет детство, — единственно счастливый, по мнению автора, период в жизни человека.

МИНЦЛОВ Сергей Рудольфович (1870—1933)

Писатель, библиограф. Много путешествовал по России. С 1916 г. жил за рубежом.

Соч.: Царь царей: Фант. повесть. СПб.: Всходы, 1906. Ч. 1, 135 с.; Ч. 2, 134 с.; — То же. 3-е изд. СПб.: Всходы, 1912. 199 с.

В пещерах близ Байкала экспедиция обнаруживает записанную на древнесанскритском языке историю могущественного государства, погибшего во времена оледенения.

МОРОЗОВ Николай Александрович (1854—1946)

Революционер-народоволец, ученый, писатель. В 1875—1878 и 1881—1905 гг. находился в заключении. За более чем 20 лет пребывания в Шлиссельбургской крепости написал 26 рукописных томов научных трудов. После революции был директором естественнонаучного ин-та им. Лесгафта.

Соч.: Эры жизни: Полуфантазия. — Современный мир, 1906, № 11; В мировом пространстве. — Современный мир, 1908, № 1; На границе неведомого: Научные полуфантазии. М.: Звено, 1910. 190 с. (Сод.: Эры жизни; Путешествие по четвертому измерению пространства; В мировом пространстве; Почему мы не рассыпаемся; Неисчислимое; Атомы-души.); В мировом пространстве. Сокр. вариант. — Техника — молодежи, 1963, № 7, 8; В кн.: Вечное солнце. М., 1979, с. 238—247.

Происхождение жизни, путешествие на Луну, загадочное четвертое измерение, тайны атома и др. малоизученные в то время научные проблемы.

МОРСКОЙ Иван

Соч.: Анархисты будущего: Фант. роман. М.: В. Чичерин, 1907, 236 с.

Мрачная антиутопия: грядущее представляется автору царством хаоса и разрухи.

НАЖИВИН Иван Федорович (1874—1940)

Сын разбогатевшего крестьянина-лесопромышленника. Первый сборник рассказов выпустил в 1900 г. Испытал влияние Л. Толстого, восприняв наиболее консервативные стороны его учения. После революции эмигрировал.

Соч.: В долине скорби: Драма. М., 1907; В его кн.: Белые голуби принцессы Риты. М.: Кн-во «Зеленая палочка», 1913, с. 5—81.

Автор полагает, что даже самые дешевые машины (работающие на солнечной энергии) бессильны облегчить жизнь крестьянства.

НОВИКОВ Николай

Соч.: Эфирный вихрь: Фант. рассказ. — Огонек, 1911, № 48, с. 2—4, 6—13, 15—16.

Эксперименты по «растяжению» пространства.

ОЛИГЕР Николай Фридрихович (1882—1919)

Был исключен из гимназии за «противоправительственные тенденции сочинений по русской словесности». Скитался по России. Вступил в социал-демократическую партию, занимался подпольной работой. 1904—1905 гг. провел в тюрьме.

Соч.: Праздник весны: Роман. — Собр. соч. СПб.: Освобождение, 1910, т. 4. 221 с.

Попытка изобразить бесклассовое общество и возможные в нем конфликтные ситуации.

ОЛЬШАНСКИЙ (ЕВНЕВИЧ) Григорий Николаевич

Беллетрист, журналист.

Соч.: Независимая сатира: Новые сказки для малых детей. Фант. рассказы. СПб., 1907. 228 с. (Сод.: На Земле: Из записок марсианца; В астральном мире; Огарки; Инфлуэнца; День золотого века; Неудавшийся демонист; Богоспасаемый город.)

Сатирические рассказы, с помощью фант. приемов (посещение Земли марсианином и т. п.) разоблачающие коррупцию, продажность государственного аппарата и др. язвы буржуазного общества.

ОРДЫНСКИЙ (ПЛОХОВ) Павел Львович (1882—?)

Соч.: Кровавый трон: Роман. М.: Воля, Б. г. 166 с.

Воздушный корабль «Всевидящий», с помощью особых лучей уничтожающий на расстоянии летательные аппараты врага.

ОРДЫНЦЕВ (КОСТРИЦКИЙ) Михаил Дмитриевич (1887—?)

Журналист, автор многочисленных романов и повестей (в основном на исторические темы).

Topreading.ru

Соч.: Икар Ватиканского холма: Рассказ. — Природа и люди, 1910, № 24, с. 376—378; На птичьих крыльях: Рассказ. — Природа и люди, 1912, № 16, с. 247—250; Волшебные сказки наших дней: Повести и рассказы из жизни южноамериканского материка. Пг.: Новое время, 1915. 313 с. (Из сод.: «Сан-Блас»: Повесть, с. 5—119; «Per aspera ad astra»: Девять свитков древнеегипетского манускрипта, с. 253—312.)

Создание махолетов в прошлые эпохи; биплан с вертикальным взлетом в джунглях Южной Америки; древний египтянин в роли бога в государстве ацтеков.

ОРЛОВЕЦ (ДУДОРЕВ) Петр Петрович (1872— после 1929)

Писатель и журналист, сотрудник многих периодических изданий.

Соч.: Клады Великой Сибири: Роман. М.: В. Чичерин, 1909. 304 с.

Приключения изобретателя и экипажа совершенной летательной машины на Дальнем Востоке.

ОРЛОВСКИЙ Николай Александрович

Журналист, переводчик.

Соч.: Современный Мюльгаузен: Похождения самокатчика в Стране Колеса. СПб.: Типогр. ж. «Самокат», 1903. 74 с. (без указания автора). — То же. 2-е изд. СПб.: Изд. ж. «Автомобильное дело», 1906. 74 с.

Юмористическое описание всеобщей «велосипедизации» вымышленной островной страны.

ОССЕНДОВСКИЙ Антон Мартынович (1878—1945)

Двуязычный русско-польский писатель. Родился под Витебском. Работал инженером в Сибири и на Дальнем Востоке. За участие в революции 1905 г. был осужден и находился в заключении по 1907 г. С 1922 г. жил в Польше.

Соч.: Бриг «Ужас»: Рассказ. — Ежемес. лит. прил. к ж. «Нива», СПб., 1913, XI, XII; Грядущая борьба: Завтрашняя повесть. — Ежемес. лит. прил. к ж. «Нива», 1914, X, стб. 263—294; Женщины, восставшие и побежденные: Фант. повесть. М.: Наши дни, 1915. 153 с.

Двойственность науки, способной обратить свои достижения во зло человеку; непрочность, обреченность технократического общества, основанного на насилии; сложности контакта с инопланетными пришельцами.

ПАХОМОВ Дмитрий Александрович (1872—?)

Искусствовед, сотрудник журналов «Исторический вестник», «Искусство и художественная промышленность» и др.

Соч.: Первый художник: Повесть из времен каменного века. СПб.: Всходы, 1907. 196 с. — То же. СПб.: А. Ф. Девриен. Б. г. 216 с.

Соч.: Первый художник: Повесть из времен каменного века. СПб.: Всходы, 1907. 196 с. — То же. СПб.: А. Ф. Девриен. Б. г. 216 с.

Попытка научно обоснованной реконструкции жизни и образа мыслей первобытного человека.

ПЕДАЕВ Д. К.

Астроном, преподаватель Харьковского ун-та.

Соч.: Рукопись с Марса: Рассказ. — Новый журнал иностр. лит., искусства и науки, 1901, с. 129—134.

Невозможность жизни на Земле с точки зрения марсианских ученых.

ПЕРВУХИН Михаил Константинович (1870—1928)

Журналист и писатель. Из-за болезни с 1906 г. жил за рубежом, откуда посылал корреспонденции в русские газеты и журналы.

Соч.: Роковое пророчество: Рассказ. — Природа и люди, 1909, № 28, с. 440—442; В стране полуночи: Повесть. — Природа и люди, 1909, № 1—8 (под псевд. М. Волохов); Машина Босса: Рассказ. — Мир приключений, 1911, № 6, с. 476—489 (под псевд. К. Алазанцев); Зеленая смерть: Рассказ. — На суше и на море, 1911, № 5, с. 1—26 (под псевд. М. Де-Мар); Вторая жизнь Наполеона: Повесть. — Журнал приключений. М.: И. Д. Сытин, 1917. Кн. 6, 64 с.; Кн. 7, 63 с.

Путешествие на автомобиле к Северному полюсу; лучи, на расстоянии вызывающие пожары; загадочные обитатели морских глубин; гипотетические варианты исторических событий и др.

ПЕРЕЛЬМАН Яков Исидорович (1882—1942)

Известный популяризатор науки.

Соч.: Завтрак в невесомой кухне: Научно-фант. рассказ. — Природа и люди, 1914, № 24, с. 381—382; Искатель, 1962, № 3, с. 152—156.

«Дополнение» к роману Ж. Верна «Из пушки на Луну».

ПЕТРОВ-ВОДКИН Кузьма Сергеевич (1878—1939)

Известный художник, активно работал и как литератор. Писал рассказы, повести, пьесы.

Соч.: Аойя: Приключения Андрюши и Кати в воздухе, под землей и на земле. Повесть. СПб., 1914. 112 с. С ил. автора.

Карликовая раса, чье существование в пещерах неведомого острова поддерживается за счет внутреннего тепла Земли.

ПОТАПЕНКО Игнатий Николаевич (1856—1929)

Писатель, автор многочисленных очерков, рассказов, повестей, романов, пьес.

Соч.: Во тьме веков: История, случившаяся в 2192 году. — Синий журнал, 1912, № 1—4; Тайна профессора Редько: Рассказ. — Мир приключений, 1915, № 4, стб. 5—22.

Анабиоз как способ попасть в будущее.

РЕЙСНЕР Лариса Михайловна (1895—1926)

Писательница. В годы гражданской войны — политработник в Красной Армии.

Соч.: Атлантида: Пьеса в 5 действ. и 8 карт. — Альм. изд-ва «Шиповник». СПб., 1913, кн. 21. с. 141—219.

Реконструкция общественной жизни легендарной страны в момент ее гибели.

РЕННИКОВ (СЕЛИТРЕННИКОВ) Андрей Митрофанович

Писатель и журналист, сотрудник ряда одесских и петербургских изданий.

Соч.: Разденься, человек: Роман. Пг.: Новое время, 1917. 316 с.

Прибытие на Землю посланца биологической цивилизации Венеры позволяет автору резче выявить античеловечный характер буржуазного общества; однако конечный вывод (назад, к природе!) выглядит явно запоздалым в преддверии Октября.

РОДНЫХ Александр Алексеевич

Инженер. В советское время — журналист-популяризатор, пропагандист идей К. Э. Циолковского.

Соч.: Самокатная подземная железная дорога между С.-Петербургом и Москвою: Фант. роман пока в трех главах, да и тех неоконченных. СПб.: В. Н. Тихонов, 1902. 20 с.; В сб.: НФ. М.: Знание, 1972, вып. 11, с. 227—234.

Теоретически осуществимый проект 600-километрового туннеля, в котором поезда двигались бы «сами собой» — под воздействием земного тяготения.

РУБАКИН Николай Александрович (1862—1946)

Topreading.ru

Книговед, библиограф, писатель.

Соч.: Бомба профессора Штурмвельта: Рассказ. — В его кн.: Искорки. СПб.: Типогр. Р. В. Коротаевой, 1912, с. 79—91.

Саркастически обрисован изобретатель биологической бомбы, утверждающий ее «экономичность и гуманность».

Р—ЦКИЙ Петр

Укрывшийся под псевдонимом морской офицер.

Соч.: Война «кольца» с «союзом»: Повесть грядущих событий. СПб.: А. Мацеевский и К°, 1913. 124 с.

В полном соответствии с официозными прогнозами война между Антантой и Тройственным союзом заканчивается поражением Германии и ее союзников.

РЮМИН Владимир Владимирович (1848— после 1912)

Инженер и журналист. Сотрудник журналов «Развлечение», «Природа и люди» и др.

Соч.: Судьба русского богатыря: Рассказ. — Природа и люди, 1912, № 39, с. 604—605.

Вечный двигатель, в основе которого — материал, «непрозрачный» для магнетизма.

РЯПАСОВ Иван Григорьевич (1885—1919)

Уральский писатель и журналист, сотрудничал в газете «Урал» и ряде петербургских журналов.

Соч.: Гроза мира: Фантазия для юношества. СПб.: М. М. Стасюлевич, 1914. 336 с. (под псевд. И. Де-Рок).

Русские путешественники попадают в Гималаях в неведомый город, где английский физик Блом кует тайное оружие: воздушные корабли, движимые силой радия, «радиотитовые» бомбы и др.

САФОНОВ Сергей Александрович (1867—1904)

Журналист и писатель, автор фельетонов, статей, стихов, рассказов.

Соч.: Конец Эласмоса: Повесть. — Сб. «Московской иллюстрир. газеты». М., 1892, вып. 2, с. 23—59; Заговорил...: Новелла конца XX века. — Звезда, СПб., 1902, № 12, с. 2—4.

Гибель высокоразвитой цивилизации на далекой планете; путешествие в будущее с помощью

Topreading.ru

длительного сна.

СЕМЕНОВ Владимир Иванович (1867—1910)

Морской офицер, участник Цусимского сражения. Вернувшись из японского плена, занялся литературной работой.

Соч.: Царица мира: Роман-фантазия. СПб. — М.: Т-во М. О. Вольф, 1908. 155 с.; Цари воздуха: Роман-фантазия. СПб. — М.: Т-во М. О. Вольф, 1909. 155 с.; Эпоха дирижаблей и подводных лодок: Рассказ. — В его кн.: Страшное слово. СПб. — М.: Т-во М. О. Вольф, 1910, с. 70—93.

Явная переоценка возможностей авиации, представляющейся автору абсолютным оружием.

СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович (1837—1904)

Поэт и прозаик.

Соч.: Капитан Немо з России: Глава из Жюля Верна, никем и нигде не напечатанная. — Собр. соч. СПб.: А. Ф. Маркс, 1898, т. 6, с. 39—65; Поверженный Пушкин: Драматич. сцена далекого будущего. — В кн.: Пушкинский сборник. СПб.: А. С. Суворин, 1899, с. 241—264.

Использование энергии ураганов и северного сияния, автомобиль-амфибия, телевидение и т. д.; и в самом далеком будущем Пушкин остается национальной гордостью России.

СОКОЛОВ Н. Н.

Соч.: Остров Опасный: Рассказ. — Природа и люди, 1891, № 24—28; Ариасвати: Роман. — Природа и люди, 1894, № 22—52; СПб.: П. П. Сойкин, 1909. 484 с.

Сверхсовершенный летательный аппарат; остров в Индийском океане, где сохранился храм ариев с тайнами их науки.

СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич (1853—1900)

Философ-идеалист, поэт, публицист, критик. В 1881 г. после речи против смертной казни (в связи с убийством Александра II народовольцами) был вынужден оставить преподавательскую работу в Петербурге. С этого времени целиком отдался литературно-философскому творчеству.

Соч.: Краткая повесть об Антихристе. — В его кн.: Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. 3-е изд. СПб.: Труд, 1901, с. 151—194.

Социальные катаклизмы будущего: крушение и последующее возрождение европейской цивилизации, новые религиозные войны.

Topreading.ru

СОЛОГУБ (ТЕТЕРНИКОВ) Федор Кузьмич (1863—1927)

Поэт и прозаик. В 1905—1907 гг. сотрудничал в антиправительственных изданиях. Приветствовал свержение самодержавия, однако Октябрьскую революцию не понял.

Соч.: Навьи чары: Роман. Ч. 1—3. — Альм. изд-ва «Шиповник». СПб., 1907—1910. Кн. 3, 7, 10. Ч. 4. — Сб. «Земля». М., 1912—1913. Кн. 10, 11; Под назв. «Творимая легенда». — Собр. соч. СПб.: Сирин, 1914. Т. 18—20.

Проявив себя незаурядным фантастом (необычные летательные аппараты, оживление умерших, заключение сознания в кристаллы и др.), автор оказался противоречив и несостоятелен в своих социальных прогнозах.

СОЛОМИН (СТЕЧЬКИН) Сергей Яковлевич (1864—1913)

Писатель. Участвовал в революции 1905 г., издавал журналы «Рабочий колокол» и «Пережитое»: Был сослан на Урал.

Соч.: Предки: Рассказ. — Аргус, 1913; Всемирный следопыт, 1929, № 1, с. 48—57 (под фамилией «Л. Черняк»); Разрушенные терема: Рассказы. СПб., 1913, Т. 1—2 (прил. к ж. «Женщина»); Чертов кузнец: Рассказ. — Летучие альманахи. СПб., 1914, вып. 14, с. 35—49; Необычайные приключения Оскара Дайбна и Кондратия Невеселого: Фант. повесть. СПб.: Т-во «Свет», 1914. 46 с.; Под стеклянным колпаком: Основание и гибель Полярной империи. Фант. повесть. Пг.: Т-во «Свет», 1914. 66 с.

Овладение тайнами гравитации, сверхсовершенный летательный аппарат, лучи смерти, универсальная машина для передвижения по суше, воде, воздуху и под водой, город-государство в Антарктиде.

СОРОКИН Антон Семенович (1884—1928)

Писатель-сибиряк. Родился в семье богатого купца-старовера Отказавшись заниматься торговлей, порвал с родней. Приобрел славу мистификатора и скандалиста, что было во многом «защитной маской» писателя-демократа.

Соч.: Хохот желтого дьявола: Повесть. — Омский вестник, 1914, 11 мая — 29 июля; Лит. наследство Сибири. Новосибирск, 1974, т. 3, с. 246—275.

Ужасы надвигающейся мировой бойни.

ТАН (БОГОРАЗ) Владимир Германович (1865—1936)

Этнограф, писатель, фольклорист, языковед. За участи в революционном движении был сослан на Колыму.

Соч.: Ночной поход: Фантазия. — Современный мир, 1907, № 2; Перед взрывом: Отрывок из романа «Завоевание вселенной». — В кн.: Италии. СПб.: Шиповник, 1909, с. 91—99; Жертвы дракона: Роман из первобытной жизни человечества. — Современный мир, 1909, № 9, 10; Собр.

соч. СПб.: Т-во «Просвещение», 1910, т. 3.; Л.: П. П. Сойкин, 1927. 160 с.; Крылоносный Икар: Повесть. — Альм. изд-ва «Шиповник». СПб., 1914, кн. 23, с. 7—143.

Бунт революционной молодежи, не удовлетворенной обывательской сытостью; первобытные люди, живущие бок о бок с уцелевшим ящером; наукообразная реконструкция древнего мифа об Икаре.

ФЕДОРОВ Николай

Соч.: Вечер в 2217 году: Рассказ. СПб.: Типолитогр. «Герольд», 1906. 32 с.

Самодвижущиеся дороги, развитый воздушный транспорт, ароматические концерты и др.

ФРАНЧИЧ Валентин А.

Журналист. Сотрудничал в 1913—1916 гг. в ряде петербургских изданий.

Соч.: Машина мудрости: Рассказ будущего. — Двадцатый век, 1916, № 18, с. 9.

ФРЕЙ В. А.

Соч.: Торфяной век: Взгляд в состоянии гипноза на будущее. Рассказ. — Природа и люди, 1894, № 12—15.

В двадцатом веке все, от одежды до зданий, делается из «органита» — вещества, с помощью электричества получаемого из торфа.

ХОЛОДНЫЙ Н. Н.

Соч.: Борьба миров: Астрономич., физич. и фант. роман. СПб.: Типолитогр. Н. Евстифеева, 1900. 204 с.

Столкновение Земли с кометой.

ЦИОЛКОВСКИЙ Константин Эдуардович (1857—1935)

Ученый, мыслитель, основоположник современной космонавтики.

Соч.: На Луне: Фант. повесть. М.: И. Д. Сытин, 1893. 48 с.; Грезы о Земле и небе и эффекты всемирного тяготения. М.: А. Гончаров, 1895. 144 с.; Вне Земли: Научно-фант. повесть. — Природа и люди, 1918, № 2—14; Калуга, 1920. 118 с. (Повесть написана в 1896 г.)

Возможные условия жизни на Луне и др. небесных телах; искусственный спутник Земли; составные многоступенчатые ракеты; автоматическое управление полетом; регенерация

Topreading.ru

атмосферы в кабине корабля; вопросы питания космонавтов и многое другое.

ЧЕРСКИЙ Леонид Федорович

Журналист. Сотрудничал в журнале «Стрекоза» и др. петербургских изданиях 1890-х гг.

Соч.: На дне моря: Фантазия. — Вокруг света, 1896, № 21, с. 331—332.

Погружение в морские глубины с целью поисков затонувшего корабля.

ЧИКОЛЕВ Владимир Николаевич (1845—1898)

Ученый, крупный специалист в области электротехники.

Соч.: Чудеса электричества: Рассказ. СПб., 1884; Не быль, но и не выдумка: Электрич. рассказ. — Электричество, 1895; СПб.: Типолитогр. и фототипия П. И. Бабкина, 1895. 227 с.

Многообразные возможности применения электричества в технике и быту: «электроходы», освещение и отопление, механический гардероб, автоматическая выдача книг в библиотеке и т. д.

ЧИСЛОВ А.

Соч.: Погибшее открытие: Фант. рассказ. — Мир приключений, 1914, № 4, стб. 65—90; «Био»: Случай из недалекого будущего. — Природа и люди, 1914, № 1, 2; Планиметрия: Совершенно невероятное происшествие. — На суше и на море, 1914, № 9, с. 43—53; История одного интервью: Рассказ. — Мир приключений, 1914, № 5, стб. 173—180; Ковер-самолет: Рассказ. — Журнал приключений, 1916, № 6, с. 44—63; Опыт профессора Парсова: Рассказ. — Журнал приключений, 1917, № 2, с. 32—52.

Химический раствор, способствующий анабиозу; путешествия из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее; жизнь в двухмерном мире; антигравитатор; пересадка человеческого сознания в мозг собаки.

ШАДРИН Илларий Григорьевич (1872—1934)

Журналист из Вятки, корреспондент В. Г. Короленко и А. М. Горького.

Соч.: Сон в летнюю ночь: Рассказ. 2-е изд. М.: Всерос. центр. союз потреб. об-в, 1917. 32 с.

Будущее русской деревни: всеобщая грамотность, общественные мельницы, водопровод, лесозащитные посадки, сельхозмашины.

Будущее русской деревни: всеобщая грамотность, общественные мельницы, водопровод, лесозащитные посадки, сельхозмашины.

Topreading.ru

ШАРАПОВ Сергей Федорович (1855—1911)

Журналист, «неославянофил» по убеждениям.

Соч.: Через полвека: Фант. политико-социальный роман. — Соч. М.: Типолитогр. А. В. Васильева и К°, 1902, т. 8, с. 1—80; Диктатор: Политич. фантазия. М.: А. С. Суворин, 1907. 31 с. (под псевд. Л. Семенов); Иванов 16-й и Соколов 18-й. М., 1907. 32 с.; У очага хищений. М., 1907. 32 с.; Кабинет диктатора. СПб., 1909. 78 с. (все три — под тем же псевдонимом).

В соответствии с глубоко консервативными взглядами автора в России будущего ему видятся патриархальные общины и домостроевская мораль, автомобили и велосипеды заменены «лошадками» и т. п.

ШЕЛОНСКИЙ Николай Николаевич

Журналист, сотрудник «Русского листка» (1890-е гг.) и др. изданий.

Соч.: В мире будущего: Фант. роман. М., 1885; М.: И. Д. Сытин и К°, 1892. 316 с; отрывок под назв. «188... год. Русские открывают Северный полюс». — НТО, 1966, № 11, с. 62—64; Братья Святого Креста: Роман. М.: Типогр. И. Я. Полякова, 1898. 229 с.

Россия XXX века: победа над гравитацией, телевидение, нетканые ткани, фотопечать, анабиоз («временная смерть») мирно уживаются с натуральным хозяйством патриархальных общин. Герой второго романа, еще в Древнем Египте приняв эликсир долголетия, участвует во многих исторических событиях — Крестовых походах и др.

ЭЛЬСНЕР Анатолий Оттович

Писатель и журналист.

Соч.: Грозный идол, или Строители ада на земле: Социальный роман. СПб.: Т-во Андерсона и Лойцянского, 1907. 212 с.

Счастливая жизнь самоизолировавшейся общины рушится при первом же соприкосновении с миром корыстных отношений.

ЮРЬЕВИЧ С.

Соч.: Университет Неизвестного города: Утопия. — Вестник знания, 1908, № 10—11, с. 1288—1312.

Отдаленное будущее: все люди равны, работают 3—4 часа в день, остальное время проводят в университетах, выбирая для себя занятия по собственному вкусу.

Topreading.ru